ЭНЕРГИЯ АРКТИКИ и СИБИРИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

ЭНЕРГИЯ АРКТИКИ и СИБИРИ:

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Москва
Издательство восточной литературы
2020

УДК 39
ББК 63.529(211)
Э65

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда по проекту № 18-18-00309. Исследование, включая полевую работу, выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 18-18-00309 («Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений»).

Ответственный редактор
к.социол.н., PhD *В.Н. Давыдов*

Рецензенты
д. культурологии *Т.Д. Булгакова*
д.и.н. *Е.В. Перевалова*

На переплете: фото А.А. Сириной «Байкальский лед», 2017 г.
Ненецкий поселок. 1930-е. Рисунок Василия Салиндера (АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 40).

Энергия Арктики и Сибири : использование ресурсов в контексте социально-экономических изменений / отв. ред. В.Н. Давыдов ; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. — М. : Изд-во вост. лит., 2020. — 311 с. — ISBN 978-5-6044950-6-3

Книга является результатом этнографического и антропологического исследования энергетических процессов в Арктике и Сибири на микроуровне с фокусом на использование разнообразных ресурсов представителями локальных сообществ в контексте социально-экономических изменений. Арктика и Сибирь рассматриваются не как территория экспериментов, осуществляемых внешними силами, а как пространство креативного синтеза, имеющего большой потенциал для поддержания и трансформации энергетических процессов. Авторы монографии на основе своих полевых материалов, а также архивных данных анализируют различные аспекты получения, транспортировки, аккумуляции, сохранения, распределения и использования ресурсов местными жителями. Работа адресована этнографам, социальным антропологам, социологам, культурологам, географам, историкам, археологам, североведам, а также широкому кругу читателей.

This book is a result of an ethnographic and anthropological study of energy processes in the Arctic and Siberia on the micro-level with a focus on the use of various resources by representatives of local communities in the context of socio-economic changes. It approaches the Arctic and Siberia not as a territory of experiments carried out by external forces, but as a space for a creative synthesis, which has a great potential for maintaining and transforming energy processes. The authors of the monograph, using their own fieldwork, as well as archival data, analyze various aspects of receiving, transporting, accumulating, preserving, distributing and utilizing resources by local people. The target auditory of this work are ethnographers, social anthropologists, sociologists, specialists in cultural and northern studies, geographers, historians, archaeologists, as well as a wide range of readers.

© МАЭ РАН, 2020
© Редакционно-издательское оформление.
ООО «Издательство восточной литературы», 2020

ISBN 978-5-6044950-6-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (*В.Н. Давыдов*) 7

Глава 1.
Этнокультурные отличия использования энергии коренными народами и европейскими переселенцами в северных регионах России в XVIII–XXI вв. (*С.В. Березницкий*) 11

1.1. Основные исторические этапы этнокультурного взаимодействия коренных и переселенческих народов в северных регионах 11
1.2. Этнокультурные особенности механизма извлечения энергии из окружающей среды представителями коренных народов Севера в соответствии с методологией И. Коэна 22
1.3. Этнокультурные отличия процесса расходования энергии в северных регионах коренными и переселенческими народами в контексте энергетической концепции культуры Л. Уайта 27
1.4. Исследование механизма использования энергии в Арктике коренными и переселенческими народами на основе анализа концепции К. Леви-Стросса о «холодных» и «горячих» обществах 31
1.5. Энергетическая концепция Маршалла Салинза об этническом комфорте и ее апробация на материалах промысловых технологий коренных народов Сибири 37

Глава 2.
Разнонаправленность трендов в традиционном оленеводстве народов Сибири и Арктики (*К.Б. Клоков*) 49

2.1. Материалы и методы 49
2.2. Анализ трендов поголовья оленей на региональном уровне 52
2.2.1. *Советский период* 52
2.2.2. *Период рыночных реформ* 55
2.2.3. *Постсоветский период* 57
2.3. Анализ трендов поголовья оленей по этнохозяйственным ареалам 57
2.3.1. *Область преобладания ненецкого и коми-ижемского оленеводства* 59
2.3.2. *Область преобладания чукотско-корякского оленеводства* 62
2.3.3. *Область преобладания оленеводства тунгусского типа* 66

2.3.4. *Мелкостадное таежное оленеводство* 68
2.3.4.1. *Восточносибирская область* 69
2.3.4.2. *Таежное оленеводство Западной Сибири* 74
2.4. Обсуждение: причины различий в региональных трендах поголовья оленей 75
2.5. Институциональные формы оленеводческих хозяйств в современной России 80

Глава 3.
Паттерны использования ресурсов кочевниками Ямала: этнография микрорегионов (*А.Н. Терёхина, А.И. Волковицкий*) 87

3.1. Микрорегиональный подход 89
3.1.1. *Идентичность* 89
3.1.2. *«У вас пармеркой топят?», или Региональные ресурсные маркеры* ... 91
3.1.3. *«Морды-яха»* 93
3.1.4. *«Ёркута»* 95
3.1.5. *«Сабетта»* 97
3.2. Зимние пастбища: стратегии и тактики выпаса 99
3.3. Доступ к инфраструктуре: тундровые магистрали и точки притяжения 107

Глава 4.
Приручение энергий в ненецких тундрах: окружающая среда и технологии на Российском Севере (*Д.В. Арзютов*) 114

4.1. Дары моря 116
4.1.1. *Невидимый лес* 116
4.1.2. *Кочевая жизнь плавника* 118
4.1.3. *Вкус, цвет и запах* 124
4.2. Прикосновение механического света 126
4.2.1. *В тени плана ГОЭЛРО* 128
4.2.2. *Анимизм–электричество–материализм* 130
4.2.3. *…и пришли «пидичи»* 132
4.2.4. *Электричество своими руками* 137

Глава 5.
Энергия огня: лесные пожары в Сибири и управление огнем у эвенков (*А.А. Сирина*) 143

5.1. Государство, лесодобыча и лесные пожары 144
5.1.1. *Конфликт интересов охотников, лесорубов и администрации: пример Красноярского края* 147
5.1.2. *Управление лесами и пожары* 150

5.2. Эвенкийский анимизм и управление огнем 152
5.2.1. *Духи-хозяева как регуляторы отношений с тайгой* 152
5.2.2. *Образ огня в культуре эвенков* 154
5.2.3. *Способы управления огнем у эвенков* 155
5.2.3.1. *Магические способы управления огнем* 155
5.2.3.2. *Культурные пожоги* 156
5.2.4. *Профилактика пожаров и использование горелых мест* 157

Глава 6.
Роль ресурсов в производстве социального ландшафта на севере Республики Саха (Якутия) (*Н.С. Гончаров*) 163

6.1. Формирование социального пространства северной Якутии и ресурсное многообразие в XVII–XX вв. Взгляд издалека 166
6.2. Люди и ресурсы. Взгляд вблизи 175
6.2.1. *Аллаиховский улус* 176
6.2.2. *Жиганск* 178
6.2.3. *Как отношения образуют «сцепки»* 178
6.2.4. *«Включение» / «выключение» ресурсов и границы их потенциала* 184
6.2.5. *Как «сцепки» отношений обретают пространство и время* 190
6.2.6. *Мобильность и отношения с пространством* 197

Глава 7.
Инфраструктура автономизации: подсобное хозяйство и изменение системы питания на Чукотке (*В.Н. Давыдов, Е.А. Давыдова*) 209

7.1. Люди и вещи: инфраструктуры хранения 210
7.1.1. *Рассредоточение вещей в пространстве* 210
7.1.2. *Минимализм как стратегия сохранения энергии* 213
7.1.3. *Использование инфраструктуры* 215
7.1.4. *Новые мобильные модули освоения пространства* 217
7.1.5. *Изменение режимов автономности* 221
7.2. Пищевая автономность 224
7.2.1. *Традиционная диета оленеводов Чукотки* 224
7.2.2. *Смена пищевых паттернов на Чукотке во второй половине XX в.: чувство сытости и вкусовые ощущения* 227
7.2.3. *Трансформации режимов пищевой автономности* 234

Глава 8.
Процессы постиндустриальной трансформации в российско-скандинавском арктическом пограничье (*А.В. Влахов*) 243

8.1. Постиндустриальный переход в Арктике 243
8.2. Границы на севере Европы: Баренц-регион 247

8.3. Постиндустриальный переход на Шпицбергене 250
8.4. Постиндустриальный переход в Печенгском районе 259
8.5. Границы в постиндустриальной Арктике 266

Послесловие (*В.Н. Давыдов*) 269

Список источников и литературы 271
Полевые материалы 271
Архивные источники 272
Опубликованные документы 276
Литература 276
Фильмы 303
Список сокращений 303

Summary 306

Информация об авторах 310

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга — результат исследований научного коллектива, проведенных в рамках проекта «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» при поддержке Российского научного фонда в 2018–2020 гг. (грант № 18-18-00309). Все участники проекта — опытные полевые исследователи, которые попытались представить в данной работе обобщение своих наблюдений взаимодействия различных локальных групп Арктики и Сибири с ресурсами. С одной стороны, ресурсы и процесс получения доступа к ним требуют определенных усилий со стороны местных жителей. С другой стороны, ресурсы затрачиваются ими, чтобы создать запас энергии. Процесс поиска, пополнения и расходования ресурсов — это непрекращающийся круговорот, являющийся неотъемлемой составляющей выживания человека в суровых природно-климатических условиях северных регионов. При этом энергия не существует для местных жителей Арктики и Сибири как нечто абстрактное. Она позволяет им перемещаться, согревает, насыщает, дает свет, а также вселяет в них необходимый оптимизм, придающий креативные силы и уверенность. Основной фокус данной работы — рассмотрение различных локальных ресурсов в контексте изменения технологий их использования.

Участниками исследовательского проекта была предпринята попытка изучить энергетические процессы как часть повседневного взаимодействия большого числа акторов. Энергетический потенциал локального сообщества связан с практиками обмена, навыками поиска, добычи, аккумуляции, сохранения и транспортировки ресурсов. Важную роль в процессе освоения ресурсов Арктики и Сибири играют отношения человека и ландшафта, частью которых выступают постоянные перемещения жителей и материальных объектов. В книге проанализированы локальные стратегии адаптации, энергосбережения и полифункционального использования вещей (Головнёв и др. 2018): один и тот же материальный объект может применяться для целого набора операций, что позволяет экономить энергию при перемещениях и повседневных трудовых операциях. Данная стратегия также дает возможность более рационально использовать жилое пространство и пространство для хранения вещей, обходясь меньшим количеством предметов.

Изучение способов распределения и получения энергии в Арктике и Сибири может помочь проанализировать современные социально-экономические процессы на качественно новом уровне. Обобщенные в монографии данные, собранные авторами в различных регионах, позволили им рассмотреть проблему изменения материальности и адаптации инноваций не как завершенный результат, а как энергетический процесс. Энергия понимается в данной работе как возможность активных действий, появляющаяся в контексте множественных взаимодействий, а также креативного синтеза, что предполагает использование целого набора ее источников с учетом пространственной организации и системы перемещений материальных объектов. Арктика и Сибирь рассматриваются не как территория экспериментов, осуществляемых внешними силами, а как пространство креативного синтеза, имеющего большой потенциал для поддержания и трансформации энергетических процессов с помощью инициатив представителей местных сообществ.

Монография состоит из восьми глав, каждая из которых фокусируется на практиках использования локальных ресурсов, а также процессах получения, аккумуляции, распределения и затрат энергии. Авторы на примере собственных полевых материалов, а также архивных данных попытались обобщить ключевые аспекты добычи, производства, накопления и потребления ресурсов представителями коренных народов.

Глава 1 (*С.В. Березницкий*) посвящена рассмотрению основных этнокультурных характеристик коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в сфере этнической истории, этнических контактов, специфики механизмов извлечения энергии из окружающего ландшафта, флоры и фауны и дальнейшего ее использования в их хозяйственной деятельности. Конкретные этнографические сюжеты анализируются автором на основе интерпретации теоретических разработок отечественных и зарубежных ученых (С.А. Арутюнова, И. Коэна, К. Леви-Стросса, М. Салинза и других). В главе приводятся примеры из полевых исследований, проведенных автором на Дальнем Востоке России (Сахалин, Чукотка, Хабаровский край).

В **Главе 2** (*К.Б. Клоков*) рассматривается одна из ключевых отраслей хозяйства коренных народов Севера — оленеводство. Данная отрасль являлась для многих групп Арктики и Сибири важнейшим ресурсом, необходимым для поддержания их существования. Автор анализирует разнонаправленные тренды, характеризующие российское оленеводство. Изучение данной проблемы важно не только для понимания закономерностей трансформации систем природопользования, но и с практической точки зрения, так как оленеводство является объектом государственной поддержки, требующим крупных инвестиций. Анализ и сопоставление особенностей динамики региональных моделей оленеводства позволяют выявить общие закономерности практики использования природных ресурсов коренными жителями. Глава опирается на итоги этнологических исследований в различных оленеводческих регионах России, которые автор проводил в течение последних 10 лет.

Глава 3 (*А.Н. Терёхина, А.И. Волковицкий*) построена на материалах полевой работы среди ненцев-оленеводов в Ямало-Ненецком автономном округе в 2015–2020 гг. Авторы опираются на микрорегиональный подход, позволяющий лучше понять современные тенденции использования ресурсов локальными тундровыми коллективами. В главе проанализирована ситуация в трех выделенных авторами микрорегионах — «Морды-яха», «Ёркута» и «Сабетта». В тексте рассматривается, каким образом в них формируется доступ к ресурсам и какое влияние их использование оказывает на стратегические и тактические решения кочевых хозяйств.

Глава 4 (*Д.В. Арзютов*) рассматривает энергию как «социальную материю», обладающую синхронным и диахронным измерениями. Опираясь на собственные полевые исследования на п-ове Ямал и на о. Колгуев, а также на обширные архивные материалы, автор анализирует использование трех ключевых ресурсов — плавника, бензина и электричества. Их рассмотрение открывает перед исследователем картину «приручения энергий» в тундре — пространстве, где человек на протяжении очень долгого периода времени стремился найти баланс между суровыми условиями окружающей среды и собственными экономическими стратегиями.

Глава 5 (*А.А. Сирина*) основана на обширных полевых данных, собранных во время многочисленных экспедиций в Восточной Сибири, на архивных и литературных материалах, а также на анализе информации из медиаисточников. В главе рассматривается одно из важнейших явлений, влияющих на хозяйственную деятельность проживающих в тайге эвенков, а также на используемые ими ресурсы, — лесные пожары. Большинство эвенков практикуют устойчивое использование природных ресурсов, основанное на традиционных экологических знаниях. В главе подробно описаны знания жителей тайги в отношении использования огня. Однако автор доказывает, что будет неверным рассматривать эвенков как идеальных субъектов управления природной средой, на чью жизнь и мировоззрение не особенно повлияли глобальные процессы. В современных условиях государство играет важнейшую роль в структуре отношений человека и окружающей среды, а поддержание диалога и сотрудничества с ним является не просто отражением особой формы отношений эвенков с миром, но и важнейшей стратегией сохранения локальных моделей использования природных ресурсов. У эвенков выстроена система отношений не только с лесом, животными, растениями и духами-хозяевами, но и с государством в лице местных и федеральных властей, а также с представителями экономических структур.

В **Главе 6** (*Н.С. Гончаров*) на примере полевых исследований 2018 и 2019 гг. в Жиганском и Аллаиховском улусах Республики Саха (Якутия) показано, каким образом многочисленные связи и отношения влияют на формирование социального ландшафта. Именно «плотность» различных соотношений между субъектом, объектом и другими акторами служит тем энергетическим фоном, который ведет к формированию устойчивых моделей освоения ресурсов местным населением. Автор анализирует, каким образом объекты повседневного взаимодействия

наполняют и структурируют сферу жизнедеятельности местного населения, участвуют в создании социальных групп, ролей и способов взаимодействия людей между собой и с окружающим пространством. В главе делается вывод, что потенциал ресурсов раскрывается с течением времени, опосредуется сменой политических, экономических, климатических обстоятельств и творческим осмыслением возможных способов использования энергии.

В **Главе 7** (*В.Н. Давыдов, Е.А. Давыдова*) на материалах, собранных в Иультинском районе Чукотки в 2017–2019 гг., рассматривается проблема автономности локальных сообществ и способы ее поддержания за счет интенсивного использования имеющихся ресурсов. В центре внимания находится вопрос, каким образом местные жители создают для себя дополнительные возможности освоения пространства с помощью инфраструктуры, используемой для хранения и транспортировки вещей и пищевых продуктов, состоящей из привозных и самодельных модулей. Применение самостоятельно создаваемых объектов подсобного хозяйства анализируется как способ аккумуляции энергии в условиях удаленности. Авторы также описывают, каким образом за счет маятниковых перемещений, функционирующих в рамках их системы обмена, а также использования инфраструктуры жители Чукотки сохраняют свою пищевую автономность (возможность самостоятельно обеспечивать себя пищевыми продуктами) в условиях удаленности.

Глава 8 (*А.В. Влахов*) базируется на полевых материалах, собранных в Баренц-регионе (Мурманская область, архип. Шпицберген). Автор пытается ответить на вопрос, какую роль играет фактор государственной границы и приграничного положения в процессах постиндустриальной трансформации в Арктике и какое влияние он оказывает на местные сообщества и происходящие в них социокультурные и энергетические процессы. В главе делается заключение, что наличие границы в совокупности с практиками ее пересечения напрямую связано с представлениями местных жителей о будущем, формируемыми в постиндустриальном контексте.

Авторы книги не пытаются осветить все возможные проблемы, связанные с энергетическими процессами. Основная задача данной работы — поставить ряд ключевых вопросов, позволяющих по-новому посмотреть на использование энергии и ресурсов представителями локальных сообществ Арктики и Сибири. Энергия рассматривается авторами монографии не только и не столько как результат деятельности добывающих компаний, но как постоянный процесс приобретения и расходования ресурсов местными жителями, поддерживаемый в рамках многочисленных социальных взаимодействий. Цель книги — привлечь внимание исследователей к изучению повседневных практик использования ресурсов коренными жителями, смещая фокус внимания на анализ микроэнергетических процессов, играющих ключевую роль в освоении бескрайних пространств Арктики и Сибири.

Глава 1
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОТЛИЧИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭНЕРГИИ КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ И ЕВРОПЕЙСКИМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ В XVIII–XXI вв.

1.1.
Основные исторические этапы этнокультурного взаимодействия коренных и переселенческих народов в северных регионах

Выявление этнических и культурных особенностей процесса получения и расходования энергии коренными и переселенческими народами в Арктике, на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке[1] наиболее целесообразным представляется проводить на основе анализа концепций отечественных и зарубежных ученых в сфере адаптационного этнокультурного опыта человека, с помощью сравнительно-исторического метода исследования основных этапов этнической истории, специфики культуры коренных и переселенческих народов северных регионов России, на основе сравнения стадиальных явлений и типов культуры, процессов культурного взаимовлияния. Хорошие результаты могут дать метод интерпретации духовных аспектов культуры и менталитета указанных групп, структурно-функциональный анализ этнокультурных комплексов и механизмов адаптации к природной и социальной среде. Для анализа не менее важными являются методы полевой этнографии: наблюдение, опрос информантов, антропологический эксперимент, анкетирование, — позволяющие не только фиксировать новые этнографические материалы на бумажных и электронных носителях, но и вводить их в научный оборот.

[1] Следует уточнить, что используемое название «Дальний Восток» было введено в научный оборот лишь в начале XX в. В данном контексте этот термин используется для того, чтобы избежать частых объяснений, о какой конкретно территории идет речь. С начала XXI в. дальневосточные ученые по ряду причин, в том числе и геополитическим, неоднократно предлагали переименовать этот обширный регион в «Тихоокеанскую Россию» (Бакланов, Романов 2009: 47; Ларин 2011: 6–9; Бакланов 2012: 4–8; Шведов и др. 2015).

На протяжении столетий северные регионы России являются источником стратегических энергетических и биологических ресурсов. Коренные народы[2] Арктики, Севера, Сибири и Дальнего Востока в течение сотен лет адаптировались к условиям проживания в тундре, тайге, на побережье морей, горных рек, озер. При этом они создавали уникальные антропогенные ландшафты, извлекали из окружающей природы необходимые для жизни энергетические ресурсы, изобретали самобытный орудийный комплекс, традиционные сухопутные и водные средства передвижения, одомашнили и использовали транспортных, охотничьих животных, максимально приспособившихся к условиям Севера в результате природной эволюции. Механизмы получения и потребления энергии обладали разнообразными отличительными чертами и имели практический смысл. В немалой степени они зависели от этнических контактов с соседними, родственными по культуре народами и с переселенческими, обладающими иными этнокультурными показателями и стремлениями. Иноэтничное влияние на культуру северных народов фиксируется с XVII столетия.

Специфику этнокультурных механизмов адаптации к окружающему миру, использования различных форм энергии северными народами в XVII–XVIII вв. можно проследить на основе анализа архивных материалов путешественников, военных, членов академических экспедиций того времени[3].

Характер этнических контактов в трудах ученых оценивается с большой историко-социальной амплитудой: от добровольного вхождения коренных народов в состав Российской империи до их завоевания и насильственного присоединения (Ядринцев 1892; Колониальная политика 1935; Степанов 1937: 213–226; Мирзоев 1960; Башарин 1971; Шунков 1974; Алексеев 1982; Иванов 1999; Зуев 1999: 124–136; 2002; 2005; 2009; Головнёв 2004: 92; Миллер 2009; Ерныхова 2010; Сафронов 2010; Алексеева 2011: 22–23, 25, 44; Российская Арктика 2016).

[2] Айны, алеуты, алюторцы, бирары, буряты (хоринцы), дауры, долганы, дючеры, ительмены, камчадалы, кереки, коряки, манегры, манси, нанайцы (ачаны, гольды, натки), нганасаны (тавгийцы), негидальцы, ненцы (юраки), нивхи (гиляки), ороки/уйльта, орочи, орочоны, солоны, удэгейцы, ульчи (мангуны), тофалары, тувинцы, хакасы, ханты, чуванцы, чукчи, эвенки (тунгусы), эвены (тунгусы, ламуты), энцы, эскимосы, юкагиры (омоки, ходынцы), якуты.

[3] Документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Ф. 24. Разряд XXIV. Оп. 1. Д. 45; 47; 48; 55; Ф. 199. Оп. 2. Портф. 528. Ч. 1. Д. 8; Ф. 199. Оп. 2. Портф. 528. Ч. 2. Д. 4; Ф. 214. Оп. 2. Д. 42; 43; Ф. 248. Оп. 113. Д. 878; в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 3. Оп. 10. Д. 136; 137; Ф. 3. Оп. 10а. Д. 197; Ф. 14. Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции; Ф. 21. Миллер Г.Ф.; Ф. 21. Оп. 5. Д. 103; Ф. 31. Крузенштерн И.Ф.; Ф. 75. Русская полярная экспедиция; Ф. 82. Максимович К.И.; Ф. 93. Шренк Л.И.; Ф. 98. Мессершмидт Д.Г.; Ф. 135. Комиссия по изучению племенного состава СССР; Ф. 138. Комиссия экспедиционных исследований; Ф. 141. Рычков П.И.; Ф. 142. Музей антропологии и этнографии; Ф. 147. Комиссия по изучению Якутской АССР; Ф. 282. Оп.1. Д. 85. 385 л. Штернберг Л.Я. Материалы по этнографии орочей; в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 172. Оп. 1. Д. 408; Ф. 216. Оп. 1. Д. 56; 76; Ф. 913. Оп. 1. Д. 101; в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Кол. 414. Д. 417; в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Ф. 468. Оп. 43. Д. 74; 95; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472; Ф. 1329. Оп. 2. Д. 111; в архиве Института этнологии и антропологии (ИЭА РАН). Ф. 5. Оп. 5. Д. 56; в архиве Музея антропологии и этнографии (МАЭ РАН). Ф. К-I. Оп. 1. Д. 47; Ф. К-V. Оп. 1. Д. 13; Ф. 5. Оп. 5. Д. 5; 18; 21; 60; 62; Ф. 5. Оп. 6. Д. 6; Ф. 12. Оп. 1. Д. 38; 41; 42; 46; 48; 49; 50; 87; 124; 125.

Единого мнения, из-за методологического плюрализма, нет, и возможно, оно никогда и не будет выработано. Результаты воздействия европейской культуры на коренные народы северных регионов отличаются в зависимости от особенностей мировоззрения аборигенов, институтов социальной организации, уровня развития военного дела, хозяйственно-культурного типа, степени консолидации, наличия гражданских органов управления, характера взаимодействия с российскими властями, от многих других этнокультурных характеристик.

Первые известия о коренных народах Сибири и Дальнего Востока стали появляться в результате деятельности русских первопроходцев. Это челобитные, скаски, расспросные речи, отписки и другие сведения М. Перфильева, П. Бекетова о сибирских народах, Е.П. Хабарова, О. Степанова, В.Д. Пояркова, И.Ю. Москвитина о народах Амура, В.В. Атласова о камчатских жителях, С.И. Дежнёва о населении северо-востока (Дополнения к актам историческим 1851; Оглоблин 1895: 95–96, 101, 108, 115–116, 119, 253; 1900: 3, 11, 96–97; Ионин 1895: 3–4, 206–209; Берг 2011: 47–51). Постепенно эти материалы накапливались в различных российских учреждениях власти, в архивах, библиотеках, публиковались в сборниках документов и монографиях исследователей (Дополнения к актам историческим 1851; 1853; 1862; 1867; Исторические акты 1840: 92–126; Акты исторические 1842; Титов 1890; Оглоблин 1891: 1–18; Токарев 1948: 15–16; Русские мореходы 1952). Их анализом отечественные и зарубежные ученые занимаются на протяжении нескольких столетий (Ананьев 2006: 20). Фундаментальный по объему и научной ценности комплекс архивных документов по истории и этнографии Сибири XVII–XVIII вв., находящихся в настоящее время в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПбФ АРАН), в публикациях, собрал Г.Ф. Миллер (Миллер 2009; Элерт 2009: 13–15; Актовые источники 1993; 1995). Несколько сотен грамот XVII в. об отношениях русских с коренными жителями включены в фундаментальное издание Г.Ф. Миллера «История Сибири» (Миллер 2001). Огромный пласт архивных материалов по истории коренных народов Сибири XVI–XVII вв. ввел в научный оборот С.В. Бахрушин (Бахрушин 1987а; 1987б; 1955: 13–160; 1928; Бахрушин, Токарев 1953: 427–428, 433).

Продолжили исследование проблем освоения Арктики, Сибири, Дальнего Востока историки, этнографы, источниковеды, историографы, которые анализировали архивные источники, уточняли даты географических открытий этих регионов, нашли новые материалы и имена забытых землепроходцев, отметили купюры при публикации отписок и скасок об эпизодах вооруженных столкновений славян с коренными народами, предложили новые концепции осмысления и оценки действий первопроходцев в геополитическом плане, процессов «колонизации», «присоединения», «освоения» Сибири и т.п.[4]. Конкретная информация об

[4] См. (Андреев 1937: 57–144; 1940; 1960; Александров, Мирзоев, Шунков 1968: 9–22; Долгих 1952а; 1952б: 76–84; 1955: 30–50; 1960; Зуев 1999: 124–136; Полевой 1958: 547–551; 1965а: 118–128; 1965б: 122–129; 1973а: 112–126; 1973б: 78–88; 1979: 47–59; 1991: 56–69; 1997а; 1997б; Полевой, Копылов 1968: 153–178; Тураев 1990; 1993: 132–135; 1995: 154–169; 2013: 37–47; Артемьев 1998: 6–44; Чернавская 2003).

особенностях культуры в сфере получения и расходования энергетических ресурсов коренных народов Сибири и Дальнего Востока сосредоточена в огромном количестве исторических и этнографических трудов[5].

Согласно лингвистической классификации, коренные народы Сибири и Дальнего Востока входят в следующие языковые семьи: уральскую (нганасаны, ненцы, энцы), алтайскую (тунгусо-маньчжуры, буряты, тофалары, тувинцы, хакасы, якуты), юкагиро-чуванскую (чуванцы, юкагиры), чукотско-камчатскую (алюторцы, ительмены, кереки, коряки, чукчи), эскимосо-алеутскую (алеуты, эскимосы); имеются также изолированные языки кетов, нивхов и айнов.

Точную численность коренных народов XVII–XVIII вв. установить сложно, так как в основном подсчитывалось оседлое трудоспособное мужское население, платившее ясак. Б.О. Долгих на основе анализа архивных материалов определил общую численность коренных народов Сибири и Дальнего Востока в двести тысяч человек на начало XVII в.; коренное население Приамурья и Якутии составляло в XVII в. по сорок тысяч человек (Долгих 1960: 615; 1952а: 77). Метод Долгих заключался в умножении числа плательщиков ясака — охотников, рыболовов и оленеводов — на четыре (в соответствии с предполагаемым средним количеством членов семьи) и на пять у скотоводов южной Сибири, конных тунгусов[6].

По всему пространству Сибири и Дальнего Востока проживали эвенки, в бассейне Лены — якуты, на Таймыре — нганасаны, ненцы и энцы, на северо-востоке — чукчи, эскимосы и юкагиры, на Камчатке — коряки и ительмены, в Приамурье и Приморье — тунгусо-маньчжуры (Народы Сибири 1956: 12–13; Долгих 1961: 7–10). В XVII–XVIII вв. русские власти именовали коренные народы «ино-

[5] См., напр. (Александров 1969; Арсеньев 2007: 43–396; Батуев 1996; Березницкий 1998: 118–125; Bereznitsky 2019: 1374–1390; Berkes 1993: 1–9; Berkes, Colding, Folke 2000: 1251–1262; Богословская 2003; Бородулина 2018: 124–141; Бутанаев 1998; Богораз 1991; Вайнштейн 1972; Василевич 1969б; Вдовин 1965; Вяткина 1969; Головнёв и др. 2014; Давыдов 2018а: 24–31; Davydov 2017: 14–34; Давыдова 2018а: 151–157; Долгих 1952б: 57; Дьяченко 2005; Историко-этнографический атлас Сибири 1961; История и культура народов Дальнего Востока 1976; История и культура дальневосточных эвенков 2010; История и культура ительменов 1990; История и культура коряков 1993; История и культура нанайцев 2003; История и культура негидальцев 2014; История и культура нивхов 2008; История и культура орочей 2001; История и культура удэгейцев 1989; История и культура ульчей 1994; История и культура чукчей 1987; История и культура эвенов 1997; История Хакасии 1993; Hastrup 2009: 181–189; Hill, Gaddy 2003: 72–101, 221–230; Карлов 1982; Khlinovskaya-Rockhill, Sidorova 2018: 25–41; Крашенинников 1949; Крупник 1989; Landscape ethnoecology 2012; Lavrillier, Gabyshev 2017; Левин 1946; Леонтьев 1983; Ляпунова 1987; Мельников, Федоров 2018: 133–141; Михайлов 1987; Мосолов, Филь 2010; Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. 1985; Народы Сибири 1956; Народы Сибири в составе государства Российского 1999; Nuykina 2011; Огородников 1927; Ong, Ward 2005: 637–661; Патканов 1912; Пивнева 2010: 136–142; Потапов 1957; Сгибнев 1869: 65–77; Сирина 2012; Соколова 1998; Ssorin-Chaikov 2003; Таксами, Косарев 1990; Терёхина 2018: 42–65; Токарев 1953а: 67–182; Туголуков1958: 11–23; 1979; Штернберг 1933; Юкагиры 1975; Ядринцев 1892; Willerslev 2007).

[6] Впоследствии В.А. Туголуков критически рассмотрел этот метод, но в целом подтвердил его правомерность сравнительным анализом материалов Приполярной переписи 1926–1927 гг. (Туголуков 1981: 122–124).

земцами», в XIX в. появился обобщающий термин «инородцы». В случаях этнической идентификации в составе категории служилых людей аборигенов называли тунгусами, якутами, монголами и др.

По своим этнокультурным показателям коренные народы относились к нескольким основным хозяйственно-культурным типам, что приводило к выработке отличающихся механизмов использования энергетических ресурсов. Пешими охотниками и рыболовами таежной зоны и лесотундры были отдельные группы эвенков, юкагиров и эвенов, орочи, удэгейцы. Для их традиционной системы жизнеобеспечения главной была охота на крупных животных: лося, оленя, изюбря, кабана. Жилищами служили летние и зимние чумы, шалаши, деревянные дома. Для промысла они пользовались транспортными оленями и ездовыми собаками, передвигались на лыжах и лодках различных типов. К оседлым речным и приморским рыболовам принадлежат народы, расселившиеся в бассейнах крупных рек, озер, на морском побережье: айны, нивхи, нанайцы, ульчи, ительмены. Летом они жили в коревых шалашах, зимой в деревянных домах с двускатной крышей. Хозяйство арктических морских зверобоев (алеуты, эскимосы, оседлые чукчи, отчасти нивхи и оседлые коряки) было ориентировано на добычу китов, моржей и тюленей. Мясо шло в пищу, жир — на отопление и освещение жилищ, ребра и челюсти китов использовались в конструкциях полуземлянок, из шкур моржей изготавливали надежные баркасы. В полуземлянках проживали большие семьи из нескольких десятков человек. В больших жилищах люди собирались для праздников. Эскимосы разработали уникальную энергосберегающую технологию строительства снежных домов.

Наиболее распространенным типом традиционного хозяйства у эвенков, эвенов, тофаларов, лесных ненцев, нганасан, энцев, юкагиров от Енисея до Охотского моря было кочевое таежное охотничье оленеводство.

Верховские негидальцы и сахалинские уйльта имели небольшие стада оленей, которые использовались как вьючные и верховые животные во время перекочевок и охоты. Характерным типом одежды охотников-оленеводов был хорошо приспособленный для верховой езды кафтан из ровдуги с не сходящимися спереди полами. Одежда орнаментировалась меховой аппликацией, вышивкой оленьим волосом.

В прежнее время юкагиры занимались оленеводством, заимствованным у эвенков, в качестве транспортного вида хозяйства, но главное значение для них имели охота и рыболовство. К моменту прихода русских юкагиры сохранили остатки матрилокального брака, каменные орудия труда и костяные военные доспехи.

Проживающие в настоящее время на территории Таймыра долганы образовались в процессе слияния групп эвенкийского, якутского, энецкого и русского (затундренных крестьян) народов. В результате их этнокультурные особенности использования энергии включают в себя черты указанных народов: костюм североэвенкийского типа, отличающиеся по механизму теплосбережения русские избы и эвенкийские чумы.

Рис. 1. Олень по кличке Отелло лакомится солью.
Стадо селемджинского эвенка-арендатора Л.А. Соловьева, бассейн р. Селемджа, Амурская область. Фото С.В. Березницкого[7]

В оленеводстве, охоте, рыболовстве также происходила диффузия эвенкийских, якутских и славянских аспектов. У охотников и оленеводов тайги наиболее распространенным жилищем был конический чум, с каркасом из жердей.

Кочевым оленеводством в тундре и лесотундре занимались ненцы, оленные чукчи и коряки. Олень для этих народов является не только транспортным животным, но и основой традиционной жизни. Основным типом жилища у оленеводов северо-востока была двухкамерная яранга с пологами. Основой ее конструкции являются шесты, покрытые шкурами. Б.О. Долгих не соглашался с мнением И.С. Вдовина о местном происхождении чукотского оленеводства и был

[7] *Березницкий С.В.* Материалы по культуре бикинских и анюйских удэгейцев, селемджинских эвенков. Этнографические исследования 2003–2004 гг. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 559. Владивосток, 2004. Л. 201.

убежден, что истинное развитие оленеводческое хозяйство чукчей и коряков получило только в XVIII в. (Долгих 1952б: 52–53). Сходного взгляда придерживались Г.М. Василевич и М.Г. Левин, которые подчеркивали, что оленеводство как вид хозяйства пришло на северо-восток от тунгусов при посредничестве юкагиров (Василевич, Левин 1951: 82–84). Вьючное оленеводство в северных регионах является более ранним по происхождению, чем упряжное, что связано с генезисом оленеводства как культурного института, со сложными процессами этнокультурного взаимодействия в Сибири (Левин, Потапов 1961: 4).

Часть эвенков, носивших название «конные тунгусы», проживали в степных районах Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья. Наиболее крупной группой были нерчинские конные тунгусы, которые в XVII–XIX вв. выполняли стратегические пограничные функции.

Кочевые степные скотоводы (хакасы, буряты, тувинцы, часть якутов) занимались разведением лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Основными типами их жилищ были переносная цилиндрическая юрта, состоящая из решетчатого каркаса, покрытого войлоком, стационарные зимние жилища из дерева и самана. Отличительным традиционным летним жилищем якутов является ураса: коническая постройка из жердей, крытых берестой. Одежду скотоводы шили из шерсти и кожи, основу их питания составляли молочные и мясные продукты.

Рис. 2. Олени сахалинских уйльта. Стадо Г.Б. Макаровой.
Фото С.В. Березницкого (ПМА Березницкий 2019 г.)

Земледелие как подсобная отрасль хозяйства было характерно для хакасов, тувинцев, бурят. Якуты пришли к этому виду хозяйства под влиянием русских переселенцев. На Амуре землепашеством и скотоводством занимались дауры и дючеры, чем привлекали внимание казаков и других первопроходцев, страдавших без привычной мучной пищи.

Для традиционной социальной организации сибирских народов в целом были характерны родовые объединения трех типов: большие роды (несколько сотен человек), называемые фратриями или большими патриархальными семьями, малые роды как подразделения больших (несколько десятков человек), самостоятельные малые роды (Долгих 1960: 9).

В XVII–XVIII вв. коренные народы Сибири и Дальнего Востока сохранили многие аспекты архаической социальной организации: различные по степени зрелости формы родового строя и территориальных общин (Народы Сибири 1956: 15–16). Существовал матрилокальный брак, обычай авункулата, соблюдались нормы экзогамии, левирата, кровной мести (Токарев 1953а: 95, 99). Практически у всех народов сохранялась дуальная организация (ненцы, эвенки, ульчи, орочи и др.), разделение племени на фратрии (ненцы, энцы, нганасаны, якуты). Для чукчей и ительменов были характерны большие семейные общины, состоявшие из нескольких малых матрилокальных, полигамных семей; в обществе ительменов экзогамных отношений выявлено не было (Вдовин 1990: 95–100; 1965: 89–83).

У чукчей существовал обычай обмена женами (институт социального или искусственного родства, «товарищество по жене» (Михайлова 2015: 30), связанный с институтом взаимопомощи, кровной мести. Эвенкийская семья содержала в себе многие элементы большой патриархальной семьи, в частности, имущество умершей жены не переходило к ее супругу (Анисимов 1936: 6). Социальное неравенство более ярко проявлялось в обществах скотоводов и крупных оленеводов, более традиционными отношения сохранялись у охотников и рыбаков. Наиболее развитыми в социальном отношении народами Восточной Сибири в XVII в. являлись якуты, создавшие мощное скотоводческое хозяйство, общественный строй во главе с тойонами (Долгих 1952б: 52–53), общий язык и культуру, четкую территориально-племенную структуру (Токарев 1953а: 86, 132, 136). Дальнейшая социально-политическая эволюция якутского общества тормозилась из-за частых межплеменных военных столкновений, а также из-за отсутствия письменности (Токарев 1953б: 2–5). К распаду родового строя, возникновению новых классовых отношений приводили такие факторы, как концентрация скота, являвшегося важнейшим средством производства, а также появление института частной земельной собственности. Господствующей формой брака стала покупка жены за калым (Токарев 1953а: 113). У народов Амура и Сахалина существовал обычай покупки жен в минском и цинском Китае (Сасаки 2008: 64–74). Историческим фактом является встреча амурских аборигенов в 1618 г. с основателем цинской империи Нурхаци для демонстрации ему своей политической лояльности. За это им были предоставлены жены, подарки, лошади, скот, семена культурных злаков. Маньчжурская династия и народы Амура имели общий интерес, связанный с укрепле-

нием политических и экономических отношений, в том числе посредством межэтнических браков. Маньчжуры собирали с некоторых амурских народов дань собольими мехами, структурировали людей в роды, классы и деревни. Взять в жены маньчжурскую или китайскую невесту мог себе позволить только богатый человек, удачливый охотник, обладающий необходимым количеством ценных мехов.

В процессе присоединения народов Восточной Сибири и Дальнего Востока к Российской империи их традиционная родо-племенная организация разрушалась, хотя российские власти максимально старались не вмешиваться во внутреннюю социальную структуру аборигенных народов, даже наоборот, использовали ее институты в своих целях, привлекали на свою сторону родо-племенную элиту.

По ряду климатических, экономических, социальных, политических, этнокультурных и других причин коренные народы Сибири и Дальнего Востока не создали собственной государственности. Поэтому у них не было четко структурированных, системно взаимодействующих компонентов для решения общеэтнических проблем с помощью политических средств. Подобные механизмы у якутов, чукчей и некоторых групп эвенков-коневодов только начинали формироваться. Степень социального и политического развития коренных народов зависела от природных условий, уровня влияния кочевых империй, сибирских ханств, Российской империи, других политических объединений соседних народов.

В сфере духовной культуры охотники, рыболовы, собиратели, оленеводы, морские зверобои и скотоводы обладали комплексом мифов, верований, культов и ритуалов, посредством которых люди объясняли строение Вселенной и роль человека в ней, пытались задобрить духов–хозяев местности, стать удачливым на промысле, защитить потомство от зловредных существ. Весь многоярусный мир (космический, небесный, земной, подземный, подводный, морской, речной, горно-таежный, степной) в мировоззрении людей был наполнен сверхъестественными существами, влияющими на жизнь общества и человека. Шаманы выполняли важную роль хранителей традиционной культуры, посредников между земным и сверхъестественным мирами, занимались лечением сородичей. В устных и музыкальных фольклорных произведениях содержались сюжеты об истории народа и его героях, легенды, предания и сказки. В качестве музыкального сопровождения ритуалов, песен, танцев, игровых, юмористических постановок, праздников использовались разнообразные ударные, щипковые, духовые инструменты.

Праздничная культура была многогранной и включала в себя календарные и сезонные торжества, солярные культы, умилостивительные ритуалы по отношению к священным животным-прародителям, охранителям, подателям удачи и счастья. Декоративно-прикладное искусство отличалось этнотерриториальными вариантами орнамента: геометрического на севере, растительного на юге, криволинейно-ленточного на Амуре. Мастера северо-востока изготавливали произведения искусства из кости, скотоводы — ковры и кожаную посуду, рыболовы — изделия из рыбьей кожи. Все народы Сибири и Дальнего Востока пользовались удобной, практичной и красивой праздничной и промысловой одеждой.

Рис. 3. Чукчанка Л.И. Таянват — победительница конкурса этнической кухни. Анадырь, август 2018 г. Фото С.В. Березницкого

Известно, что сложный процесс присоединения государством новой территории и народов, проживающих на ней, включает в себя три основных аспекта: открытие, изучение, освоение (Алексеев 1982: 3–4). В результате расселения русских коренные народы попали в сферу влияния мало известной им ранее европейской культуры с канонами христианства, городской инфраструктурой, с новыми видами и способами использования энергии, производства одежды и пищи. Отличия между пришлым и коренным населением наблюдались и в сфере воздействия на окружающий ландшафт. Охотники, рыболовы, собиратели дикоросов и морские зверобои в своей хозяйственной деятельности не оказывали необратимого трансформирующего влияния на природу, частично оно было заметно лишь у скотоводов. Русские же первопроходцы были яркими представителями земледельческой культуры, для которой отличительным признаком были расселение на целинных землях и преобразование их в сельскохозяйственные угодья.

Процесс освоения русскими Сибири и Дальнего Востока нельзя считать исключительно мирным или абсолютно захватническим с применением военных действий. Первопроходцы представляли собой служилых людей, казаков, промышленных людей, которые хорошо владели холодным и огнестрельным оружием. Однако опыт ведения боевых действий имелся и у сибирских и дальнево-

сточных народов, потому что межплеменная и межродовая борьба нередко принимала вооруженные формы. Когда отдельные представители русских властей кроме официального ясака пытались собирать дополнительные налоги или занимались грабежами, то такие инциденты заканчивались вооруженными столкновениями, но они не перерастали в межэтническое противостояние, в межэтническую ненависть и постоянную вражду. Несмотря на военные столкновения первопроходцев с коренными сибирскими и дальневосточными народами, ассимилятивные процессы, этнические миграции в пограничные страны, в XVII–XX вв. можно отметить уверенный рост численности коренного населения (Скобелев 1998: 6–9, 19, 26–27, 30–33, 36, 47–48). Первая волна русских в XVII в. на просторах Сибири и Дальнего Востока была немногочисленной, практически все первопроходцы расселились среди местных народов, вступили в браки с представительницами коренного населения и в результате ассимилировались с аборигенными народами. По этой же причине немногочисленные отряды русских казаков не могли исключительно силой приводить в подданство коренные народы без согласия последних. Хотя нельзя отрицать и того факта, что коренные народы понесли большие потери от эпидемий, принесенных из европейской части России (Тураев 2012: 126–137). В целом же территориальные владения и традиционная культура коренных народов сохранялись и этнографические карты XVII–XVIII вв. мало отличаются от современных. Исключением можно назвать анаулов, живших в XVII в. в бассейне Анадыря и влившихся в состав юкагиров; земледельцев даурoв и дючеров, в большинстве своем переселенных маньчжурами на правобережье Амура, но частично вошедших и в этнический состав современных амурских народов; кереков, обитавших на Чукотке, побережье Охотского моря, которые были практически полностью ассимилированы чукчами. Якуты смогли значительно расширить свою территорию за счет юкагиров и эвенков; эвенки активно ассимилировали юкагиров; потесненные якутами и русскими эвены частично переселились на земли коряков и ительменов; тунгусы заняли часть территории Сахалина, в южных регионах Забайкалья тунгусы подвергались сильному влиянию монголоязычных народов; самагиры на р. Горин (левый приток Амура) постепенно ассимилировались с нанайской общностью (Долгих 1961: 8–9; Степанов 1953: 182–219).

Реакция коренных народов Сибири на появление и продвижение по сибирской территории европейских первопроходцев была разной: часть аборигенов вошли в состав Российского государства без особого сопротивления, большинство чукчей решительно от этого отказались. Приамурские народы не вошли в его состав из-за глобальных межгосударственных причин: дальнейшее взаимодействие с ними русских было остановлено маньчжурами и китайцами: по условиям Нерчинского договора 1689 г. Россия вынуждена была отказаться от освоения Приамурья в течение последующих почти двух сотен лет. Постепенно коренные народы Сибири и Дальнего Востока стали перенимать от русских основы земледелия, православия, грамотности, письменности, новые формы использования энергии с сохранением и своих, традиционных.

1.2.
Этнокультурные особенности механизма извлечения энергии из окружающей среды представителями коренных народов Севера в соответствии с методологией И. Коэна

Исследование феноменов этнокультурного взаимодействия в сфере извлечения и потребления разнообразных энергетических форм возможно на основе междисциплинарной методологической базы, разрабатываемой отечественными и зарубежными учеными в сфере этнографии, этнической истории, этнической экологии, этнической географии, этнопсихологии, культурологии, физической, культурной и социальной антропологии. Интегрирующую роль в этих направлениях исследования механизма использования природных ресурсов в традиционной и современной хозяйственной деятельности локальных северных сообществ может играть концепция американского психолога и культурного антрополога Иегуды Коэна (Cohen 1968; 1971; 1974), который рассматривал в целом культуру как адаптацию человека, сообществ, народов к окружающему миру. С помощью теоретических разработок Коэна можно выявить этническую специфику использования народами Севера природной среды в качестве источника энергетических ресурсов, степень воздействия аборигенных и европейских культур на окружающую природу, традиции рационального природопользования, исторические закономерности формирования и функционирования этнических экологических систем.

Коэн широко известен своими разработками в области адаптивных аспектов культуры, стратегии человеческой адаптации, особенностей социальной модели как средства получения из окружающей среды обитания максимальной энергии. Он определял культуру как способ, важный инструмент адаптации человека к окружающей среде, посредством которого человеческое общество может получать и абсорбировать энергию из внешнего мира (Cohen 1968: 40–60; 1971: 1–21). Адаптация представляет собой сложный процесс, посредством которого человек эффективно использует для продуктивных целей энергетический потенциал своей среды обитания. Институты человеческой культуры основаны на механизме, который регулирует сложный процесс превращения энергетического потенциала окружающей природной среды в разнообразную пищу для человеческого сообщества.

По Коэну, культура создается из энергетических систем, объективных и специфических артефактов, социальных организаций и социальных отношений, способов мышления, идеологии, всего спектра привычного поведения человека в социальной группе, социокультурных институтов, позволяющих этой группе поддерживать жизнь в определенной среде обитания. Это культура человека, позволившая ему постепенно освободиться от ограничений, налагаемых его генетическими кодами и природной средой обитания. Для раскрытия выбранной в главе темы важными являются теоретические разработки И. Коэна о том, что при возникновении новой энергетической системы (разработанной самостоятельно

или привнесенной извне) конкретное сообщество вводит эту новую энергетическую систему в привычную среду обитания, в структуру социальных отношений, которые начинают изменяться в соответствии с эффективным использованием новых источников энергии. Например, важным фактором в трансформации общественных отношений различных обществ стал процесс замены мышечной энергии человека внеличностными ее формами. Коэн выяснил, что каждая культура является частным случаем адаптивного процесса, сложных путей в развитии и эффективном использовании своего энергетического потенциала. Таким образом, в целом культура с самого начала определяется в терминах конкретных источников энергии и их социальных коррелятов. Каждая культура может быть концептуализирована как стратегия адаптации, представляющая собой уникальный социальный механизм для извлечения энергии из среды обитания. Энергетическая система требует соответствующей организации общественных отношений, и она не может быть эффективна без социальных групп, которые ее используют. Культурная эволюция во многом основывается на том, что любая адаптация для выживания и размножения вида не может быть постоянной из-за того, что среда обитания постоянно изменяется. Адаптация животного мира происходит на основе кодов, заложенных природой в генетике. Человеческое общество отличается тем, что его адаптация меньше связана с генетическими изменениями, а гораздо больше со способностью использовать энергетические потенциалы в его среде обитания. В соответствии с концепцией Коэна об энергетической адаптации, эволюция и культурная адаптация человеческого общества отличаются четкой и постоянной тенденцией к освобождению от ограничений среды обитания. Для этого общество старается использовать более эффективные источники энергетической системы для удовлетворения жизненных потребностей. Следовательно, каждый последующий уровень технологического развития общества представляет собой стратегию культурной адаптации, в которой имеются более эффективные средства использования энергетических ресурсов для развития не только техники, но и социальных отношений, которые должны соответствовать эффективным способам использования каждой конкретной энергетической системы. Однако достижение такого типа развития жизненно важных технологий всегда является результатом взаимных изменений в культуре и среде обитания конкретного сообщества посредством изменений в энергетических системах и общественных отношениях на протяжении длительного периода времени: оно никогда не может быть достигнуто за одно поколение (Cohen 1971: 2–4). Коэн разработал структуру основных этапов развития человеческой культуры, начиная с общества кочевых охотников-собирателей и заканчивая индустриализацией. Технологии охотников-собирателей и первых мотыжных земледельцев основаны на энергии человеческих мышц. Третья стадия в его схеме — скотоводство является технологической системой, направленной не только на получение средств к существованию за счет ухода за большими стадами животных, но и на развитие нового типа социальной организации. Существенным социальным элементом скотоводства, по Коэну, является трансгуманизм, особая модель расселения,

в которой пастухи сезонно перегоняют своих животных с равнинных участков на высокогорные пастбища. Трансгуманизм отличается от номадизма тем, что номады обычно перемещаются не между фиксированными точками, а по обширной территории в поисках пищи для своих животных. Еще большие отличия производства и потребления энергии наблюдаются в следующей стадии культурной эволюции человечества — сельском хозяйстве. Прежде всего, это изменение окружающей среды и поверхности земли в результате вырубки лесов, вспашки, террасирования, ирригации и т.п. Каждая из этих технологий требует специфической организации труда для поддержания и защиты источников энергии и распределения ресурсов. В частности, строительство ирригационных сооружений требует концентрации огромной энергии, человеческих ресурсов и в результате приводит к образованию государственности. Кроме того, появляются новые культурные институты: городская инфраструктура, торговля. Следующая индустриальная стадия развития человеческой культуры порождает совершенно новую энергетическую систему: человек следует за машиной. Таким образом, осуществляется последовательность используемых человеком энергетических систем и социальных институтов, происходит появление новых типов менталитета, социальных отношений, идеологий и ценностей, постоянное увеличение контроля за энергией (Cohen 1971: 8–10, 14, 18).

Каждая этническая культура имеет свои специфические особенности процесса извлечения и использования энергетических ресурсов. Имеются этнокультурные особенности данного процесса и в социуме коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: специфическая модель получения жизненной энергии из природной среды в рамках традиционной и современной культуры в процессе адаптации к окружающему миру. Этнокультурные особенности извлечения пищи также связаны с адаптационным процессом конкретного народа, уровнем его развития, хозяйственно-культурным типом, материальной и духовной культурой, степенью трансформации культуры в результате этнических контактов с соседними народами, воздействия европейской культуры. Стратегия получения энергии позволяет народу не только выживать в суровых климатических условиях или в окружении враждебных обществ, но и воспроизводить свои основные этнические показатели.

Проживающие многие сотни лет в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке коренные народы во многом и сегодня сохранили аспекты первого хозяйственно-культурного типа, так как они занимаются оленеводством, рыболовством, охотой на сухопутных животных и птиц, морским зверобойным промыслом, собирательством лекарственных и съедобных дикоросов, растений, используемых для технических нужд, других даров тайги и моря, необходимых для выживания в суровых климатических условиях. Подавляющая часть процесса производства и потребления энергии в системе их жизнедеятельности связана с окружающей природной средой и ее ресурсами. Этнокультурные особенности извлечения энергии аборигенами и переселенцами, появившимися в XVII–XVIII вв., обосновываются исторической судьбой конкретного народа в целом, активностью протекания

межэтнических контактов, взаимообменом культурными ценностями, спецификой основных форм хозяйства, быта, мировоззрения.

После выявления и обобщения максимально возможного числа конкретных примеров адаптации коренных и переселенческих народов за счет извлечения энергии в северных регионах наступает момент для их сравнения и выявления этнокультурных отличий. Энергия, необходимая для жизни человека, извлекается из продуктов охоты на сухопутных и морских животных, сбора дикоросов, реализации домашних животных. Отечественный ученый В.М. Бахта выделил несколько основных признаков хозяйства: степень оседлости, технология сохранения продуктов, сезонность трудовых процессов (Бахта 1960: 59–73). Наиболее важным признается механизм накопления продуктов питания впрок в результате заморозки, вяления, копчения, соления и других приемов. Эти приемы также зависят от этнокультурных показателей и исторических условий.

Традиционные промыслы коренных народов Севера представляют собой сложный комплекс народных знаний о повадках морских и таежных животных, путях их миграций, способах их выслеживания и добычи, методов наблюдения за погодой, промыслового оборудования и транспорта, философии использования энергии домашних животных. В XVII–XVIII вв. технология использования энергии транспортных животных — оленей и собак — коренными и переселенческими народами была практически одинаковой.

Трансформация промысловой культуры коренных народов Севера исторически происходила из-за влияния соседних охотничьих и оленеводческих групп. В частности, чукчи и якуты теснили коряков и юкагиров, забирали у них оленей и пастбища, изменяли традиционные маршруты миграций диких оленей. Под влиянием домашнего оленеводства, для которого постоянно требуются новые пастбища, оленеводы уничтожали стада диких оленей. Подобная борьба за пастбища происходила по всей Сибири и Северу. В результате влияния русской культуры уже в XIX в. практически все орудия труда вместо традиционных каменных, костяных и деревянных стали металлическими, архаичные ловушки были заменены капканами.

Изменилась система расселения: вместо родовой она стала территориальной и административной. Новые типы деревянных стационарных жилищ привели к иному механизму сохранения энергии, заготовки продуктов питания впрок. Все это привело к трансформации традиционной системы потребления энергии. Большое влияние на использование энергетических ресурсов Арктики, Севера, Сибири, Дальнего Востока (прежде всего пушнина, древесина, биоресурсы, нефть, газ, уголь) оказывали мероприятия властей по добровольному и принудительному переселению в эти регионы населения из центральной части страны (казаки, крестьяне, представители религиозных диаспор, участники разнообразных строек, вахтовики). В результате часть переселенцев смогли выработать стратегию выживания на Севере, в том числе и на основе заимствования адаптационного опыта коренных народов (комплекс одежды, традиционный транспорт, приемы охоты, рыбной ловли). Другие после ослабления государства в конце

XX столетия, изменения идеологии, закрытия социальных программ по развитию северных территорий стали активно покидать эти края, что привело к энергетическому и инфраструктурному запустению покинутых поселков, городов, месторождений, шахт, портов, к остановке производства. Следует отметить и редкие примеры положительных стратегий выживания в северных условиях. Так, на Ямале ненцы с начала XXI в. смогли не только сохранить оленеводческую культуру, но почти вдвое увеличить поголовье стада, выработать оптимальные механизмы взаимодействия с промышленными компаниями, добывающими природные энергетические ресурсы и негативно влияющими на традиционное хозяйство кочевников. При этом сами ненцы продолжают конкурировать за оптимальные маршруты кочевания, за дополнительные пастбища, которые стремительно истощаются из-за увеличившегося поголовья оленей. Однако, как и раньше, их жизнь основана на энергии движения, характерного именно для кочевого оленеводства (Алексеева 2011; Головнёв 2004: 39–40; 2009: 345–346; Головнёв и др. 2014). Эту энергию создают олени, которых пасут и мясо которых едят люди, шьют из их шкур одежду, обувь в условиях сложного цикла постоянного кочевания и сохранения энергии при половозрастном разделении труда.

Рыболовы бассейнов крупных сибирских и дальневосточных рек (Обь, Енисей, Лена, Колыма, Амур, Уссури) в адаптационном процессе освоили безотходную технологию использования рыбных энергетических ресурсов. Однако экономить их в большей степени, по сравнению с пешей и санной охотой на диких зверей, позволяет именно кочевое и особенно крупнотабунное оленеводство. В результате многовековой адаптации к природной среде коренные народы не особенно нуждаются в усовершенствовании конструкций орудий труда (Холодилова 2009: 91–98).

Несмотря на особенности хозяйственно-культурного типа коренных народов, их обществу также свойственна модернизация. В XX в. на сибирских просторах, в тундре и на арктическом побережье появились новые виды транспорта — самолеты, аэросани, вездеходы, трактора, снегоходы, квадроциклы, — хотя даже в первой четверти XXI в. они не смогли полностью вытеснить традиционные средства передвижения: оленьи и собачьи упряжки.

Следует подчеркнуть отличия в использовании энергетических природных ресурсов в зависимости от особенностей хозяйственно-культурного типа. Так, у родовых общин морских зверобоев появился флот вельботов, мощное оружие и достаточное количество боеприпасов. Несмотря на то что серые киты внесены в Красную книгу, их добыча для чукчей и эскимосов является не только традиционным промыслом, но и основным способом получения жизненной энергии, необходимой в условиях Арктики, механизмом сохранения этнокультурной идентичности. Наиболее важным следствием деятельности пришлого населения стало развитие нового для северных народов вида хозяйства — земледелия и связанных с ним новых приемов извлечения энергии.

Анализ механизма извлечения, потребления, освоения энергетических ресурсов из окружающей среды в северных регионах на основе концепции И. Коэна

показал, что его формула «культура как адаптация» работает, но с обязательным учетом этнокультурных особенностей. Энергия северного человека растворена в энергии окружающей природы. Однако экологическая культура коренных народов Севера объясняется не их гуманизмом, а отсутствием высокотехнологических и энергозатратных технологий, неизбежно приводящих к загрязнению среды. Земледельческая и промысловая стратегии приводят к разным последствиям в сфере потребления энергии; обе эти системы воздействуют на экологию, изменяют ландшафты, но не приводят к катастрофическим, глобальным изменениям, как это наблюдается в результате деятельности компаний по добыче и переработке углеводородов как основного источника пополнения современных видов энергии.

1.3. Этнокультурные отличия процесса расходования энергии в северных регионах коренными и переселенческими народами в контексте энергетической концепции культуры Л. Уайта

В соответствии с известной энергетической концепцией американского культуролога, антрополога и этнолога Лесли Уайта, культурное развитие человечества происходит посредством постоянно возрастающей эффективности использования природных и энергетических ресурсов (White 1943: 335–356; 1986: 225–238; Уайт 1997а: 17–48; 1997б: 141–156; 1997в: 439–464; 2004а; 2004б).

Культуру Л. Уайт рассматривал как структуру, состоящую из трех уровней: технологического, социального и идеологического. Главную роль он отвел технологической подсистеме. Функционирование всех культурных институтов происходит на основе потребления энергии. С ходом культурной эволюции, с усложнением социальных систем наблюдается постоянная концентрация энергии. Живые организмы для своего выживания вынуждены бороться за источники энергии (Уайт 1997в: 440–442). С этим процессом связаны рост численности населения, усложнение технологий по производству орудий труда, усиление половозрастной специализации трудового процесса. Эту парадигму Л. Уайт разработал в качестве универсальной модели для всего человечества. В данном же параграфе представляется актуальной задача рассмотреть этнокультурные отличия основных этапов и сущности системы жизнедеятельности европейских переселенцев и коренных народов Севера с использованием в качестве методологического принципа теоретических разработок Уайта о роли энергии в культуре.

Под системой жизнедеятельности в данном случае подразумевается комплекс народных знаний, технологий по обеспечению условий существования социума: выбор оптимального ландшафта для поселения, сооружение жилых и производственных зданий, создание и использование водных и сухопутных транспортных средств, оружия и орудий труда. В орудийный комплекс, в свою очередь, включены индивидуальные и коллективные орудия лова, добычи сухопутных и морских зверей, копытных, пушных, рыбы и водных биоресурсов, ловушки давящего

типа и ногозахватные капканы, самострелы и огнестрельное оружие, а также различные технологии по их созданию и наиболее эффективному применению. Заимствование орудий промысла происходило взаимообразно: переселенцы, лишенные возможности заниматься привычным земледелием в условиях суровой Арктики, вынуждены были переходить на хозяйственно-культурный тип связанный с охотой и рыболовством. При этом они активно использовали орудия труда аборигенов. Последние, в свою очередь, сделали окончательный выбор в пользу огнестрельного охотничьего оружия, но не отказались от некоторых видов традиционных промысловых приспособлений, для производства которых не требуется затрачивать огромные энергетические ресурсы.

Важным последствием деятельности пришлого населения стало развитие нового для аборигенов вида хозяйства — земледелия. Первопроходцы не могли существовать без хлеба. Развитие земледелия было связано не только с необходимостью восполнения энергии за счет углеводов злаковых культур, но и с огромными энергетическими затратами по доставке хлеба на Север (Сафронов 1987: 28–30). Немногочисленные русские не могли освоить огромные территории в земледельческом отношении. В Колымском крае даже в начале XX в. русских насчитывалось около 500 человек, по всей Якутии порядка 15 тысяч. Поэтому переселенцам пришлось перейти на оленеводство, собаководство, охоту на копытных и пушных зверей, рыболовство, поиск и продажу мамонтовых бивней. Общины староверов заимствовали оленей у коренных народов, но использовали технологию «избяного оленеводства», содержали оленей на огражденных выгонах, зимой в стойлах, кормили сеном, древесными листьями и лишайником, сушеными грибами, овощами. И все же с XVII в. началось приучение коренных народов к земледелию, которое получило наибольшее распространение в культуре олекминских якутов. Во второй половине XIX в. земледелием стала заниматься часть эвенков Якутии (Сафронов 1987: 33, 35–39; 1957: 103–113).

Известно, что традиционные промыслы коренных народов Севера представляют собой сложный комплекс народных знаний о повадках морских и таежных животных, путях их миграций, способах их выслеживания и добычи, методов наблюдения за погодой, промыслового оборудования и транспорта, философии использования энергии домашних животных.

В XVIII в. технология использования энергии оленей, собак, лошадей коренными и переселенческими народами была практически одинаковой. Однако лошади, привезенные из центральной части России, без привычного подножного корма не выдерживали сурового климата на северо-востоке и гибли тысячами (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 137. Л. 33–34). Лишь якутские лошади, адаптировавшиеся за сотни лет в Арктике, могли выдерживать тяжелые условия. Одинаковой была и технология использования энергии ветра: паруса использовали как коренные народы, так и переселенческие, несмотря на отличия в конструкции самих лодок. Энергия пороха, пушек и ружей производила сильное впечатление на сибирских аборигенов лишь при первых контактах с русскими. Чукчи быстрее других перестали бояться «огненного боя» и пользовались моментом перезаряд-

ки ружей для нападения на казаков (Зуев 2008: 35–43). Очень популярным оружием и орудием была пальма, которую русские заимствовали у коренных народов.

Трансформация промысловой культуры коренных народов Севера происходила и из-за влияния соседних охотничьих и оленеводческих народов. Чукчи и якуты теснили коряков и юкагиров, забирали у них оленей и пастбища, изменяли традиционные маршруты миграций диких оленей, на которых охотились юкагиры. Нередко вторгались и эвены (Иохельсон 1898: 12–13, 29–30; Вдовин 1965: 157, 164; Гурвич 1982: 198, 200–202; Сыроечковский 1986: 55, 65).

В XIX в. юкагиры стали платить ясак деньгами, так как соболь был выбит. Они привыкли к русской одежде, пище, табаку, заимствовали у русских технологию изготовления карбасов из тополя и срубные избы с ледяными окнами. На промысле вместо лука со стрелами они пользовались ружьями, рыболовные сети стали сплетать не из тальника, а из конского волоса и конопли (Иохельсон 1898: 12, 13). В результате влияния русской культуры у чукчей уже к концу XIX в. все орудия труда, за исключением каменных скребков, были металлическими (Вдовин 1965: 161–163). Жившие на Камчатке ительмены не имели одомашненных оленей, они с каменными и костяными орудиями охотились на диких, ловили рыбу, активно занимались огородничеством, чем походили на русских крестьян (Гурвич 1982: 202, 204, 205, 209, 217, 220). Под влиянием домашнего оленеводства, для которого постоянно требуются новые пастбища, оленеводы уничтожали диких оленей. Подобная борьба за пастбища происходила по всей Сибири и Северу вплоть до начала XX в. Только на Таймыре и в некоторых районах Якутии остались территории для мигрирующих стад «дикарей» (Сыроечковский 1986: 64–65; Мосолов, Филь 2010: 4–8, 120–123, 131).

В XX в. в тундре и на арктическом побережье появились новые виды транспорта: самолеты, аэросани, вездеходы, трактора, в которых применялись совершенно другие технологии использования, переработки и выработки энергии, но они не смогли полностью вытеснить традиционные средства передвижения — оленьи и собачьи упряжки (Тихоненко 1939: 3–4, 6, 9, 17–18).

Глобальная трансформация традиционного хозяйства и промыслов на Чукотке была связана с развитием кооперации в конце 1920-х годов, когда стали появляться первые артели и товарищества, обеспеченные вельботами для морского зверобойного промысла, возможностью совместного выпаса оленей, охоты на сухопутных животных и рыболовства. В обществе морских зверобоев процессы создания колхозов происходили без особых затруднений, а мероприятия по обобществлению оленей были завершены лишь в середине 1950-х годов (Гарусов 1981: 47, 53, 69–70).

Вследствие патерналистской идеологии советской власти десятилетиями в XX в. китобойные суда добывали серых китов в Беринговом проливе для коренных народов Севера, лишая их возможности самим заниматься этим промыслом. Чукчи и эскимосы могли использовать в своей пищевой модели традиционные продукты моря, но они их получали, а не добывали самостоятельно. В 1997 г., на первом съезде морских охотников Чукотки был создан Союз морских зверобоев.

В 2008 г. организованы восемь родовых общин морских зверобоев, у которых появились флот, оружие и боеприпасы. Добыча серых китов, внесенных в Красную книгу, для чукчей и эскимосов является не только традиционным промыслом, но и самобытным способом получения жизненной энергии, необходимой в специфических климатических, природных условиях Арктики, механизмом сохранения этнокультурной идентичности. В среднем продуктами от одного добытого кита поселок кормится всю зиму. При этом мясо гренландского кита заквашивают в ямах, а серого — замораживают, так как оно быстро портится (Карпов 2017). За 2018 г. морские зверобои Чукотки, входящие в общины «Дауркин», «Лорино» и другие, добыли 120 серых китов, полностью освоив выделенный лимит. Все крупные приморские поселки Чукотки основаны в местах наиболее близкого приближения китов к берегу. Исследование остеологического материала в местах прежних поселений показало, что коренные народы Чукотки промышляли даже детенышей серых китов (Богословская 2003: 9, 19, 21–25, 32–34). Чукчи и эскимосы создали уникальную промысловую систему, основанную на сборе и запоминании гигантского объема информации: сезонных изменений климата, направления ветра, высоты волн, перемещения льдов, мест образования полыней, времени появления китов. Эти знания позволяют зверобоям проводить успешный промысел морских животных в ожидаемых местах, в том числе и гренландских китов, запертых в полыньях. Чукчи и эскимосы любят смотреть на плавающих китов и, завороженные их энергией, полностью отождествляют себя с этими морскими гигантами (Богословская 2003: 32, 34, 164–165, 284–288). В настоящее время благодаря морскому зверобойному промыслу аборигены Чукотки полностью обеспечены традиционной пищей, которую они добывают сами; интерес к промыслу стала проявлять и молодежь. В соответствии с энергетической концепцией Л. Уайта, в основе их современной культуры (материальной и духовной) вновь находится технология добычи морских млекопитающих.

Этнографы давно выяснили, что кочевое оленеводство позволяет в гораздо большей степени экономить энергетические ресурсы по сравнению с пешей и санной охотой на дикого оленя. На Ямале процесс модернизации коренных народов отличается от изменений в обществах других северных народов (Алексеева 2011). С одной стороны, ненцы Ямала с начала XXI в. сохранили оленеводческую культуру, увеличили поголовье стада, выработали положительную стратегию взаимодействия с промышленными компаниями. Но, с другой стороны, внутри ненецкого сообщества продолжается острая конкуренция за оптимальные маршруты кочевания, пастбища, истощающие свой природный баланс из-за увеличивающегося поголовья оленей. Перевод оленеводов на оседлую жизнь в поселках вызвал у многих из них социальную апатию, остановка движения стала для них равносильна культурной смерти, привела к прерыванию многовекового опыта арктической адаптации кочевников, которым они могут поделиться с представителями индустриальной культуры, обогатив ее и взамен взяв много хорошего для себя. Улучшение ведения хозяйства, комфорта, досуга связано с самолетами, вертолетами, вездеходами, снегоходами, квадроциклами, моторными

лодками, со средствами связи и геолокации, с электрогенераторами, ноутбуками, DVD-плеерами и мобильными телефонами. С энергетической точки зрения ненцы считают снегоход более мощным, чем олень, но оленя — более надежным и экономичным, так как для него не нужно добывать бензин, масло, запасные части. С появлением спутниковых тарелок и антенн мобильной связи ненцы стали корректировать свои маршруты перекочевок, ориентируясь на территорию наиболее уверенного приема сигнала (Головнёв и др. 2014: 5–8, 23, 50–52, 89–91, 123).

Северяне должны создавать акционерные общества, предприятия по переработке продукции оленеводства, доходы от которых шли бы на нужды оленеводов. Кочевники прекрасно осознают неотвратимость промышленного освоения своих территорий, которое является помехой для сохранения традиционного оленеводства. Общественные организации ненцев взаимодействуют с промышленными предприятиями, добиваясь от них субсидий для развития оленеводства и социальных нужд. Однако многие аборигены выступают против денежных компенсаций, ссылаясь на печальный опыт канадских аборигенов, видят угрозу от нефтегазодобывающих компаний в желании перевести всех оленеводов в категорию оседлого населения, которое, утрачивая энергию движения, теряет основы традиционной культуры и самосознания (Головнёв и др. 2014: 62, 67, 76, 78, 86–88, 99, 103, 106, 125, 138).

Следующий параграф будет посвящен использованию концепций К. Леви-Стросса для анализа различий в использовании энергии коренными и переселенческими народами в северных регионах. Что касается неоэволюционизма Л. Уайта, то Леви-Стросс согласился с его тезисом, что идеалом западного общества является показатель среднего количества энергии на каждого его члена, но в большинстве других человеческих сообществ предложенная Уайтом парадигма лишена смысла (Леви-Стросс 1985: 10).

1.4. Исследование механизма использования энергии в Арктике коренными и переселенческими народами на основе анализа концепции К. Леви-Стросса о «холодных» и «горячих» обществах

Этнографам, историкам, культурологам, социологам хорошо известна концепция бинарных оппозиций французского ученого Клода Леви-Стросса, его теоретические разработки в сфере исторических и этнокультурных отличий «холодных» традиционных и «горячих» индустриальных обществ, по-разному использующих энергию, время, пространство, технологии и другие культурные достижения, культуру и историю в целом (Леви-Стросс 1999: 298–299). Суть этой бинарной оппозиции заключается в том, что «горячие» общества контролируют процесс постоянного увеличения объема производства и потребления энер-

гии, «холодные» же ограничиваются воспроизводством системы жизнеобеспечения, основанной на энергетических технологиях, уже разработанных в давние времена предками. Тем самым «холодные» общества стараются сохранить традиционные условия своего природного существования и максимально избавиться от новаций. Это стремление к неизменности остается, по мысли К. Леви-Стросса, важным фактором предупреждения «холодным» обществом образования новаций и желанием оставаться на первичном, стабильном, понятном и привычном этапе своего развития. Для «холодных» культур характерны устойчивость технологий, системы жизнеобеспечения, простота, низкий уровень потребления и производства энергии, информации, знаний, отсутствие письменности и интереса к истории как к течению времени, желание сохранять условия своего самобытного существования, максимально игнорировать необходимость изменений в обществе и даже относиться к ним как к чуждым явлениям (Шубрт 2018: 605). «Горячие» культуры, являющиеся бинарными противоположностями «холодных», отличаются крайним динамизмом, постоянно растущим уровнем производства энергии и желанием максимально сохранить свою идентичность.

В данном параграфе будут использованы методология и типология обществ К. Леви-Стросса для кросскультурного исследования этнических особенностей использования энергии ветра, оленя, собаки, лошади в разные исторические периоды «горячими» индустриальными и «холодными» традиционными обществами на Российском Севере в XVIII–XXI вв., будет рассмотрена проблема культурных трансформаций и новаций в обществе, этнокультурной адаптации с использованием разных подходов к энергогенерирующим технологиям на основе концепции К. Леви-Стросса о «горячих» и «холодных» обществах. Особенности этого процесса можно проследить, анализируя аспекты развития и трансформации хозяйства, быта, материальной и духовной культуры коренных и переселенческих групп северных регионов в XVIII–XXI вв. На Севере практически все технологии были созданы и апробированы сотни лет назад. Прежде всего следует отметить высокоэнергетический комплекс одежды, элементы которого легко заменяемы: теряющая со временем густой мех теплая зимняя одежда плавно переходит в категорию летней. Механизмы хитроумных и эффективных ловушек охотники в состоянии изготовить непосредственно на промысле, в качестве варианта — изготавливают заранее сторожки и носят с собой. Отдельной важной сферой использования энергии является духовная культура с мифологией, декоративно-прикладным искусством, танцами, музыкальными инструментами, промысловыми ритуалами, праздниками и многими другими компонентами.

В процессе этнических контактов, соседства переселенческих и коренных народов в северных регионах на протяжении нескольких веков неизбежно происходит взаимообмен культурными ценностями, в том числе и в сфере потребления энергии. Однако до сих пор остается не решенной окончательно проблема выбора оптимального пути использования энергии в суровых климатических условиях.

В результате многовековой адаптации к природной среде аборигены Арктики пришли к особому состоянию своей культуры, при которой они мало заинтересованы в дальнейшей технологической эволюции, так как не нуждаются в усовершенствовании орудий труда (Холодилова 2009: 92–93). Но, несмотря на особенность «холодных» обществ, им тоже свойственна модернизация. Информанты п. Канчалан рассказали о проблемах современного чукотского оленеводства, о том, какое огромное количество энергии нужно потратить на обучение ездового оленя. Для этого нужны не только подходящие животные, но и люди, умеющие это делать, изготавливать оленьи нарты, сбрую и т.п. Ездовое оленеводство на Чукотке составляет всего один процент от других видов транспорта: авиации, вездеходов и снегоходов. Директор оленеводческого совхоза «Канчаланский» О.П. Ятынто с горечью говорил: «*Энергия оленевода может сохраниться только с оленем. Ведь когда едешь на олене, то чувствуешь мощный энергетический подъем, ну, как у молодых после их напитков-энергетиков*». Молодые северяне не желают идти работать в тундру оленеводами, и старикам некого учить: «*…не хотят идти работать в стадо из-за кочевого быта. Как звучит, а? Чукча недоволен кочевым бытом. В тундре нет интернета! Конечно, так, как жили наши старики, современная молодежь жить уже не будет. Вернуться полностью к традиционному нельзя. Вот и приходится подстраиваться под молодых: закупать электрогенераторы. Но и государство должно проявлять заботу. Например, несколько лет не работает хабаровская радиостанция, которую слушали оленеводы. Вместо нее вещает американское радио с Аляски на русском языке*» (ПМА Березницкий 2018).

Чукчанка С.Р. Якунина рассказала легенду, имеющую особую актуальность для раскрытия темы: «*…чукотская легенда о том, откуда взялись люди на Земле. Мама ее услышала от дедушки Тнеттэгина и рассказала мне. Люди произошли не от обезьян, как вы, русские, нас учите, а прилетели из космоса. С планеты из созвездия Орла. На этой планете жили умные, но злые люди. Умные, потому что владели мощной технологией и разработали сильное оружие. Они воевали друг с другом, и дело дошло до того, что они применили это страшное оружие. Оно было такое мощное, что взорвалась вся их планета. Но эти люди сумели спастись, ведь они были очень умные. И вот люди прилетели на планету Земля. Это были предки чукчей. Они собрались вместе и стали совещаться, как жить дальше. Договорились до самого главного: как не допустить снова такой катастрофы. И решили никогда не развивать технологии, не развивать технические знания, не строить города, сооружения, космические корабли, оружие и транспорт. Даже решили не приручать дикого оленя. Потому что если его приручить... Да, а прилетели наши предки на Землю временно. И вот если приручить оленя, а потом улететь в космос, то он без людей не сможет жить. Поэтому у чукчей олень не домашний, а полудикий. Если его отпустить в тундру, то он в ней не пропадет. И вот со времени того совещания чукчи занимаются только традиционными промыслами: разводят оленей, охотятся в тундре и в море.*

И все орудия труда у них очень древние. Без изменений, потому что чукчи хорошо помнят последствия технического прогресса. Если развивать технические знания, то снова будет катастрофа и Земля взорвется» (ПМА Березницкий 2018). Это очень показательный пример растворения коренных народов Севера в энергии природы и окружающего животного мира.

Этнографам хорошо известно, что в архаической и традиционной культуре коренные народы Севера и Дальнего Востока боролись с заболеваниями с помощью лекарственных трав, частей тел животных, магии и шаманских камланий. В середине XX в. уйльта лечили своих детей жизненной энергией домашних оленят: болезнь переходила от ребенка к животному, которое через некоторое время выздоравливало.

Здоровьем коренных народов Чукотки, Камчатки, побережья Охотского моря, вопросами санитарии и ветеринарии, борьбой с эпидемиями людей и животных власти стали интересоваться всерьез только с первой четверти XX в. (Вдовин 1965: 257). Особенности заболеваний современных чукчей п. Канчалан осветила врач местной больницы З.А. Тынагыргына (ПМА Березницкий 2018). Наиболее опасными заболеваниями для оленеводов остаются туберкулез, эхинококкоз, которым оленеводы заражаются, употребляя в пищу сырую печень оленя и обосновывая это особенностями своей пищевой модели, необходимостью получения жизненной энергии от оленя. Новым заболеванием стала аллергия на пыльцу растений, которых в 1980-х годах в окрестностях поселка не было.

На традиционном медвежьем празднике орочей, удэгейцев, нивхов и других народов Севера мясо этого могучего хищника расценивалось не просто как один из видов пищи, а средоточие плодородной энергии (АПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 67–69; АПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6. Л. 73–76; Арсеньев 1926: 34–35; Иванов 1937: 7–8, 19; Штернберг 1933: 299). В настоящее время медвежьи праздники не проводятся и данная магико-энергетическая технология утрачена.

Исследования оленеводческой культуры эвенков бассейна р. Селемджа Амурской области в 2004 г. показали, что их оленеводство мелкотабунное (в совхозе было 600 голов), поголовье распределено на несколько бригад. Подавляющее большинство оленеводов — пожилые люди, так как молодые считали эту профессию непрестижной, тяжелой, с небольшой заработной платой. Трансформация комплекса оленеводческой культуры этой группы эвенков связана с исчезновением длительных кочевок, изменением оленеводческого календаря, в результате чего исчисление времени вместо циклического стало линейным (Березницкий 2004: 54). Однако с прибывшими из поселка в оленье стадо оленеводами происходят кардинальные изменения: их движения становятся неторопливыми и гармоничными, изменяется тембр голоса, особенно при обращении к оленям, дети с удовольствием лакомятся оленьим молоком, которое из-за высокого содержания жира намазывают на куски хлеба как масло. После выполнения необходимых работ оленеводы включают дизельный генератор для выработки электроэнергии при просмотре видеофильмов и освеще-

ния внутреннего пространства палаток. Но даже остросюжетный боевик не может нарушить особую энергетику стойбища. По словам оленеводов, они не боятся никаких технических нововведений, так как их духи-хозяева были сильнее коммунистов, помогут пережить и демократов, либералов и любые другие ответвления власти.

Чукчанка Е.М. Тевлянкау в детстве (в 1960–1970-х годах) жила в тундре и не хотела уезжать в школу-интернат: дети, сговорившись с бабушками и дедушками, убегали в тундру, а родители, ответственные перед властью, ловили их арканами и усаживали в вертолет (ПМА Березницкий 2018). Ее рассказ представляет собой сконцентрированное мнение многих современных северян о проблеме школ-интернатов. Е.М. Тевлянкау осветила важный аспект жизни в тундре, связанный с особой энергетикой оленеводческого стойбища, которая заключается в природном рационализме, перекочевках по известным маршрутам. Яранга всегда устанавливается у реки с проточной водой, вкусным хариусом, кустарником для очага. Каждый участок местности энергетически насыщен, имеет своего хозяина. Светлая половина дня принадлежит людям, темная — злым духам, поэтому ночью вход в ярангу всегда закрыт. В хозяйстве кочевников на основе традиционных технологий минимализма и полифункциональности, этнического комфорта нет ничего лишнего, каждая вещь всегда находится на своем месте и выполняет множество функций (Головнёв и др. 2018: 4–5). Например, у входа в ярангу находится камень, которым придавливают покрышку яранги. Его возят с собой при перекочевках, он же является охранителем людей. На празднике молодого оленя на нем дробят кости и вынимают мозг. Снеговыбивалка также является охранником людей от злых духов. В современных домах она чаще всего расположена на вешалке, в прихожей. Чукчанка С.Р. Якунина вспоминала сказки своей бабушки о том, как снеговыбивалка обманом заставила простодушного злого духа всю ночь ходить вокруг яранги, но тот так и не сумел отыскать в нее вход.

По словам Е.М. Тевлянкау, шить можно было только до обеда, «*потому что чукотская нитка, в отличие от русской нитки, живая, наполнена энергией, так как сделана из оленьих сухожилий. При шитье она начинает петь, но звук этот опасен, так как привлекает злых духов, появляющихся при закате солнца… каждый старался хорошо делать свою работу, растворяясь в энергетике тундры. Энергия тебя пронизывает и питает, от нее становится тепло и прибавляется много сил*» (ПМА Березницкий 2018).

Чукчанка Е.А. Рультынэут очень много знает об этнокультурных особенностях музыкальной культуры коренных народов Севера. Для репертуара знаменитого чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон» Е.А. Рультынэут взяла у эскимосов трудовые танцы, у чукчей — прыжковые, магические и шуточные. Эскимосский танец, в котором каждое движение является словом, до сих пор остался без изменения, а чукотский постоянно развивается. Чукчанка А.С. Гыргольгыргына синтезировала отличия чукотских и эскимосских танцев в контексте указанной выше концепции К. Леви-Стросса о «холодных» и «горячих» обществах.

По ее мнению, ценным культурным наследием является горловое пение канадских эскимосов, которое сегодня уже не могут расшифровать не только чукчи, но и сиреникoвские эскимосы. Горловое пение является законченным произведением, это не подражание голосу моржа, а изображение самого моржа. Хотя А.С. Гыргольгыргына не отрицает, что горлохрипение придумали оленеводы, чтобы подзывать оленей, и морские зверобои для своих промысловых нужд. Горлохрипение чукчей и эскимосов сильно отличается. У эскимосов пение гортанное и глубокое, у чукчей — наружное. «*Чукчи больше, чем эскимосы, восприимчивы к изменениям, они горячее, чем эскимосы. Консервативные эскимосы по-прежнему танцуют свои сидячие танцы, потому что в их традиционных полуземлянках не было свободного места и вся энергетика движения рассчитана именно на это пространство, а в чукотской тундре места много, следовательно, много свободы для хозяйства и для творчества*» (ПМА Березницкий 2018).

В соответствии с двумя основными энергоэкологическими сценариями развития арктической цивилизации (традиционная или заимствованная) она либо исчезнет, либо возродится на основе инновационного совершенствования орудий труда (Яковец 2011: 2, 6). Однако процесс их усовершенствования происходит не за счет внутренней энергии, а в результате включения инокультурных технологий: гарпун морского зверобоя стал металлическим, давящая ловушка охотника заменилась железным капканом, место пальмы и самострела заняло ружье, с помощью которого при минимальной затрате энергии охотники добывают гораздо больше промысловой продукции. Особенности цивилизационного процесса в условиях Арктики специалисты обосновывают эффектом коэволюции общества и природы, который означает, что энергетическая деятельность человека направлена не на деградацию биосферы, а на ее развитие (Яковец 2011: 7). При этом энергия человека растворена в энергии окружающей природы. Однако высокая экологичность культуры коренных народов Севера объясняется не гуманным отношением к природе, а отсутствием высокотехнологических и энергозатратных технологий, неизбежно приводящих к загрязнению среды и ухудшению экологию. Для поддержания необходимого физиологического состояния организма в условиях Севера промысловики убивают в достаточном количестве китов, моржей, тюленей, северных оленей. Число добытых животных не переходит в неконтролируемое из-за нехватки энергетических мощностей по транспортировке, хранению и утилизации. Совместное проживание в Арктике, Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке коренных и переселенческих народов продолжается. Условия жизнедеятельности на Севере стремительно меняются в зависимости от климата, внешней и внутренней политики страны, экономики, методов использования энергии, этнокультурных отличий. Народы Севера продолжают заниматься промыслами и хозяйством, используют традиционные виды транспорта, жилища, одежды, пищи. Поэтому пришлые и коренные народы в северных регионах будут и дальше сосуществовать рядом, но по-своему используя энергию.

1.5.
Энергетическая концепция Маршалла Салинза об этническом комфорте и ее апробация на материалах промысловых технологий коренных народов Сибири

Известный американский антрополог Маршалл Салинз разработал концепцию этнического комфорта на основе исследования хозяйства ряда народов, занимающихся рыболовством, охотой и собирательством. М. Салинз высказал фундаментальный тезис о том, что культурная эволюция представляет собой процесс движения энергии от меньших форм трансформации к большим, процесс эволюционного развития общества к более высокой степени интеграции и адаптационной возможности (Sahlins 1960: 38). В труде «Экономика каменного века» М. Салинз на конкретных примерах исследования жизнедеятельности современных народов, в основе жизни которых лежал первый хозяйственно-культурный тип, рассмотрел их поведение в процессе решения хозяйственных задач. При этом он доказал, что в архаическом обществе люди тратили гораздо меньше времени для получения необходимых для комфортной жизни энергетических ресурсов, чем цивилизованный мир XX в. (Салинз 1999: 19, 20, 30, 34, 36–38 и сл.).

Ученый высказал важную мысль о том, что энергетическое изобилие может быть достигнуто двумя основными путями. Первый заключался в производстве большого объема необходимых для комфортной жизни компонентов пищи, одежды и т.п. Второй путь предусматривал максимальное ограничение в таких желаниях и соответствующих технологиях. Эти мысли М. Саллинза были взяты за основу для анализа процесса получения и использования энергии, выработки специфических этнокультурных механизмов создания комфортных условий существования на этнографических материалах современных коренных народов Сахалина (ПМА Березницкий 2019)[8]. Этнический комфорт в самом широком смысле слова означает удовлетворение социума благоприятными природными и культурными условиями жизни, дающими оптимальную возможность для сохранения, развития и трансляции материальных и духовных ценностей.

Представляется актуальным выявить этнокультурные особенности получения и использования разных видов энергии в качестве основы комфортной системы жизнедеятельности современными коренными народами Сахалина: нивхами, уйльта, эвенками. Главным аспектом системы жизнедеятельности нивхов всегда были рыболовство и морской зверобойный промысел. Уйльта и эвенки являются оленеводами и прежде добывали все нужное для жизни, используя безотходные технологии, связанные с разведением домашних оленей. В процессе работы ана-

[8] ПМА Березницкий 2019. Этнографические исследования проводились в июне 2019 г. в Сахалинской области, в Ногликском и Тымовском районах: пгт Ноглики, сс. Вал, Чир-Унвд, Чайво, Ныйво. Эти данные служили также сравнительным материалом для этнографических сведений, собранных автором на Сахалине в тех же населенных пунктах в 1990-х годах (АИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 416).

лизировались данные о современных способах добычи и потребления биологических ресурсов нивхами, уйльта, эвенками, о способах хозяйствования нивхов (рыболовный промысел), уйльта и эвенков (оленеводство), об этнокультурных особенностях расчета оптимального объема и о методах заготовки продуктов питания впрок и их энергетической ценности, об особенностях подготовки к предстоящей лососёвой путине одного из наиболее экономически эффективного нивхского родового хозяйства, об условиях адаптации якутских оленей, перевезенных в 2018–2019 гг. на Сахалин, в родовом оленеводческом хозяйстве уйльта/эвенков.

В июне 2019 г. на Сахалине, в пгт Ноглики проживал 931 представитель коренных малочисленных народов Севера (КМНС), из этого числа: нивхи составляли 847 человек, уйльта — 32, эвенки — 36. В с. Вал проживало КМНС 191 человек (из них 46 детей), из этого числа: уйльта (ороки) — 1 человек, орочены[9] — 98, эвенки — 56, нивхи — 34, нанайцы — 2. В Тымовском городском округе (Тымовское, Иркир, Арги-Паги, Адо-Тымово, Слава. Молодежное, Восход, Кировское, Красная Тымь, Воскресеновка, Чир-Унвд) на 01.06.2019 проживало КМНС 327 человек, из них нивхов в с. Чир-Унвд 238 человек: 98 мужчин и 140 женщин. Главное назначение этих поименных списков — основание на выделение права на нормовую рыбу. Раньше такие списки составлялись в сельском совете по предъявлению паспорта, откуда и выписывалась этническая принадлежность. Теперь такой графы в паспортах нет (к сожалению, как подчеркивают все опрошенные КМНС), и данные заносятся в списки из свидетельств о рождении, где имеется указание на этническую принадлежность.

В настоящее время КМНС Ногликского и Тымовского городских округов имеют реальные возможности заниматься традиционными промыслами. Для этого они объединены в двадцать две территориальных, родовых и семейных

[9] Процесс возникновения и бытования эндо- и экзоэтнонимов одного из коренных народов Сахалина, известного в советское время как ороки, представляет собой до сих пор до конца не решенную проблему. В самом общем виде можно представить такую схему: до 1945 г. южная часть Сахалина находилась под временным протекторатом Японии и ороки получили японские фамилии и имена. В советское время в паспортах, в графе «национальность», они были ошибочно записаны орочами, от искаженного, но широко распространенного на многие оленеводческие группы названия «орочоны/орочёны/орочены», т.е. «люди, владеющие оленями». В трудах же советских лингвистов и этнографов они назывались ороками. В 1990-х годах по инициативе наиболее активных представителей этого народа ороки были официально переименованы в «уйльта». Сами себя люди называли и в 1990-х годах, и в наши дни также в нескольких вариантах: ороки, ульта, уйльта, орочоны, орочены. Последний термин активно используется в документообороте местных администраций. Известный дальневосточный этнограф А.Ф. Старцев скрупулезно, с использованием огромного массива полевых, архивных источников, опубликованных документов, материалов, трудов отечественных и зарубежных ученых, этнографов, лингвистов, филологов, историков, исследовал этот вопрос и пришел к определенным выводам, которые вызвали бурную дискуссию исследователей, продолжающуюся до настоящего времени (Старцев 2015; 2018: 168–181; Вртанесян, Озолиня 2015: 15–22; Миссонова 2013; Озолиня 2013; Подмаскин 2015: 79–83; Бурыкин 2016: 269–279; Вртанесян 2018: 88–96). А между тем ороков/уйльта в администрации с. Вал по-прежнему называют терминами орочены/орочоны. По крайней мере так они были обозначены в списках на получение права на добычу биоресурсов, на получение нормовой рыбы.

общины[10] КМНС, имеющих юридические и все остальные законно утвержденные права на осуществление традиционной хозяйственной деятельности: рыболовство, охота, морской зверобойный промысел, оленеводство, сбор дикоросов для технических, лекарственных, пищевых и других нужд. Кроме того, например, рыболовство для нивхов является не только основой современной модели питания, но и важным компонентом их духовной культуры, языка, этнической идентичности и возрождающегося самосознания (Гашилова 2018: 79–94).

Для занятий традиционными промыслами (круглогодичное рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство) у коренных народов Сахалина имеется выделенная им в вечное пользование родовая территория в районе Ныйского залива, на косе Пластун, в окрестностях бывшего нивхского поселения Ный-во. В своей деятельности общины активно пользуются законодательной базой о правах КМНС в сфере промысловой деятельности, промысловых технологий, в частности федеральным законом 1999 г. «О гарантиях прав КМНС РФ», по которому народы Севера в целях защиты традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов имеют право безвозмездного пользования в местах своей традиционной хозяйственной деятельности землей и полезными ископаемыми. Они имеют право контролировать мероприятия властей по охране окружающей среды при промышленном освоении природных ресурсов, получать от различных организаций РФ и международных организаций материальные и финансовые средства, необходимые для их дальнейшего развития и защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, технологий хозяйствования и промыслов. КМНС имеют право создавать хозяйственные товарищества для занятий традиционными промыслами, соблюдать свои традиции и совершать обряды, охранять культовые места, бесплатно заготавливать древесину для своих нужд.

Находиться на указанной территории родовых общин могут только представители этих общественных объединений и представители различных силовых ведомств и министерств (ФСБ, МВД, Национальной гвардии и др.), которые осуществляют контроль за выловом КМНС биоресурсов. Исключение происходит только во время ежегодного ритуала кормления воды, благодарения духовхозяев местности, когда общинниками приглашаются многочисленные гости: представители иных народов, чиновники администрации, корреспонденты местных газет, радио и телевидения, представители сахалинских нефтедобывающих компаний «Сахалин-1», «Сахалин-2».

[10] Национально-производственные кооперативы, родовые хозяйства: «Лиманзо», «Кекр-во»; общества с ограниченной ответственностью, нивхские родовые хозяйства: «Венивонгун», «Гевва»; крестьянско-фермерские хозяйства, территориально-соседские общины коренных малочисленных народов Севера, некоммерческие организации: «Нин-миф», «Лунь-во»; нивхские родовые общины: «Аборигены», «Рассвет», «Нивхинка», «Удача», «Миф-чах»; семейныя родовые общины: «Нивхи», «Тылгу» («Легенда»), «Рувгу» («Родные»), «Тухш» («Огонь»), «Ызн-ларш»; территориальные соседские общины коренного малочисленного народа: «Юктэ» («Родник»), «Пила нивнгун» («Большие люди»), «Север», «Лагуна», «Тыми» («Река»).

Для проверки теоретических разработок концепции М. Салинза об этническом комфорте и особенностях энергетической составляющей культуры на примере народов Сахалина было выбрано нивхское родовое хозяйство К.Б. Лиманзо на косе Пластун в Ныйском заливе восточного Сахалина. Это хозяйство находится в пятнадцати минутах езды на моторной лодке от пристани пгт Ноглики. В этой местности, под условным названием МРС (малый рыболовецкий сейнер), расположены две организации: Национально-производственный кооператив родового хозяйства «Лиманзо» и семейная (родовая) община коренного малочисленного народа «Нивхи Сахалина». Отличаются эти организации разной формой собственности, разными возможностями реализации добытой продукции (биоресурсов), но обе имеют все необходимые юридические документы, определяющие права нивхов на добычу биоресурсов, и все необходимые разрешительные документы на производство лова в конкретной местности. Общины базируются в пяти жилых домах, оборудованных дровяными печами, канализацией с очистными сооружениями, водопроводом (питьевая и техническая вода добывается из скважин электрическими насосами), цифровым телевидением (20 каналов), всеми условиями для приготовления и приема пищи, отдыха, развлечений (имеется даже самодельный силовой тренажер). Здания питаются электричеством от дизельного электрогенератора.

Таким образом, инфраструктура данного промыслового участка, по сравнению со многими другими родовыми хозяйствами, максимально комфортна для круглогодичного проживания и занятий традиционными промыслами. Имеется несколько технических сооружений для хранения мощных японских лодочных моторов, рыболовных снастей, ГСМ, запасных частей, спецодежды и спасательных жилетов, инструментов. Имеются также столы для разделки рыбы, морских животных, вешала и сеточные столы для вяления и приготовления разных сортов юколы, морозильники, погреба для хранения продукции. Для спуска лодок на воду имеется специальное техническое приспособление на колесах, на которое загружается лодка и грузовым автомобилем сталкивается в воду. Парк автомобилей включает в себя высокопроходимый грузовик, несколько джипов и легковых автомобилей.

В июне путина еще не наступила, и промысловики общины активно готовились к приходу нерестовой горбуши. В качестве промысловой базы у общины имелись пять деревянных баркасов-щелевиков от 5 до 10 м длиной, семь непотопляемых пластиковых лодок «Yamaha» морского типа. Все лодки оборудованы мощными японскими моторами «Yamaha» (30–80-сильными). Для ловли рыбы в заливе и в море имелись ставные сети и невода, закидные невода. Снасти соответствовали требуемым нормам[11]. Ставные сети были длиной 30 м, глубиной 3 м, размер ячеи для ловли горбуши 55×55 мм, кеты — 70×70 мм. Ловушки на навагу изготавливались из сеток самостоятельно, также по установленным требованиям. У каждого из общинников имелся график приливов-отливов в данной местности.

[11] Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 21 октября 2013 г. № 385 «Об утверждении правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна».

Точное знание времени этих природных явлений необходимо не только для ловли рыбы (1-2 часа между приливом и отливом), но и для перевозки грузов, в том числе и добычи, на автомобиле по косе.

В целом работа родовых общин была направлена на оптимальный вылов рыбы лососёвых пород и дальнейшей ее переработки в виде заморозки в холодильных ларях объемом 300 кг, вяления нескольких сортов юколы, копчения красной рыбы, засолки красной рыбы (в среднем 50 штук на семью), засолки лососёвой икры. В соответствии с разрешенными нормами каждый представитель КМНС на Сахалине имеет право заготавливать для собственных нужд 300 кг рыбы: 195 кг кеты и 105 кг горбуши. Эта норма распространяется даже на новорожденных[12].

Таким образом, каждая семья заготавливала в достаточном количестве для себя и для городских родственников высококалорийную белковую пищу, которой хватало до следующей путины. Объем вылавливаемой рыбы зависел прежде всего от установленных норм, качества работы надзирающих органов, от уровня экологического воспитания конкретного рыбака, от удачи, климатических условий, влияния нефтяных компаний на экологию региона и даже от степени влияния аварий на атомных станциях соседних стран (в частности, станции в г. Фукусима в Японии). Чаще всего на вопрос о норме добычи информанты отвечали, что сразу определяют необходимый запас на всю семью на год, а большего не требуется, так как нет никакого смысла тратить энергию на добычу излишнего объема продукции, которую не сможешь использовать по прямому назначению. Если даже промысловик найдет на острове того, кому он сможет продать излишки своей добычи, это, скорее всего, будет разовая акция, так как об этом сразу же станет известно соседям, сородичам, общественности и сотрудникам силовых ведомств.

[12] Для того чтобы получить и освоить эти лимиты, нужно пройти очень долгий, сложный, утомительный процесс оформления заявки. Начинается эта работа с заявками в январе, чтобы получить их в августе. Готовые заявки сдаются в Сахалинско-Курильское территориальное управление (СКТУ). Каждый член семьи должен оформить такую заявку. Представители Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, сотрудники администраций помогают людям разбираться в этих бюрократических сетях, пользоваться интернетом, изучить приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 25.07.2019 № 442 о том, что Сахалино-Курильское территориальное управление Росрыболовства информирует юридических лиц и индивидуальных предпринимателей об установлении процедуры заключения договора пользования рыболовным участком для промышленного рыболовства в отношении анадромных видов рыб, для традиционного рыболовства КМНС, для промышленного рыболовства во внутренних водных объектах и организации любительского и спортивного рыболовства. Нужно знать, что этот приказ вступает в силу с 26 августа 2019 г. Именно поэтому с этой даты и начнется прием заявлений от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В конце декабря каждого года СКТУ делает приказ по управлению и в нем четко указывает номер документа, все разрешенные лимиты для каждого представителя КМНС. В январе наступившего года в рыбоохране люди получают листы учета. Но для этого каждый должен прийти и лично получить этот лист. Человек подписывает документ, подпись заверяют печатью. Затем этот лист учета нужно взять с собой на рыбную ловлю и записывать в него каждую пойманную рыбу, что контролируют соответствующие государственные структуры. Затем до 20 декабря заполненный лист вылова рыбак должен сдать в СКТУ.

Добыча нерпы с помощью огнестрельного оружия не требует больших энергетических затрат, так как этим промыслом занимаются даже женщины. Регулируется добыча нерпы лишь гастрономическими вкусами людей, желанием использовать в пищевом рационе мясо и жир нерпы. Кроме того, нерпичий жир имеет свойство быстро прогоркать и отличается специфическим запахом. С учетом всех этих факторов заготовка нерпы ведется лишь после полной утилизации предыдущей туши.

Оленина в настоящее время появляется на столе коренных народов Сахалина гораздо реже, чем в советское время, когда была развита сеть оленеводческих совхозов. Уменьшение процентного состава оленины в пищевом рационе связано с практически полным истреблением диких северных оленей и упадком поголовья домашних до такого состояния, что домашние олени уже не в состоянии воспроизвести потомство и оленеводам приходится покупать их в Якутии. С адаптацией якутских оленей связаны определенные проблемы (карантин, другой фенотип и т.п.). Выбранное для исследования оленье стадо (40 голов) на косе Чайво принадлежало семейной общине Г.Б. Макаровой. Глава этой общины сразу же подчеркнула, что сейчас заниматься оленеводством экономически не выгодно, так как домашних оленей на Сахалине очень мало, всего около 100–120 голов, поэтому нет биологического и генетического разнообразия. Нет хороших пастбищ, но есть огромное количество голодных медведей и еще более агрессивных браконьеров. Еще одна проблема этой традиционной отрасли заключается в нехватке кадров, ветеринаров и других специалистов. Но самое главное — молодежь не желает заниматься тяжелым и для нее уже однозначно некомфортным трудом в тундре, поэтому сегодняшним немногочисленным оленеводам некому передавать свой опыт, что порождает социальную апатию, разрыв межпоколенческих связей, утрату прежних жизнеобеспечивающих технологий.

Однако по-прежнему оленеводческий календарь полностью зависит от оленей. Весной они мигрируют с западного побережья Сахалина на восточное, а летом идут на север, к заливу Пильтун, где кормятся и набираются сил. В апреле-мае происходит отел на косе Чайво. Оленеводы ухаживают за важенками, которых привязывают к кустам кедрового стланика, а оленята кормятся молоком матерей. К июлю-августу оленята достаточно окрепнут, чтобы стадо смогло кочевать на север, на Пильтун. Привезенные из Якутии олени находятся на карантине на р. Горомай.

Для бригады оленеводов в десять человек глава общины покупает на квартал за 100 тысяч рублей продукты и оборудование по областной программе КМНС: макароны, рис, мука, масло растительное и сливочное, тушенка говяжья, рыбные консервы, сайра, печень, спички, чай, кофе (по желанию). Генераторы постоянно ломаются, поэтому оленеводы обязательно закупают много парафиновых свечей для освещения палатки, батарейки для радиоприемников (советского производства, у которых хороший прием радиоволны). Оленеводы активно пользуются мобильными телефонами, и стадо всегда ставится там, где есть сотовая связь, вышки с антеннами. Рацией пользоваться не выгодно, потому что очень дорого.

Денег же у пастухов нет, так как зарплату они не получают, а работают за еду. Нередко спецодежду пастухов община приобретает за счет спонсорской помощи нефтяных компаний.

В связи с указанными трудностями кочевого оленеводства некоторые представители уйльта, эвенков стараются поменять тип хозяйствования и перевести оленей на стойловое содержание в коралях с кормлением комбикормом для крупного рогатого скота, а также солью «лизунец». Единственную проблему для такой формы хозяйства оленеводы видят в угрозе возникновения копытки[13].

В настоящее время подавляющее большинство КМНС Сахалина имеют небольшие огороды, приусадебные участки, садово-дачные участки, придомовые теплицы (отапливаемые и неотапливаемые). В них выращивают в первую очередь картофель (используя в качестве удобрения часть рыбьей тушки (селедки, лосося), овощи и зелень (капусту, морковь, кабачки, патиссоны, редис, лук, чеснок, укроп). В теплицах культивируют огурцы, помидоры и даже виноград. Огородничество для современных КМНС является важным подсобным занятием промысловой деятельности.

Следует особо выделить новое явление современной промысловой деятельности коренных народов Сахалина — батрачество. Хотя эта форма социальных отношений имеет длительную печальную страницу в истории нашей страны, сегодня во многих родовых и семейных хозяйствах (рыболовецких и оленеводческих) нанимаемые работники становятся фактически батраками, так как за свой труд они не получают заработную плату, а довольствуются едой, местом для ночлега и одеждой. «*…так поступали раньше китайские купцы. И вот теперь как будто это время снова вернулось в наши края. Людей просто обманывают, а тем некуда деваться, потому что другой работы в районе нет. Все места захвачены давно, и стоит живая очередь*...» (ПМА Березницкий 2019).

В законе 1999 г. «О гарантиях прав КМНС РФ» сказано, что родовые и семейные общины КМНС, занимающиеся традиционными отраслями хозяйствования, освобождаются от налогообложения за землю, за доходы от реализации продукции, полученной в результате ведения традиционных видов промысла, за пользование водными объектами при добыче (вылове) водных биоресурсов для удовлетворения личных нужд в пределах установленных лимитов (квот). Однако эта налоговая льгота не распространяется на оплату труда наемных работников. Вот это исключение и привело к появлению в последние годы категории «батраков» из числа КМНС, которые работают в многочисленных родовых и семейных общинах без получения заработной платы. Их труд оплачивается частью добы-

[13] Копытка — народное название опасного заболевания некробациллёз, некробактериоз (Лайшев, Забродин 2012: 36–40; Казановский, Карабанов, Клебенсон 2011: 9–13). Если олени долго находятся на одном месте, они быстро вытаптывают тонкий растительный покров тундры. В образовавшейся жидкой грязи быстро размножаются бактерии, которые и поражают копыта оленей и даже внутренние органы. Эта инфекция наносит огромный ущерб стаду, потому что распространяется мгновенно. Степень поражения животных зависит от их физического состояния. Если олени хорошо питаются, то они могут легче перенести копытку, а если истощенные, то неизбежно наступает летальный исход. Прежде всего заболевают телята, у которых тело нежное.

ваемой продукции (рыба, мясо, дикоросы и т.п.). Европейский стереотип уклонения от уплаты налогов был быстро адаптирован в хозяйственной деятельности ряда родовых хозяйств КМНС разных форм собственности, но со своей этнокультурной спецификой.

Необходимо подчеркнуть инициативу отдельных информантов, которые прилагают огромные усилия для возрождения традиционных отраслей хозяйства, упряжного собаководства. В частности, у нивха А.Ю. Нхиргука желание иметь собственную собачью упряжку появилось еще в детстве, когда он общался со своими дедами, один из которых был знаменитым на весь Сахалин каюром, а другой — не менее известным рыбаком. Они учили его охотиться и ловить рыбу в заливе Набиль, комфортно обустраиваться на промысле в избушке, грести на лодке, заготавливать дрова, правильно (т.е. без ущерба для природы) собирать стланик, пилить морской плавник, угощать духов-хозяев местности перед выездом на промысел и на самом промысле, обращаться к духам-хозяевам на нивхском языке.

А.Ю. Нхиргук создал в Луньском заливе в 2007 г. общину «Кеност» («Восход солнца») для ловли рыбы, а в 2016 г. — семейно-родовую общину «Луньво» для возрождения нивхского собаководства. Писал письма в разные инстанции, просил помощи, подавал заявки на гранты в нефтяные компании. Постепенно у него появилось четыре собаки породы хаска. Потом компания «Сахалин энерджи» выделила деньги на покупку двух маламутов в Корсакове и Хабаровском крае на собачьей выставке в питомнике. Технология выращивания и воспитания ездовой собаки А.Ю. Нхиргука основана на терпении и любви к собакам, которых в детстве он кормил геркулесом, гречневой сечкой, отварной рыбой (бычок, навага, кунжа, горбуша). Рыбу резал на кусочки и варил с крупой с небольшим добавлением соли, летом давал собакам несоленую юколу. До двухмесячного возраста щенки жили в доме, после шести месяцев их переселяли в закрытый вольер, где есть собачья кухня, внутренний дворик с деревянными полами. Первый год своей жизни собаки жили вольно, постепенно учились понимать простые команды на русском языке. Потом их стали приучать к упряжке, к работе в нарте. По словам А. Нхиргука, в этом процессе помогала природа животных: хаски сами любят тянуть нарту, это собаки скоростные, любящие создавать темп бега, настроение в упряжке, а маламуты — сильные собаки, хорошо тянут груз, но тяжеловесны. Нарта у А. Нхиргука пока алюминиевая, так как изготовление на заказ традиционной, деревянной, стоит 70 тыс. руб. Постромки из полипропилена он заказал через интернет. По мнению Нхиргука, такие постромки более удобные, чем традиционные, так как не обмерзают, не «дубеют» при низких температурах, не намокают и к ним не пристает грязь, хотя в традиционной культуре нивхи делали постромки из нерпичьей кожи. Нхиргук участвует в различных заседаниях, слетах, советах, конференциях, для того чтобы быть в курсе политической и законодательной обстановки в стране. По его словам, он пришел к пониманию того, что требуется для нивхской культуры, чтобы человек чувствовал себя в ней комфортно. Основными причинами возрождения упряжного собако-

водства, которое на Сахалине не бытует уже около 50 лет, Нхиргук назвал (по степени важности для него) красоту, патриотизм, родную культуру, энергетически более выгодный транспорт, чем снегоходы или автомобили. Есть перспектива в будущем заняться этническим экологическим туризмом: «*…в будущем я планирую возить на собаках туристов на залив. Там есть что показать. Например, как гнездятся орланы. Это огромные, красивые птицы. Шуметь там нельзя. Поэтому нельзя использовать моторную лодку или снегоход, а на собачьей упряжке можно…*» (ПМА Березницкий 2019).

Собранные в этнографической экспедиции на Сахалине материалы подтвердили в целом имеющуюся в трудах о народах Севера парадигму об одной из самых характерных особенностей их промыслов — щадящее отношение к хрупкой северной природе, бережное расходование ее даров: дикоросов, животных, птиц, рыбы и т.п. Подтверждением устойчивого бытования этого стереотипа является комплекс мифологических и космогонических воззрений, промысловых культов, верований и ритуалов. Однако в этом комплексе компонентов духовной и промысловой культуры можно выявить амбивалентный образ охотника. С одной стороны, общество старается воспитывать удачливого промысловика, способного прокормить результатами своей деятельности не только себя, свою семью, но и сородичей, не имеющих возможности охотиться: стариков, больных, инвалидов, вдов, сирот. Для этого с младенчества используется промысловая магия: над колыбелью вешаются амулеты, изготовленные из когтей или черепов промысловых зверей, чтобы их качества передались будущему охотнику или рыбаку.

Известный отечественный ученый С.А. Арутюнов провел исследование на конкретных примерах многих народов мира, находящихся на традиционном уровне социально-экономического развития, проживающих в различных климатических условиях, и пришел к выводу, что в хозяйственно-культурном комплексе любого народа присутствуют экофильные и экофобные компоненты, причем последние нередко преобладают (Арутюнов 2002: 375).

Народная педагогика коренных народов Сахалина полна примерами того, что мальчика с детства учили быть удачливым охотником, знатоком промысла, местности, повадок зверей, рыбы, путей их миграции; девочка с малых лет осваивала приемы быстрой обработки добычи, не допуская ее порчи, технологию изготовления удобной и прочной промысловой одежды и обуви, училась ухаживать за собаками или оленями. С другой стороны, промысловая этика гласит, что никогда нельзя добывать зверей, птиц, рыб, морских животных, съедобных или лекарственных растений больше необходимой нормы. За нарушение этого предписания в традиционной культуре неизбежно следовали осуждение сородичей, рекомендации старейшин об изменении промысловой технологии, наказание со стороны многочисленных духов-хозяев местности (тайги, тундры, моря, рек, озер, болот, скал, утесов, ущелий и т.п.), сверхъестественных существ, дарующих человеку промысловую удачу, фарт, мифических предков, выступающих в образе медведя, различных птиц, душ предков, ушедших в верхние миры.

Нивхи, уйльта, эвенки Ногликского и Тымовского городских округов принимают активное участие в работе фольклорных ансамблей «Пила Кен» («Большое солнце»), «Тамарелкаш» («Непоседы»), «Ари ла миф» («Земля северного ветра»), «Кех» («Чайка»), «Морошечка», «Мэнгумэ Илга» («Серебряные узоры»). Аборигены острова участвуют в спортивных праздниках, фестивалях, выставках декоративно-прикладного искусства, конкурсах этнической пищи, организуют и проводят традиционные ритуалы кормления воды, угощения духов-хозяев, праздники «День оленевода», фестивали «Наследники традиции», областные детско-юношеские фестивали художественного творчества КМНС. Выступают с программами: «Легенды Севера», «Гудее дуннэ» («Красивая земля»), исполняют номера на этнических музыкальных инструментах. Большой интерес вызывают конкурсы выставок декоративно-прикладного творчества: соревнований мастеров со своими изделиями из бересты, рыбьей кожи, мастер-классы по изготовлению традиционного костюма из меха и кожи, игрушек, по вышивке, резьбе по дереву и кости.

Большую финансовую помощь в организации родовых праздников оказывают нефтяные компании Сахалина, которые выделяют гранты, оказывают спонсорскую поддержку, привозят на праздник продукты, подарки, спортивное оборудование, призы и т.п. Однако люди, без учета возраста, социального положения, не думая о наградах и призах, азартно соревнуются в одиночку и семьями в различных спортивно-развлекательных состязаниях: гонки верхом на оленях, бросание топора на дальность, бросание аркана (маута) на оленя на точность, прыжки через нарты, прохождение по бревну, бег с собакой по пересеченной местности, бег на скорость, когда надо удерживать теннисный шарик на ракетке, и т.п. Большой интерес вызывают состязания в установке чума на скорость, в скорости вылова рыбы и мастерстве приготовления из нее ухи, качество которой тут же оценивают гости и судейская комиссия. По словам информантов, участие в перечисленных мероприятиях на долгое время заряжает их позитивной энергией, которая помогает адаптироваться к современным жестким условиям рыночной экономики, новым формам социальных отношений.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выяснены основные аспекты современной культуры коренных народов Сахалина (нивхов, уйльта, эвенков), методы, механизмы и технологии промысловой деятельности, оленеводства, быта, духовной культуры. Выявлены этнокультурные особенности использования энергии коренными народами Сахалина, что проявляется в способах добычи даров природы (мясо и шкура рыбы лососёвых и частиковых пород, нерпы, технические, лекарственные и съедобные дикоросы), в способах использования их в пищевой модели, в быту, в комплексе одежды и обуви, механизмы получения комфортных условий жизни с применением современных средств транспорта и связи. Анализ собранного материала о современных промыслах коренных народов Сахалина (рыболовство, охота, оленеводство) показал, что концепция Маршалла Салинза работает только в ее первом пункте. Коренные народы Сахалина для обеспечения комфортной жизни и быта стараются макси-

мально обеспечить себя энергетическими ресурсами, используя окружающую природу. При этом они твердо убеждены в том, что имеют на это полное право, так как на Сахалине испокон веков жили их предки, ловили рыбу, нерпу, разводили оленей, охотились на диких животных и птиц, шили из их шкур одежду и обувь, изготавливали жилища, музыкальные инструменты; родная природа давала вдохновение для создания мифологической картины мира, сочинения песен и других форм фольклора.

Согласно теоретическим разработкам С.А. Арутюнова о наличии в хозяйственно-культурном комплексе любого народа экофильных и экофобных компонентов, общество, с одной стороны, заботится о сохранении природных ресурсов, но, с другой — этнографами зафиксированы многочисленные случаи чрезмерной добычи животных, большая часть которых не используется для производства пищи, в хозяйстве и быту. Арутюнов доказывает это на примере эскимосов, которые проявляли чрезмерные черты экофобии при добыче морских животных, в том числе самок и молодняка (Арутюнов 2002: 376). Однако здесь же он подчеркивает экофильную составляющую эскимосской культуры, проявляющуюся при заготовке травы для подстилки в жилищах, утепления обуви. Старейшины давали разрешение на сбор этой травы только осенью, с наступлением заморозков, чтобы не повредить корневую систему растений. Конечно же, добыча морских животных играет гораздо более важную роль в системе жизнедеятельности народа, чем сухая трава для улучшения комфорта проживания в традиционных жилищах и при ношении обуви. Арутюнов считает, что сверхнормовая добыча морских животных является сохраненной традицией палеолита. Эскимосские зверобои, добывая огромное количество животных, знали, что смогут употребить в пищу только небольшую их часть. В результате периодически наступали голод и депопуляция.

Проблему соотношения необходимости добычи даров природы для сохранения традиционной культуры с концепцией бережного отношения к этим дарам поставил И.И. Крупник при разработке концепции арктической этноэкологии (Крупник 1989: 5–6, 15 и сл.). По его наблюдениям, северные охотники, морские зверобои добывали животных и в пылу охотничьего азарта думали лишь о необходимости выживания с помощью этих природных энергетических ресурсов, при этом рациональное природопользование сочеталось с нерациональным.

* * *

В первой четверти XXI в. коренные народы Севера, прежде всего ненцы-оленеводы Ямала и Таймыра, сумели приспособиться к изменившимся идеологическим, экономическим реалиям России гораздо легче, чем оседлые аборигены, испытавшие большее воздействие европейской культуры в энергопроизводящих и энергопотребляющих технологиях, инфраструктуре, повседневном быте, комплексе верований и праздников. В свою очередь, коренные народы арктических регионов значительно изменили региональную идентичность и адаптационные

возможности европейских переселенцев в условиях Севера (Головнёв 2006: 183–184). Однако в других регионах (Якутия, Чукотка) наблюдается локальная и региональная специфика, выражающаяся в трансформации оленеводческих технологий, уменьшении количества оленей из-за влияния политических, экономических и других факторов (Литвиненко 2014: 103–113).

Сравнительный анализ этнокультурных особенностей технологий получения из окружающей среды энергии и ее расходования для обеспечения системы жизнедеятельности коренными и переселенческими народами в регионах Арктики, Севера, Сибири и Дальнего Востока показал не только культурную эволюцию этих механизмов, но и определенную трансформацию архетипической северной модели. Аборигенная энергетическая система, созданная в результате длительного адаптационного процесса в условиях Севера, сохраняется в настоящее время в своих базовых институтах, но постепенно и неуклонно включает в себя все новые формы вторичной для нее модели, привнесенной европейскими, славянскими, восточноазиатскими народами в виде инокультурных образцов энергии, транспорта, связи, жилища, орудийного комплекса, активно используемых в промысловых технологиях и, следовательно, влияющих на создание новых форм адаптации аборигенов к изменяющейся окружающей среде. Несмотря на проблемы традиционных промыслов коренных народов Севера, их система жизнеобеспечения, в том числе и потребления различных источников энергии, большинством специалистов в сфере сибирской этнографии считается более адаптивной, чем у некоренных народов, основанной на технологии добычи углеводородов, запасы которых, по сравнению с одомашненными и дикими промысловыми животными, не возобновляются. Численность же представителей европейской культуры в северных и дальневосточных регионах продолжает стремительно уменьшаться. Среди основных причин этого процесса можно назвать следующие: фундаментальное изменение характера поиска источников благосостояния; более комфортный образ жизни в крупных городах с возможностью зарабатывать достаточный объем финансовых средств в привычном, мягком климате и удобной городской инфраструктуре; уменьшение интереса подрастающего поколения к традиционным отраслям хозяйства; поверхностность стратегических, этнокультурных, образовательных, социально-политических и других программ.

Глава 2
РАЗНОНАПРАВЛЕННОСТЬ ТРЕНДОВ В ТРАДИЦИОННОМ ОЛЕНЕВОДСТВЕ НАРОДОВ СИБИРИ И АРКТИКИ

Разнонаправленность региональных трендов в северном оленеводстве России в последние годы привлекает специальное внимание исследователей. Анализу трендов и поиску причин, почему в большинстве районов поголовье северных оленей уменьшается, но в некоторых продолжает расти, уже посвящено несколько работ (Klokov 2007; 2011; 2012; Литвиненко 2014; Баскин 2016; Uboni et al. 2016; Антонов и др. 2018; и др.). Вопрос этот важен не только с позиций фундаментальной науки — для понимания закономерностей эволюции систем природопользования, но и с практической точки зрения, так как оленеводство коренных народов является объектом поддержки Российского государства, на которую тратятся весьма значительные средства из федерального и региональных бюджетов. Очевидно, что лучшее понимание причин изменения поголовья оленей и устойчивости различных форм оленеводческого хозяйства позволило бы использовать эти средства более результативно.

Если рассматривать оленеводство как региональную этнохозяйственную систему, то различия в направлениях его эволюции в разных районах в самом общем случае могут быть связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, в разных местах на однотипные системы оленеводства могут действовать различные по характеру и силе воздействия факторы; во-вторых, сами системы оленеводства разных районов могут существенно различаться, и поэтому действие одного и того же фактора вызывает у них неодинаковые реакции. В этой главе я постараюсь показать, что имеет место и то и другое, и разобраться, в каких именно регионах мы сталкиваемся с первым случаем, а в каких — со вторым.

2.1.
Материалы и методы

Для этого я воспользуюсь итогами этнологических исследований, проведенных в различных оленеводческих регионах России, в которых я участвовал за последние 10 лет, опубликованными за последние годы материалами разных авто-

ров, характеризующими состояние оленеводства в отдельных регионах, и данными официальной статистики по динамике поголовья домашних оленей.

В ежегодных справочниках Федеральной службы государственной статистики РФ[1] (ФСГС РФ) приводятся данные о поголовье домашних северных оленей по регионам Крайнего Севера за несколько последних лет подряд и интервальные данные за одно-два десятилетия. Чтобы составить сплошной динамический ряд, нужно объединять данные справочников, опубликованные в разные годы. При этом возникает ряд затруднений. Во-первых, административно-территориальное деление России неоднократно менялось, поэтому не все данные сопоставимы. В последние десятилетия из справочников исчезли данные по трем автономным округам: Таймырскому и Эвенкийскому, статус которых был понижен до муниципальных районов Красноярского края, и Корякскому, который вошел в состав Камчатского края. Данные по Ненецкому автономному округу, территория которого вошла в состав Архангельской области, продолжают публиковаться, так как округ сохраняет свой статус. Во-вторых, искажения в динамические ряды вносит также изменение границ субъектов РФ и административного подчинения входящих в них оленеводческих хозяйств. В качестве примера можно привести переход в 2005 г. колхоза «Ижемский оленевод» — центральная усадьба которого расположена на территории Республики Коми, а пастбища в пределах этой республики и Ненецкого автономного округа — в подчинение Ненецкого автономного округа. До 2005 г. поголовье оленей этого хозяйства учитывалось в итогах по Республике Коми, а с 2006 г. — в итогах по Ненецкому автономному округу.

Кроме этого, ФСГС РФ произвела пересчет данных о поголовье скота в хозяйствах населения нескольких регионов задним числом по итогам сельскохозяйственной переписи 2016 г. В связи с этим данные о поголовье оленей у населения и, соответственно, суммарные данные по всем категориям хозяйств в официальных статистических справочниках издания до 2017 г. и более поздних существенно различаются.

Данные о поголовье оленей на уровне административных (муниципальных) районов по всей территории РФ доступны в базе данных муниципальных образований ФСГС РФ с 2008 г. Они не совсем полные и, по-видимому, несвободны от ошибок, но все же позволяют перейти на иной качественный уровень анализа статистики оленеводческого хозяйства. В базе для каждого района приведены четыре цифры: по всем категориям хозяйств, по организациям (сельскохозяйственным предприятиям и общинам КМНС), по крестьянским фермерским хозяйствам (КФХ) и индивидуальным предпринимателям (ИП), по хозяйствам населения. По ряду регионов данные о поголовье оленей в районном разрезе, а иногда даже в разрезе сельских поселений (в прошлом — сельских советов), за прошедшие годы содержатся в статистических справочниках, выпускавшихся регио-

[1] Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2018 годах. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2019; аналогичные издания за предшествующие годы.

нальными органами ФСГС РФ. Такие справочники есть в региональных библиотеках и архивах. В очень редких случаях администрации некоторых муниципальных образований публикуют такие данные на своих сайтах. Примером может быть сайт администрации Таймырского муниципального района Красноярского края, где приведены отчеты за 2017 и 2018 гг., содержащие данные о поголовье домашних оленей в разрезе четырех сельских поселений, границы которых соответствуют границам существовавших в прошлом четырех районов упраздненного Таймырского автономного округа.

В региональных архивах, в фондах управлений государственной статистики можно найти ежегодные отчеты и разработочные таблицы с данными о поголовье оленей, иногда — с более или менее длинными динамическими рядами. Ежегодный статистический учет поголовья оленей проводился и проводится раздельно по разным категориям хозяйств, но количество таких категорий в разные исторические периоды различалось. Например, в советский период в общественном секторе отдельно выделялись колхозы, совхозы, рыболовецкие колхозы, рыбозаводы, коопзверопромхозы и другие типы хозяйств; в личном секторе — хозяйства колхозников, хозяйства государственных служащих (к ним относились и личные олени оленеводов, работавших в совхозах), хозяйства единоличников. Кроме того, в отчетах обычно есть данные группировки хозяйств населения по числу оленей. В фондах управлений сельского хозяйства — в отличие от фондов статистики, — как правило, есть сведения только об оленеводстве сельскохозяйственных предприятий. То есть данные о хозяйствах населения, а также о поголовье оленей на рыбозаводах, в коопзверопромхозах и на иных предприятиях, не подчиненных этим управлениям, там отсутствуют. Зато в этих фондах есть другие сведения об оленеводческом хозяйстве: возрастно-половая структура и оборот стада, забой оленей, производство и реализация оленины, непроизводительный отход оленей (травеж хищниками, падёж, потери), сохранность взрослого поголовья оленей, деловой выход телят на 100 маток и пр. Во многих случаях эти же показатели можно обнаружить и в фондах статистики в специальных сборниках и справках о состоянии оленеводства или сельского хозяйства в целом. Эпизодически некоторые из этих сведений публиковались в региональных статистических сборниках, а также в работах, посвященных развитию оленеводства того или иного региона (см., например: Корчмит 2001). Три раза — в 1961, 1978 и 1990 гг. в сборники Госкомстата РФ по Крайнему Северу были включены данные о поголовье северных оленей в разрезе административных районов.

В личном архиве автора имеются непрерывные динамические ряды данных о поголовье домашних северных оленей на 1 января по всем субъектам РФ с 1951 г., по большинству муниципальных районов Российской Арктики — с 1990 г., а по некоторым из них — с 1960 г. Эти данные были собраны автором совместно с С.А. Хрущевым в архивах и региональных управлениях статистики и сельского хозяйства, значительная их часть опубликована (Клоков, Хрущев 2004). Эти данные, а также некоторые другие показатели оленеводческого хозяйства, полученные автором в региональных органах управления сельского хозяйства, были использованы при написании этой главы.

Для анализа указанных выше материалов применялся в основном сравнительный метод. Для выявления синхронности или же асинхронности трендов поголовья оленей было построено большое число графиков и диаграмм по территориальным единицам различного уровня — субъектам РФ и муниципальным районам, а в некоторых случаях также и по отдельным оленеводческим хозяйствам. Литературные данные разных авторов по оленеводству различных регионов также сопоставлялись друг с другом для выявления общих черт и различий между положением в них оленеводства, а также для попыток объяснения этих различий.

2.2. Анализ трендов поголовья оленей на региональном уровне

Официальные данные о поголовье домашних северных оленей в России в начале XX в. (1455 тыс. голов в 1906 г. и 1674 тыс. голов в 1912 г.), скорее всего, значительно занижены в связи с неполным учетом поголовья (Оленеводство 1916). С.В. Керцелли (1929: 123) оценил поголовье домашних северных оленей в России на 1913 г. в 3 млн. Первый более или менее полный учет поголовья оленей был проведен во время Приполярной переписи 1926–1927 гг. Однако в ее официально опубликованных итогах приведены противоречивые и неожиданно низкие цифры — 1810 тыс. голов и 1773 тыс. голов (Похозяйственная перепись 1929: 14–15). Проанализировав данные этой переписи, В.Г. Богораз-Тан (1932б: 42) пришел к выводу, что оценка в 2265 тыс. голов, сделанная на основании данных этой же переписи С.В. Керцелли (1929: 123), более правдоподобна. С тех пор численность домашних оленей в России постоянно менялась, причем эти изменения обуславливались в основном социальными и экономическими причинами. Есть мнение, что на федеральном уровне эти колебания были связаны главным образом с политическими и маркоэкономическими факторами, а на локальном — с социально-этнокультурными и природными (Литвиненко 2014; Антонов и др. 2018).

2.2.1. *Советский период*

В советское время, а отчасти и после его окончания механизм воздействия на оленеводство государственной политики заключался главным образом в поддержке одних форм собственности и в противодействии другим. Было два исторических периода, когда это воздействие проявлялось наиболее сильно: коллективизация 1930–1940-х годов и рыночные реформы 1990-х годов (рис. 4). Оба они сопровождались катастрофическим снижением поголовья оленей: в первом случае за счет сокращения числа животных в личном секторе, во втором случае — в общественном. В результате коллективизации общее поголовье оленей к 1934 г. сократилось до 1443 тыс. голов. После коллективизации оно восстановилось и росло до конца 1950-х годов, а потом стабилизировалось и долго колебалось на уровне более двух миллионов голов (Клоков, Хрущев 2004: 22).

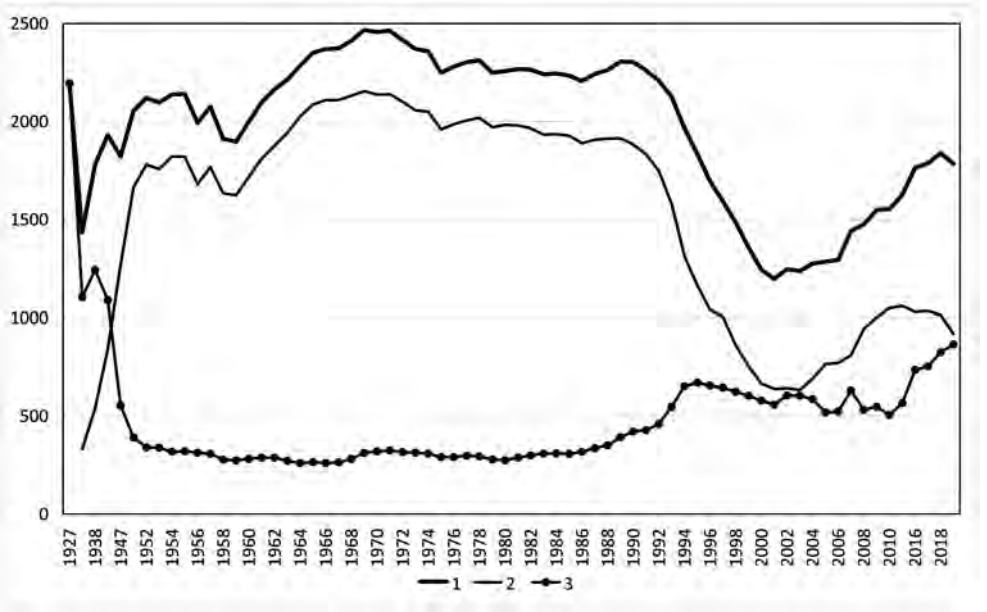


Рис. 4. Динамика поголовья домашних северных оленей в России (тыс. голов):
1 — все категории хозяйств; 2 — хозяйства общественного сектора (организации);
3 — частный сектор, включая хозяйства населения, КФХ и ИП

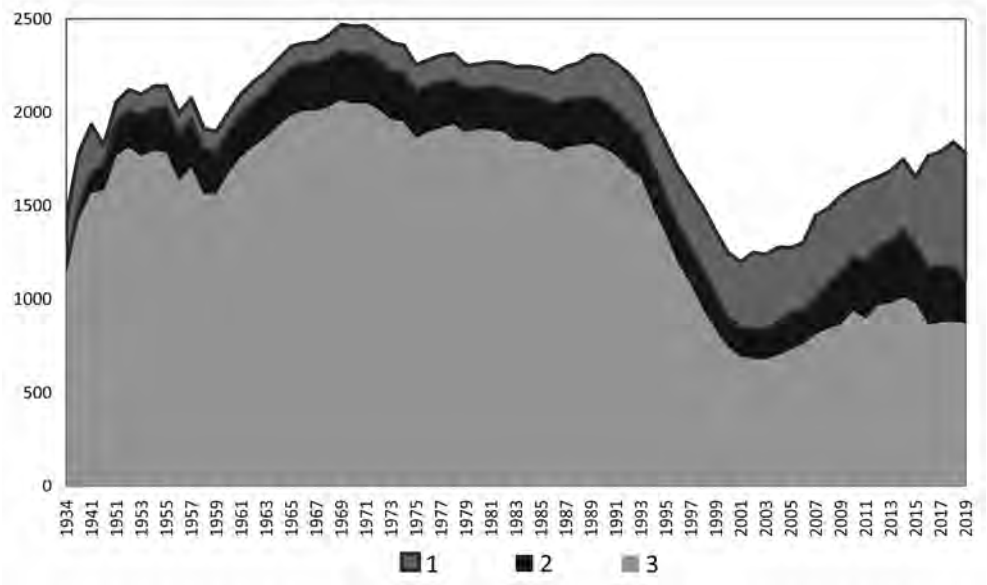
Важным для оленеводства событием было огосударствление всего сельского хозяйства в 1950–1960-е годы, когда колхозы были преобразованы в совхозы. Поголовье оленей в результате этого преобразования несколько увеличилось, а в самом оленеводстве произошли структурные сдвиги, усилившие позиции общественного сектора. Доля личных оленей после коллективизации продолжала снижаться и достигла минимума — 11% в 1966 г. (Клоков, Хрущев 2004: 22). Советское государство ставило целью увеличить поголовье всех видов скота, включая и северных оленей, даже там, где для этого не было благоприятных природных и экономических условий и где это противоречило традициям местного населения.

Несмотря на общую установку на рост поголовья, обусловленное советской идеологией правовое регулирование животноводства (включая оленеводство) было направлено на сдерживание роста и даже на уменьшение количества скота в частных хозяйствах. Кроме того, государственная система управления сельского хозяйства ставила своей задачей выравнивание экономических условий, т.е. поддержку в большей степени тех хозяйств, которые находились в худших условиях. Такая политика приводила к нивелированию влияния на результаты хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий региональных и локальных факторов. Изменения направленности трендов поголовья оленей в большинстве регионов происходили чаще всего синхронно. После кратковременного спада в 1946–1947 гг. отмечался рост до 1954 г., но затем, в 1955–1959 гг., числен-

ность оленей снова сократилась на 12%. Дальнейший рост оленеводства можно связать с Постановлением Совмина СССР от 16.03.1957 № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» и Постановлением Совмина РСФСР от 6.09.1958 № 1038 «О мерах по дальнейшему развитию северного оленеводства». В 1960-е годы, после преобразования колхозов в совхозы и увеличения государственной поддержки наблюдался устойчивый рост поголовья, максимум которого (2467 тыс. голов) был достигнут в 1969 г. В 1970–1980-е годы наступила стагнация. С 1969 по 1986 г. поголовье сократилось на 11% — до 2206 тыс. оленей, но к 1989 г. снова повысилось до 2306 тыс. Основной вклад в этот прирост внес в данном случае частный сектор оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО). Рост поголовья в нем начался еще с 1960 г., но первые годы был слабо выражен. При этом число оленей в сельскохозяйственных предприятиях ЯНАО начиная с 1986 г. медленно снижалось (рис. 5).

С начала 1960-х годов стала заметна общая тенденция к снижению поголовья в таежном оленеводстве. Она была объективно обусловлена уменьшением спроса на оленей как транспортных животных, притом что разведение оленей на мясо в тайге было экономически невыгодным (Jernsletten, Klokov 2002; Klokov 2007). Хотя советская система управления сельским хозяйством, добиваясь роста поголовья, часто игнорировала объективные экономические факторы, они все же оказывали свое влияние на результаты хозяйственной деятельности оленеводческих хозяйств.

Рис. 5. Вклад общественных и личных оленеводческих хозяйств ЯНАО в общее поголовье домашних северных оленей России (тыс. голов): 1 — хозяйства населения ЯНАО; 2 — хозяйства организаций (сельскохозяйственных предприятий и общин) ЯНАО; 3 — все категории хозяйств всех остальных регионов России



В 1980-е годы появляется тенденция к снижению поголовья оленей на северо-востоке страны. Это снижение было связано с целым комплексом причин, которые действовали по всему Северу России, но в этом регионе проявились особенно сильно. Во-первых, сложилась критическая обстановка с кадрами в оленеводческих совхозах. Борьба с бытовым кочеванием, интернатская система воспитания детей и другие советские преобразования нарушили преемственность поколений, и приток в оленеводство молодежи почти прекратился. Во-вторых, непрерывный рост поголовья в предшествующие годы привел к истощению пастбищных ресурсов. Проиллюстрируем это цитатой: «…Пастбища катастрофически уменьшаются, а поголовье продолжает расти. Мы не даем пастбищам, как положено, отдыхать, травим ягель, практически рубим сук, на котором сидим. И мы бессильны что-либо сделать. Но ведь все наши беды знают в райисполкоме. Однако помощи пока никакой. Оленеводство так и остается на правах пасынка» (Газета «Корякский коммунист», Палана, 1986; цит. по: Корчмит 2001: 135–136).

Наряду с этим в некоторых регионах существовали свои причины, обусловившие значительное сокращение поголовья оленей. Так, летом 1955 г. Большеземельскую тундру охватила эпидемия ящура, вызвавшая массовую гибель животных (Истомин 2010: 332). В результате поголовье оленей в Республике Коми за один год сократилось с 214 тыс. до 123 тыс. голов. В соседнем регионе — Ненецком автономном округе число оленей уменьшилось со 176 тыс. до 146 тыс.

В Таймырском автономном округе поголовье домашних оленей снизилось со 123 тыс. голов в 1967 г. до 71 тыс. голов в 1983 г. из-за начавшегося в конце 1960-х годов резкого роста численности популяции дикого северного оленя и комплекса экономических причин, связанных с этим ростом (Клоков, Хрущев 2004).

В целом же по РФ поголовье оленей с 1960 по 1991 г. оставалось относительно стабильным, так как негативные тренды в одних регионах компенсировались позитивными в других.

2.2.2. *Период рыночных реформ*

В период рыночных реформ с 1990 г. началось резкое снижение общего поголовья оленей в сельскохозяйственных предприятиях, а с 1995 г. — также и поголовья личных оленей. Общее сокращение составило огромную величину — более 1 100 тыс. голов, т.е. было почти двукратным. Минимум — 1197 тыс. голов — был достигнут в 2001 г. Лишь в одном регионе — ЯНАО сокращения поголовья не было. Там продолжался его рост, начавшийся еще в 1980 г., причем замедления темпов этого роста не произошло (см. рис. 5). Во всех остальных регионах сокращение количества оленей продолжалось более 10 лет и в основном закончилось к 2001–2003 гг. Из шести регионов, имевших перед кризисом более 100 тыс. оленей (не считая ЯНАО), больше всего — в 5–9 раз — уменьшилось число оленей в Магаданской области, Чукотском и Корякском автономных окру-

гах. В Якутии оленей стало меньше в 2,8 раза, а в Республике Коми и Ненецком автономном округе — только в 1,3–1,6 раза.

В таежной зоне оленеводство, как уже было отмечено, начало терять поголовье оленей еще в советский период. Регионами-лидерами, в которых насчитывалось более чем по 20 тыс. оленей, тут были ХМАО, Эвенкия, южная Якутия[2] и Хабаровский край. Во всех этих регионах, кроме южной Якутии, поголовье оленей начало заметно снижаться уже с начала 1960-х годов. Это, как уже было отмечено, можно объяснить объективными экономическими причинами — снижением потребности в оленях как виде транспорта. Однако рыночные реформы обострили ситуацию. Из регионов-лидеров больше всего пострадали Эвенкия и Хабаровский край, где число оленей сократилось в 6 раз. В Камчатской области оно уменьшилось в 4 раза, а в ХМАО и южной Якутии сократилось лишь вдвое.

В остальных шести таежных регионах — республиках Бурятия и Тыва, Амурской, Иркутской, Сахалинской и Читинской областях — до кризиса в общей сложности было около 40 тыс. оленей, к 2003 г. их осталось менее 10 тыс. Больше всего сократилось поголовье на Сахалине (с 4 тыс. до 200–300 голов) и в Читинской области (в 16 раз — с 9 тыс. до 0,6 тыс.).

Спровоцированный реформами кризис сильнее всего ударил по государственным предприятиям, в них поголовье сокращалось в первую очередь. Кроме того, в ходе реформирования и приватизации совхозов значительная часть поголовья была передана в частную собственность — в новые создававшиеся тогда формы хозяйств: фермерские, семейно- и общинно-родовые. Практически все они не сумели «вписаться» в новые рыночные отношения и через несколько лет лишились оленей, прекратили свое существование. В то же время не имевшие официального статуса (незарегистрированные) семейные домохозяйства оленеводов большей частью пережили период кризиса. В основном благодаря этому сохранился высокий уровень поголовья оленей в ЯНАО и не исчезло полностью оленеводство во многих таежных регионах. Впоследствии некоторые из этих хозяйств получили официальный статус как КФХ, общины или ИП.

В период кризиса 1990-х годов поголовье оленей особенно сильно снизилось в районах с плохими условиями для оленеводства (Клоков, Хрущев 2004). Это можно объяснить тем, что в советское время государство, руководствуясь принципом выравнивания условий хозяйствования, оказывало расположенным там оленеводческим хозяйствам более значительную поддержку. Результатом этого стал своего рода «сдвиг» областей с максимальным поголовьем оленей в районы, где условия более благоприятны (Литвиненко 2014; Антонов и др. 2018).

Кризис имел также положительные последствия для экологии: после резкого сокращения числа домашних оленей в северо-восточных регионах страны там начали восстанавливаться кормовые ресурсы пастбищ, которые в советский период были истощены из-за перевыпаса. Однако одновременно появилась про-

[2] При анализе динамики поголовья оленей по регионам целесообразно рассматривать южную Якутию как самостоятельный регион, в состав которого входят Алданский, Олекминский, Нерюнгринский и Усть-Майский районы (улусы).

блема дефицита кормовых ресурсов в ЯНАО — единственном регионе, где наблюдался продолжительный рост поголовья.

2.2.3. *Постсоветский период*

В постсоветский период после ликвидации плановой экономики разнообразие региональных трендов в оленеводстве ожидаемо увеличилось, так как прекращение государственной поддержки, выравнивавшей условия хозяйствования, сделало его более чувствительным и к региональным различиям, и к этническим особенностям сообществ оленеводов. Как отметил А.В. Головнёв (2013), «падение советского режима вызвало кризис социально-политической среды, к которой десятилетиями приспосабливались коренные жители… В обстановке кризиса решающую роль сыграли те неприметные прежде особенности, которые одним позволили преодолеть социальную стихию, других привели на грань катастрофы».

Вместе с тем в региональной динамике поголовья оленей сохранились и некоторые общие тенденции. Так, во многих регионах — Ненецком автономном округе, Якутии, Чукотке, Камчатском крае, Магаданской области и т.д. после минимума 2001–2003 гг. можно проследить более или менее заметный подъем, который через несколько лет в большинстве из них сменился новым постепенным снижением поголовья. В других регионах — Республике Коми, Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО), Забайкальском и Камчатском краях этого снижения не было и слабый рост поголовья продолжается до сих пор. Особняком по-прежнему остается ЯНАО, где интенсивный рост продолжался до 2018 г. Продолжается также рост поголовья оленей в Красноярском крае за счет ненецкого оленеводства на левобережье нижнего течения Енисея.

В числе регионов-лидеров — с поголовьем более 100 тыс. оленей — на 1.01.2019 остались только ЯНАО (905,6 тыс.), Ненецкий (179,6 тыс.) и Чукотский (142,0 тыс.) автономные округа и Якутия (146,6 тыс.). В таежных регионах наибольшее количество оленей сейчас в ХМАО — более 50 тыс. голов, и в южной Якутии — около 20 тыс. голов.

2.3. Анализ трендов поголовья оленей по этнохозяйственным ареалам

Как показали результаты уже проведенных исследований (Клоков, Хрущев 2004; Klokov 2007; 2011; 2012), области с различными трендами поголовья оленей в значительной степени соответствуют этнохозяйственным ареалам различных традиционных типов оленеводства. Поэтому приведенный выше анализ статистики на макроуровне целесообразно дополнить анализом данных о поголовье

оленей по муниципальным (административным) районам, сгруппировав их по этнохозяйственным ареалам. Однако провести такую группировку не просто: хотя очевидно, что технологические особенности оленеводства связаны с этническими традициями, прямого соответствия между ними и этническим составом оленеводческого населения не прослеживается. Авторы одной из недавно опубликованных работ (Истомин и др. 2017: 114) подчеркивали, что представители разных этнических групп, живущие в одном районе, часто используют один и тот же комплекс технологических приемов оленеводства, а представители одного оленного народа в разных районах пасут оленей по-разному. Так, в современном оленеводстве коми-ижемцев на Кольском полуострове отсутствуют наиболее характерные черты технологической системы, первоначально сложившейся у этой группы: кочевание по вэргам и интенсивный выпас. Напротив, современное оленеводство ямальских ненцев очень близко к этой системе. Ненцы и коми-ижемцы Ныдинской тундры практикуют стационарные летние стоянки «большие чумы», по сути близкие к летним ярангам чукчей и коряков. Рассмотрев возможные подходы к типологии оленеводства на примере оленеводства коми-ижемцев, цитируемые авторы пришли к выводу, что для описания современной действительности правильнее говорить не об этнических, а о региональных системах оленеводства (например, кольской, надымской тундровой, нижнепуровской и др.). При этом понятия ижемское, ненецкое, чукотское и т.д. оленеводство могут применяться для обозначения определенных комплексов материальной и духовно-нормативной культуры, а не сочетаний конкретных технологических приемов, которые могут быть использованы разными народами (Истомин и др. 2017: 119–121).

Аналогичный подход использован и в этой работе. Территорию, занимаемую каждой региональной системой оленеводства, можно рассматривать как этнохозяйственный ареал, формирование и эволюция которого связаны как с факторами региональной среды, так и с этнокультурными особенностями территориальных полиэтнических общностей (Клоков 1997; 1998). Речь, таким образом, идет о районировании оленеводческого хозяйства с учетом этнических критериев, т.е. о выделении этнохозяйственных ареалов полиэтнических сообществ, занятых оленеводством. Очевидно, что при таком районировании нужно в первую очередь отделить крупностадное товарное оленеводство, характерное для тундровых, лесотундровых и горнотаежных областей, от типичного для таежных регионов преимущественно мелкостадного транспортного оленеводства. Разграничение, конечно, не может быть однозначным, так как существует довольно много переходных вариантов. Далее, территорию крупностадного оленеводства с учетом этнохозяйственных различий можно разделить на этнохозяйственные области, принимая во внимание преобладание среди оленеводов представителей тех или иных этнических групп, наиболее распространенные особенности системы содержания оленей и организации выпаса.

Первая такая область расположена к западу от Енисея, где оленеводством занимаются главным образом ненцы и коми-ижемцы и где всюду (кроме Кольско-

го полуострова) распространена система выпаса с постоянным контролем пастухов за стадом. Стада здесь хорошо управляемы, в них большой процент прирученных ездовых оленей. Далее к востоку, в тундровых и горных пространствах от Таймыра до Колымы расположена область преобладания оленеводства тунгусского типа, где оленей пасут долганы, эвены, эвенки, юкагиры и якуты. Тунгусское оленеводство первоначально сформировалось как таежное с полувольным выпасом оленей в летнее время, без строгого и постоянного контроля за стадом, как у ижемцев и большей части ненцев. В условиях тундры и под влиянием преобразований хозяйства в советский период оно было трансформировано и приближено к «эталону», в качестве которого в советское время рассматривалось ненецкое и коми-ижемское крупностадное оленеводство (Klokov 2016).

От бассейна реки Колымы и далее на восток до Тихого океана расположена область преобладания чукотского и корякского оленеводства, для которого в прошлом также была свойственна традиция держать оленей относительно свободно. Три указанные области крупностадного оленеводства различаются также и по породному составу оленей. В первой держат в основном оленей ненецкой породы, во второй — главным образом эвенской и эвенкийской, а в третьей — чукотской (харгинов).

Рассмотрим теперь более детально, как изменялось число оленей в этих трех областях за несколько последних десятилетий, используя для этого данные в разрезе муниципальных районов.

2.3.1. *Область преобладания ненецкого и коми-ижемского оленеводства*

В области преобладания ненецкого и коми-ижемского оленеводства в целом наблюдался положительный тренд — поголовье оленей выросло с 665,8 тыс. голов в 1959 г. до 1239,3 тыс. в 2019 г. Однако его динамика в разных районах существенно различалась. На севере ЯНАО, в Ямальском и Тазовском муниципальных районах, постоянный рост поголовья оленей начался еще в послевоенные годы (рис. 6). В 1951 г. в обоих районах вместе насчитывалось 128,2 тыс. оленей; за неполные 70 лет их поголовье увеличилось более чем в 5 раз — до 682,3 тыс. в 2018 г. Восточнее, на территории левобережья Енисея, которая входит в состав Таймырского муниципального района Красноярского края, рост поголовья наблюдался с начала 2000-х годов. За 20 лет (1999–2019) поголовье оленей здесь увеличилось с 33,7 тыс. до 121,2 тыс. — тоже четырехкратно. Западнее, в Приуральском районе ЯНАО, рост поголовья начался с 2006 г., за 13 лет число оленей выросло с 39,8 тыс. до 174,7 тыс. (более чем четырехкратно). Таким образом, область, в которой происходил рост числа оленей, за 20 лет существенно расширилась. В последние годы рост почти прекратился из-за перевыпаса и истощения пастбищ.

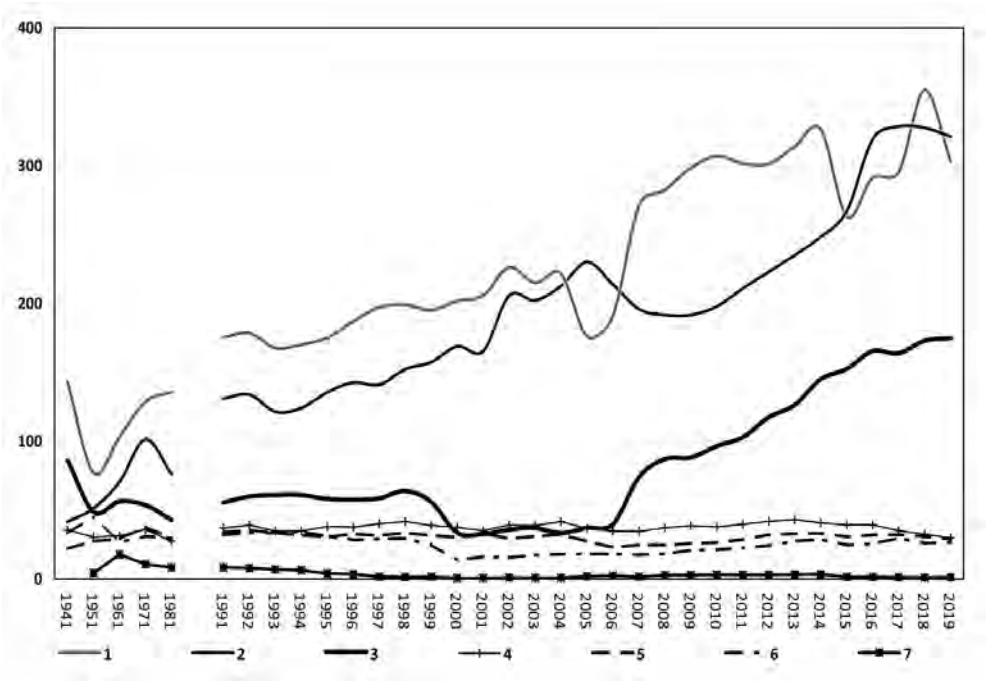


Рис. 6. Динамика поголовья домашних северных оленей
в муниципальных районах ЯНАО, все категории хозяйств (тыс. голов).
Районы: 1 — Ямальский; 2 — Тазовский; 3 — Приуральский;
4 — Надымский; 5 — Пуровский; 6 — Шурышкарский;
7 — Красноселькупский

Существенно, что рост поголовья шел здесь только за счет животных, находившихся в частном секторе, а поголовье оленей в общественной собственности при этом, наоборот, сокращалось (Южаков 2017б). По данным ФСГС РФ, в 2019 г. доля оленей в частной собственности, т.е. у населения, в ИП и КФХ, в Тазовском районе составляла более 88%, в Приуральском — 77%, Ямальском — 69%. Однако на сайте ФСГС РФ поголовье оленей, которые числятся за общинами, представляющими объединение нескольких кочевых семейных хозяйств, учитывается как собственность организаций, вместе с сельхозпредприятиями. На самом деле это олени таких же независимых кочевых хозяйств, как и олени, учтенные в хозяйствах населения. По данным окружной статистики ЯНАО, которая представляла сведения более детальные, чем на официальном сайте ФСГС РФ, на долю общин в Тазовском районе приходился 51% оленей, принадлежащих организациям, в Ямальском — 58%, а в Приуральском — 68%. Таким образом, на рассматриваемой территории в частном секторе сейчас реально находится около 90% оленей.

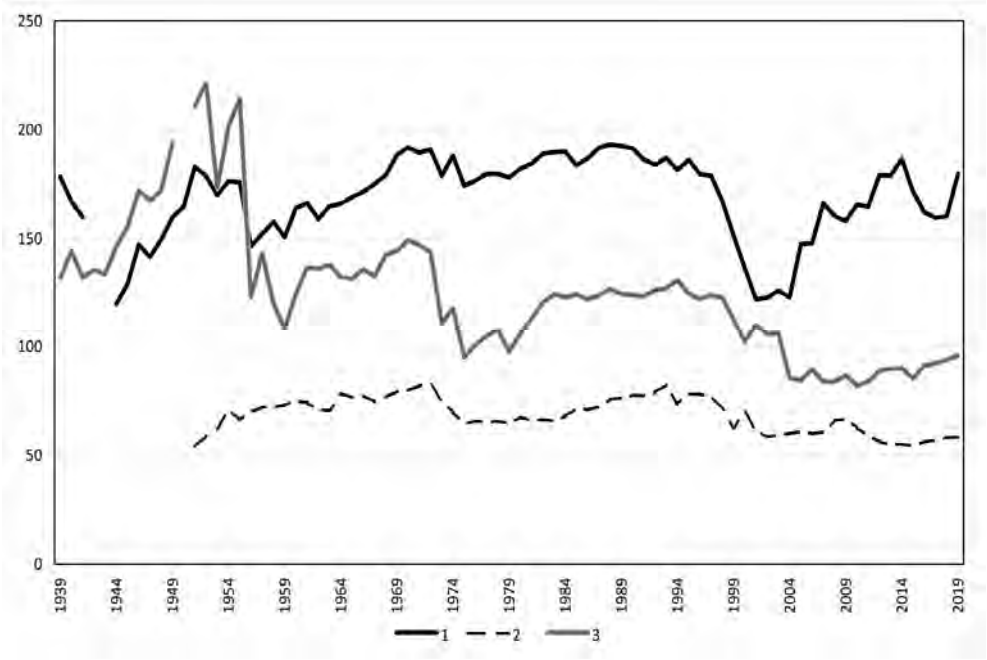


Рис. 7. Динамика поголовья домашних северных оленей в регионах Севера европейской части России (тыс. голов): 1 — Ненецкий автономный округ; 2 — Мурманская область; 3 — Республика Коми

Таким образом, 70 лет назад в области коми-ижемского и ненецкого оленеводства выделилась сравнительно небольшая по площади территория (четыре муниципальных района), на которой наблюдался быстрый рост поголовья оленей за счет частного сектора. В настоящее время здесь сосредоточено 79% всех оленей ненецко-ижемской этнохозяйственной области и более половины всех домашних оленей России. Во всех остальных тундровых и лесотундровых районах области ненецкого и коми-ижемского оленеводства динамика поголовья оленей характеризуется колебаниями при общей тенденции к снижению (рис. 7). Последняя более отчетливо выражена в Республике Коми (82 тыс. — 96 тыс. в 2010–2019 гг. против 120 тыс. — 130 тыс. в 1982–1998 гг.) и менее отчетливо — в Мурманской области (54 тыс. — 66 тыс. в 1999–2019 гг. против 70 тыс. — 80 тыс. в 1985–1998 гг.) и Ненецком автономном округе.

2.3.2.
Область преобладания чукотско-корякского оленеводства

Область преобладания чукотско-корякского оленеводства занимает всю территорию Чукотского автономного округа, за исключением Билибинского района, восточную часть Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия), большую часть Корякского автономного округа[3], а также часть Северо-Эвенского района Магаданской области. Кроме чукчей и коряков здесь во многих районах оленеводством занимаются также и эвены. При этом помимо крупностадного оленеводства у чукчей и тундровых коряков-чавчувенов, у береговых групп коряков традиционным было мелкостадное (История и культура коряков 1993: 72).

Отличительной особенностью чукотско-корякского оленеводства было то, что олени здесь находились в полудиком состоянии (Богораз 1991; Вольфсон 1991). Чукчи были «попутчиками» своих стад, они придерживались убеждения, что олени должны оставаться неприрученными, кроме ездовых, которые использовались только зимой. Техника выпаса была полувольной и состояла в том, чтобы собирать постоянно образующиеся отколы. Отношения с животными были партнерскими. Чукчи считали слабую приученность основной массы оленей нормальным состоянием. Приручению и дрессировке подвергались только ездовые олени. Связь человека со стадом состояла в его присутствии рядом с животными во время пешего выпаса (Хаховская 2019: 100–105).

В советское время на смену партнерству пришли отношения авторитарной власти: сначала принцип контроля был установлен среди людей, но затем распространен на отношение к животным. Новая власть внедряла все более жесткий контроль как за пастухами, так и за оленями. Пастухам запрещалось оставлять стадо на вольный выпас, как это делалось раньше. На местное оленеводство стали распространять опыт ненецкого и коми-ижемского оленеводства европейского Севера. Несмотря на появление вездеходов и другой техники, труд пастуха в советское время стал значительно более интенсивным (Там же).

В течение 1950-х годов поголовье оленей на Чукотке не росло, но ситуация изменилась, когда в начале 1960-х годов колхозы были преобразованы в совхозы и стали получать значительную государственную поддержку. Развитию оленеводства способствовал спрос на оленину, потребность в которой выросла в связи с развитием промышленности. Установка на наращивание поголовья, которая распространялась даже на хозяйства с дефицитом кормовых ресурсов, привела к перевыпасу и истощению пастбищ. В 1970–1980-е годы оленеводство Чукотки было насыщено техникой. Количество ездовых оленей сильно сократилось, во многих хозяйствах их вообще не осталось. Возник дефицит кадров, молодежь не хотела работать в тундре, несмотря на попытки заинтересовать ее материально. Во второй половине 1980-х годов, когда в динамике поголовья наметился негативный тренд, была введена небывалая прежде 300–600% надбавка за сдаваемую

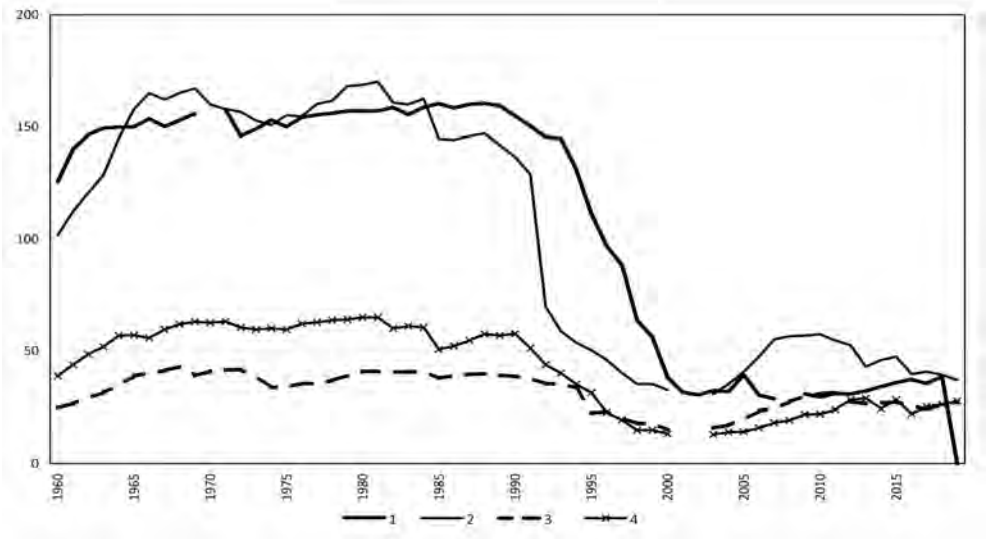
[3] В 2007 г. Корякский округ вошел в состав Камчатского края.

продукцию низкорентабельным оленеводческим хозяйствам. Однако и эта мера не исправила положения (Хаховская 2011: 120–125).

В годы рыночных реформ во всей рассматриваемой области произошло обвальное сокращение поголовья домашних оленей. Большая часть совхозов развалилась, а проект приватизации оленеводства потерпел полный крах. После этого в чукотском оленеводстве произошло частичное восстановление традиционных практик (Хаховская 2019: 103). Вместо постоянного управляемого выпаса пастухи теперь часто предпочитают следовать за стадом: «Наше дело — тихонько идти за оленями, они сами движутся в нужном направлении» (Головнёв 2015: 13). Однако, в отличие от прошлого, когда оленеводы искали отбившихся от стада оленей пешком, теперь они часто используют для поиска отколов технику.

Хотя характер динамики поголовья во всех районах чукотско-корякского оленеводства был почти одинаков, условия оленеводства в них сильно различаются. Прежде всего здесь четко выделяется центральная зона, где природные условия для оленеводства оптимальны. Это Иультинский, Чаунский и глубинная (удаленная от тихоокеанского побережья) часть Анадырского района. На этой территории сейчас насчитывается 75 тыс. оленей, а на рубеже 1970-х и 1980-х годов их здесь было более 200 тыс. В 1980-е годы тут наблюдался небольшой негативный тренд, а в 1990-е имело место резкое снижение поголовья оленей (рис. 8). Именно здесь в начале 2000-х годов сохранялось основное ядро чукотского оленеводства — около 50 тыс. оленей.

Рис. 8. Динамика поголовья домашних северных оленей
в районах-лидерах Чукотского авт. округа и в Корякском авт. округе (тыс. голов).
1 — Корякский автономный округ; районы Чукотского автономного округа:
2 — Анадырский (без территории бывшего Беринговского района),
3 — Иультинский; 4 — Чаунский



На территориях у побережья Тихого океана, т.е. в Чукотском, Провиденском и бывшем Беринговском[4] районах, а также на большей части территории Корякского автономного округа условия для оленеводства существенно хуже. В Чукотском округе такая прибрежная территория получила название «зона рискованного оленеводства» из-за высокого риска обледенения пастбищ и связанной с этим гибели оленей (Мироненко 2000; Клоков, Хрущев 2004; Антонов и др. 2018). Анализ динамических рядов производственных показателей оленеводства[5] продемонстрировал, что здесь раз в несколько лет случаются аномальные по погодным условиям годы, когда сохранность взрослого поголовья и деловой выход телят резко падают и хозяйства несут большие убытки. До установления советской власти чукчи традиционно откочевывали из таких мест на зиму в материковые тундры. В советское время при проведении землеустройства границы хозяйств были определены компактно и оленей стали держать круглогодично в одном районе. Совхозы, руководствуясь народно-хозяйственными планами, старались поддержать поголовье на высоком уровне, несмотря на убытки от массовой гибели оленей в годы с образованием на пастбищах ледяной корки (Корчмит 2001). В Чукотском и Провиденском районах вместе взятых за 1970–1980-е годы поголовье снизилось с 75 тыс. до 45 тыс. голов, а в период рыночных реформ этот процесс приобрел обвальный характер. К 2002 г. в Чукотском районе осталось 3,1 тыс., а в Провиденском — до 1,2 тыс. оленей. К середине 2000-х годов поголовье повысилось, соответственно, до 13,7 тыс. и 4,3 тыс., но к 2019 г. опять снизилось до 9,7 тыс. и 2,5 тыс. голов. В Беринговском районе и расположенном рядом с ним Тавайваамском совхозе Анадырского района к началу 2000-х годов оленей не осталось совсем. Через несколько лет оленеводство было восстановлено, но только в одном муниципальном предприятии в с. Хатырка. Сейчас в нем около 6 тыс. оленей. В 2018 г. предпринята попытка возродить оленеводство в соседнем селе — Мейныпильгыно, там было создано КФХ и закуплено несколько сотен оленей. О результатах говорить еще рано.

В целом на Чукотке после депрессии в начале 2000-х годов началось довольно успешное восстановление оленеводства. Число оленей к 2011 г. достигло 195 тыс., а производство оленьего мяса в 2011 г. увеличилось по сравнению с 2002 г. в 5,6 раз, что составило 20% от уровня 1990 г.[6]. Однако за последние годы поголовье оленей в округе снова снизилось до уровня 150 тыс. голов[7].

В Корякском автономном округе снижение поголовья началось позже, чем на Чукотке, только в 1989 г. В этот год там было 159,4 тыс. голов. Резко усилившись с 1994 г. (131,3 тыс. голов), этот процесс упал до минимума к 2002 г.

[4] В 2008 г. Беринговский район вошел в состав Анадырского района.

[5] Данные Управления сельского хозяйства Чукотского автономного округа за 1970–1990 гг.

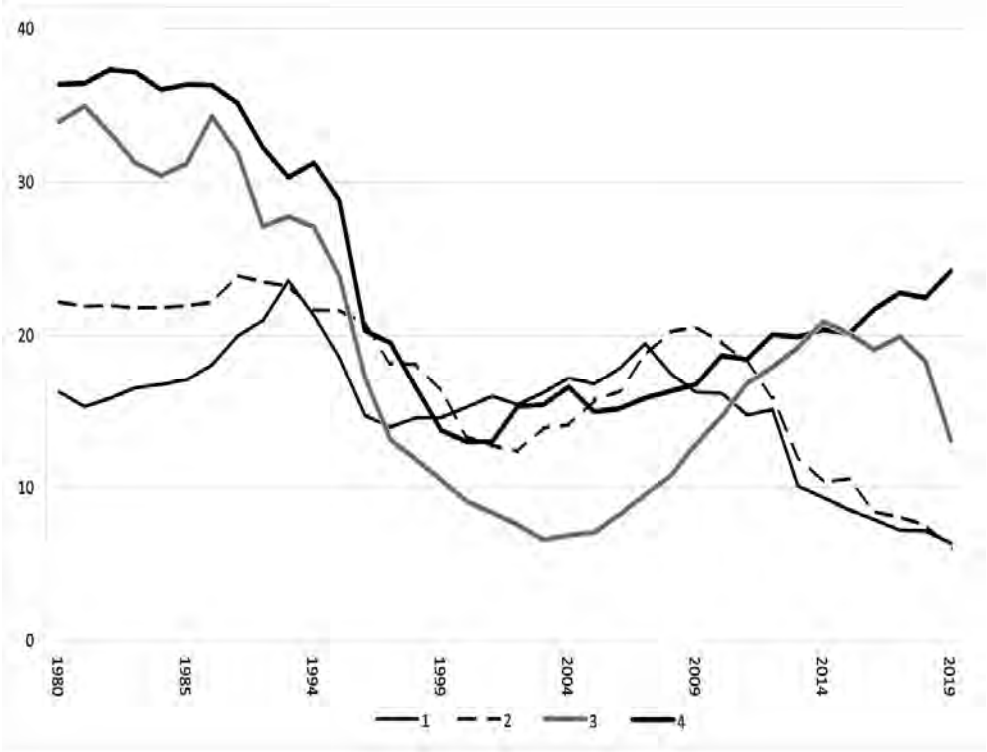
[6] Обзор состояния чукотского оленеводства в 2012 г. Данные Управления сельского хозяйства Чукотского автономного округа.

[7] Данные о величине поголовья на 2019 г. из разных источников различаются: по данным ФСГС РФ — 142 тыс. голов, по данным Управления сельского хозяйства Чукотского автономного округа — 157 тыс. голов.

(30,3 тыс. голов). Медленный рост начался с 2009 г., и к 2018 г. поголовье увеличилось до 38,5 тыс. Больше всего оленей сейчас в Олюторском районе — 13,6 тыс. голов (2018 г.), где оленеводством занимаются не только коряки и эвены, но и чукчи, хотя до 2008 г. первенство по округу держал Пенжинский район — территория оленеводства коряков и эвенов.

Аналогичная по направленности, но менее выраженная по амплитуде динамика поголовья была в Нижнеколымском улусе (районе) Якутии, где большая часть оленей находится в хозяйствах, в которых оленеводством занимаются чукчи (рис. 9). Здесь медленное снижение поголовья с уровня 36–37 тыс. голов началось еще в 1980-е годы. Оно продолжало снижаться до середины 1990-х годов, и с 1995 по 1999 г. поголовье сократилось с 28,8 тыс. до 13,7 тыс. голов. С 2001 по 2012 г., аналогично тому, как это было на Чукотке, оно повысилось с 13 тыс. до 20 тыс., а к 2019 г. снова снизилось до 13 тыс. голов.

Рис. 9. Динамика поголовья домашних северных оленей в районах севера и северо-востока Якутии (тыс. голов). Горные районы: 1 — Кобяйский, 2 — Томпонский. Тундровые районы: 3 — Нижнеколымский, 4 — Усть-Янский



Похожая динамика наблюдалась и в Северо-Эвенском районе Магаданской области, где коряки занимались оленеводством вместе с эвенами. В 1990 г. здесь было более 60 тыс. оленей, а в 2009 г. — всего 16,1 тыс. К 2013 г. поголовье увеличилось до 20,7 тыс., но к 2016 г. опять снизилось до 14,4 тыс. голов (из них 700 голов у населения). За последние годы данные по району отсутствуют, а по Магаданской области в целом на 1.01.2019 числилось всего 7,7 тыс. оленей. Оленеводство сохранилось здесь только в одном унитарном сельскохозяйственном предприятии — «Ирбычан» (Мальцева 2015: 257).

2.3.3. *Область преобладания оленеводства тунгусского типа*

Между двумя рассмотренными выше этнохозяйственными областями крупностадного оленеводства расположена область преобладания оленеводства тунгусского типа. С эколого-хозяйственной точки зрения оленеводство тут можно разделить по крайней мере на два весьма различных типа. Первый занимает территорию от Таймыра до низовьев Колымы. Для нее характерны летний выпас в безлесной тундре у побережья Северного Ледовитого океана и относительно длинные сезонные перекочевки на юг. Второй занимает горные массивы восточной Якутии и Магаданской области, где для летнего выпаса используются безлесные участки горных тундр. В отличие от ненецкого и коми-ижемского, а также чукотско-корякского оленеводства, которые исторически «настроены» на содержание крупных стад в тундре, традиции тунгусского оленеводства сформировались в тайге, где стада были небольшими, а олени настолько приручены, что их можно на долгое время оставлять пастись без человека.

Появление крупностадного оленеводства в тундрах Якутии произошло исторически сравнительно недавно, в конце XIX — начале XX в. (Курилюк 1969: 10–11; Крупник 1989: 147; Баскин 2009: 164–165). Без специальных исследований трудно сказать, насколько появившееся при этом несоответствие сложившихся в тайге отношений между оленем и человеком с условиями выпаса в тундре могло повлиять на устойчивость оленеводства в последние десятилетия. Как отмечал А.Д. Курилюк (1969: 168), в Якутии традиции выпаса оленей без постоянного контроля за стадом, несмотря на борьбу с ним администрации, были очень живучими. Так, в Булунском районе систематическое окарауливание стад не проводилось до 1938 г. и животные выпасались полувольно. А «в ряде крупных хозяйств и в настоящее время стада на некоторое время остаются без присмотра» (Курилюк 1969: 168). Например, в совхозе «Среднеколымский» пастухи только два раза в год — весной и осенью — перегоняли стада на сезонные пастбища, остальное время года животные паслись свободно. Летом, во время массового лёта насекомых пастухи разводили дымокуры, к которым олени подходили самостоятельно (Там же).

По наблюдениям А. Ёсида (2010: 223–225), в августе 2009 г. в оленеводстве эвенов Кобяйского улуса Якутии присутствовали характерные для таежного оле-

неводства черты, включая выпас со слабым контролем за стадом и регулярное доение важенок. Оленеводы использовали полувольный выпас. Большое стадо — около двух тысяч голов — самостоятельно разделялось на несколько групп, которые каждый день расходились от стойбища в разные стороны. Оленеводы каждое утро отправлялись на их поиски верхом на оленях, однако собрать все стадо вместе удавалось редко.

В Магаданской области в советское время система круглосуточного окарауливания стад легко прижилась в оленеводческих хозяйствах коряков, а также у тех групп эвенов, которые в ходе межэтнических контактов с коряками переняли у них опыт крупностадного оленеводства. Другие же группы эвенов воспринимали это новшество с трудом (Мальцева 2014: 120, 124). Теперь, после рыночных реформ эвены Среднеканского района этой области вернулись к вольному выпасу, характерному для мелкостадного таежного оленеводства. По данным Н.В. Мальцевой (2015), оленеводством здесь занимались всего две общины. В одной из них (община «Каньон»), имевшей около 500 голов, использовался вольный и полувольный выпас, осенью олени содержались в изгороди. Стадо почти не управлялось, оленеводы чаще всего просто следовали за оленями. В другой общине, «Эгден» (около 2 тыс. голов), стадо полностью одичало, и оленеводы уже не пасли его, а просто охотились на своих уже одичавших оленей. В других районах эвенского оленеводства Магаданской области — Ольском, Омсукчанском, Сусуманском и Тенькинском, согласно данным ФСГС РФ, домашних оленей не осталось.

Положение оленеводства в Среднеканском районе значительно отличается от ситуации в соседнем Северо-Эвенском районе той же области (предприятие «Ирбычан»), где эвены занимались оленеводством вместе с коряками и переняли их опыт выпаса крупных стад. Там используется советская модель бригадного выпаса на тундровых территориях. Бригады следуют по маршрутам, проложенным еще в совхозный период, оленеводы круглосуточно находятся при стаде (Мальцева 2015: 259–260). Предприятие является примером консервации советской модели управления оленеводством, когда этнические различия стираются, а ключевым фактором становится интенсивная государственная поддержка, которой пользуются в «Ирбычане» (Хаховская 2007б; Мальцева 2014; 2015).

Таким образом, региональные системы крупностадного чукотско-корякского и эвенского оленеводства по-разному отреагировали на рыночные реформы. Причины этих различий пока не ясны. Как пишет Л.М. Хаховская (2007а: 84), можно было ожидать, что в условиях кризиса корякское крупностадное оленеводство окажется более устойчивым. В советский период совхоз «Пареньский» был крупнейшим в Северо-Эвенском районе, в нем было сосредоточено $^{2}/_{3}$ районного поголовья, а эвенские совхозы («Путь Ленина» и «Расцвет Севера») были более мелкими. Однако после реформ как раз эвенские (по этническому составу) хозяйства так или иначе смогли устоять в новых условиях, тогда как корякское МУП (муниципальное унитарное предприятие) «Пареньское» лишилось почти всего дореформенного поголовья. Соответственно, среди пастухов «Ирбычана» в настоящее время эвенов уже больше, чем коряков.

В целом поголовье оленей в Магаданской области, достигавшее в 1973 г. 157,5 тыс. голов, сократилось к 1990 г. до 128,4 тыс., к 2001 г. до 17,1 тыс. и к 2019 г. до 7,7 тыс. голов. На большей части территории области оленеводство исчезло.

На севере и северо-востоке Якутии, как и в большинстве районов восточной части страны, имело место сильное снижение поголовья оленей в годы рыночных реформ (от 2,5 до 6 раз в разных улусах), за которым последовал его небольшой подъем (рис. 9). Максимум этого подъема в разных местах приходился на разные годы — с 2007 г. (в Кобяйском улусе) по 2013 г. (в Эвено-Бытантайском улусе). В большинстве районов поголовье увеличилось более чем в два раза по сравнению с минимальным уровнем. Однако почти всюду за кратковременным подъемом следовал новый спад, в некоторых улусах до еще более низкого уровня. Единственный улус, где такого спада пока не произошло, — Усть-Янский. Здесь в 2019 г. поголовье достигло 24,2 тыс. оленей (что почти в 4 раза выше минимального уровня — 6,6 тыс. в 2003 г.), приблизившись к уровню 1991 г. — 26,3 тыс. голов. Неплохо обстоят дела также в Анабарском улусе, где четыре года назад начался еще один, новый подъем и поголовье оленей выросло к 2019 г. до 17,7 тыс. голов, при минимуме 9,6 тыс. голов в 2004 г. и докризисном уровне 24–25 тыс. голов. Хуже всего дела обстоят в бассейне Индигирки. В районе ее нижнего течения и дельты — в Аллаиховском улусе, где в 1991 г. было 20,5 тыс. оленей, к 2016 г. оленеводство прекратилось совсем. В расположенном южнее Абыйском улусе, где в 1991 г. было 6,1 тыс. оленей, к 2019 г. их осталось всего 59 голов.

Помимо рыночных реформ существенный «вклад» в сокращение поголовья домашних оленей на севере Якутии внесли дикие северные олени, численность которых в этом регионе к концу XX в. значительно повысилась. По данным Л.Н. Владимирова и И.С. Решетникова (1999: 25–28), за 1995–1997 гг. на севере Якутии из-за диких оленей было потеряно более 84 тыс. домашних. Не исключено, что существует различие между чукотским и эвенским оленеводством и в отношениях с диким северным оленем. На севере Якутии проблема увода домашних оленей дикими считается трудноразрешимой. Чукчи же вполне справляются с выпасом домашних стад в условиях контакта с дикими оленями (Клоков, Хрущев 2004; Головнёв 2015: 14). Здесь могут иметь значение также и различия в поведении при встрече со своими дикими сородичами разных пород домашних оленей, так как чукотские тундровые олени харгины менее подвижны по сравнению с оленями эвенской и эвенкийской породы.

2.3.4. *Мелкостадное таежное оленеводство*

Перейдем к мелкостадному таежному оленеводству, которое представлено большим числом разобщенных этнохозяйственных ареалов, расположенных в весьма различных природно-географических и социально-экономических условиях. Площадь этих ареалов имеет тенденцию к сокращению. К настоящему времени оленеводство сохранилось большей частью в наиболее труднодоступных периферийных районах вдоль границ между субъектами РФ. В самых общих

чертах (по сходству географических условий для оленеводства в целом) таежную зону можно разделить на две области — западносибирскую и восточносибирскую. Направленность трендов поголовья домашних оленей в этих областях в последние десятилетия существенно различалась.

2.3.4.1. *Восточносибирская область*

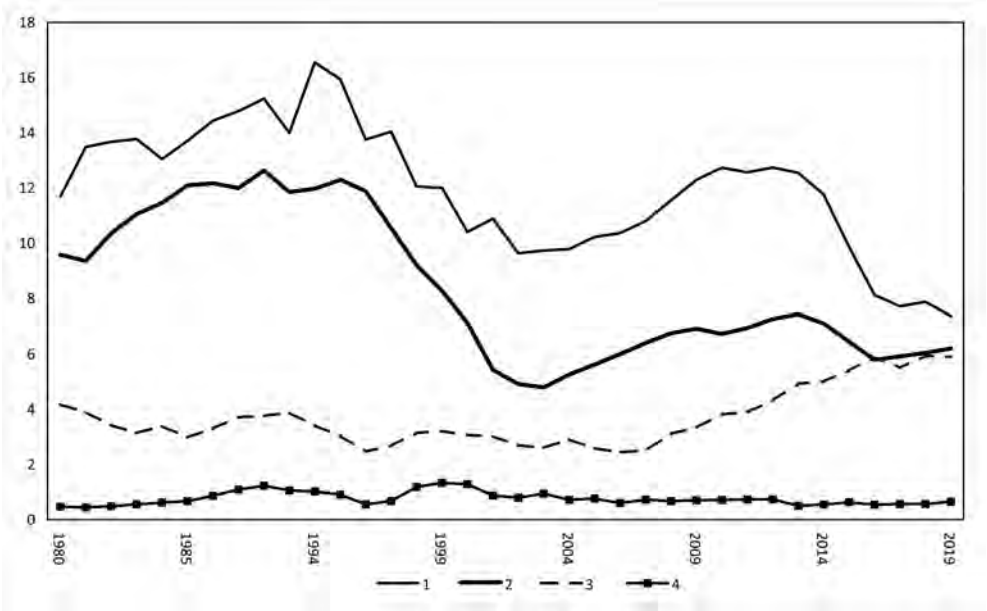
Рассмотрим сначала восточносибирскую область. С этнографической точки зрения — кроме сравнительно небольшого ареала саянского оленеводства в горах юга Сибири — вся тайга от Енисея до Тихого океана представляет собой территорию с различными вариантами тунгусского оленеводства. Им здесь занимаются в основном эвены и эвенки, часто вместе с якутами, а на Сахалине — уйльта. Больших оленеводческих хозяйств тут сейчас нет, хотя в советский период они были. Например, совхоз «Суриндинский» в Эвенкии имел в 1976 г. 14 тыс. оленей. В 1950-е годы поголовье оленей в таежных регионах росло из-за объективной потребности в оленьем транспорте в условиях бездорожья. По мере того как потребность в гужевом транспорте снижалась, государство пыталось переориентировать таежное оленеводство на производство мяса. Эти попытки были связаны с экспериментами по внедрению изгородного выпаса. Однако, вопреки ожиданиям советской администрации, использование изгородей, традиционное для мелкостадного оленеводства, оказалось неэффективным для больших хозяйств. Развитие крупностадного оленеводства в тайге потерпело фиаско. Эти два обстоятельства объясняют появление отрицательного тренда в динамике поголовья оленеводства таежных регионов страны задолго до начала рыночных преобразований. Рассмотрим этот процесс более подробно на отдельных примерах.

В Эвенкии в начале коллективизации (1933 г.) было 839 охотничье-промысловых хозяйств, владевших 54,7 тыс. голов оленей (Ковязин 1936). За годы коллективизации и Великой Отечественной войны поголовье снизилось до 36 тыс., затем начался его рост. В 1950-е годы потребность в транспортных оленях значительно возросла. Никаких дорог в регионе не было, и на оленях перевозили большую часть всех грузов. Колхозы предоставляли оленьи упряжки и вьючных оленей в аренду, транспортные услуги были важной статьей их дохода. Максимальное поголовье оленей в Эвенкии — 64,4 тыс. было отмечено в 1964 г. Олени в те годы были нужны множеству работавших в таежном бездорожье геодезических и геологических экспедиций. Позднее, по мере распространения механического транспорта потребность в них снизилась. В 1970-х годах органы советской власти сориентировали оленеводство Эвенкии на производство мяса. На рубеже 1960–1970-х годов 29 колхозов Эвенкии были преобразованы в 18 совхозов. Жители маленьких поселков были переселены в более крупные, а стада укрупнены до 800–1200 оленей в каждом. Производство оленины нередко приносило убытки, но они покрывались за счет государственных фондов. Однако объективные экономические условия делали свое дело, и поголовье оленей в Эвенкии к концу советского периода снизилось до 30 тыс. голов. В период рыночных реформ сов-

хозы были приватизированы и превратились в акционерные общества, которые контролировались людьми, далекими от оленеводства. Основной целью их бизнеса была закупка у охотников шкурок соболя — в то время это был единственный вид производимой в эвенкийской тайге продукции, который можно было выгодно продать на пушных аукционах. Большая часть совхозных оленей была забита на мясо. За семь лет (с 1991 по 1998 г.) поголовье оленей в Эвенкии сократилось в 6 раз — с 30 тыс. до 5 тыс. голов. В постсоветское время, несмотря на региональные программы государственной поддержки, оленеводство продолжало сокращаться. Оно сохранилось практически только в Суринде, где в 2014 г. оставалось около 3 тыс. оленей. Из них 2300 оленей принадлежало муниципальному оленеводческому предприятию, а 600 — эвенкам, жителям Суринды. На остальной территории Эвенкии оленей совсем мало: примерно 150 голов в якутском поселке на оз. Ессей и несколько десятков оленей у эвенков-охотников в селах Эконда и Учами (ПМА Клоков 2014а).

На юге Якутии, где распространено мелкостадное таежное оленеводство эвенков и якутов, динамика поголовья была несколько иной: в 1980-х и даже еще в начале 1990-х годов здесь наблюдался рост поголовья (рис. 10). Это не совпадало с общей для других районов таежного оленеводства тенденцией к сокращению числа оленей. Снижение поголовья в годы реформ было здесь не столь значительным, как на севере Якутии. В последние годы здесь выпасается около 20 тыс. оленей.

Рис. 10. Динамика поголовья домашних северных оленей в районах южной Якутии (тыс. голов): 1 — Алданский; 2 — Нерюнгри; 3 — Олекминский; 4 — Усть-Майский



В центральной части Якутии оленеводство было развито слабо, и в последние полвека шло его непрерывное сокращение. В 1980 г. олени здесь были в восьми улусах: Вилюйском, Горном, Ленском, Мегино-Кангаласском, Мирнинском, Нюрбинском, Сунтарском, Хангалассском — всего около 3,5 тыс. В 2019 г. они были зарегистрированы только в двух: Горном — 57 голов и Хангаласском — 12 голов.

Отдельная история — оленеводство на Сахалине. В советское время им занимались здесь два народа: уйльта, который исторически делился на две группы — северную и южную, и эвенки. В 1960-е годы стратегия оленеводства на севере острова была направлена на развитие крупностадного хозяйства, что не соответствовало ни местным этническим традициям, ни географическим условиям. Традиционным был вольный выпас небольшого числа хорошо приученных оленей, а крупностадное оленеводство требовало постоянного наблюдения и управления большим стадом, т.е. совсем других навыков (Миссонова 2006: 149; 2009: 182–186). До организации колхозов семья уйльта в среднем имела по 15–20 оленей, максимальное по размеру стадо достигало 300 голов. Олени паслись свободно. Важенки телились без надзора, их отлавливали и выводили к стойбищу, где проходило приручение телят. Борьба советской администрации с традициями сахалинских оленеводов началась после образования колхозов, когда стада стали увеличиваться. Колхозников призывали перейти к круглосуточному окарауливанию стада. Во время отела каждому оленеводу был установлен план отлова телят — 60 голов на человека. Приручить такое количество телят, по традициям уйльта, было невозможно. Олени оставались слабо приученными, а стада — плохо управляемыми. Много оленей терялось и продолжало жить в диком состоянии. В результате колхозные, а потом и совхозные стада существовали «на бумаге», в отчетах и планах. В реальности на Сахалине образовалась многотысячная популяция оленей, которая слабо контролировалась человеком (Миссонова 2009: 182–184).

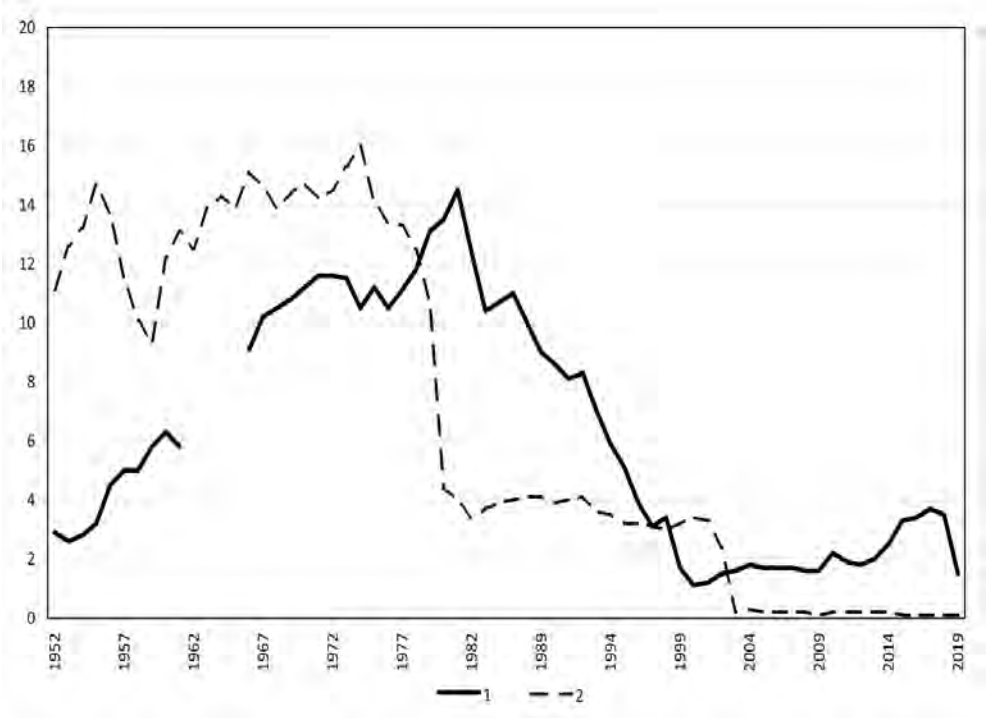
По данным ФСГС РФ, максимальное поголовье домашних оленей — 16 тыс. — на острове было достигнуто в 1974 г. (рис. 11). К 1978 г. оно сократилось до 12,5 тыс. голов. По данным Л.И. Миссоновой (2006), основанным на свидетельствах очевидцев и публикациях в местной прессе, в конце 1970-х годов, выполняя государственный план по заготовке мяса, совхозных оленей отстреливали с вертолетов. То есть животные настолько одичали, что их уже нельзя было загнать в кораль. К 1980 г. поголовье оленей на острове снизилось до 4,4 тыс. На этом уровне оно продержалось до рыночных реформ, в ходе которых сократилось вдвое. По данным ФСГС РФ, в 2002 г. на острове числилось 2,4 тыс. голов, а в 2003 г. только 200 голов. У южных уйльта и сахалинских эвенков оленеводство исчезло. Олени остались только у потомков семей оленеводов из северной группы уйльта, а также от смешанных браков между северными уйльта и сахалинскими эвенками (Миссонова 2009: 190).

В декабре 2014 г. (ПМА Клоков 2014в) на острове оставалось 136 голов оленей у северной группы уйльта в с. Вал (Ногликский район). Их выпасом занима-

лись две группы оленеводов по пять человек в каждой. Они вели полностью кочевой образ жизни, жили в брезентовых палатках с печкой. Это были холостые мужчины. Они не числились на работе ни в одной организации и не были зарегистрированы как безработные. Их официальные денежные доходы ограничивались социальными выплатами, основным источником которых были средства государственной программы областного уровня, направляемые на поддержку оленеводства и распределяемые через общину «Юктэ». Формально эти средства выделялись в конце календарного года при условии прироста поголовья оленей, но фактически община получала их независимо от этого.

Таким образом, оленеводство на Сахалине перестало выполнять не только экономическую — получение дохода, но и социальную — обеспечение населения рабочими местами — функцию. Вместе с тем его этнокультурное значение здесь сильно возросло — оно стало важным критерием, на основе которого происходит единение местного населения в этническую общность уйльта на Сахалине (Миссонова 2009: 196).

Рис. 11. Динамика поголовья домашних северных оленей в Сахалинской области и Республике Тыва (тыс. голов).
1 — Республика Тыва; 2 — Сахалинская область



К таежному оленеводству Восточной Сибири кроме тунгусского относится также оленеводство саянского типа, локализованное в ареале, разделенном административными границами между Республикой Тыва (у тувинцев-тоджинцев), Иркутской областью (у тофаларов в Нижнедуинском районе) и Республикой Бурятия (у сойотов Окинского района). Этот ареал продолжается на юг, в Монголию, где оленеводством занимаются цаатаны (духа). В Окинском районе в 1963 г. оленеводство было признано неперспективным и олени забиты. В 1990-е годы там были сделаны две попытки его восстановить, которые не увенчались успехом (Баскин 2009: 246).

В Тыве оленеводство сосредоточено главным образом на северо-востоке, в Тоджинском районе. В 1930 г. в Тыве было учтено 524 хозяйства, владевшие 6354 оленями (Биче-оол, Самдан 2012: 113). К 1941 г. поголовье выросло до 19 тыс. оленей, но за военные и послевоенные годы оно сократилось до 2,6 тыс. в 1953 г. К этому времени Тыва вошла в состав СССР, в ней были проведены коллективизация и перевод кочевого населения на оседлость. Начался рост поголовья оленей, который продолжался до 1981 г., когда был достигнут максимум — 14,8 тыс. голов. Т.В. Литвиненко (2015: 80) приводит даже более высокую цифру — 20,7 тыс. голов, ссылаясь на данные администрации Тоджинского района. После этого началось его плавное снижение, и к началу рыночных реформ (1991 г.) в республике, по данным ФСГС РФ, оставалось 8,1 тыс. оленей. Затем начался период обвального сокращения оленеводства, и в 2000 г. оленей осталось 1,1 тыс. В середине 1990-х годов в Тоджинском районе на базе развалившихся совхозов были созданы четыре оленеводческие общины, которым в течение трех лет было запрещено забивать оленей и выдавать их оленеводам в качестве натуральной оплаты труда (Монгуш 2017: 75). В эти же годы в районе было зарегистрировано более 100 фермерских хозяйств. К 2001 г. ни одного из них не осталось, а общины были объединены в ГУП (государственное унитарное предприятие), позднее преобразованный в МУП (Литвиненко 2015: 81). За следующее десятилетие поголовье оленей увеличилось до полутора-двух тысяч, после чего начались колебания его численности.

В МУПах оленеводство пользовалось государственной поддержкой. С 2005 г. они получали субсидии по 1100 руб. в год на каждого оленя; в 2012 г. были введены трехлетний мораторий на забой оленей, обязательство для промышленных компаний оказывать оленеводству спонсорскую помощь, принят ряд других мер. В результате владельцы частных оленей стали регистрировать общины, чтобы иметь возможность открыть счет в банке, легально получать спонсорские средства и арендовать землю (Литвиненко 2015: 82).

По данным ФСГС РФ, максимальное число оленей было учтено в 2017 г. — 3,7 тыс. голов, но в 2019 г. — только 1,5 тыс. Столь значительные различия вполне могут быть связаны с издержками статистического учета. Около 90% учтенных оленей приходится на Тоджинский кожуун (район), остальные были зарегистрированы в Кызылском, Каа-Хемском и Тере-Хорльском. Практически все эти олени находятся в собственности организаций — МУПов и общин.

Теперь несколько слов о тофаларском оленеводстве, ареал которого находится в Нижнеудинском районе Иркутской области на ее границе с Тывой. Перед коллективизацией в 1929 г. тофалары имели здесь 1213 оленей, в т.ч. 426 ездовых (Первухин 1930: 84–85). В колхозный период оленеводству (наряду с его основной функцией — обеспечивать транспортом охотничьи промыслы) было задано новое направление — производство мяса. Поэтому поголовье оленей было увеличено почти вдвое. Затем колхозы были объединены в одно предприятие — Тофаларский коопзверопромхоз, который продолжил заниматься охотой и оленеводством. В 1991 г. коопзверопромхоз был реорганизован в акционерное общество закрытого типа и в 1999 г. обанкротился. Поголовье оленей, составлявшее в 1993 г. более 2 тыс. голов, к 1997 г. упало до 969 голов, а потом его учет прекратился. В настоящее время в Тофаларии в поселке Алыгжер имеется одно стадо из 300–400 голов, за которым следят два оленевода. Летом олени (кроме самок с телятами, за которыми оленеводы присматривают круглый год) находятся в тайге на вольном выпасе, а зимой все ездовые олени используются местными охотниками как транспортные на охотничьем промысле в горной тайге (Klokov 2019b). В поселке неоднократно предпринимались неудачные попытки зарегистрировать общину или другую организацию, через которую можно было бы получать от государства поддержку на развитие оленеводства и охотничьего промысла. Небольшая поддержка — в виде зарплаты для двух оленеводов — поступает через администрацию сельского поселения (ПМА Клоков 2014б).

2.3.4.2. *Таежное оленеводство Западной Сибири*

В заключение скажем несколько слов о таежном оленеводстве Западной Сибири. К настоящему времени олени здесь остались у лесных ненцев, хантов и селькупов. Мансийское оленеводство в Березовском районе (верхнее течение Северной Сосьвы) исчезло еще в середине 1970-х годов (Лискевич 2017). Несколько позднее исчезло оленеводство кетов, распространенное в прошлом на левобережье Енисея (за курейской группой кетов) в Туруханском районе Красноярского края (Клоков, Хрущев 2004). Ареал селькупского оленеводства в прошлом занимал территорию Красноселькупского района ЯНАО и Туруханского района на левобережье Енисея. В начале XX в. селькупы держали там крупные стада оленей, которые использовались только в транспортных целях (Лебедев 2006). Северные группы селькупов в бассейне Таза (в нижнем течении реки) находились в контакте с ненцами, смешивались с ними и заимствовали у них опыт содержания крупных стад оленей с постоянным их окарауливанием и использованием оленегонных лаек (Квашнин 2002: 1–2). Однако происходило это уже в лесотундре, а не в тайге. В настоящее время в северной части Красноселькупского района таким оленеводством занимаются только ненцы (Степанова 2018: 370). В Туруханском районе небольшой очаг оленеводства (несколько сотен голов) сохранился лишь у границы тайги и лесотундры в районе Советских озер,

где им занимаются селькупы вместе с эвенками (Клоков, Хрущев 2004). В южной части Красноселькупского района таежное оленеводство сохраняется. В 2016 г. здесь в агрофирме «Толькинская» числилось 814 голов оленей, которые содержались в семейных хозяйствах (Степанова 2018: 372). В южной части Пуровского района, а также в северной части Сургутского района ХМАО сохраняется лесное оленеводство ненцев. В Шурышкарском районе ЯНАО и в ХМАО распространено оленеводство хантов и, местами, коми-ижемцев.

По динамики поголовья оленей ХМАО заметно отличается от таежных регионов Восточной Сибири. С 1938 по 1970 г. поголовье оленей здесь держалось на уровне 70 тыс., правда со значительными колебаниями: от 60 тыс. в годы Великой Отечественной войны до 89 тыс. в 1953 г. С 1953 г. в округе происходило постепенное сокращение поголовья, несколько ускорившееся в годы рыночных реформ. По данным ФСГС РФ, минимум — 25,1 тыс. голов был достигнут в 2000 г. В течение девяти лет число оленей почти не менялось (27,6 тыс. в 2008 г.), а затем произошел его рост до 52 тыс. в 2018 г. Это примерно соответствует докризисному уровню 1980-х годов. 13 тысяч из них выпасаются в Березовском районе в верховьях Ляпина, где оленеводством занимаются коми-ижемцы. Эту территорию правильнее рассматривать как область горного крупностадного оленеводства: стада оленей здесь относительно крупные — полторы-две тысячи животных, в летнее время они используют безлесные угодья по вершинам Уральских хребтов, а на зиму спускаются в лесные долины (Лискевич 2017). По данным ФСГС РФ, в ХМАО 3 тыс. оленей числятся у населения Нижневартовского района, а остальные 36 тыс. примерно поровну — в Белоярском и Сургутском районах, т.е. на землях хантов и лесных ненцев.

2.4. Обсуждение: причины различий в региональных трендах поголовья оленей

Объясняя причины глубоких различий в судьбах ненецкого и чукотского оленеводства, А.В. Головнёв (2013) обращает внимание на три обстоятельства: различия «в уровне самоорганизации региона и соучастия различных групп населения в цикле регионального производства», разные стили взаимодействия между коренным и некоренным населением и различия в отношениях собственности.

Первое из них, не вдаваясь в подробности, которые изложены в цитируемой работе, можно резюмировать примерно так. Чукотка и ЯНАО — два северных региона с различными историческими судьбами, которые совершенно по-разному отреагировали на рыночные реформы. Крупный географический регион — это целостное единство, в котором все сферы хозяйственной жизни взаимосвязаны. С наступлением рыночных реформ Чукотка впала в глубокую депрессию, которая коснулась всех составляющих ее хозяйственной и социальной жизни,

и оленеводство не было здесь исключением. ЯНАО, наоборот, по итогам этих реформ получил новый импульс к развитию, который сказался на всей жизни региона, включая оленеводство.

Это соображение можно распространить и на другие оленеводческие регионы РФ, разделив их на две группы:

1) регионы, которые к концу периода реформ получили импульс развития; к ним кроме ЯНАО, собственно говоря, относится еще только один северный регион — ХМАО;

2) регионы, которые такого импульса не получили, — все остальные оленеводческие регионы.

Надо отметить, что различия в региональных трендах поголовья оленей почти объясняются этой простой схемой. Но остаются все же две «нестыковки». Во-первых, рост поголовья в ареале ненецкого оленеводства на левобережье Енисея, находящемся за границей ЯНАО на территории стагнирующего Таймырского района Красноярского края. Во-вторых, отсутствие роста поголовья оленей в южной, тундровой части ЯНАО, в Надымском и Пуровском районах (см. рис. 6). Наличие этих нестыковок наводит на мысль, что приведенное выше соображение является необходимым, но еще не достаточным, чтобы объяснить различия в региональных трендах поголовья оленей.

Второе соображение — разница в стилях взаимодействия с коренным населением — также связано с различиями в исторических судьбах регионов и политике их властей. На Чукотке за годы советской власти сложился жесткий авторитарный стиль руководства, который распространялся, в том числе, и на отношения властей с оленеводами, а через них и на систему оленеводческого хозяйства (Хаховская 2011; 2019). В этой системе не было места оленеводу-частнику, который мог бы распоряжаться своим стадом по собственному усмотрению. По словам Л.Н. Хаховской (2011: 115), в 1930-е годы, до коллективизации, чукотское оленеводство было возможно лишь при условии существования социальных полюсов: зажиточных многооленных оленеводов и малоимущих или совсем безоленных пастухов, которые были вынуждены наниматься к богатым в работники. Эта спайка между «кулаками» и «батраками» в чукотском оленеводстве была настолько сильна, что советской власти пришлось потратить на ее разрушение два десятилетия: коллективизация на Чукотке завершилась лишь в первой половине 1950-х годов. К 1955 г. единоличных оленеводческих хозяйств на Чукотке не осталось. Однако борьба с «частным сектором» на этом не окончилась, в 1950-е годы здесь шла активная «перекачка» принадлежавших колхозникам оленей в общественный сектор. Колхозников заставляли забивать частных оленей в счет плана или требовали возмещать ими потери в общественном стаде (Хаховская 2011: 116).

В Корякском автономном округе в 1980–1990-е годы, по словам В.А. Корчмита (2001: 121–122), частное оленеводство существовало на правах пасынка: хотя частных оленей и не забирали окончательно в государственный сектор, но и пастбищ для них не выделяли. Неразрешимой проблемой оставалось также материально-техническое снабжение и зооветеринарное обслуживание. Между вла-

дельцами частных оленей и руководством совхозов постоянно возникали трения. Спорные вопросы решались лишь потому, что частных оленей было мало и они выпасались в общем стаде вместе с совхозными.

Таким образом, история советского хозяйственного строительства в оленеводстве северо-востока России в свой начальный период была пронизана борьбой с частной собственностью на оленей, а в последующие десятилетия — с попытками заставить оленеводов совхозных бригад работать как можно лучше. Известный дальстроевский лозунг «Сделай или умри!» наложил отпечаток на всю жизнь региона. В оленеводстве он выразился в лозунге «Даешь миллион оленей!»[8] (Задорин 2008; Хаховская 2011). Частная коммерческая инициатива подрубалась здесь на корню. История оленеводства Чукотки в совхозный период похожа опять-таки на борьбу: с оленеводами, которые постоянно нарушали трудовую дисциплину, с молодежью, которая не хотела жить в тундре, с директорами хозяйств, которые разваливали совхозное производство в силу своей некомпетентности, с природными условиями, когда оленеводство волевым решением развивалось в районах так называемого рискованного оленеводства. В результате многолетних усилий здесь была создана почти идеально работавшая в условиях планового хозяйства модель хорошо отлаженного оленеводческого хозяйства. И оленеводы оказались «заложниками краха» этой системы (Хрущев 1995).

В ЯНАО историческая судьба оленеводства была существенной иной, возможно и потому, что адаптационные стратегии у ненцев оказались более гибкими, чем у чукчей. Как отмечает К.Г. Филант (2017а), здесь еще во время коллективизации многие оленеводы сумели подстроиться под новые условия и сохранили свои частные стада. После первых неудач в коллективизации в 1939 г. президиумом Окружного исполнительного комитета был утвержден новый «Примерный устав сельскохозяйственной артели с дополнениями применительно к условиям Ямало-Ненецкого национального округа», в котором утверждалась норма количества оленей, разрешаемая для личного использования для одного колхозного двора: оленей-важенок — 60, ездовых быков и производителей — 40 голов и неограниченное количество молодняка. Хотя эта норма была ниже того минимума оленей, который необходим для ведения стабильного семейного хозяйства в тундрах ЯНАО, — 200–250 голов (Филант 2017а: 18), у оленеводов оставалась возможность «расписать» лишних оленей по родственникам.

По мнению Филанта (Там же), распространению в традиционном оленеводстве товарно-денежных отношений, которых здесь не было прежде, в 1930-е годы способствовало введение налогообложения, заготовок оленины и расчетов в денежной форме. Потом, во время Великой Отечественной войны оленеводы вынуждены были увеличить забой в связи с повышением налогов. Поголовье оленей в округе сократилось с 382,3 тыс. голов в 1940 г. до 226 тыс. голов в 1947 г. Личное поголовье снизилось до минимума к 1948 г. — 90,8 тыс., но все же

[8] Имелось в виду поголовье оленей не только на Чукотке, но и во всей Магаданской области, в состав которой Чукотка тогда входила.

составляло 39% от общего числа оленей в округе. После постановлений ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 23 февраля 1944 г. и бюро Омского ВКП(б) и Исполкома Областного совета депутатов трудящихся от 24 марта 1944 г. в округе были приняты меры по сохранению и укреплению личных оленеводческих хозяйств: колхозникам предоставлялись долгосрочные кредиты на покупку оленей; совхозам разрешалось продавать оленей в колхозы; колхозникам — покупать оленей в колхозах для личного пользования (Там же). Таким образом, даже в рамках ограничений, наложенных советской идеологией, в оленеводческом хозяйстве шли процессы коммерциализации и формировались отношения «деньги–олень». С 1970-х годов в связи с началом промышленного освоения и распространением различного рода технических новаций эти процессы усилились, так как выросла зависимость хозяйств от покупных товаров, а с ней и необходимость повышать их денежные доходы. Увеличить их можно было только экстенсивным путем — за счет роста поголовья.

Хотя эволюция отношений собственности связана с изменениями региональной среды и политикой властей, в их основе лежат глубинные ценности ненецкой культуры. Особенности представления ненецких оленеводов о богатстве и ключевая роль в них домашнего оленя за последние годы были рассмотрены в ряде специальных работ (Мартынова 2013; 2014; 2015; Яптик 2019). В отличие от других оленеводческих народов, ненцы не столько разводят оленей, чтобы обеспечить свою жизнь, сколько живут, чтобы разводить оленей. Как пишет Е.С. Яптик (2019: 156), для кочевников слова «олень» и «жизнь» — синонимичны. Обладание оленем — это обладание жизнью. Для большинства тундровых ненцев богатство определяется количеством оленей. По их представлениям, богатая семья владеет от 1000 и более оленями; бедная — менее 200 головами; средняя — в пределах 200– 400. Лишь ненцы, занятые рыболовством, в последнее время начали мерить богатство деньгами и считают, что рыбаки богаче оленеводов, так как больше них зарабатывают. Большинство же коренного населения по-прежнему воспринимает оленеводство как высшую ценность в ненецкой культуре, и кочевые семьи оленеводов имеют более высокий социальный статус по сравнению с полуоседлыми и оседлыми рыболовами (Мартынова 2015: 92–95). Продолжает оставаться ценностью и кочевой образ жизни. Для кочевника движение сродни воле, пишет Е.С. Яптик (2019: 162): «Жить в тундре — это свобода… Никто не стоит над тобой». В случае, если придется все-таки переходить на оседлость, каждый кочевой ненец хочет сделать это последним. А так как кочевание без оленей невозможно, то олени — это не только хозяйственная, но и духовная ценность, цена их свободы.

Е.П. Мартынова (2015) доказывает, что традиционные ценности воспроизводятся и в современных условиях, так что семьи кочевых оленеводов не только хранители, но и созидатели ненецкой культуры. Кочевой образ жизни способствует поддержанию социальных институтов и верований и одновременно демонстрирует успешную интеграцию в систему рыночных отношений. Владельцы небольших стад (100–150 оленей) ежегодно забивают на продажу по 5–6 живот-

ных, а при поголовье от 200 оленей и больше — примерно 10% поголовья. Оленеводы-частники, составляющие большую часть кочевого населения и владеющие основной массой оленей, могут сдавать мясо на убойные комплексы или реализовывать его через общины и сельскохозяйственные предприятия. Кроме этого, отмечает Е.П. Мартынова, на территориях промышленного освоения все они имеют налаженные торговые контакты с рабочими: «Сейчас у каждого чума есть свой вахтовик». Среди молодых пастухов появились успешные бизнесмены, которые хорошо зарабатывают: «Знают, куда и сколько чего продать. Общаются через интернет. Отдыхать ездят в Турцию». Таким образом, в тундре развивается свободное предпринимательство, в котором олени играют роль средства накопления капитала: «Олени у нас — это сберкнижка». Рыночные приоритеты стали заметны также в быту, одежде, питании оленеводов, которые часто считают престижным одеваться в покупную одежду и готовить блюда «как в городе». В кочевой быт прочно вошли электростанции, снегоходы, бытовая техника, электроника и интернет. Его уже нельзя считать «оторванным» от цивилизации, так как он успешно сочетается с ее достижениями. Постепенно идет вовлечение оленеводов и в туристический бизнес (Мартынова 2015: 93–96).

Для подавляющего числа оленеводов-частников значение оленя с развитием рыночных отношений, пожалуй, даже увеличивается. Олень теперь не только средство передвижения, одежда, еда, дом, но еще и работа, доход, банковский вклад, пенсионные накопления, своеобразная валюта, не подверженная обесцениванию, приданое, наследство, страховка от падежа и многое другое (Филант 2017б: 142).

Было бы, конечно, неправильным утверждать, что в культуре других оленеводческих народов, например чукчей или эвенков, олень не занимает своего почетного места как источник жизни. Достаточно вспомнить, например, строчки из стихотворения чукотского поэта Владимира Тынескина «Олени ждали меня»: «Мне не жить без оленя, ему — без меня» (см.: Тынескин. Поэты Чукотки). Однако в данном случае важен не статус оленя в традиционной культуре, а то, как ценностные представления выражаются в современных моделях хозяйственного поведения.

Традиционные ценности выражаются в отношениях собственности, а те, в свою очередь, напрямую связаны с хозяйственными стратегиями, которые выбирает то или иное сообщество оленеводов, выстраивая свои отношения с власть имущими. Их можно рассматривать как результат диалога или противостояния. Важно подчеркнуть, что включенность ненцев-оленеводов в рыночные отношения достигается в первую очередь за счет неформальной экономики. Торговые связи оленеводов нельзя рассматривать как незаконный бизнес, но они, во всяком случае, являются нерегистрируемыми. Отношения собственности и власти определяют, кто и что решает в оленеводческом хозяйстве, и составляют его институциональную основу. Возможно, что это и есть главный фактор, определяющий его устойчивость в последние десятилетия, поэтому рассмотрим эти отношения более детально.

2.5. Институциональные формы оленеводческих хозяйств в современной России

В настоящее время в России сложились три основные институциональные формы хозяйств, характерные для оленеводства. В первую очередь, это самостоятельные семейные (частные) хозяйства оленеводов — самоуправляемые хозяйственные единицы, напрямую не подчиненные никаким государственным органам. В значительном количестве они представлены только в тундрах Западной Сибири, где их насчитывается несколько тысяч. В небольшом количестве их можно найти и в других регионах, как в тундре, так и в тайге. Г.Ф. Деттер называет их семейно-родовыми хозяйствами и указывает, что на Ямале они часто объединяются друг с другом, образуя крупные, более удобные для выпаса стада оленей (Деттер 2017: 6).

Начиная с коллективизации и до настоящего времени государство ведет с такими хозяйствами борьбу, в результате которой они были либо уничтожены (как, например, на Чукотке), либо оказались вытеснены в сферу неформальной экономики, не управляемой региональными органами и почти «невидимой» для статистики. В советское время в районах ненецкого оленеводства главы таких хозяйств часто зачислялись в оленеводческие совхозы на должности охотников-промысловиков. Таким образом они получали свободу в обмен на пушнину. В отличие от совхозных оленеводческих бригад, маршруты их кочевий не контролировались, а поголовье оленей, чтобы скрыть истинный размер стад, «расписывалось» по родственникам. С окончанием советского периода эти хозяйства стали полностью самостоятельной формой мелкого бизнеса, практически не обремененного никакими формально бюрократическими узами — статистической и налоговой отчетностью, банковским контролем, различного рода инспекциями и т.д.

Характерная для советского времени политика сдерживания и уменьшения поголовья скота в личных хозяйствах сохраняет значительный инерционный импульс и после перестройки. Примером может быть принятое в 2001 г. губернатором ЯНАО постановление о приведении численности поголовья оленей в соответствие с оленеемкостью пастбищ, которое было направлено на сокращение только поголовья личных оленей. В последние годы эта политика трансформировалась, и теперь в ЯНАО предпринимаются активные попытки вывести частных оленеводов «из тени», заставить их хотя бы представлять достоверные данные о поголовье своих оленей, а в перспективе уменьшить его, чтобы предотвратить экологический кризис из-за перевыпаса и истощения пастбищ. Делается это с помощью политики уже не одного только «кнута», но и «пряника». В роли последнего выступают меры государственной поддержки, которая может быть оказана лишь каким-то образом зарегистрированным, «переписанным» хозяйствам. Сейчас эта поддержка весьма значительна, но для кочевых семейных хозяйств она не является адресной. Так, на социальную поддержку кочевников

Ямальского района ежегодно расходуется около 190 млн. руб., из которых 110 млн. руб. составляют как называемые кочевые выплаты, выплачиваемые всем кочевникам независимо от категории хозяйств (Деттер 2017: 11). Так или иначе, но внимание к частнику-оленеводу в ЯНАО с каждым годом растет, по мере того как увеличивается нагрузка на пастбища и уменьшается доля муниципальных предприятий в общем поголовье оленей.

Статистический учет оленей в личных хозяйствах ведут органы местного самоуправления. Данные часто заносятся со слов граждан (Филант 2017б: 141). При этом часть поголовья в общинах и личных хозяйствах дублируется, а часть, наоборот, скрывается. Например, не учитываются олени, принадлежащие оседлым жителям поселков, которых они передают на выпас в кочевые хозяйства (Деттер 2017: 8). Коренной же вопрос легализации частных оленеводческих хозяйств до сих пор остается нерешенным — они по-прежнему не имеют никаких прав на используемые ими оленьи пастбища, которыми владеют сельскохозяйственные предприятия (Филант 2017а).

Таким образом, частное семейное оленеводство сейчас представляет собой типичный пример неформальной экономики. Хорошо это или плохо? Как показали этнологические исследования последних лет (Давыдов, Журавская 2019; и др.), неформальные экономические отношения играют в традиционном северном природопользовании очень важную роль. С точки зрения государственного управления неформальная экономика плоха, но тем не менее именно она всегда играла роль палочки-выручалочки, вызволяя хозяйство страны из очередного кризиса (Шанин 2000). В 1990-е годы она спасла и ненецкое оленеводство, основой которого в ЯНАО стали личные хозяйства оленеводов (Южаков 2017а). Предпринимаемые в последние годы правительством России шаги по легализации неформальной экономики с помощью таких новаций, как индивидуальное предпринимательство и самозанятость, в будущем, вероятно, смогут повлиять на ситуацию с кочевыми хозяйствами, но не ранее, чем основная их масса будет иметь более или менее постоянный доступ в интернет.

В других регионах независимых частных оленеводческих хозяйств совсем мало, но они все же встречаются. Так, в Иркутской области (Бодайбинский район) мне приходилось бывать в семьях владевших несколькими десятками оленей охотников-оленеводов, доходы которым приносил охотничий промысел, находившийся в сфере теневой экономики. В экономическом плане их деятельность была достаточно успешной благодаря возможности продавать мясо диких животных бригадам золотодобытчиков.

Вторая институциональная форма — которая во многом противоположна первой — оленеводческие предприятия. Они могут называться по-разному: совхозы, колхозы, МУПы, ГУПы, сельскохозяйственные кооперативы, общины и т.д. — и иметь различные формы собственности на оленей: в настоящее время это чаще всего муниципальная или долевая собственность. Часто их стада включают животных, находящихся в разных формах собственности, так как в общественном стаде почти всегда выпасается большее или меньшее количество личных оленей,

принадлежащих членам бригады, а иногда и другим лицам. На одном полюсе такой институциональной формы находятся предприятия, где сохраняется унаследованная от советского времени авторитарная модель властных отношений. Показательным примером может быть взятое мной в 2000 г. интервью у директора одного из чукотских оленеводческих предприятий. Директор сообщил мне, что у работавших у него оленеводов были личные олени, но они не имели меток и не были выделены из общего стада. Просто по бумагам за таким-то оленеводом числится столько-то оленей. Когда я спросил, может ли оленевод распоряжаться своими оленями, например забить одного из них на питание или продажу, директор ответил, что для этого оленевод должен написать ему заявление. Он рассмотрит его и — убедившись в том, что оленевод не пропьет полученные за продажу оленины деньги, — если сочтет нужным, даст соответствующее разрешение. Это, наверное, крайний случай зависимости частного собственника от авторитарности власти, к тому же за прошедшие годы авторитаризм в чукотском оленеводстве значительно ослабел.

На другом полюсе — предприятия, где бригадные стада состоят в основном из частных оленей, а бригадир фактически самостоятельно ведет хозяйство, не особенно прислушиваясь к советам руководства. С такими бригадирами я имел возможность беседовать в Яр-Сале (ПМА Клоков 2012). Они сами набирали себе в бригаду оленеводов, отдавая предпочтение тем, у кого уже есть значительное собственное поголовье. Предприятие в этом случае не столько организует производство, сколько выполняет функции по его обслуживанию. Оленеводы имеют наибольшую степень автономии, а частное и общественное хозяйствование находятся в отношениях партнерства, можно даже сказать симбиоза.

Сравнение экономической эффективности частных оленеводческих хозяйств и муниципальных предприятий в ЯНАО показывает существенно более высокую эффективность первых. По расчетам экономистов, в Ямальском районе расходы общественных хозяйств на одного оленя в год составляли 6,9 тыс. руб., в частных — только 1,2 тыс. руб. Себестоимость реализованной продукции у частников была почти в три раза ниже (Деттер 2017: 12). Чтобы оставаться «на плаву», муниципальные предприятия получают значительно больше государственных субсидий. Так, в Ямальском районе, по данным расчетов на экономической модели, государство различными косвенными способами (выплата «кочевых», снабжение хозяйств товарами первой необходимости, завоз в тундру дров и т.д.) компенсирует примерно 35% расходов (290 млн руб. из 820 млн руб.) для 1008 семейных оленеводческих хозяйств. А при реализации оленины через фирму «Ямальские олени» из бюджета покрывается 64% расходов (Деттер 2017: 13).

Существует мнение, что муниципальным оленеводческим предприятиям ЯНАО целесообразно вообще отказаться от выпаса собственных стад оленей (Зуев и др. 2017: 38). Как отмечает А.А. Южаков (2017а: 30), они уже сейчас активно занимаются закупкой оленины у частников. Полностью переориентировать их на закупку оленеводческой продукции и организационное обеспечение оленеводства вплоть до создания оленеводческих парков и обеспечения факторий

предлагает и Г.Ф. Деттер (2017: 13). В этом случае они смогут полностью сосредоточиться на заготовке и переработке сырья, снабжении, материальном, информационном, социальном и другом обеспечении частных оленеводческих хозяйств.

В восточных районах страны муниципальные предприятия стали примером консервации советской модели управления в новых условиях, когда интенсивная поддержка со стороны государства становится ключевой (Хаховская 2007б: 104; Мальцева 2015: 260). Здесь приоритетом для государственной поддержки оленеводства становится его социальная, а не экономическая роль, так как людей в тундре удерживает только относительно более благополучное положение оленеводов по сравнению с жителями поселков, где трудно найти работу и жилье (Хаховская 2007а: 82). По мере того как жизнь в поселках улучшается, люди стремятся уйти из тундры.

Чтобы ярче показать различие между самодостаточным частным оленеводством и «привязанными» к господдержке оленеводческими предприятиями, процитируем одну из статей, автор которой объясняет причины сокращения поголовья оленей в годы перестройки в Республике Тыва (Монгуш 2017: 74). Автор пишет, что в условиях кризиса оленеводы перестали получать зарплату и «вынуждены были забивать оленей, чтобы прокормиться самим и получить наличные деньги от продажи оленины», что и привело «к катастрофическому обнищанию», а также «резкому сокращению оленьих стад». Думаю, что ненецких оленеводов-частников такой взгляд на вещи, скорее всего, просто позабавит. Однако если для тундрового ненца оленеводство может быть успешным бизнесом, то для многих таежных охотников содержать оленей в современных условиях все чаще становится непозволительной роскошью.

Третья институциональная форма оленеводческих хозяйств — это официально зарегистрированное частное оленеводческое хозяйство, чаще всего со статусом КФХ, ИП или общины[9]. Такие хозяйства часто меняют свой официальный

[9] Говоря об институциональных формах оленеводства, нужно внести ясность в понимание слова «община». В разных районах оно может относиться к разным институциональным формам. В годы рыночных реформ во многих случаях происходила просто «перемена вывески», т.е. бывший совхоз перерегистрировали как общину. В этом случае община представляет собой оленеводческое предприятие, владеющее общественным стадом. Другим распространенным случаем могут быть общины, появившиеся по инициативе снизу, — как объединение нескольких частных оленеводческих хозяйств. В ЯНАО такие общины часто образуются формально для частичной легализации частных оленеводческих хозяйств, которые де факто продолжают жить по-своему. Нередко они представляют собой непрочное образование: частники могут переходить из одной общины в другую, поэтому в отчетных данных поголовье оленей в общине может измениться за один год в несколько раз. Более стабильными являются общины, которые прочно «завязаны» на государственную поддержку, т.е. относятся к третьей рассмотренной нами выше институциональной форме. Как отмечает Г.Ф. Деттер (2017: 11), в условиях ЯНАО община КМНС является наименее удобной формой организации частных оленеводческих хозяйств и в настоящее время их количество имеет тенденцию к уменьшению. Их возможности в бизнесе ограничены тем, что они не являются субъектами малого предпринимательства, а зачастую и собственниками заявленного поголовья оленей. По-видимому, такие общины — это своего рода компромисс между властями, которые хотят иметь дело с зарегистрированными хозяйственными единицами и семьями кочевников, стремящимися сохранить за собой свободу.

статус, подстраиваясь под текущие изменения в законодательстве и налогообложении. Оленевод-частник готов легализовать свое хозяйство, если ему необходима прямая поддержка государства или другие льготы (например, права на охотничьи угодья или лимиты на вылов ценной рыбы). Если возможности получить такую поддержку нет — у владельца оленей нет стимула ставить себя в зависимость от множества формализованных процедур. Характерен мой диалог с одним из руководителей общин на севере Ямала. На мой первый вопрос, зачем нужно было регистрировать общину, он ответил: «Чтобы получать субсидии». Когда же я попытался выяснить, как можно использовать эти субсидии для развития оленеводства, он ответил, что они слишком малы и все деньги уходят на налоги и другие обязательные для общины расходы (ПМА Клоков 2012).

В отличие от самостоятельных незарегистрированных частников, легализированные хозяйства оленеводов, как правило, сильно зависят от местных властей и не могут обойтись без их постоянной поддержки. Примером может быть КФХ, зарегистрированное два года назад в одном из поселков восточной Чукотки с целью восстановления утерянного здесь оленеводства. Владелец хозяйства получил грант, на который в соседнем МУПе было закуплено 600 голов оленей. Через год все они были растеряны, убиты браконьерами или съедены волками. На следующий год были выделены дополнительные средства и закуплены еще 300 голов в другом МУПе. К зиме оленей осталось около 200 голов. Владелец КФХ и несколько его помощников получают заработную плату на постоянной основе. Ему оказывается постоянная поддержка из профильного департамента правительства Чукотки, с которым он всегда на связи. Эксперимент продолжается, несмотря на большие затраты. Оленеводство уже стало играть важную роль в жизни коренных жителей села как реальная поддержка их этнического самосознания и традиционной культуры (ПМА Клоков 2019).

Соотношение разных институциональных форм и тренды поголовья оленей отражают результат взаимодействия властей и оленеводов. Последним важно получать государственную поддержку, но еще важнее сохранять свободу. Хотя первая институциональная форма наиболее эффективна экономически, правительства регионов поддерживают главным образом вторую и третью, которые легче контролировать. Изменения поголовья оленей во второй и третьей институциональных формах зависят в основном от государственного протекционизма и поэтому проявляются единообразно во всей Российской Арктике, хотя и с разной интенсивностью в ее разных регионах. Напротив, рост поголовья в неформальном оленеводстве у незарегистрированных частных хозяйств зависит только от локальных условий.

* * *

На территории Сибири и Российского Севера исторически сложилось несколько типов региональных систем традиционного оленеводства, эволюция которых происходит по-разному. Они различаются по институциональным формам

оленеводческого хозяйства, формирование которых, в свою очередь, отражает взаимодействие между традиционными, чаще всего полиэтническими, сообществами оленеводов и региональными властными структурами. Разные институциональные формы по-разному реагировали как на изменения в экономической и социальной политике России в целом, так и на изменения региональных условий. Тренды поголовья оленей в различных регионах зависели от количества оленей в разных институциональных формах оленеводческого хозяйства.

Последние 70 лет наблюдается быстрый рост поголовья оленей в семейных кочевых хозяйствах ненцев в четырех тундровых районах Западной Сибири, которые находились вне строгого государственного контроля в сфере неформальной экономики. В настоящее время здесь сосредоточено уже более половины всех домашних оленей России, в том числе основная часть всего частного поголовья. Развитию такого институционального типа оленеводства, по-видимому, способствовало уникальное сочетание местных условий и глубинных ценностных ориентаций традиционной ненецкой культуры.

На остальной территории крупностадного оленеводства сформировался совершенно другой тип региональных систем оленеводства, основанный на институциональной форме оленеводческого предприятия. Образованный под влиянием плановой советской экономики, он сильно зависит от государственной поддержки и сравнительно мало от местных условий. Направленность трендов в оленеводстве здесь определялась в основном политикой государства, а изменения поголовья оленей происходили более или менее синхронно: с начала 1960-х по конец 1980-х годов — стабильность и небольшое снижение, резкое падение в 1990-е годы, небольшой подъем в 2000-е. От региональных различий зависел размах изменения численности оленей. Так, в 1990-е годы снижение поголовья на Чукотке, в Корякии и Магаданской области было особенно сильным (пятикратным), в области оленеводства тунгусского типа (северная Якутия) — только двух и трехкратным, а на Европейском Севере поголовье снизилось всего на 20–30%. В 2010-е годы в динамике поголовья оленей в восточных и западных регионах крупностадного оленеводства появились различия и в направленности трендов: к востоку от Енисея подъем сменился плавным снижением поголовья оленей, а к западу от этой реки продолжался подъем или имела место стагнация.

В таежной зоне оленеводство представлено еще одним типом региональных систем, основанным на мелкостадном оленеводстве. Снижение поголовья по объективным экономическим причинам здесь началось еще в 1960-е годы, а в период рыночных реформ 1990-х годов оно усилилось. В постсоветское время в ряде таежных регионов на востоке страны наблюдался небольшой подъем с последующим новым снижением поголовья, в других же динамика поголовья оставалась неустойчивой с отрицательным трендом. Только в Ханты-Мансийском автономном округе поголовье после депрессии 2000-х годов растет.

Таким образом, во всех регионах, где судьбы оленеводства определялись в основном поддержкой государства как в советский, так и в постсоветский пе-

риод, изменения поголовья оленей были сходными. Проведенный анализ позволяет заключить, что разнонаправленность региональных трендов в северном оленеводстве связана с различиями в институциональных формах оленеводческого хозяйства и, таким образом, может быть довольно неплохо объяснена преобладанием в оленеводстве той или иной формы собственности. Но в этом случае возникает вопрос: а с чем связаны региональные различия в распространении этих форм? Почему в одних районах более успешным оказывается общественное, а в других — частное оленеводство? Что здесь важнее: традиции и менталитет коренного населения или различия в региональной политике властей? Для ответа на этот вопрос понадобятся уже другие методы и другие материалы.

Как пишет М.В. Рагулина (2000), устойчивость локальных сообществ сибирских народов можно рассматривать на двух уровнях. Первый определяет устойчивость сообщества в его кормящем природном ландшафте. Она обеспечена веками сложившимся симбиозом между оленеводами и их оленями. Второй уровень — это устойчивость сообщества в его отношениях с социальной, культурной и экономической средой региона. Эти отношения во многом определяются политикой, причем не столько на федеральном, сколько на региональном уровне. Региональная политика на Севере РФ изменчива как в пространственном, так и во временном аспекте, поэтому для поддержания равновесия местным сообществам требуется разнообразие адаптационных стратегий. Таким образом, изучение и сопоставление особенностей динамики региональных моделей оленеводства позволяют лучше понять общие закономерности практик использования ресурсов живой природы Сибири и Арктики в контексте социально-экономических изменений.

Глава 3
ПАТТЕРНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ КОЧЕВНИКАМИ ЯМАЛА: ЭТНОГРАФИЯ МИКРОРЕГИОНОВ

Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) привлекает внимание антропологов не только уникальной культурой арктических кочевников, но и невероятным стечением социально-экономических и экологических обстоятельств. В регионе, являющемся флагманом промышленного освоения Арктики, в условиях глобальных изменений климата сохраняются крупнейшее в мире стадо домашнего оленя, семейное кочевание, синтез традиционности и технологичности. На территории округа кочевой образ жизни ведут почти 18 тыс. человек и выпасается более 650 тыс. оленей[1]. До 80% поголовья принадлежит частникам — индивидуальным семейным хозяйствам, часть которых объединена в родовые и территориально-соседские общины или оформлена как крестьянско-фермерские хозяйства, остальные олени находятся в собственности МОПов (муниципальные оленеводческие предприятия) и других наследников совхозов (акционерные общества и сельскохозяйственные производственные кооперативы).

На п-ове Ямал, о котором идет речь в этой главе, почти совпадающем административно с границами Ямальского района, проживает около 5,5 тыс. тундрового населения (преимущественно ненцы), выпасающего свыше 225 тыс. голов. После ликвидации МОП «Ямальское» в 2018 г. в районе остались два «совхоза» — МОП «Ярсалинское» и МОП «Панаевское». На территории полуострова расположены крупные промышленные объекты, обслуживающие Бованенковское, Новопортовское, Южно-Тамбейское и Харасавэйское нефтегазоконденсатные месторождения, завод по сжижению природного газа (проект «Ямал СПГ») и морской порт Сабетта, самая северная в мире газпромовская железная дорога Обская–Бованенково.

[1] Данные на 01.01.2020 предоставлены по официальному запросу департаментом агропромышленного комплекса ЯНАО и департаментом по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО.

Обращаясь к теме ресурсов в ямальской тундре, мы старались рассматривать окружающую среду, ненецкое оленеводство и даже нефтегазодобывающую промышленность как части социально-экологической системы, где все социальные и экологические компоненты взаимосвязаны и взаимозависимы (Anderies et al. 2004; Berkes, Folke 2000; Colding, Barthel 2019). Таким образом, мы концептуально не противопоставляем природный и антропогенный ландшафты, как это не делает в своей повседневной жизни и население Арктики (Арзютов 2019; Давыдов 2019а).

В центре нашего внимания в данной главе — территории и население, связанные с оленеводством. Сравнительно недавно М.Дж. Двайер и К.В. Истомин предложили новое объяснение кочевого движения — универсальную модель, призванную отразить сложный комплекс действий и мотиваций коллективов номадов (Dwyer, Istomin 2008). Основываясь на личном опыте длительной полевой работы в среде тундровых оленеводов (коми-ижемцев и тазовских ненцев), авторы поставили в центр этой системы стремление людей поддерживать контроль над стадами при использовании минимального набора ресурсов, под которыми понимаются, с одной стороны, взаимные усилия людей и животных, с другой — необходимое оборудование. Центральная ось всей модели «пастухи — контроль над стадом — животные», по мнению М.Дж. Двайера и К.В. Истомина, дополняется экологическими и неэкологическими факторами, определяющими характер взаимодействия центральных элементов (Dyson-Hudson 1972). При этом если экологические факторы влияют непосредственно на поведение животных и ответную реакцию пастухов, то неэкологические определяют специфику самого движения.

Авторы признавали условный характер разработанной ими модели, считая ее актуальной в первую очередь для пасторалистов Арктики, выпасающих большие стада северных оленей — животных, уровень доместикации которых многими признается сравнительно низким. В то же время модель «контроля над стадом» оказывается удобным инструментом, дающим возможность обратиться к теме использования ресурсов ямальскими оленеводами. Абсолютно любые ресурсы — «традиционные» (пастбища, дичь и рыба, дерево для чумов и нарт) и появившиеся в последние десятилетия (социальные институты, техника и бензин, мобильная и спутниковая связь, инфраструктура) органично занимают свои места среди выделенных М.Дж. Двайером и К.В. Истоминым экологических и неэкологических факторов. Их соотношение, взаимозависимость и влияние на те или иные коллективы оленеводов в значительной степени формируют кажущиеся зачастую незначительными отличия в хозяйственных практиках у разных групп ямальских кочевников.

Ниже мы в основном сфокусируемся на проблеме использования оленьих пастбищ (экологического фактора) и взаимодействии с современной инфраструктурой (неэкологического фактора), опираясь на микрорегиональный подход. В главе представлены три выделенных нами микрорегиона — «Морды-яха», «Ёркута» и «Сабетта» (рис. 13), — имеющие ряд принципиальных отличий. Мы за-

дались вопросами, как формируется доступ к ресурсам в разных микрорегионах и каким образом это влияет на стратегические и тактические решения кочевых хозяйств. В основу компаративного анализа легли полевые исследования преимущественно 2015–2020 гг., проводившиеся в Ямальском и Приуральском районах Ямало-Ненецкого автономного округа и составившие в совокупности 25 месяцев.

3.1.
Микрорегиональный подход

Длительное пребывание в кочевых сообществах и участие в культурных, хозяйственных и экологических практиках продемонстрировали нам актуальность применения микрорегионального подхода для расширения нашего понимания любых процессов, в том числе энергетических, в современных тундровых коллективах. Под микрорегионами мы понимаем отдельные тундры Ямала со специфическими характеристиками: географическими условиями и доступом к природным ресурсам, особенностями локальных групп населения и историей их формирования на конкретной территории, различными маршрутами кочевания, часто несхожей экономикой оленеводства и рыболовства, инфраструктурными возможностями. На первый взгляд критерии, по которым можно выделить тот или иной регион, нечеткие и нередко обусловлены самим фактом проведения полевых исследований в конкретных локациях. С другой стороны, сама логистика «поля» органично помещает антрополога в рамки кочевой системы коммуникаций и связей, которые естественным образом формируют образ пусть и размытых, но все же границ тундр полуострова.

Безусловно, мы не предлагаем здесь методологическое новшество, поскольку в целом ряде текстов делаются акценты на региональных особенностях ненцев ЯНАО или на этнолокальных группах (Головнёв и др. 2014; Адаев 2017; Арзютов 2017; Донахо, Истомин 2007; Квашнин 2009). В своих исследованиях мы пытались избежать обобщений разного масштаба, при которых определенные характеристики повседневности отдельных групп номадов явно или имплицитно экстраполируются на ненецкую культуру в целом. В то же время мы выбрали именно такую форму описания ямальских сообществ для сравнения и демонстрации особенностей социальных и пространственных взаимодействий, возможностей использования ресурсов и мобильности на нескольких территориях Ямала.

3.1.1.
Идентичность

Один из уровней региональной фрагментации на полуострове связан с делением на социально-экономические или административные «тундры»: панаевскую, салемальскую, ярсалинскую, новопортовскую, мыскаменскую, сеяхинскую.

В именовании тундр отражены названия поселков, к которым относится кочевое население той или иной местности, т.е. Яр-Сале, Панаевск, Салемал, Новый Порт, Мыс Каменный, Сеяха. Выделение этих тундр сложилось в советское время в период колхозного и совхозного строительства частично на основе исторических родовых кочевых маршрутов. Каждая тундра представляет собой социальное и пространственное измерения: совокупность семей и их оленей, кочующих на определенных территориях, зачастую совпадающих с границами землепользования совхозов и рыбхозов советской эпохи. В то же время существует более дробное членение внутри тундр, которым оперируют сами индигенные коллективы, идентифицируя себя и соседей. Так, к примеру, ненцы среднего и южного Ямала называют «сеяхинскими» все население одноименной тундры, приписанной к селу Сеяха, но для жителей Сеяхи и местных тундровиков сеяхинские оленеводы — только те кочевники, чьи маршруты проходят в радиусе 50–70 км от поселка. Зарегистрированные в Сеяхе ненцы, кочующие недалеко от промышленной зоны Сабетты и фактории Тамбей, не разделяли «сеяхинскую» идентичность, называя себя «сабеттинскими» и «тамбейскими». Аналогичную ситуацию можно наблюдать в отношении более общей идентичности «ямальские ненцы». Общеизвестно, что название п-ова Ямал с ненецкого языка переводится как «земли край» (*я' мал*), и ненцы так когда-то именовали лишь самую северную его часть. Кочевое население сеяхинской (в административном смысле) тундры «ямальскими», как и раньше, называет только жителей побережья пролива Малыгина. Если мы, общаясь с оленеводами в районе Сабетты, говорили о Ямале, подразумевая полуостров, а иногда и округ в целом, то наши собеседники однозначно понимали «Ямал» только как северные тундры «напротив Белого острова». В то же время на юге полуострова общераспространенным является иное обиходное значение Ямала: приуральские тундровики, живущие на пограничье Приуральского и Ямальского районов, называют «ямальскими» своих ближайших соседей из панаевской тундры, относящейся к Ямальскому району.

В ярсалинской и панаевской тундрах территориальная идентичность кочевников, как правило, связана с летними пастбищами, расположенными рядом с крупными реками или другими географическими объектами: юрибейские (по реке Юрибей), мордыяхинские (река Морды-яха), харасавэйские (река Харасавэй), марасалинские (мыс Моррасале) и др. Семьи оленеводов-частников и бригады оленеводческих предприятий с единой территориальной идентичностью каслают (кочуют) по одним коридорам. Бригады следуют утвержденным маршрутам и графику, которые могут быть нарушены из-за экстренных погодных условий или некорректного поведения пастухов. Частные хозяева стад живут дисперсно, объединяясь летом во временные стойбища по нескольку чумов, и имеют большую вариативность в сроках своего движения по пастбищам.

Таким образом, один из параметров микрорегиона — обобщающая идентичность. Тундровики, проживающие в одном микрорегионе, создают социальную сеть из стойбищ и людей, взаимодействующих в течение всего года или отдельных сезонов. Немаловажной является локальная история формирования маршру-

тов кочевания, родственных связей и размеров поголовья. Другую сеть, дополняющую и расширяющую рамки социальных связей, организуют олени, поскольку животные из одних стад регулярно откалываются и смешиваются с другими, после чего хозяева приезжают их разделять и забирать своих животных. Как правило, олени прибиваются именно к стадам соседей по микрорегиону. Обсуждения того, в чьем стаде, сколько и каких оленей находится, — одна из популярных тем разговоров ненцев, как в своем чуме, так и в гостях. В любом стаде присутствует хотя бы несколько чужих оленей. Мордыяхинские семьи, с которыми мы общаемся уже несколько лет, объясняют, что ежегодно «собирают» животных по разным хозяйствам до четверти от численности своего поголовья. Если значимая часть оленей «размешалась» с соседним стадом в период активных перекочевок, то пастухи срочно отправляются их арканить или семьи вынужденно объединяются в одно стойбище и продолжают свой путь вместе.

3.1.2.
«У вас пармеркой топят?», или Региональные ресурсные маркеры

Этнография микрорегионов может быть представлена множеством культурных нюансов, по которым тундровики различают локальную принадлежность друг друга. Мы часто обсуждали с ненцами подобные маркеры: длина малицы (мужской верхней одежды) и ее покрой, цвет мужской маличной сорочки, качество нарт, особенности речи и многое другое. К числу специфических локальных ресурсных маркеров, значимых для населения, относятся типы водоемов и виды рыбы, доступные в пищу (или их отсутствие), обилие и спектр охотничьей добычи, такой как дикие олени, тюлени, гуси или зайцы.

Лично для нас важнейшим, хотя и неожиданным, маркером оказались дрова — один из ключевых ресурсов и основа жизнеобеспечения на Севере (Лаптандер 2020). Когда мы обсуждаем с тундровиками из разных частей ЯНАО кочевую повседневность, то одним из первых вопросов, главным образом для женщин, становится «чем они топят?». Внешний вид чумов, привычки и техники тела их обитателей в зимнее время в значительной степени зависят от доступа к топливу и его качества. Так, например, чумы, стоящие в северных тундрах с малым количеством дров, меньше по размерам (их проще прогреть); в относительно теплую, по тундровым меркам, погоду их специально не отапливают, ограничиваясь энергией, получаемой при приготовлении пищи. Даже по фотографии стойбища нередко можно определить, в каком районе тундры сделан кадр, если в него попали местные дрова (рис. 12). *Паё*[2] (ольха) и *неро* (ива, тальник) — традиционные дрова оленеводов, представляющие собой кусты, высота которых может достигать двух метров. Зимой ольховники, растущие на склонах водоемов и оврагов, занесены снегом, и людям приходится брать с собой лопату. В отличие от жителей сельской России в средней полосе, ненцы даже фразеоло-

[2] Далее везде курсивом выделены слова на ненецком языке.

гически дрова не «рубят», а «копают». Оленеводы не без сарказма констатируют, что «на ягельных местах кустов не бывает» — иными словами, коллективы, занимающие хорошие зимние пастбища, обречены порой на долгие поездки за дровами.

Наряду с естественными источниками топлива в ЯНАО действуют программы по обеспечению дровами жителей межселенных территорий: на фактории и на некоторые станции железной дороги Обская–Бованенково завозятся бревна, в редких случаях — брикеты спрессованных опилок. Поездки за дровами зимой могут до сих пор осуществляться на оленьих упряжках, но сейчас, как правило, используются снегоходы. Это ведет к особому смещению гендерных кодов. Дрова в тундре — традиционно женская сфера ответственности, поэтому механизация приводит к тому, что за ними ездят мужчины (часто берущие женщин для помощи) или же хозяйки сами осваивают снегоход. Впрочем, далеко не все хозяйства кочуют близко от подобных топливных «точек»: нам самим приходилось не раз помогать оленеводам в поездках за дровами на снегоходе на 20–30 км в одну сторону, только чтобы наполнить одни «буранные» сани (прицеп для снегохода), которых хватало, в зависимости от погодных условий конкретной зимы, на 3–5 дней.

Рис. 12. Дрова (ольха) на стойбище мордыяхинцев.
Ямальский район ЯНАО, 2016 г. Фото А.Н. Терёхиной

Сеяхинские ненцы, живущие в северной части полуострова, просматривая наши фотографии стойбищ из разных уголков ЯНАО, нередко с определенной завистью отмечали, как много топлива в более южных районах. В других тундрах часто повторяют рассказы о сеяхинских стариках, которые, пеняя молодым за легкомысленность, немедленно заливают печку после того, как закипел чайник, экономя дрова. В скудной на дерево арктической тундре традиционно существует несколько источников топлива. Оставив в стороне «южные» легенды о том, что печку сеяхинцы могут топить щукой, отметим, что до начала государственного завоза дров на севере круглый год в ходу был самый «крупный» на севере Ямала кустарник — карликовая березка (*пюңг*), а на побережье Карского моря — плавник. Сеяхинские (в широком смысле слова) ненцы рассказывали о самых разнообразных видах топлива, таких как «черный ягель» (*паридена няда* — один из листоватых лишайников) или даже костяные оленьи рога, получая удовольствие от нашего удивления и называя тундры к югу от Сеяхи «курортом».

Отсутствие «нормальных дров», под которыми подразумеваются кусты ольхи и тальника, зачастую является среди ненцев главным определением сложных бытовых условий. Можно даже представить некоторую градацию представлений о холоде и тяжести жизни в разных частях Ямала, являющихся своеобразными индикаторами территориальной и, отчасти, культурной (в значении повседневных практик) идентичности. Только в чумах сабеттинских и тамбейских ненцев мы впервые увидели, как костер топят кассиопеей четырехгранной (*пармерка*). «Под впечатлением» от нового вида дров мы стали спрашивать о пармерке в других тундрах и выяснили, что на южном Ямале ненцы этого слова вообще не знают. Так, низкорослый кустарничек из семейства вересковых, точнее его использование в качестве топлива, стал маркером для широтного градиента «суровости» кочевой реальности.

3.1.3. *«Морды-яха»*

Из выбранных для анализа тундр определение четких границ региона, условно нами названного «Морды-яха»[3], вызывает наибольшие затруднения. Динамичность культурного ландшафта, его кажущаяся аморфность являются сущностным качеством номадизма, анимирующего это пространство. Таким образом, любая попытка нанести на карту точные разделительные линии привносит элемент упрощения в сложный комплекс взаимоотношений оленеводческих коллективов и тундровых систем. Для социальных исследователей фокус на конкретном регионе Ямала неизбежно связан с группами кочевого населения, ассоциирующими себя с той или иной территорией. Для нас идентификация «Морды-яхи» произошла в ходе годичной полевой работы в 2015–2016 гг. (ПМА Терёхина,

[3] Написание гидронимов ЯНАО в текстах разных лет может существенно отличаться. Мы используем орфографию Государственного водного реестра РФ (см.: Поиск по данным) и Словарь гидронимов ЯНАО (Вальгамова и др. 2012).

Волковицкий 2015–2016), когда мы жили в семье оленеводов-частников, идентифицирующих себя как *морды' тер* (жители реки Морды), так как их летние пастбища расположены на левом берегу реки Морды-яхи напротив промзоны Бованенково — крупнейшего центра газодобычи (рис. 14).

Тундровики, называющие себя мордыяхинцами, относятся к ярсалинской тундре и зарегистрированы в районном центре с. Яр-Сале. Более 20 семей, летующих здесь, имеют достаточно четкие кочевые паттерны на протяжении всего года. Они двигаются по ограниченному коридору, который для разных коллективов имеет несколько «рубежей» в зимнее время. Самый северный образуют пастбища в межозерье Ямбуто и Ясавэйто, центральный — ягельники между рекой Юрибей и 13-м разъездом железной дороги Обская–Бованенково и южный — на Хэнской стороне в Надымском районе, южнее реки Ярудей, куда уходят отдельные крупные частники и бригады МОП «Ярсалинское». На просьбу уточнить границы своих коллективных «владений» сами оленеводы очерчивают в первую очередь летние пастбища: район вокруг озера Халэвто и далее на запад до двух мысов на карском побережье — Парнэ-Сале и Матюй-Сале. Годовой маршрут мордындеров при внешнем сходстве с хозяйственными принципами их соседей (например, панаевских частников, кочующих западнее в летнее время) имеет целый ряд особенностей, связанных с оборотом и сменой пастбищ, сезонной спецификой рыболовства, ритмикой перекочевок, зависящих в том числе от крупных водных преград (рек Юрибея и Морды-яхи), локальных священных мест и т.д. В эту традиционную (экологическую) часть оленеводства включается комплекс факторов, определяющихся современной инфраструктурой тундры: фактории, забойные комплексы, соседство с Бованенково и годичное движение вдоль (и по) железной дороге Обская–Бованенково.

Другое название «Морды-яхи», бытующее в среде ямальских ненцев, — «Левый Север». Именно так они именуют северо-западный участок ярсалинской и панаевской тундр, ограниченных течениями Юрибея и Морды-яхи. В ландшафтном плане он относится к типичной тундре и в досоветское время использовался ненцами исключительно для летнего выпаса. Сюда по ямальскому водоразделу каслали коллективы, зимовавшие на юге полуострова и в лесной зоне на правобережье Оби. По Полярной переписи 1926–1927 гг., летом здесь выпасалось 30–40 тыс. ямальских оленей из почти 120 тыс. учтенных животных (Головнёв и др. 2014: 146–223). Богатые зеленые корма, выход к байдарацкому побережью с его благоприятными факторами (ветер, холодные ветра, соль) повышали ценность междуречья Морды и Юрибея как одной из наиболее привлекательных летовок полуострова. Море и развитая гидросеть в прошлом создавали условия для освоения других важных биоресурсов тундры. Так, в 1920-е годы на морской промысел ластоногих из Морды-яхи выходило 9 лодок, а из Юрибея — 3. Для сравнения, на всем Ямале еще 3 лодки выходили из Тиутей-яхи и 3 — из Яхады-яхи, при этом последние использовались главным образом для поездок на Белый остров, для промысла дикого оленя (Евладов 1992: 97–98). Эти данные свидетельствуют о достаточно сильной «морской» ориентации

предшественников современных мордындеров, которая до известной степени сохраняется и в настоящее время.

В советское время «Левый Север» сохранил свои функции транзитного участка, где весной–осенью каслали совхозные оленеводческие бригады, уходившие зимой на Хэнскую сторону, т.е. переправлялись через Обскую губу в лесную зону Надымского района. Какое-то количество «охотников» (совхозников, оформленных охотниками-заготовителями в охотничьи бригады) с небольшими частными стадами проживали здесь круглогодично, но число их было относительно невелико. В период расцвета советского оленеводства на Ямале «Морды-яха» оказалась разделенной административными границами на западную и восточную части между оленеводами Панаевска и Яр-Сале и, соответственно, совхозами «Россия» и «Ярсалинский». Нетрудно заметить, что, несмотря на все социалистические изменения, сам характер использования региона принципиально не изменился — он по-прежнему оставался проходным коридором для оленеводов, приходивших сюда в бесснежное время, с несколько увеличившейся долей коллективов, перешедших к круглогодичному проживанию в тундре. Наследниками морских промышленников прошлого в этот период стали жители стойбища Мара-Саля на берегу Байдарацкой губы Карского моря — «стоячего» анклава рыбаков и охотников на тюленей, образовавшего специфичный симбиоз с находившимися рядом метеостанцией и военной частью.

3.1.4. *«Ёркута»*

Основная часть микрорегиона «Ёркута» находится на границе Приуральского и Ямальского районов ЯНАО и охватывает нижнее течение реки Йоркута-яха, впадающей в Байдарацкую губу Карского моря, и ее притоки (рис. 15). Другая его часть проходит по западному побережью губы вдоль гор Полярного Урала, включая пастбища между островами Левдиевым и Тарасавэем. По представлениям ёркутинских ненцев, восточная граница их территории — река Луца-яха (Лухуседаяха). Узловыми точками здесь являются железнодорожная станция Паюта с факторией и забойным пунктом, которую можно считать южным пределом микрорегиона, и фактория Ёркута, расположенная рядом с разъездом № 11 железной дороги Обская–Бованенково, неформально названным рабочими «Канары» (впрочем, и саму факторию местные жители между собой именуют так же). В советский период на этой территории также находилась крупная фактория Яроно, имевшая статус деревни, но в 2006 г. ликвидированная как нежилая. Наш интерес к «Ёркуте» связан с расположенным здесь полевым стационаром, где уже 20 лет осуществляется ежегодный экологический мониторинг Арктическим научно-исследовательским стационаром Института экологии растений и животных Уро РАН (АНИС, Лабытнанги). Начав исследования социально-экологических систем в междисциплинарной группе, мы проводили на «Ёркуте» полевую работу в марте и июне–июле 2019 г. (ПМА Терёхина, Волковицкий 2019а).

С советского времени эта территория Ямальского района находится в хозяйственном пользовании Байдарацкого совхоза соседнего Приуральского района (Экономика и население 2014). Тундровики, жившие здесь в те годы и зарегистрированные в поселках Белоярск и Щучье, относящихся к Приуральскому району ЯНАО, работали охотниками-заготовителями пушнины, имея при этом небольшие личные стада. В 1990-е годы пушной промысел пришел в упадок, а ненцы, лишившись трудоустройства, остались жить здесь как оленеводы-частники, в основном малооленные. Таким образом, зимние пастбища приуральских, по регистрации, оленеводов оказались на территории другого муниципального образования, создав почву для многочисленных конфликтных ситуаций. В настоящее время в ёркутинском микрорегионе проживает 19 семей с общим поголовьем около 2 тыс. оленей, но к ним можно отнести еще шесть семей, концентрирующихся южнее, рядом с факторией Паюта и владеющих в совокупности тысячным стадом. Все эти люди идентифицируют себя как «ёркутинские», «канарские», «паютинские» или «ярoновские». Любопытно, что, в отличие от многих ярсалинских и панаевских тундровиков, определяющих локальную идентичность по своим летним пастбищам, ёркутинские ненцы для этого используют названия факторий, вокруг которых расположены их зимние пастбища.

Рассматривая пограничный контекст, необходимо особое внимание уделить контактному, временному населению микрорегиона. Зимние пастбища ёркутинских ненцев окружают земли хозяйственного назначения муниципального оленеводческого предприятия «Панаевское». Его бригады летом проходят вдоль восточной границы микрорегиона за р. Лучеда-яха, уходя на север. В это же время, когда олени ёркутинцев уходят за Урал на запад, территория «Ёркуты» становится транзитным коридором для нескольких крупных панаевских и салемальских (зарегистрированы в селе Салемал) оленеводов-частников с общим поголовьем до 4 тыс. оленей с 400–1000 оленей в каждом стойбище. С 2010-х годов некоторые из них стали варьировать свои маршруты и проводить лето на зимних ёркутинских пастбищах, а отдельные семьи несколько лет даже оставались зимовать в этих местах, чем вызывали большое недовольство ёркутинцев из-за конкуренции за ягельники. Проходящие летом через «Ёркуту» панаевские оленеводы-частники не вызывают осуждения, поскольку они быстро перемещаются на север и их стада не успевают стравливать бедные местные ягельники. В то же время в адрес семей, летующих на ёркутинской территории постоянно, высказываются серьезные претензии: «Пока нас нет, они топчут наши зимние пастбища». «Холодная война» с панаевскими, как называют ее ёркутинцы, не выливается в активные конфликты, но создает напряженность и усугубляет беспокойство о состоянии пастбищных ресурсов.

Панаевских оленеводов-частников можно считать сезонными жителями «Ёркуты». Обсуждая с ними вопросы землепользования, мы столкнулись с историей, характерной для районов промышленного освоения. Смена маршрутов и поиски новых сценариев кочевания несколькими семьями обуславливались тем, что на месте их летних пастбищ на берегу губы была построена компрессорная станция

Рис. 13. Территории микрорегиональных исследований на п-ове Ямал

Рис. 14. Микрорегион «Морды-яха»

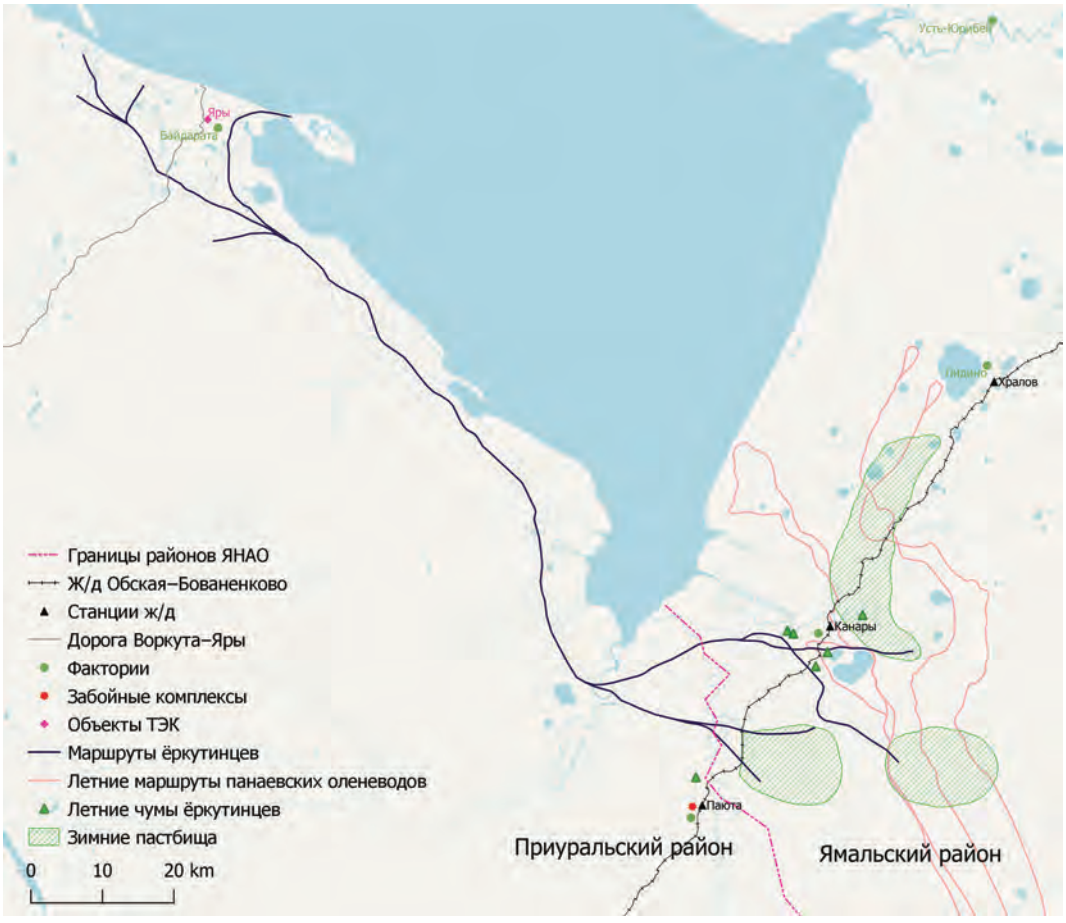


Рис. 15. Микрорегион «Ёркута»

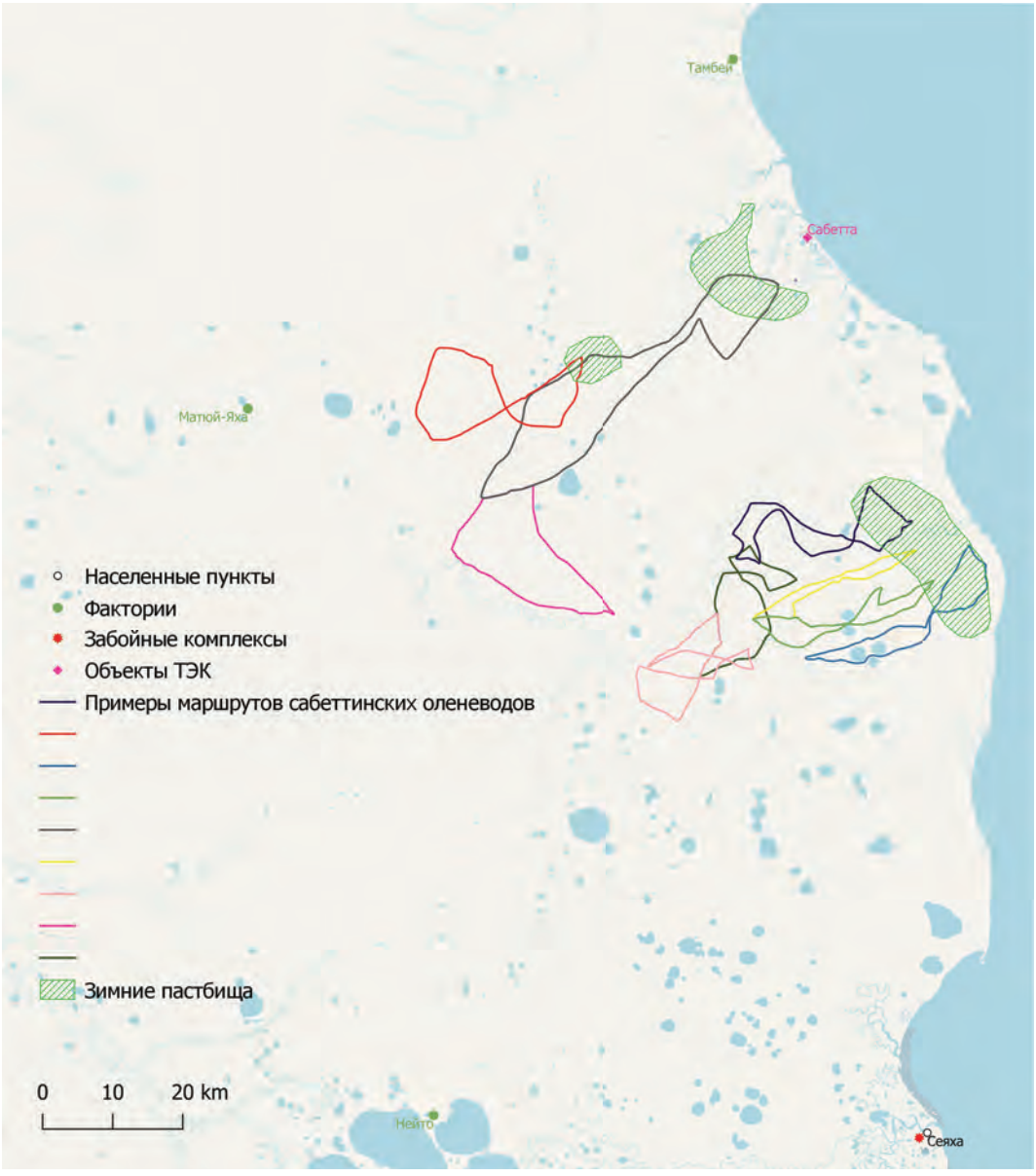


Рис. 16. Микрорегион «Сабетта»

Байдарацкая, обслуживающая газопровод Бованенково–Ухта. Изъятие пастбищ вынудило оленеводов сократить свое движение и летовать южнее. В использовании «чужих», по меркам локального права, пастбищ они не видят проблемы, «легитимизируя» свое присутствие административными границами Ямальского района, жителями которого они являются.

Пограничный характер «Ёркуты» отразился и в маршрутах кочевания местных оленеводов — они тоже проходят в двух районах ЯНАО. В отличие от большинства других приуральских оленеводов, проводящих зиму в лесотундре на правобережье Оби, ёркутинцы с ноября по май находятся в тундровой зоне. Примерно половина из них остается на лето жить оседло, отдавая свое стадо на выпас родственникам и соседям, а «дежурные» с объединенными стадами в апреле начинают каслать на летовку. В конце мая они доходят до р. Байдарата, которую переваливают уже по воде, и движутся до о-ва Левдиева на западном берегу Байдарацкой губы и его окрестностей. Их соседями на летовке становятся другие приуральские пастухи, кочующие непосредственно через Полярный Урал, и приходящие из Республики Коми воркутинские оленеводы. В августе ёркутинцы поворачивают обратно к зимним пастбищам, где в сентябре, первой в округе, стартует забойная кампания на муниципальном унитарном предприятии «Мясоперерабатывающий комплекс „Паюта“».

Сравнивая три микрорегиона, можно предположить, что ёркутинцы, с одной стороны, имеют меньшую кочевую мобильность, в отличие от «Морды-яхи» и «Сабетты», с другой — более гибко меняют составы сезонных коллективов и стад. До начала отела весной жители «Ёркуты» решают, какие пастухи в этом году будут каслать на летовку, а кто останется в стационарном чуме ловить рыбу — обычно это около половины семей. Ненцы, сезонно живущие на одном месте, объединяют своих оленей со стадами родственников и соседей. Большинство из них объясняют свою временную оседлость дефицитом ездовых оленей, без которых невозможно перемещаться летом, в то время как зимой в последние годы здесь каслают преимущественно на снегоходах. Известны случаи, когда мужчина на все лето уходит кочевать, живя в чуме родственников, а его жена с детьми и стариками остается в стационарном чуме, потому что на всех тягловых быков не хватает. Среди населения микрорегиона есть несколько семей, которые совсем не каслают: во-первых, потому что у них менее 50 оленей; во-вторых, как они объясняют сами, привыкли к оседлому образу жизни. Одна такая семья построила на берегу реки небольшой домик, рядом с которым на лето ставит чум. Другие тоже обустраивают летние стоянки с «оседлыми» элементами — нетранспортируемыми балками.

3.1.5. *«Сабетта»*

Микрорегион «Сабетта» локализуется в относительной близости к вахтовому поселку Сабетта с портом, расположенным в северо-восточной части п-ова Ямал на берегу Обской губы, где находятся крупный центр газодобычи и завод по

производству сжиженного природного газа (проект «Ямал СПГ»). Границы микрорегиона опять выделяются достаточно условно, образуя вокруг поселка Сабетта неправильную окружность радиусом от 40 км на север до 70 км на запад и на юг (рис. 16). Эта территория входит в Ямальский район ЯНАО и относится к сеяхинской тундре с административным центром в селе Сеяха — самом северном поселке Ямальского района, где зарегистрированы все тундровики, кочующие в северной части полуострова. Поселок Сабетта начал строиться в 120 км севернее Сеяхи для геологоразведочных работ в 1980 г. на месте фактории, а с 2011 г. компанией ОАО «Ямал СПГ» инициирован новый этап промышленного освоения региона, связанного с разработкой Южно-Тамбейского месторождения, запуском завода СПГ и его транспортировкой по Северному морскому пути.

Первые полевые исследования нами здесь проводились в ноябре 2016 г. по инициативе департамента науки и инноваций ЯНАО, когда мы работали с семьями, кочующими в южной части микрорегиона (ПМА Терёхина, Волковицкий 2016). Позднее нам удалось повторить исследования, дизайн которых впервые был апробирован на «Ёркуте» (ПМА Терёхина, Волковицкий 2019б). На территории Южно-Тамбейского лицензионного участка (ЮТЛУ) находится еще один экологический стационар АНИС, поэтому в 2019 г., как и в случае с «Ёркутой», мы начали здесь совместную работу с биологами. В июле–августе мы посетили 32 стойбища, где суммарно проживало почти 50 ненецких семей. Для нас это был весьма необычный формат полевой работы, ритм которой определялся сбором пантов[4].

Оленеводы, с которыми мы встретились, идентифицируют себя как жители сабеттинской и тамбейской тундр[5]. Их пути касланий проходят не далее чем в 100 км от промышленного поселка, поэтому они с разной степенью интенсивности взаимодействуют с поселком Сабетта. Часть маршрутов пролегает непосредственно по территории ЮТЛУ, поэтому такие семьи оказались в «зоне ответственности» «Ямал СПГ» (около 30): их навещают сотрудники компании, они могут обратиться за помощью в компанию по ряду вопросов.

В советское время здесь, как и на «Ёркуте», проживали в основном охотники с небольшим личным поголовьем. На этой территории проходили маршруты 2-й и 5-й бригад сеяхинского муниципального оленеводческого предприятия «Ямальское», пока оно не было ликвидировано в 2018 г., но подавляющее большинство тундровиков выпасали частные стада. В настоящее время здесь каслают только оленеводы-частники, 70% которых имеют небольшое по тундровым меркам поголовье в 150–200 оленей. Отдельные хозяева владеют лишь 50–70 животными. Десятая часть семей выпасает примерно по 400 голов, остальные оленево-

[4] Мы выражаем благодарность руководству общины коренных малочисленных народов Севера «Илебц» в лице Р.А. Окотэтто, включившего нас в состав одной из групп заготовителей.

[5] Как было сказано в начале главы, все население севера полуострова внешние люди называют «сеяхинскими», тогда как внутри сеяхинской тундры существует более дробное деление. Мы также используем в этом тексте обобщенное определение, когда говорим в целом о территории северного Ямала, и идентичность «сабеттинские», когда имеем в виду жителей микрорегиона.

ды — 250–350. Общее поголовье всех семей составляет около 11 тыс. оленей. На территории сеяхинской тундры распространяется влияние двух крупных частных оленеводческих объединений, с которыми постоянно взаимодействует или куда официально входит часть наших информантов: территориально-соседская община коренных малочисленных народов Севера «Илебц» и частное оленеводческое предприятие ООО «Валама».

3.2.
Зимние пастбища: стратегии и тактики выпаса

В литературе давно сформировался своеобразный историографический парадокс, когда мобильные паттерны оленеводства Ямальского района представляются как «классические» меридиональные траектории межзонального кочевания (лето — зеленые пастбища полуострова, зима — ягельники Хэнской стороны Надымского района) (Degteva, Nellemann 2013; Головнёв и др. 2018). Отчасти это связано со спецификой этнографического изучения Ямала, когда максимум информации о передвижении оленеводов в недавнем прошлом и в настоящем исследователи могут получить в первую очередь от организованных оленеводческих предприятий. Их бригады имеют установленные коридоры, где перемещения стад и пастухов в пространстве и во времени осуществляются по графику. Таким образом, карты с путями касланий, демонстрируя маршруты «совхозных» бригад, оставляют в тени перемещения частников, к которым относится подавляющее большинство хозяйств полуострова. Наконец, маршруты оленеводов, зарегистрированных в селе Сеяха и кочующих в северной части полуострова, остаются фактически неизвестными в литературе. Между тем сезонное движение оленеводов отражает в значительной степени не только исторически унаследованные маршруты семей, но является своеобразным маркером состояния пастбищных условий каждой конкретной тундры и реакцией на их изменения. Анализируя пути каслания в разных микрорегионах, мы оперировали представленными К.Б. Клоковым моделями пространственной организации оленеводства (Klokov 2019a).

Ситуация с пастбищами на Ямале (шире — во всех тундровых районах ЯНАО) является наиболее острой проблемой как современного оленеводства, так и его перспектив. Очередной виток ее обсуждений актуализировали негативные события последнего десятилетия: крупный падёж оленей зимой 2013/14 г. и локальная вспышка сибирской язвы летом 2016 г. Эти трагические инциденты спровоцировали поворот в публичном дискурсе ЯНАО, в котором главными виновниками критических изменений в тундровых экосистемах были названы сами оленеводы с их экстенсивной моделью хозяйства и чрезмерным поголовьем животных, а эта дискуссия в значительной степени поляризовала и научное сообщество (Forbes et al. 2016; Golovnev 2017; Sokolov et al. 2016; Богданов, Головатин 2017; Волковицкий, Терёхина 2020). Часть исследователей, преимущественно

российских, обращаясь к этой проблеме, оперируют понятием «оленеемкость», которая для ямальских пастбищ действительно давно превышена (Кряжимский и др. 2017). Для других авторов «перевыпас» (overgrazing) является политическим инструментом давления на кочевников, что особенно актуально для ЯНАО — региона с интенсивным промышленным развитием, связанным с добычей углеводородов, а также целым комплексом вопросов взаимоотношений между оленеводами и газовиками (Dwyer, Istomin 2006; Forbes 2008).

В литературе давно известен феномен превышения фактического числа оленей в тундровых районах ЯНАО их кормовой базы (Подкорытов 1995). В антропологических работах его рассмотрел Ф. Штаммлер, показавший не только несовпадения в оценках оленеемкости пастбищ в исследованиях разных лет, но и заострivший внимание на социальных и культурных измерениях выпаса оленей (Stammler 2005). Очевидно, что «плановое» оленеводство МОПов с их крупными бригадами и индивидуальные хозяйства частников формируют разную пастбищную нагрузку. Любые механические подсчеты не учитывают потенциальные изменения в режиме питания оленей (соотношение лишайников и зеленых кормов в зимний период), и главное — алармистская риторика бессильна объяснить, почему в ухудшающихся пастбищных условиях на Ямале наблюдается, по крайней мере до 2010-х годов, устойчивый рост поголовья оленей.

В 2017 г. в рамках окружной инициативы изучения современного состояния оленьих пастбищ была обследована территория Ямальского района (АНП РЦСА. Отчет НИР 2017). Выводы специалистов оказались обескураживающими: лимит выпаса на зимних кормовых лишайниках полуострова был определен как 6500 оленей (арктическая тундра — 0, типичная тундра — 1500, южная тундра — 5000). Дизайн исследования пастбищ требует отдельных комментариев, так как в ходе проведения работ игнорировался социальный фактор — сезонные движения оленеводов, тем более в исторической динамике. Результаты детальных геоботанических описаний отдельных площадок, выбранных произвольно с точки зрения локаций оленьих стад — важнейшего драйвера изменений растительного покрова тундры, в дальнейшем использовались для соотнесения с космоснимками, на основании чего и строились выводы о состоянии пастбищ п-ова Ямал. При этом полученные выводы не валидировались «на земле», в результате чего большая часть пастбищ оказалась в критической «красной» зоне, куда были отнесены участки с бонитетами, отражающими их минимальный (или нулевой) кормовой потенциал. В дальнейшем мы покажем, как в ряде случаев современная методика и научные подходы, реализованные в масштабном проекте изучения пастбищ, не находили подтверждения в реальной повседневной практике выпаса и оценках самих оленеводов.

Стратегии и тактики годового движения кочевников и смена ими пастбищ как ключевой элемент преобразования биологических ресурсов в тундре в исторической перспективе имеют свои особенности и закономерности развития. Трудно согласиться с тем, что кочевые маршруты ямальских ненцев не претерпели существенных изменений и в любых экономических условиях мало отличают-

ся от принципов столетней давности (Forbes 2008). Еще в начале XX столетия практически все номады уходили в зимнее время с полуострова на зимовку в лесную и лесотундровую зоны, но около 1930 г., непосредственно перед советскими социально-экономическими преобразованиями в тундре, значительная доля кочевников перешла к круглогодичному кочеванию в северной части полуострова. В дальнейшем эти семьи были административно закреплены на этой территории, лишившись возможности откочевывать в лес, и были вынуждены внести серьезные изменения в принципы ведения хозяйства. В чем-то похожие процессы наблюдались и на юге Ямала, где многие оленеводы, оформленные не пастухами оленеводческих предприятий, а охотниками-заготовителями, сохраняя небольшие частные стада, также перестали уходить на зиму на Хэнскую сторону.

Эти трансформации изменили единый в прошлом меридиональный кочевой паттерн всех ямальских ненцев и сформировали новый уровень эксплуатации пастбищ полуострова, невзирая на то что бригады южных оленеводческих предприятий (Яр-Сале, Панаевска, а еще ранее — и стада рыбсовхозов) всегда сохраняли более традиционный режим смены пастбищ. В постсоветское время эта тенденция усугубилась и дополнилась ростом числа частных тундровых хозяйств и, как следствие, увеличением оленьих стад (Волковицкий, Терёхина 2020).

В то же время пастбищная нагрузка в тундре, ее пространственная и темпоральная составляющие проявляются весьма неравномерно и динамично. Сезонная концентрация стад, своеобразные «бутылочные горла» и, напротив, пустые пространства определяются как качеством самих пастбищ и демографией (концентрацией коллективов, закрепленных административно в одной тундре), так и развитием инфраструктуры, в т.ч. промышленной (Головнёв и др. 2014). Тяготение части кочевников к точкам снабжения (факториям, промышленным поселкам) — своеобразным аффордансам (Давыдов 2019а) или стремление избегать ими «зон отчуждения», возникающих в местах строительства крупных объектов, могут вызывать существенные изменения в движении оленеводческих хозяйств и в их «распределении» по потенциальным пастбищным участкам. Эти последствия нередко имеют каскадный эффект, когда перемещения стад в одной части тундры вызывают последовательные подвижки оленей и семей на значительном удалении.

Пути касланий большинства мордыяхинских оленеводов на первый взгляд представляются классическими для ненецкого оленеводства меридиональными маршрутами. Однако это только внешнее сходство, так как лишь единицы из мордыяхинских частников уходят на зиму в лесную зону Надымского района. Напротив, основная масса семей — как крупных хозяев (владеющих до 1,5 тыс. голов), так и владельцев сравнительно немногочисленных стад (120 голов) — в течение года каслает в пределах тундровой зоны (часть — в границах одной подзоны, типичной тундры). Ротируя пастбища как в течение сезона (зима–лето), так и на протяжении ряда лет, мордындеры в современных условиях не в состоянии повлиять на то, что по «их» коридору каслают многочисленные соседи, которые создают дополнительную нагрузку на стратегические, наиболее важные участки пастбищ. Приоритет в коллективном использовании пастбищных ресур-

сов сохраняют, как правило, наследники совхозов — бригады муниципальных оленеводческих предприятий, именно у них есть право приоритетного прохода внутри их коридора. Это не мешает большинству частников декларировать права личной собственности на ту или иную территорию, но в совершенно особой редакции. Мордындеры внутри своей группы формулируют право коллективного выпаса оленей — любой из них может занимать те или иные участки; в то же время конкретный порядок требует постоянного согласования с соседями.

Частниками однозначно порицаются претензии некоторых оленеводов «застолбить» исключительно за собой конкретные пастбища, притом что такие прецеденты регулярно возникают. Как ни странно, они логично вытекают из локальной трактовки «закона тундры»[6]: в благоприятных условиях для роста стад на фоне многочисленного населения состоятельные оленеводы, естественно, стремятся ограничить доступ окружающих к важным кормовым ресурсам, что помимо экологической составляющей выражает их претензии и на доминирование в тундровом социуме. Это оформляется как словесными декларациями, так и особой, присущей ненцам тактикой летнего выпаса, когда большой *тэта* (владелец оленей) может «накрывать» небольшие стада.

По мнению некоторых авторов, принцип «давления большого стада» в тундре не осуждается и считается прерогативой авторитетных хозяев (Головнёв и др. 2014: 43–44). Мы, напротив, весной 2015 г. стали свидетелями настоящего маневрирования в тундре на протяжении почти недели, когда по мере движения на север стойбище, где мы жили, оказалось под угрозой такого «накрытия». Мотивация «тысячника» (владельца 2,5 тыс. оленей), двигавшегося с юга, объяснялась просто — у него не хватало рабочих рук для выпаса такого крупного стада в летнее время. Накрывая соседей, он не просто двигался в привычном для себя режиме, но и стремился включить чужих оленей в одно крупное стадо, а их владельцев, по сути, сделать своими работниками. Понадобились неоднократные переговоры (в сдержанно-недружеском формате), в итоге разграничившие стада и хозяев, но этот прецедент действительно отнюдь не уникальное явление, и столкновения интересов возникают не только между частниками. Например, пастухи сеяхинского МОП «Ямальское» в 2016 г. утверждали: «Наши бригады перед [таким-то — ярсалинским оленеводом-тысячником] вообще разбегаются, чтобы не накрыл».

Осуждая давление крупных хозяев, частники считают, что главный негативный аспект в такого рода действиях связан с изменением их статуса, когда они становятся бесплатными работниками. Вместе с тем для ряда тундр накрытие чужих стад летом является тактикой косвенного ограничения соседей в доступе к ресурсам. Оно создается через навязывание иного режима пользования, достигающееся образованием единого стада, движение которого зависит от желания «накрывшего».

[6] Существование некоего «закона тундры» — негласного, но внятно артикулируемого кодекса — фиксируется некоторыми авторами; в частности, о *zakon tyndry* много пишет Ф. Штаммлер (Stammler 2005: 83 и сл.). В нашей практике никто из ямальских номадов к «закону тундры» всерьез не апеллировал, гораздо чаще ямальские ненцы используют понятие *хэвы* (грех). Сама конструкция «закон тундры» для советской культуры выглядит, скорее, как ироничная аллюзия на «закон джунглей» из мультфильма о Маугли.

Маршруты мордындеров на протяжении последних десятилетий хорошо иллюстрируют не только социально-экологическое взаимодействие в тундре, но и представления оленеводов о «хороших» и «плохих» пастбищах. В основе их оценки лежат не исчисленные через сложные формулы абсолютные характеристики продуктивного запаса кормов, а взгляд на пастбища «глазами оленя». Поведение животных, зависящее в разные сезоны от многих других факторов (температуры воздуха, осадков, прессинга насекомых, снежного режима), является тем не менее наиболее значимым маркером состояния пастбища. В случае с мордыяхинцами в 2000-е годы фиксируется постоянная ротация зимних пастбищ. Долгое время основная масса хозяйств микрорегиона зимовала на ягельниках, локализованных от реки Юрибей до 13-го разъезда, вплоть до станции Хралов (рис. 14). В последние годы большинство из них переместилось севернее, в межозерье Ямбуто и Ясавэйто. Отметим, что исследовательская оптика геоботанических работ 2017 г. не позволила ученым зафиксировать принципиально лучшего состояния этих ягельников, в отличие от эмпирических оценок оленеводов.

Высокая плотность хозяйств мордыяхинцев вынудила часть из них перейти к иной модели выпаса, которая представляет собой определенный компромисс между состоянием пастбищ, концентрацией оленей и возможностями современной техники. Обычно в зимнее время ненцы предпочитают стоять отдельными хозяйствами или небольшими стойбищами, сохраняя контроль над стадом. В новых условиях оленеводы нередко идут на сознательное смешение оленей сравнительно большой группы хозяйств — так называемый вольный выпас. Так, на 13-м разъезде мы наблюдали более 6 тыс. оленей, принадлежавших девяти хозяйствам, свободно передвигавшихся между чумами, стоявшими на расстоянии примерно в 5 км друг от друга. Пастухи лишь по очереди на снегоходах периодически «скручивали» стадо, не допуская откола оленей. Такой способ выпаса оказывается более экологичным, не допускающим последовательного стравливания пастбищ, так как олени выпасаются не единым стадом на ограниченной территории. В то же время он требует наличия техники в рабочем состоянии и доступа к бензину. Негативные проявления вольного выпаса: необходимость разделения смешавшегося стада в корале весной, что предполагает большие и, что важно, общие усилия, и сокращение у большинства хозяйств числа транспортных быков (кастрированных оленей), так как их попросту не успевают «приучить» перед началом движения на север к летним пастбищам.

Маршрут ёркутинской группы оленеводов, по крайней мере в летней его части, можно было бы отнести к «горной» пространственной модели выпаса, при которой пастухи используют «вертикальное» кочевание, спасая оленей от гнуса и жары. Это обычная практика для многих хозяйств Приуральского района, уходящих из лесной зоны на летние горные пастбища, но ёркутинцы двигаются в коридоре между морским побережьем и горами, лишь заходя на предгорье Уральского хребта в раннеосенний период для откорма стад. Таким образом, их кочевой паттерн скорее демонстрирует комбинацию меридиональной и вертикальной модели с преобладанием первой.

Ёркутинские оленеводы оказываются в зимнее время в более сложных условиях, чем оленеводы на мордыяхинских пастбищах. Ягельники в местах их зимовок худшего качества, что подтверждали нам и мордыяхинцы, приезжавшие сюда в гости. «Ягельники совсем „лысые“, не понимаю, как они тут пасут» — именно так высказался один из наших информантов. Его эмоциональная оценка, кстати, разнится с научным взглядом, так как, по результатам дистанционных измерений 2017 г., зимние пастбища в среднем и нижнем течении Йоркута-яхи оказались более богатыми лишайниковыми кормами по сравнению с тем же 13-м районом или течением Таркасэба-яхи, где зимуют мордыяхинцы.

Полноценная эксплуатация ёркутинцами своих зимних ягельников затруднена пограничным положением их региона, когда его население административно относится к Приуральскому району, а территория — к панаевской тундре Ямальского района. Этот феномен постоянно создает угрозу избыточного и неконтролируемого прессинга со стороны панаевских оленеводов, часть которых каслают летом через зимние пастбища ёркутинцев, а до недавнего времени и зимовали на них. При этом размер стад всего двух панаевских частников был сопоставим с поголовьем всех ёркутинцев. К слову, когда панаевские оленеводы сочли, что дальнейшее пребывание на истощенных ягельниках для них невыгодно, они стали кочевать в зимнее время на юг — в лесную зону. Такой шаг в настоящее время представляется невозможным для ёркутинских оленеводов — полагаем, в силу отсутствия у них опыта зимовок на правобережье Оби. Так или иначе, но сейчас они представляются своеобразным анклавом, сформированным административными рамками и локализованным на достаточно проблемном участке зимнего выпаса.

Весьма показательно, что и ёркутинцы перешли к новой тактике оборота ресурсов и энергии в зимнее время — уже охарактеризованному выше вольному выпасу. При этом в их комментариях можно усмотреть тонкие мотивационные отличия по сравнению с мордыяхинцами. Если последние допускают произвольное смешение стад, вызванное высокой концентрацией хозяйств и оленей, то ёркутинские пастухи часто сознательно и организованно обустраивают пространство для такой пастьбы. Кочевники нередко изначально ставят чумы по периметру пастбища, формируя своего рода большой кораль, внутри которого находятся олени, которых также контролируют на снегоходах и стараются беспокоить как можно меньше.

Низовья Йоркута-яхи как тундра, находящаяся ближе к побережью Байдарацкой губы, оказываются зоной, более подверженной локальным оледенениям, связанным с дождями-на-снег, и эта причина напрямую называется как один из важных факторов, повлиявших на организацию новых условий выпаса. Животные могут расходиться на достаточно большой площади и спокойно добывать себе корм. Как сказал один из пастухов, «олень на одном месте ямку себе копает и из нее кормится, а если его перегонять, то больше сил будет тратить». Например, на одном из таких контролируемых участков площадь оленей не превышала 1 олень/км^2, в то время как, например, на морды-яхинских участках она могла достигать 10–15 оленей/км^2. Таким образом, в тактике ёркутинцев в большей степени проявляется стремление организовать новые возможности сбережения

энергии ослабленных из-за климатических изменений животных в условиях истощенных, по оценкам оленеводов, ягельных пастбищ, в то время как вольный выпас мордыяхинцев — это скорее феномен социальный. Подчеркнем, что более «экологичный» выпас оленей ёркутинцами, как и в среде мордындеров, ведет к частичной утрате связи со стадом, но, пожалуй, в еще больших масштабах. Весной 2018 г. некоторые стада находились в 30 и более километрах от стойбища, и пастухи ездили раз в несколько дней проверять оленей и возвращать отколовшихся животных. Хозяйки, в свою очередь, жаловались на то, что уже давно не ели свежей оленины, поэтому мужчинам приходится охотиться на зайцев или даже покупать мясные суповые наборы на убойном пункте «Паюта». Как и у мордыяхинцев, у населения «Ёркуты» постоянно существует дефицит обученных ездовых быков, связанный с условиями зимнего выпаса. Этот фактор нивелируется использованием снегоходов при зимних перекочевках, но очевидно, что последствия такой практики в случае ее применения в течение многих лет существенно изменят баланс в отношениях человека и оленей.

Пути касланий сеяхинских оленеводов, в том числе сабеттинских и тамбейских частников микрорегиона «Сабетта», значительно отличаются от траекторий мордыяхинских и ёркутинских тундровиков. Как уже было сказано, они имеют короткие круговые маршруты (50–100 км), которые с точки зрения пространственной организации обычно характерны для таежного оленеводства. Это движение, на наш взгляд, в наибольшей степени демонстрирует принципиальные изменения в мобильности и обороте пастбищ, произошедшие на Ямале за 100 лет. В свое время Ф. Штаммлер отметил, что территории кочевания местных семей (в недавнем прошлом объединенных в бригады охотников, приписанных к сеяхинскому совхозу) в известном смысле воспроизводят вотчины — семейно-родовые территории, описанные в начале XX в. Б.М. Житковым и В.П. Евладовым на севере полуострова (Stammler 2005: 224–227). Однако до 1920-х годов биоресурсы этих вотчин эксплуатировались фактически только в бесснежное время, когда оленеводы приходили сюда на летовки. Позднее охотники, а ныне и оленеводы-частники вынуждены адаптироваться к круглогодичному пребыванию на ограниченных участках тундры и вырабатывать новые алгоритмы движения, включающие как сезонное разграничение пастбищ, так и перемещение между ними.

Причудливые на первый взгляд «петли», пересекающиеся с соседями круговые маршруты и «восьмерки» оленеводов «Сабетты» отчасти напоминают описанные Б. Донахо и К.В. Истоминым кочевые паттерны тазовских ненцев (Донахо, Истомин 2007). Соавторы полагают, что последние точных маршрутов не имеют, хотя их же описывание «восьмерок» и нескольких сезонных «кругов», варьирующихся год от года, чтобы не проходить по одним и тем же участкам, может считаться достаточно устойчивым паттерном, основанным на обороте пастбищ на ограниченной территории. В чем-то похожую ситуацию можно наблюдать и в маневрах сабеттинских и тамбейских оленеводов. Ареал их кочевания находится в зоне наиболее истощенных ягельников Ямальского района, где доля участков с 0 бонитетом (самым низким из возможных, допускающим выпас

0-1 оленедней/га) составляет до 98%, согласно выводам авторов геоботанического исследования полуострова в 2017 г. (АНП РЦСА. Отчет НИР 2017: 102). Следует подчеркнуть, что, как и в других кейсах, это заключение не получает подтверждения ни в оценках оленеводов, ни в реальной практике оленеводства, если считать состояние оленей маркером качества пастбищ.

В условиях ограниченного пространства оленеводы «Сабетты» выработали достаточно своеобразный оборот пастбищ, хотя подчеркнем, что, как и в случае с «Ёркутой», здесь выпасаются сравнительно небольшие по численности стада, допускающие значительную возможность тактического маневрирования по сравнению с крупными мордыяхинскими частниками. В сезонном ритме движения часть из них, следуя за локальными изменениями климата, выдвигается во второй половине зимы ближе к побережью Обской губы. Кочевники считают, что в последнее время в связи с круглогодичной навигацией и транспортировкой углеводородов из Сабетты и Мыса Каменного открытая вода создает новые возможности выпаса оленей в условиях, которые ранее считались достаточно рискованными. Насколько эта практика оправданна, сказать трудно, но в микрорегионе отчетливо проявляется вектор движения, не характерный для большинства тундровых оленеводов, которые в зимнее время, наоборот, уходят от большой воды. В каком-то смысле такое нововведение связано с особым режимом осадков в зимнее время к северу от Сеяхи. В последние годы ярсалинские и панаевские оленеводы уже свыклись с рисками участившихся дождей-на-снег в начале зимы, формирующих обширные зоны гололеда, затрудняющие питание оленя. Кочевники «Сабетты» уверенно отмечают, что на их территории вероятность таких явлений, тем более на большой площади, мала. Напротив, здесь более обычной угрозой оказывается гололед в конце зимы, и их движение призвано снизить потенциальный урон ослабевшим стадам.

История формирования и современного положения трех микрорегионов в той их части, которая касается мобильности в тундре и способов эксплуатации зимних пастбищных ресурсов, показывает ряд принципиальных отличий. В последние десятилетия все группы семей демонстрируют индивидуальные и коллективные реакции на ухудшающиеся условия, связанные не только с истощением пастбищ, но и с климатическими изменениями, и с увеличением оленеводческих хозяйств. Новые практики касаются как способов выпаса (вольный выпас, использование техники), так и варьирования сезонного движения (смена траекторий кочевания). В то же время, сравнивая стратегический потенциал микрорегионов, необходимо отметить, что наибольшими возможностями адаптации к изменениям обладают мордыяхинские кочевники. Опираясь как на традиционное право, так и на административные границы, они произвольно могут в большей степени ротировать зимние пастбища — к их услугам огромный коридор, простирающийся от центра полуострова до ягельников Хэнской стороны. Ёркутинские оленеводы в гипотетической перспективе сохраняют возможность движения на лесные пастбища «своего» Приуральского района. Сабеттинские тундровики, напротив, ограниченные административным делением полуострова, сохраняют

лишь вероятность тактических ответов на вызовы, связанные с постоянными импровизациями в кочевом движении.

3.3. Доступ к инфраструктуре: тундровые магистрали и точки притяжения

Инфраструктурная карта микрорегиона состоит из населенных пунктов, факторий, «забоек», ключевых магистралей, с которыми непосредственно связана каждая семья (рис. 13, 14, 15, 16). Тундровики зарегистрированы в поселках (мордыяхинские — в Яр-Сале, ёркутинские — в Белоярске, сабеттинские — в Сеяхе), где большинство из них продолжают стоять в многолетней очереди на получение квартиры, а их дети учатся в школах-интернатах. В города (Салехард, Лабытнанги, реже — в Надым) ямальские оленеводы приезжают за покупками, для посещения больницы, встречи с родственниками или по другим нуждам (Liarskaya 2017). Характер доступа тундровиков к инфраструктуре и объем затраченных усилий для обеспечения мобильности определяют энергетические режимы: скорость и частоту перемещений, обретения товаров, взаимодействий с государственными институтами, характер контактов с жителями поселков, варьирование практик выпаса и кочевания, способ реализации мяса, рогов, пантов и рыбы.

Если летом главным транспортным средством современных оленеводов п-ова Ямал остается оленья упряжка, то основной способ преодоления тундрового бездорожья в зимнее время — поездки на снегоходе, поэтому первостепенная ценность, не считая наличия самой техники, обеспечивающая мотильность (потенциальную возможность передвижений), — бензин[7]. «Бензиновая игла», на которую «подсела» тундра, — вопрос, нуждающийся в особом подходе. Проблема топлива для техники в какой-то момент рассматривалась как составляющая часть сюжетов, связанных с так называемой снегоходной революцией (Istomin et al. 2017; Pelto 1973; Абрамов 2015) и в целом с техническими инновациями в культуре современных кочевников (Stammler 2009; Головнёв и др. 2015). Лишь недавно бензин как ключевой ресурс для ямальских тундровиков, обретение и обладание которым является стержнем мобильности и выстраивания связей между оленеводами, с одной стороны, и бизнесом (часто «серым» и «черным»), инфраструктурой и любыми случайными акторами — с другой, оказался в фокусе социальных исследований (Арзютов 2017). Переоценить значимость бензина в тундре невозможно: практически каждая семья располагает снегоходом, электрогенератором, которые «оживляют» хозяйство — как внутри чума, так и вне его. Бензином, залитым в генераторы, освещаются, коммуницируют на расстоянии (благодаря заряженным мобильным и спутниковым телефонам), создают современное пространство для досуга с гаджетами и ТВ, обеспечивают функциональность большого количество бытовых приборов, тестируемых и используемых

[7] Подробнее об этом в следующей главе.

кочевниками. Модернизация и мобильность (физическая и виртуальная) тундры сформировали новый режим перераспределения энергий, когда все возрастающая часть доходов кочевников тратится как на саму технику и ее обслуживание, так и на обеспечение ее функционирования, но в основе этого процесса находится бензин — ресурс, к которому разные ямальские тундры/регионы имеют неравный доступ.

Наличие топлива и исправного снегохода делает проходимыми любые пространства. Отдельные хозяева используют снегоходы и в бесснежное время, передвигаясь на небольшие расстояния. Вместе с тем тундровики адаптируют под свои нужды любые другие транспортные пути, появляющиеся вследствие нефтегазового освоения. В западной части Ямала почти через весь полуостров, в том числе сквозь микрорегионы «Морды-яха» и «Ёркута», проходит важная промышленная магистраль — ведомственная железная дорога Обская–Бованенково, по которой доставляют грузы и вахтовых рабочих к одному из крупнейших газовых месторождений в Арктике — Бованенково. Дорога протяженностью 572 км была введена в эксплуатацию в 2011 г. По договору между окружными и муниципальными властями ЯНАО и компанией «Газпромтранс», кочевое население Ямальского и Приуральского районов получило право бесплатного проезда (рис. 17). Несмотря на привычный негативный дискурс как оленеводов, так и ученых вокруг индустриальных объектов, изымающих оленьи пастбища и усложняющих движение людей и стад (Kumpula et al. 2012), для тундровиков железная дорога стала ценным инфраструктурным ресурсом (Головнёв и др. 2014; Терёхина, Волковицкий 2020).

С появлением возможности ездить и перевозить грузы по Обской–Бованенково ненецкие семьи освоили новую схему снабжения продуктами — закупку крупными партиями на оптовых базах г. Лабытнанги[8], рядом с которым находится стартовая точка дороги — станция Обская. Тундровики сочли для себя более привлекательными широкий выбор товаров и более низкие цены в городе по сравнению с ассортиментом поселков и факторий. Железная дорога принципиально увеличила количество челночных перемещений жителей тундры, но не менее важным изменением, как нам кажется, стало расширение женской мобильности, не свойственной для ненецкой повседневности (Адаев, Рахимов 2015). Как правило, именно хозяйка играет ведущую роль в реализации семейных интересов вне тундрового пространства: руководит покупкой товаров, оформляет документы на социальные выплаты, снимает деньги с банковских карт и т.д. Без использования газпромовской дороги поездки в поселок возможны лишь на снегоходе, когда мужчина (пастух, водитель) оказывается оторванным от стада, т.е. временно теряет контроль над ним. С запуском Обской–Бованенково тундровички начали путешествовать самостоятельно, тем самым рационализируя трудозатраты членов семьи, особенно на удаленных стойбищах.

[8] Из-за пандемии коронавируса с марта 2020 г. поездки по железной дороге Обская–Бованенково сначала оказались полностью недоступными ненцам, а потом стали возможными лишь из тундры в город, но не в обратную сторону.

Рис. 17. Железнодорожный мост на дороге Обская–Бованенково. Ямальский район ЯНАО, 2016 г. Фото А. И. Волковицкого

Мы часто наблюдали, как жители «Морды-яхи» из чума по телефону записывались на поезд при возникновении срочных (и не очень) дел. По мнению отдельных ненцев, некоторые люди злоупотребляют правом льготного проезда и «катаются туда-сюда просто так». Напротив, ёркутинцы не могут использовать новый инфраструктурный ресурс в полной мере, как это делают ярсалинские и панаевские оленеводы. Два соседних района ЯНАО имеют разные возможности эксплуатации газпромовской железной дороги: кочевникам Ямальского района доступно неограниченное количество бесплатных поездок, тогда как приуральским тундровикам — лишь четыре раза в год, включая путь в обе стороны. Более того, им не разрешено ездить на север от «своей» станции, к примеру в гости к родственникам, хотя ямальские соседи свободно перемещаются в любом направлении. Такие проявления социально-пространственного неравенства еще более неприятны ёркутинцам, поскольку у кочующих рядом панаевских оленеводов оказывается больше прав и возможностей, что вызывает ощущение дискриминации в рамках неравной мобильности (Sheller 2014). В администрации Приуральского района объясняют лимит на поездки меньшим объемом муниципального бюджета по сравнению с Ямальским районом, на территории которого находятся такие крупные промышленные объекты, как Бованенково и Сабетта.

На летних пастбищах к западу от Урала ёркутинские оленеводы используют еще одну промышленную трассу — режимную автомобильную дорогу Воркута–Яры, идущую от города к компрессорной станции на берегу Байдарацкой губы. Яры обслуживает тот же газопровод Бованенково–Ухта, уходящий с Ямала в Республику Коми. На этой территории расположена значительная группа летовок приуральских кочевников, соседями которых ненадолго становятся оленеводы из Республики Коми. Проведенная газовиками автодорога стала важной магистралью для населения, часть которого целенаправленно стремится держаться рядом с ней. По дороге тундровики на попутном транспорте, или заказав машину из Воркуты по телефону, могут съездить в город за продуктами. В июле Воркута–Яры также становится важнейшей магистралью в ходе пантовой кампании, обслуживая как коммерсантов, так и оленеводов, многие из которых пытаются сами реализовывать панты в Воркуте, сокращая цепочку посредников.

Оленеводы микрорегиона «Сабетта» не имеют поблизости круглогодичных трасс, поэтому используют для дальних поездок только снегоходы, не считая спорадических «попутных» вертолетов, на которые не всегда можно сесть (административные и санитарные рейсы, вакцинация, сбор детей в школу). Поселок Сеяха — самый северный на Ямале — регулярно сообщается с другими населенными пунктами лишь вертолетом. Летом в период отпусков или во время других «пиковых» моментов, таких как студенческие каникулы, купить билеты бывает трудно, не говоря уже об отмене вертолетов из-за погодных условий. Кроме студентов и вывезенных на санитарном рейсе больных, оленеводы могут годами не попадать в городское пространство. Некоторые наши информанты говорили о том, что никогда не посещали Салехард и какие-либо другие города России. По словам одного нашего собеседника, он был в столице округа в последний раз в 1986 г., когда возвращался из армии. Таким образом, значительная часть полуострова вместе с единственным населенным пунктом Сеяхой сезонно изолирована от крупных региональных центров, тогда как жители западного Ямала имеют круглогодичный доступ к железной дороге Обская–Бованенково. Мы неоднократно обсуждали с сабеттинскими оленеводами вопросы эксплуатации газпромовской дороги из-за перспективы строительства новой железнодорожной ветки от Бованенково до Сабетты. Оленеводы, высказывая опасения из-за перспективы появления строительного мусора и уничтожения пастбищ, в то же время с оптимизмом представляли, какие возможности движения для них откроются с появлением новой магистрали.

Четко функционирующая транспортная коммуникация, позволяющая тундровикам экономить, точнее — перенаправлять энергию, оказывается своеобразной осью, на которую нанизаны другие объекты инфраструктуры. В свою очередь, они становятся местами притяжения кочевых стойбищ, что может значительно менять рисунок каслания, в первую очередь частных хозяйств. В начале XX в. именно из-за появления факторий на севере Ямала часть ненцев перестали уходить на зиму в лесную зону (Евладов 2008). В ямальской публицистике 1990 — начала 2000-х годов некоторые авторы связывают скучивание стад во-

круг населенных пунктов с нарушением работы сети факторий (Морозов 1994; Шеметов 2002). За годы работы на Ямале мы неоднократно слышали осуждающие высказывания от представителей власти и национальной интеллигенции об «обленившихся оленеводах», которые «крутятся весь год рядом с поселками и факториями».

Исключая случаи нерационального выпаса стад вблизи поселков, которые осуждаются большинством оленеводов, отметим, что для оптимизации энергетических режимов тундровикам важно, чтобы для них были доступны точки концентрации и перераспределения небиологических ресурсов (Давыдов 2018б). Ненцы, кочующие далеко от населенных пунктов, объясняют, что такими местами могут выступать крупные фактории или вахтовые поселки, которые обеспечивают оленеводов по принципу супермаркета. Иными словами, кочевникам, как и жителям городов, важно в одной точке купить свежий хлеб и другие продукты, бензин, при этом иметь возможность продать рыбу и мясо, костяные рога, запастись дровами (завезенными администрацией или из числа строительного мусора). Вполне естественно, что желаемая со стороны кочевников концентрация таких функций и стремление к прибыли со стороны любых внешних акторов формируют большое число коммерческих отношений «на грани» правового поля, а то и за его пределами. В то же время они вполне могут устраивать всех участников процесса: руководство газовиков закрывает глаза на спонтанную торговлю рыбой и продажу водителями «казенного» бензина; многие фактории стремятся к бартерному обмену, реализуя часто просроченные товары, но сохраняя многолетний список тундровых должников — коммерсанты часто отпускают товары в кредит, рассчитывая на возврат в будущем пантами, и т.д. Вместе с тем в ряде тундр можно наблюдать определенную концентрацию сферы торговли и обмена, которая входит в баланс с маршрутами касланий и стоянками оленеводов.

Для мордыяхинцев подобными «многофункциональными центрами» являются пункты, расположенные по ходу железной дороги Обская–Бованенково, в первую очередь сам вахтовый поселок Бованенково и станция Юрибей. Сферой наибольшего притяжения ёркутинцев можно считать факторию на станции Паюта. Жители микрорегиона «Сабетта» связаны с инфраструктурными ресурсами одноименного промышленного поселка даже больше, чем с Сеяхой, притом что они каслают фактически на равном удалении от этих населенных пунктов. В условиях ограниченности природных и транспортных возможностей пример сабеттинских тундровиков демонстрирует, как арктические кочевники стараются максимально использовать индустриальные ресурсы. Эта тенденция создает новую материальность стойбища: при дефиците дерева в ход идут различные доставленные в тундру газовиками предметы и материалы. Если Л. Сирагуза и Д.В. Арзютов, опираясь на концепции Н. Берд-Дэвид, рассматривали море, являющееся неисчерпаемым источником ресурсов, как «дающую среду» для прибрежных ненцев о-ва Колгуев (Bird-David 1990; Siragusa, Arzyutov 2020), то для сабеттинских оленеводов промышленные объекты, раскинувшиеся по тундре, оказываются функционально схожим обеспечивающим ландшафтом.

Уже отмечавшееся инфраструктурное неравенство, влияющее на формирование локальных групп оленеводов и дифференцирующее тундры и тундровые семьи, проявляется и в кейсе с забойными пунктами на Ямале. «Забойки» обеспечивают ежегодный централизованный прием мяса, от чего зависит значимая часть дохода большинства оленеводов (помимо сдачи пантов). В 2010-е был запрещен так называемый тундровый убой на факториях из-за новых санитарных требований, поэтому все оленеводы Ямала оказались в зависимости от работы крупных убойно-перерабатывающих комплексов. Прием мяса в Ямальском районе фактически является монополией муниципального предприятия «Ямальские олени», пункты которого расположены в Яр-Сале, на станции Юрибей и в Сеяхе. Еще один убойно-холодильный комплекс находится на станции Паюта и относится к Приуральскому району. Мордыяхинцы осенью пригоняют забойных оленей преимущественно на Юрибей, ёркутинцы — на Паюту, сабеттинские ненцы — в Сеяху.

Расположение забойных пунктов связано (или должно быть связано) не только с логистикой конкретного региона, важным принципом оказывается экологическая составляющая их локаций — такие комплексы должны располагаться в местах транзита стад с летних пастбищ на зимние. Это позволяет, отделяя от основного стада забойную часть, минимизировать в дальнейшем нагрузку на ценные зимние ягельники. В случае с оленеводами центральной части полуострова это удалось осуществить: на их пути последовательно оказываются забойные пункты в Юрибее и Яр-Сале. Кочевники сеяхинской тундры оказались в рамках существующей системы в условиях нерационального, с их точки зрения, расположения инфраструктуры. Для сабеттинских оленеводов вплоть до 2009 г. ближайшим и наиболее адекватным местом сдачи мяса была «забойка» непосредственно в поселке Сабетта, организованная общиной коренных народов «Илебц». После реформ в сфере забоя оленей оленеводство не только микрорегиона, но и всей сеяхинской тундры замкнуто лишь на один комплекс, расположенный в самой южной для кочевников точке — Сеяхе. Это вынуждает оленеводов уже осенью формировать «забойные» стада, которые в октябре-ноябре ненцы постепенно гонят к поселку, преодолевая в ряде случаев сотни километров. По словам пастухов, на этом протяженном маршруте олени неизбежно теряют в весе и «съедают» пастбища, по которым проходят. Сабеттинские оленеводы, оказавшиеся в коридоре прохода значительной части забойных оленей всей северной части Ямала, считают себя заложниками ситуации, когда «чужие» олени «портят» их ягельники: «олень, которого гонят, выедает все с корнем», «забойные олени толпой проходят, утаптывают снег — потом его местным оленям тяжелее копать, больше сил тратится». По их мнению, на севере Ямала (в Сабетте или на фактории Тамбей) необходим, как и было раньше, еще один убойный комплекс, строительство которого позволит не только сократить потери забойных стад, но и уменьшить нагрузку на пастбища.

* * *

Микрорегиональная этнография позволила представить объемную анимированную картину трех частей Ямала и продемонстрировала, насколько принципиально различны оказываются энергетические режимы на территории полуострова с одной ландшафтной зоной, внутри одного административного района, между моноэтническими сообществами. На примере трех микрорегионов мы рассмотрели модели и практики использования двух ключевых блоков ресурсов для современного оленеводства — зимних пастбищ и инфраструктуры. Исторически сложившиеся административные территориальные ограничения не дают возможности стратегических маневров одним группам оленеводов, тогда как другие могут варьировать маршруты, гибко реагируя на климатические изменения, развитие промышленности и ухудшение качества ягельников. Расширение мобильности за счет новых транспортных коммуникаций и рост «многофункциональных центров» в тундре, что относится к неэкологическим факторам, способствуют сбережению энергии и оптимизации оленеводческих практик.

Глава 4
ПРИРУЧЕНИЕ ЭНЕРГИЙ В НЕНЕЦКИХ ТУНДРАХ: ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И ТЕХНОЛОГИИ НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ

Говоря об энергии в Арктике, мы обычно представляем нефтяные и газовые буровые в открытом пространстве тундры или же «технологические острова» в открытых северных морях. Однако такая картина, как мне представляется, является значительным упрощением того многообразия энергетических потоков и соединений, с которыми сталкивается каждый житель Севера. Исторически населенная коренными народами, Арктика остается пространством как творческого приручения и использования природных стихий, так и не менее творческой адаптации технологических нововведений. Природное и технологическое в этом контексте не противопоставляются, а выступают тесно взаимосвязанными частями единого целого. Так, анализируя жизнь плавника, можно видеть, как происходило совмещение агрессивного советского освоения леса на Севере, в том числе и через систему ГУЛАГа, и повседневной традиционной практики оленеводов, собирающих плавник вдоль морской береговой линии. Аналогичные связи индустриального освоения и оленеводства можно увидеть в текущей социальной жизни бензина, который выступает эквивалентом немонетарного обмена между тундровиками и вахтовиками — между теми, кто сохраняет номадический образ жизни, и теми, кто доставляет нефть и газ в артерии государства. Именно эти переплетения и составляют центральный вопрос моей главы. Помимо этого я предлагаю расширить концепции энергии за счет обращения к индигенным практикам и терминологиям. На примере долговременной работы среди ненцев п-ова Ямал и о-ва Колгуев, а также в архивах на Севере и в столицах я предлагаю соединить подходы исторической и экологической антропологии с историей технологий и отчасти с историей науки. Благодаря этому энергия будет представлена в настоящей главе как социальная материя,

обладающая синхронным и диахронным измерениями. Полевые исследования помогают понять социальную жизнь выбранных объектов (плавник, бензин и электричество), в то время как долговременные архивные исследования открывают пространство исторической динамики энергии, изменяемости как самих представлений о ней, так и отношений с перечисленными объектами. Наконец, с точки зрения онтологической разницы, которая возникает при сопоставлении так называемых западных практик обращения с энергией и повседневных практик местного населения, перед нами возникают новые горизонты анализа локальных идеологии и взаимодействия с ландшафтом и осмысления энергий. Как было показано в главе 1, теоретические основания антропологии энергии были заложены работами Лесли Уайта, а именно его «Энергией и эволюцией культуры», где он развивал идею энтропии в связи с рассуждениями о втором законе термодинамики. Уайт, продолжая работы физиков, писал, что энергия ни создается и ни исчезает — она только трансформируется (White 1949: 374). Интеллектуальные упражнения по переложению физических правил на социальные и культурные отношения повлияли на антропологическую биографию самого Уайта. Его идеи оказались в оппозиции боасовскому историзму и индивидуализму, которые в то время доминировали в американской антропологии (Boyer 2014: 312). Только благодаря Ричарду Адамсу и его президентскому посланию к американской антропологической ассоциации 1977 г. концептуализация энергии стала возвращаться в социально-антропологическое поле (Adams 1978). В более широком контексте — и Уайт и Адамс писали и публиковали свои работы в период холодной войны, когда, как пишет Пер Хёгзелиус (Högselius 2012), Европа становилась зависимой от энергоресурсов Советского Союза. Арктика/Север в этом диалоге играла и продолжает играть исключительную роль. Обращаясь к жизни плавника, бензина и электричества у кочевников Арктики — ненцев, мы можем наблюдать не только термодинамическую и уайтовскую трансформативность, но и переосмысление глобального и локального. Каждый из кейсов, представленных в этой главе, дает основания для такой рефлексии.

Используя термин «приручение», я исхожу из того, что все описанные ниже материалы и произведенные энергии являются формой человеческого вовлечения в их добычу или производство; при этом энергетические ресурсы выступают в этих отношениях не молчаливыми объектами, но активными субъектами. Иными словами, человеческие отношения с этими материалами не являются отчужденными, а скорее образуют своеобразный ансамбль, где сложные формы обмена и само знание ландшафта и оленеводческие навыки оказываются столь же важными, как умение дипломатических переговоров. Таким образом, в этой главе предлагается взглянуть на жизнь ненцев — оленеводов и кочевников в соединении с жизнью ресурсов и дальнейшим производством энергии на примере плавника, бензина и электричества.

Начнем с плавника.

4.1.
Дары моря[1]

4.1.1.
Невидимый лес

Советский полярник Владимир Иванов в своей книге о Новосибирских островах писал:

> «Дрова — из плавника. Не будь плавника, освоение Арктики стало бы для человека во много раз труднее. На голом морском пляже лежит прекрасный строительный материал и отличные дрова. Откуда эти бревна, где рассыпался, разбился плот? На Лене? На Яне? На Индигирке? Где росло это вековое дерево, на котором еще сохранились остатки корней и огромных сучьев? Плавник — это не только строительный материал и дрова, это и изделие человеческих рук: брусья, куски обшивки судов, столбы (иногда даже с изоляторами), обломки непонятных мне деревянных конструкций. А для того, кто собирается зимовать, задача заключается в том, чтобы сложить плавник штабелями на высоких местах, иначе зимой из-под снега не достанешь» (Иванов 1979: 132).

Схожие описания можно найти почти в каждой работе полярников или арктических исследователей. Этот примечательный и вместе с тем «невидимый» для анализа материал может рассказать очень много не только о природе, но и о культуре, или, точнее, о том, насколько они неразделимы. В первой части своей главы я хотел бы проанализировать этнографию плавника у ненцев п-ова Ямал и о-ва Колгуев — двух точек на карте ненецкого мира. Плавник и отношение кочевников к морю образуют особый модус энвайроментальных отношений. Прибитые морем доски и бревна, обладающие материальностью, но почти полностью утратившие все многообразие социальных и культурных контекстов, вновь пересобираются умелыми руками оленеводов и всех тех, кто находится продолжительный период времени у берегов морей.

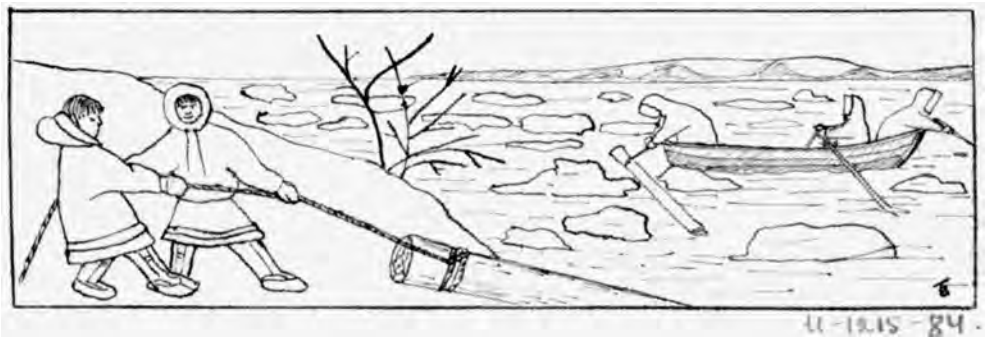
Распространенный повсеместно на морском и речном побережьях арктической территории, плавник для многих северных сообществ выступает едва ли не единственным источником тепла и материалом, необходимым для создания нарт, шестов для чума — словом, значительного числа вещей, которые и составляют основу кочевого быта. В силу удаленности и высокой цены на доставку дров и, тем более строевого леса, тундровики и некоторые поселковые жители предпочитают ходить вдоль морского берега весной и собирать плавник (варианты: *плавун, топляк, плавень*, ненецк. *мӑра’ пя”*, *хув*). Сбор этого энергетического ресурса представляется довольно интересной практикой, как с точки зрения этнографии, так и с точки зрения экологической истории. Собирательство становится той самой практикой, которая сохраняет оленеводство и в целом оленеводческий образ жизни и, шире, как напоминает нам Владимир Иванов, освоение Арктики

[1] Отдельные соображения относительно социальной жизни плавника были высказаны автором главы в других публикациях (Siragusa, Arzyutov 2020: 45–46) и в каталоге для выставки «The Arctic — While the Ice is Melting» в Nordiska Museet (Стокгольм, Швеция) (Arzyutov 2020).

(см. исследования о роли плавника в историческом освоении Арктики: Alix 2016; Omurova et al. 2020). Дендрохронологический анализ древесного материала из средневекового Надымского городка показывает, что только две древесные конструкции были сделаны из местного леса, большинство же из плавника (Omurova et al. 2020). Этот пусть и не системный факт свидетельствует, насколько местные сообщества и колонизаторы были зависимы от плавника как строительного и энергетического ресурса.

Рассматривая жизнь плавника через призму локальных экологических историй, также нельзя не обратить внимание на его роль во взаимоотношениях ненцев с ландшафтом, а также место, которое он занимал в русской колонизации региона. Я имею в виду прежде всего исследования по экологической адаптации, которые были сформулированы для Российской Арктики И.И. Крупником как концепция о возникновении крупностадного оленеводства в ненецких тундрах (Крупник 1976), которую позже он назовет «хозяйственно-экономической революцией» или «оленеводческой революцией» (Крупник 1989: 161 и сл.; см. дальнейшее развитие идеи: Головнёв 2004: 88–89; Stépanoff 2017) по аналогии с «неолитической революцией» Гордона Чайлда. Еще в 1930-е годы, когда начиналось исследование по этногенезу ненцев и происхождению их оленеводства, В.Н. Чернецов обратил внимание, что древние стоянки на Ямале были расположены вблизи скоплений плавника (Чернецов 1935: 116; см. также: Giddings 1952: 141). Н.В. Фёдорова в своей обзорной статье уточнила, что существовавшая на этих стоянках плавка металла была бы невозможна без плавника (Фёдорова 2002: 107). Как свидетельствуют мои ненецкие собеседники, плавник является еще и важнейшим ресурсом для конструирования нарт — ключевого элемента оленеводческой культуры. Таким образом, те немногочисленные археологические, исторические и этнографические сведения, которыми мы располагаем, дают основание говорить, что сама практика собирания плавника составляет одну из основ существования оленеводства (рис. 18), что, перекладывая на язык экологической истории и антропологии, свидетельствует о тесных связях моря и тундры. И тут мы затрагиваем один довольно важный теоретический момент.

Рис. 18. Вылов плавника ненцами. Рисунок Г.Д. Вербова. 1938 г. МАЭ. И-1215-84



Замечательный израильский антрополог и специалист по охотничье-собирательским сообществам Индии, теоретик охотничье-собирательских онтологий Нурит Бёрд-Дэвид в своей классической заметке о дающей окружающей среде (*the giving environment*) (Bird-David 1990), критикуя разделение на сообщества, производящие продукты питания и собирающие их, пишет, что окружающая среда для охотников и собирателей является *дающей*, как это происходит внутри семьи, но не в терминах реципрокации (*reciprocity*), как это происходит между родственниками (*kin*). Однако сфокусированность на охотниках и собирателях невольно уводит автора в сторону от весьма схожих практик среди животноводов. И здесь пример собирательства прибрежного плавника является весьма удачным, так как показывает насколько важным является «дающее море» для самых успешных оленеводов планеты — ненцев[2], а также исторически для их охотничьих практик со сложными конструкциями «пастей». Более того, подобно известному определению Маршалла Салинза об «обществе первоначального изобилия» у охотников и собирателей (1999), ненцы считают прибрежные залежи плавника, как на Ямале, так и на Колгуеве, как явно достаточные для их жизни и постоянно возобновляемые во время штормов. Кроме этого, плавник, в отличие от удаленных для тундровых ненцев местных лесов, дает значительное разнообразие пород дерева, охватывая огромное число субарктических лесных массивов (см.: Johansen 1999: 204), что делает возможным знание оленеводами свойств пород дерева для их дальнейшего хозяйственного использования. Мои собеседники описывали, в каких местах плавника становится меньше, а где, напротив, его количество растет. Такая экономическая гибридность (смешение стратегий охотников, собирателей и оленеводов) делает плавник особым для настоящего разговора об арктических энергиях.

4.1.2. *Кочевая жизнь плавника*

В отчетах полярников значительное место отводится ресурсам — направлению ветров, источникам пресной воды и наличию плавника. Знание этих и некоторых других деталей позволяет представить насколько, создаваемая полярная станция могла существовать автономно, равно как насколько успешной могла быть жизнь оленеводов и охотников, живущих неподалеку. Вот один из примеров описания географии плавника на Новой Земле и на Колгуеве, сделанного полярником Л. Антоновым:

> В последние годы плавник встречается здесь преимущественно строевой с марками, например, Северолеса; он довольно равномерно распределен по всему западному берегу Новой Земли, конечно с некоторыми уклонениями в сторону его большого направления на некоторых мысах: п-ов Адмиралтейский, о-ва Баренца, Горбовы, Сухой Нос, губы Матюшина, Серебрянка и Каменка; в отношении накапливания плав-

[2] Помимо плавника аргумент «дающего моря» мог бы быть расширен за счет регулярной охоты ненцев на морского зайца (*Erignathus barbatus*), из шкуры которого изготавливается аркан, без чего ненецкое оленеводство попросту немыслимо.

ника можно сказать, что они являются складами его; на W берегу Новой Земли обычно плавник скопляется на S и на SW сторонах мысов (на восточном берегу Новой Земли плавник скопляется на… и мысах. — *Авт.*); например, на южной оконечности о-ва Берха в минувшую зиму кроме обычного строевого плавника много досок; на южном и юго-западном конце о-ва Баренца были залежи свежих бревен строевого плавника; на северо-западной и западной оконечности о-ва Вайгача тоже встречается строевой плавник. В губе Каменка чрезвычайно много строевого плавника. Строевой плавник приносится со всего южного побережья Баренцева моря, включая сюда и Белое море; по маркам трудно судить, откуда, с какого побережья было принесено данное бревно, так как Северолес мог его погрузить и в Печоре, и в Мурманске; часть плавника может быть и аварийного происхождения, и плавник мог быть принесен от берегов Скандинавии и даже из Северного моря.

(…) На мысах Желания и Меньшикова (губа Каменка) обычно выброшен плавник смешанный: карский и моря Баренца; карский плавник делится главным образом на енисейский и обской; первый всегда состоит из гладких стволов, обской с сучьями или ветвями; в последние годы и с Оби, и с Енисея приносился строевой плавник с марками КСМП (Комитет Северного Морского Пути) и УЛ (Уралолес) (надо сказать, что Обь дает ничтожное количество плавника по сравнению с Енисеем. — *Авт.*).

(…) Изредка в плавнике встречались куски дерева пород нам неизвестных: предположительно это уже дары Мексиканского залива» (ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 2-1. Ед. хр. 552. Л. 1, 2, 3; ср.: Johansen 2001).

В этом фрагменте примечательно, что автор обращает внимание на марки леса, что довольно важно с точки зрения реконструкции его социальной истории внутри государства. Полярники, которые оказывались не меньше зависимы от плавника, чем их соседи — оленеводы или охотники, в действительности совмещали два знания о лесе: его принадлежность к тому или иному ведомству и локальную принадлежность. На основании многолетних дендрохронологических исследований сегодня известно, что основными источниками плавника в Европейской Арктике (исследователи чаще всего анализируют образцы плавника из Гренландии и со Шпицбергена) служат Белое море и пойма Енисея и Ангары, но в ботаническом смысле сам плавник — продукт бореальных лесов (Johansen 1999; Hellmann et al. 2013; 2015). Исследователи евроарктического плавника уточняют, что около 40% образцов — сосна, которая приходит из Западной и Восточной Сибири, береза и ель также или из Сибири, или из Северной Америки. Однако помимо естественных причин увеличение количества бревен было также связано с советской практикой молевого сплава леса (Hellmann et al. 2016), которая, в свою очередь, имела прямое отношение к трудовой деятельности заключенных ГУЛАГа, что создает довольно сложное для современных исторических антропологов переплетение идеологии и жизни леса и моря.

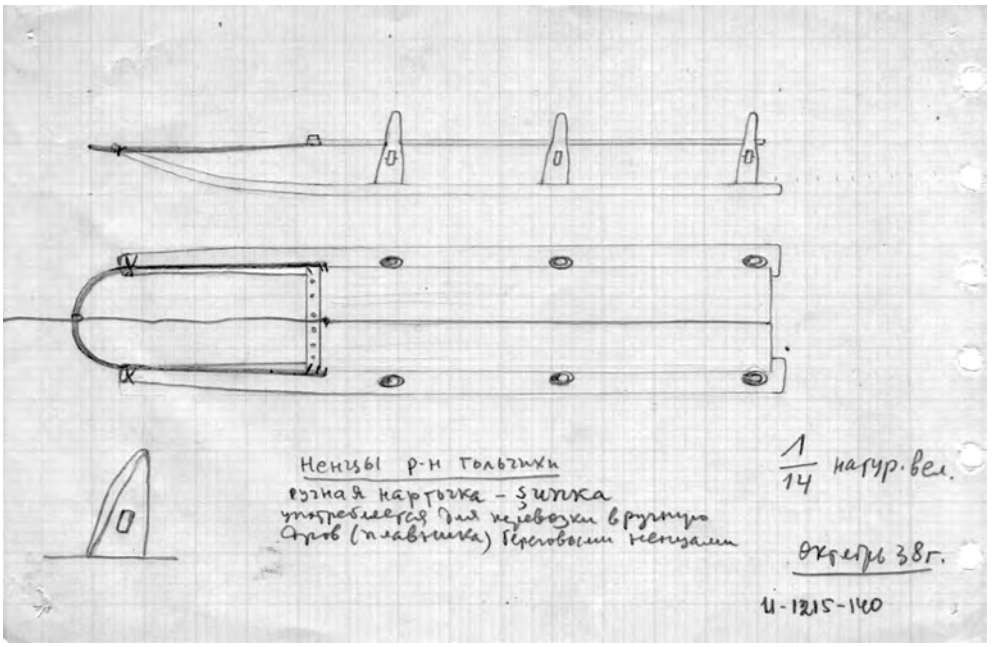
Попытки промышленного освоения плавника (Жуков 1940) оказались неосуществимы, что в какой-то мере консервировало его для местного населения, сохранившего, в свою очередь, хозяйственные практики на протяжении долгого советского XX века.

Несмотря на обилие плавника как ресурса, он играл и продолжает играть амбивалетную роль в экономике ненцев. С одной стороны, он доступен всем,

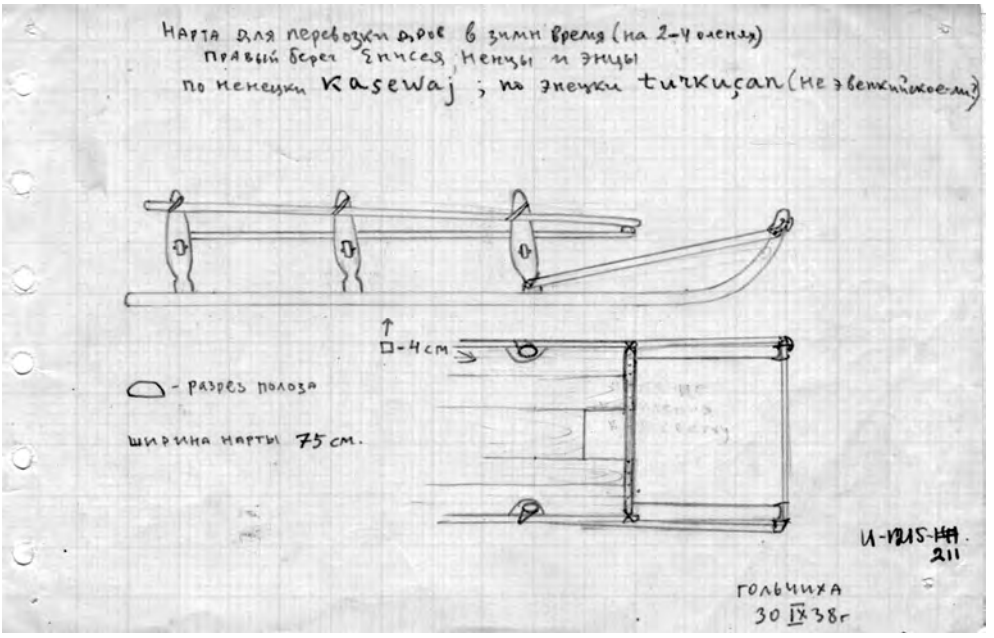
и ненцы зачастую говорят, что собирать плавник может каждый, а с другой стороны, можно заметить своеобразную форму собственности на плавник: каждая собранная куча плавника принадлежит той или иной семье. Неисчерпаемость плавника и его доступность каждому были многократно описаны этнографами. Примечательно, что в Европейской, Азиатской и Северо-Американской Арктике плавник воспринимается как дар, не требующий ничего взамен, о чем я со своей стороны слышал от ненцев Колгуева и Ямала и о чем на основании записей устной истории у атабасков и эскимосов-юпик писали Клэр Аликс и Карен Брюстер ("it's just like a free gift to us on the beach") (Alix, Brewster 2004: 51).

Однако есть и другая форма восприятия плавника. Исторически сложившаяся система расселения ненецких фамилий диктует также кооперацию между семьями не только в выпасе оленей или ловле рыбы, но и в сборе и заготовлении дров и будущего строительного материала для нарт и чума. В своих полевых заметках во время экспедиции на п-ов Ямал Владимир Петрович Евладов (1992: 152, 182) писал, что плавник является самым дешевым эквивалентом обмена, который, однако, используется по мере удаления кочевников в глубь полуострова, а также на юг, где залежи плавника начинают истощаться или вовсе исчезать. География размещения плавника в ее пересечении с социальными практиками сказывается на переходе его из «дара» моря в товар и эквивалент обмена на суше. В этом переходе видна не только география ценности, но и пересечения с географией родов и фамилий, сотрудничество с которыми открывает пространство коммуникации и обменов. Евладов уточняет, что за одного быка полагается шесть нарт плавника, за оленя-пыжика — четыре (Евладов 1992: 152).

Во время моей полевой работы на Ямале в Тамбейской тундре я однажды с моим другом отправился за дровами. Наша цель была откопать из-под снега и льда «бревно деда Андрея» — огромный, в два обхвата ствол дерева, выловленный дедом моего друга в 1950-е и оставленный в одном из мест, которые по устной договоренности принадлежат его семье. Примечательно, что все эти почти 60 лет никто не трогал это бревно, равно как и другой плавник, лежащий рядом. Впрочем, откопать огромное бревно — дело, требующее больших затрат времени и сил, что во многом сокращает саму возможность воровства. Как я уже отметил, эти пространства, несмотря на кажущуюся «общность», находятся в своеобразной собственности отдельных семей, но при этом сами оленеводы говорят о принадлежности плавника тундре, а не кочующим чумам. Эта амбивалентность как бы дает возможность совместного использования при исключении самой проблемы воровства. Когда, откопав из-под снега это огромное бревно и погрузив его на сани снегохода, мы сели выпить чаю, то говорили именно об этом понимании собственности. Мы и сами по дороге присматривались к другим кучам плавника, которые вполне могли бы оказаться «нашими». В действительности все жители Тамбейской тундры должны собирать дрова, складывать их в соответствующие конструкции, но собственность на них распределяется между всеми, кто кочует здесь. Все эти люди так или иначе состоят в родстве друг с другом. Эта общинность через принадлежность к ландшафту и создает устойчивые формы отношений с заготовлением и использованием ресурсов (ПМА Арзютов 2018).



а)



б)

Рис. 19 а, б. Формы нарт для перевозки плавника у ненцев и энцев. Таймыр, река Гольчиха. Рисунок Г.Д. Вербова. 1938 г. МАЭ. И-1215-140, И-1215-211

Для транспортировки плавника у некоторых групп ненцев и энцев существовали даже специальные нарты, которые Григорий Давыдович Вербов зарисовал в своих полевых материалах (рис. 19 а, б). Такие нарты были не только мерилом объема плавника, например для обмена, но и результатом соединений усилий человека, собственно бревен и оленей по созданию наиболее подходящей формы для транспортировки плавника в тундре. Сегодня оленеводы используют для этой цели основание от саней с полозьями, прикрепляемое к снегоходу.

Сама практика заготовки дров на Ямале и Колгуеве отличается, что, вероятно, является наследием разделения на совхозные и частные стада с внутренней разницей ведения оленеводческого хозяйства. На Колгуеве в какой-то степени еще сохраняется разделение на две бригады в отношении использования пастбищ и прибрежных территорий. Так, в пос. Бугрино мне рассказывали, что фамилии, которые входят в первую бригаду, чаще всего собирают плавник на западном берегу острова, в то время как вторая бригада — на восточном берегу. При этом безоленные ненцы (чаще всего те, кого переселили с Новой Земли после строительства там военного полигона) собирают плавник поблизости от поселка или вовсе заказывают дрова, доставляемые навигацией, одно из объяснений чему они находили в том, что плавник для конструирования нарт и саней им не нужен.

В то же время на севере Ямала практика сбора больше завязана на социальных отношениях между чумами. Побережье вдоль пролива Малыгина и у Карского моря — основная территория таких работ. В сентябре каждого года мужчины из нескольких чумов переезжают на стойбище своего родственника, кочующего поблизости, и ежедневно выходят на песчаный морской берег (локальн. русск. *кошка, коса*, ненец. *мӑра*) для заготовительных работ. С одним из таких прибрежных оленеводов меня свела этнографическая судьба во время моих полевых исследований на п-ове Ямал в 2009–2018 гг. (ПМА Арзютов). Дядя Вася знает не только «свой» берег — весь этот огромный прибрежный бурелом полон для него историй. Он мог рассказать, когда и в какие шторма какие «части» этого бурелома были прибиты. Он знает вкусы и предпочтения своих родственников, которые приезжают к нему на заготовку плавника. Это знание выступает одним из условий устойчивости самих оленеводческих практик не только для дяди Васи, но и для всех близлежащих чумов — его родственников и родственников его жены.

Заготовка предполагает как сбор, так и сортировку плавника. Как и на Колгуеве, оленеводы севера Ямала разделяют плавник на три части: неподходящий, который они оставляют на берегу, подходящий для дров и самый ценный — подходящий для изготовления нарт (ср. с атабасками и эскимосами-юпик: Alix and Brewster 2004). Последний — всегда лиственница (*харв*), которая как хвойная порода достаточно смолистая и долго не гниет. Заготовленный лес перевозится в глубь тундры и складывается в специальные конструкции, распространенные по всей Арктике (см. рис. 20, 21). «Бревно деда Андрея» мы нашли именно как часть конструкции, изображенной на рис. 20 слева.

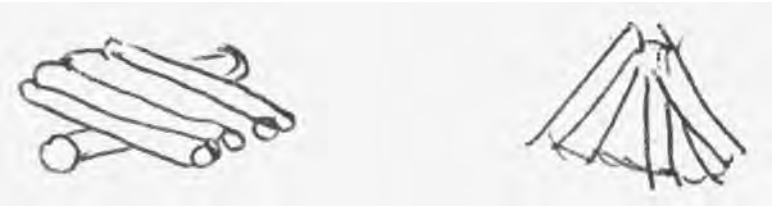


Рис. 20. Способы складывания плавника у ненцев Ямала.
Рисунок из дневника автора. 2018

Рис. 21. Сушка плавника. Большеземельская тундра.
Фотография Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых. 1920-е годы. МАЭ. И-1174-16

Собрав свой плавник в такие поленницы, современные ямальские оленеводы ставят метки на навигаторах, чтобы быстро найти их даже в непогоду. Впрочем, как я отметил выше, такая картография до известной степени условна. Примечательно, что южнее Сё-Яхи — северного ямальского поселка — плавника почти нет и оленеводы оказываются целиком зависимы от внешних поставок леса для нарт, а сегодня еще и от вахтовиков, о которых я буду говорить ниже. Как объясняли мне оленеводы, обычно привозные заготовки для нарт не очень высокого

качества, что делает сами нарты «южан» более хрупкими. По мере удаления от береговой линии оленеводы вынуждены закупать заготовки для нарт в Яр-Сале (районном центре) и других поселках, что, по сути, повторяет обменные и товарные экономические стратегии, характерные для досоветского времени, например в эпоху существования Обдорской ярмарки.

Во время таких заготовительных работ каждая оленеводческая семья как на Колгуеве, так и на Ямале собирает, как правило, не менее 10 куб. метров плавника для дров и несколько кубических метров для изготовления нарт. Эта цифра может несколько варьироваться в зависимости от разных обстоятельств.

Описанные точечные хранилища дров и строевого плавника образуют сеть своеобразных энергетических хранилищ, которые наряду со стационарными нартами, «гаражами» и т.п., с одной стороны, следуют маршрутами перемещений местного населения, а с другой — оформляют границы этих маршрутов. Эта картина характерна прежде всего для северного Ямала. Колгуев, где на сегодняшний день почти не осталось кочевников, из-за недавнего крупного падежа оленей[3] следует скорее логике поселений, описанных на примере других территорий Арктики и Субарктики (Alix, Brewster 2004). Собранный на *кошках* плавник складывается поблизости на берегу, а потом после просушки перевозится в поселок, где складируется в дровниках, находящихся у домов.

4.1.3. *Вкус, цвет и запах*

Как и лабораторные ученые, смотрящие на взятые образцы плавника в микроскоп, местные жители знают, как распознать породы деревьев по цвету, запаху и даже вкусу — целый мир чувствительного восприятия «мертвой» природы.

Работая на о-ве Колгуев в пос. Бугрино поздней осенью 2018 г., я зашел в гости к своим знакомым. За чашкой чая с морошкой в сахаре мы говорили о разном, и в тот момент, когда хозяин стал подкладывать дрова в печь, я обратил внимание, что они наколоты из плавника. Я решил поинтересоваться, как здесь оленеводы различают породы деревьев. Хозяин дома с радостью стал об этом рассказывать и, выйдя во двор, показал мне свой дровник, полный напиленного плавника и бревен, заготовленных для будущих плотницких и столярных работ. К нашему разговору подключилась его жена, и они наперебой начали раскрывать мне свои «секреты». Вот фрагмент истории, рассказанной женой:

> «…в детстве ходишь по берегу с топором. Сделаешь зарубку, попробуешь, и тебе говорят: „Это — сосна“. Вкус ведь отличается. „Это — лиственница“. Потому что для разных целей… А сестра моя мне говорит: „Это — дуб. Мы его на поделки используем, а на дрова не берем, потому что он очень тяжелый в перевозке“».

[3] Надо сказать, что с 1970-х годов ненцы Колгуева перешли на вахтовый метод пастьбы оленей, что сказалось также и на заготовке плавника. Плавник и территории его сбора приписывались к оленеводческим бригадам, что находит свое продолжение и в современной практике разделения территорий сбора плавника на «территорию первой бригады» и «территорию второй бригады».

Вернувшись в дом своих хозяев, где мы жили во время полевой работы, я решил расспросить и их о породах деревьев. И мои знакомые тут же сказали, что, в отличие от соседей, они предпочитают нюхать плавник, чтобы определить породу (ПМА 2018, о-в Колгуев). Запах, цвет и вкус — те характеристики, по которым местные жители распознают породы деревьев и упорядочивают их в соответствии с собственными хозяйственными целями. Некоторые породы могут использоваться по-разному; ямальские и колгуевские ненцы, равно как и многие другие арктические и субарктические группы, единодушны в восприятии березы (*хо*) (ср.: Shaw 2012: 78). В действительности сфера ее применения довольно ограниченна. Один из вариантов — *вăрав*, тонкая березовая стружка, которую снимают острым ножом со ствола дерева без сучков. На Ямале я был свидетелем изготовления *вăрав*. Как говорят, раньше *вăрав* использовали в самых разнообразных целях, но прежде всего как один из заменителей сфагнума (*нярцо*) — универсального средства для чистки посуды или стола после приема пищи, а также средства личной гигиены. *Вăрав* сейчас почти вышел из употребления, а технологии его изготовления в большинстве мест забыты.

Присматриваясь, принюхиваясь или же пробуя на вкус разбросанные вдоль береговой линии стволы деревьев, оленеводы думают о том, какое дерево лучше подойдет для изготовления нарт. При себе у них всегда топор и бензопила, чтобы отобранный ствол тут же делать более транспортабельным. Подбор пород во многом связан с теми «дарами», которые приносит море. Состав плавника в разных частях ненецкой Арктики разный. Как правило, оленевод выбирает лиственницу, которая идеально подходит для изготовления копыльев нарт. Несмотря на это сходство, в большинстве мест, где живут ненцы и где я был, есть и свои особенности. Колгуевские оленеводы предпочитают делать копылья из дуба (*тыбыёва*), объясняя это довольно сырым климатом, при этом рассказывают про Канинскую тундру, что там копылья могут делать даже из березы. Примечательно, что мои собеседники использовали для слова «дуб» описательное *няръяна пя"* (красное дерево). Тут можно вспомнить фрагмент из отчета уже упоминавшегося мной полярника Л. Антонова: «На острове Колгуев у многих местных жителей черенки ножей сделаны из красного дерева, выброшенного морем; происхождение этого красного дерева неизвестно» (ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 2-1. Ед. хр. 552. Л. 2). Относительно небольшие фрагменты березы используются при изготовлении полоза-накладки. Для этих же целей может использоваться и елка (*хадеко*), так как она хорошо гнется и не ломается. Однако от года к году происходят пусть и незначительные, но изменения в составе плавника, что связано в том числе и с изменениями климата, и оленевод всегда знает как идеальную для той или иной работы породу, так и ее потенциальный субститут.

Помимо такого перцептивного распознавания пород деревьев мне многократно рассказывали о цветовой классификации плавника. Позеленелые стволы — это те, которые долго пролежали в воде, а гладкие серо-коричневые — которые лежали на песке. Собирать предпочитают, конечно, вторые. Помимо этого, дерево проверяют на влажность. Если дерево, которое может в той или иной мере

подходить оленеводу, оказывается слишком влажным, а значит тяжелым, его оставляют, иногда перетаскивая дальше на берег, чтобы оно просохло и его можно было забрать на следующий год.

К плавнику как дровам также отношение достаточно внимательное. Смолистые породы более подходящие, так как дают больше жара. Заготовленные и уже напиленные дрова рубят по-разному в зависимости от погоды (сильный мороз или уже оттепель) и породы деревьев.

Таким образом, плавник открывает перед этнографом удивительную социальную, природную и энергетическую историю кочевников Севера, которые, оказавшись вдали от леса, создали свой невидимый на первый взгляд, но «приручeнный» лес, где есть свои запахи, вкусы, свое знание пород деревьев, с которым оленеводы знают, как себя вести и как использовать. Однако мир энергий в ненецких тундрах не ограничивается плавником. Современные оленеводы не менее технологичны, чем горожане. Чтобы завести двигатель генератора или снегохода, в том числе для того, чтобы поехать за плавником, используется не просто бензин, купленный в магазине или на заправке, а бензин как продукт сложных дипломатических отношений и обмена, где олени и знание ландшафта оказываются куда более ценными, чем наличные деньги.

4.2.
Прикосновение механического света[4]

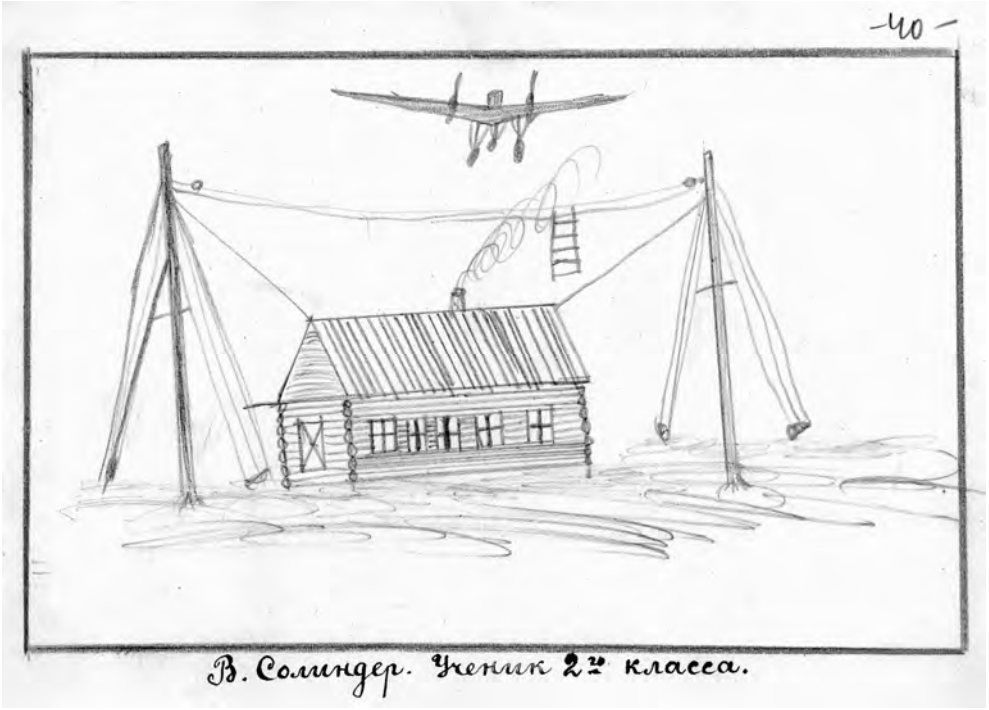
В последние годы жизни советский этнограф и историк этнографии Нина Ивановна Гаген-Торн (1900–1986) готовила большую книгу, посвященную судьбам своих друзей и коллег — первому поколению советских этнографов Севера. Ей удалось осуществить лишь небольшую часть того, что было задумано. Она писала, что эта книга должна быть «о том, как были брошены (студенты 20-х. — *Д.А.*) прощупать жизнь, *еще не тронутую механическим светом XX века»* (Гаген-Торн 2013: 271; курсив мой. — *Д.А.*). «Механический свет»… Это, пожалуй, наиболее точная метафора раннесоветского времени, пронизанного пафосом технологической инновации как пути к обеспечению скорейшего строительства коммунизма. Впрочем, этот самый «механический свет» достигал северных окраин страны столь медленно, что должным образом так и не достиг большинства из них. В арктические поселки электричество пришло на десятки лет позже и не через единую систему проводов, а посредством дизельных генераторов, что было компромиссом между большой технологической системой (LTS, Large Technological Systems), зачастую представляемой национальной (Coopersmith 1992; Hughes 1993), и инициативой местного населения. Тут мы подходим к вопросам, которые возникают при антропологическом изучении электричества. С одной стороны, доступ к электричеству в сельской местности может выступать источником социального неравенства, о чем пишет в своей книге Таня Винзер, приводя в при-

[4] Данная часть главы публиковалась автором ранее (Арзютов 2019).

мер электрификацию деревни Уроа на Занзибаре (Winther 2008). С другой стороны, производство электричества оказывает значительное воздействие на экологию, на основании чего возникают новые формы колониализма.

Северная часть п-ова Ямал вплоть до сегодняшнего дня остается пространством с весьма ограниченным доступом к электроэнергии, за исключением внутренних «островов», предоставлявших ее за счет мощных генераторов, — Сё-Яха, порт Сабетта, фактории Тамбей и Яхады-Яха. Пространство между этими островами, которое, собственно, и населяют ненцы-кочевники, связано сложными схемами внутренних обменов, значительная часть которых подчинена идее «доставания» бензина или газоконденсата. Именно благодаря искусству ведения переговоров и мастерству обменов можно завести генератор в чуме (полевой очерк о бензиновых обменах в тундре см.: Арзютов 2017). Однако за этими обменами внутри отношений дружбы и родства стоят отношения человека с ландшафтом и животными, благодаря чему возникают некоторые из эквивалентов обмена (количество хвостов/бочек рыбы или туш оленя). Таким образом, социальный опыт вместе с техническими навыками оленеводства и охоты выстраивают путь кочевника к тому самому «механическому свету», о котором писала Гаген-Торн.

Рис. 22. Ненецкий поселок. 1930-е годы.
Рисунок Василия Салиндера (АМАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 40)



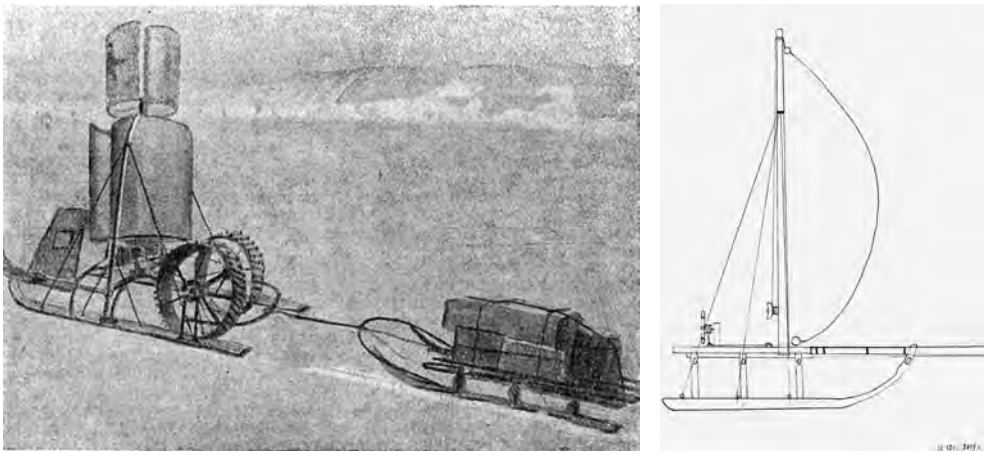
Это соединение единой технологической системы и локальных инициатив будет в фокусе настоящей части главы, в которой я предлагаю анализировать электричество как живую социальную субстанцию, зависимую от дипломатии кочевников, а также от оленеводства и рыболовства. Настоящий раздел является своеобразным продолжением статьи о ненецких узлах и социальной топологии материальных соединений в тундре (Арзютов, Окотэтто 2018). Здесь я возвращаюсь к заключительной части текста, опубликованного в 2018 г., где мы совместно с Хадри Окотетто писали о том, что мы видели, стоя на вышке в пос. Сё-Яха: мир, немыслимый без узлов для кочевников, внутри поселка оказывается немыслимым без проводов. Именно провода стали тем символическим выражением «поселковости», что было подмечено еще первыми ненецкими учениками школ-интернатов (см. рис. 22). Сегодня эта вторая сеть все более и более отчетливо видна и в тундре. Провода вошли в повседневность настолько, что стали незаметными для глаза и только при колониальной проекции сверху можно увидеть эти черные нити. Однако социальная история электричества в России немыслима без плана ГОЭЛРО, арктическому эпизоду которого посвящена следующая часть статьи.

4.2.1. *В тени плана ГОЭЛРО*

В истории формирования концепций коренных народов Российского Севера свет всегда играл одну из ключевых ролей. Достаточно вспомнить, что еще в «Повести временных лет» упоминаются самоеды, которые живут «в полуночных странах». Темнота и отсталость — синонимы-спутники столичных концептуализаций индигенности. Примечательно, что приведенная в начале статьи цитата из книги Н.И. Гаген-Торн до известной степени повторяет этот троп. Советский модерн выдвигал на первый план проект по про*свещ*ению страны, что осуществлялось прежде всего через электрификацию (ГОЭЛРО) вслед за ленинским лозунгом «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Социальные и культурные идеи, которые стояли за планом ГОЭЛРО, были нацелены на унификацию страны, соединение центра и периферии. ГОЭЛРО предусматривал и установку радиосвязи на всей территории Советского Союза, включая Ямал. Отталкиваясь от технологической истории этих нововведений, можно сказать, что с самого начала советская власть шла по проводам и радиоволнам, связывая людей и создавая единое пространство для пропаганды утопических идей социализма (Wells 1921: 158–160). Пожалуй, лучше всего визуализировал эту утопию Павел Филонов, изобразив на своей картине «ГОЭЛРО» в центре Ленина, от которого сложной паутиной расходятся во все стороны провода. Историк российской электрификации Джонатан Куперсмит пишет:

> «Электрификация стала основой большевистских планов экономической и социальной реконструкции: она должна была устранить раскол между городом и деревней, создать коммунистическое общество в России и привести к аналогичной трансформации капиталистического мира, в то время как электрические инженеры получили бы официальную поддержку своих утопических планов» (Coopersmith 1992: 151).



а) б)

Рис. 23 а, б. Проекты ветрохода Н.Д. Травина (1939: 113) и аэросаней Г.Д. Вербова (МАЭ. И-1215-210/3)

Советская Арктика не была в авангарде электрификации в силу своей малонаселенности и изолированности. Насколько известно, первый электрический генератор появился в Советской Арктике лишь в 1934 г. (Варшавский 1937: 75). Относительно массово первые генераторы использовались на полярных станциях и частично на культбазах и в факториях. Как пишет Варшавский, двигатели генераторов были основаны на бензине, который был (и остается) невероятно дорогим в тундре. Одним из решений этой дороговизны было предложение по активному использованию ветра, привычного элемента северного ландшафта, который казался вполне уместным источником для создания северного транспорта — ветроходов (см.: Травин 1939). Краткую историю управляемых ветром средств передвижения от аэросаней Неждановского до снегохода «1980-Е» рассказывают в своей недавно вышедшей книге Н.П. Гарин и С.Г. Кравчук (Гарин, Кравчук 2018: 61–119). К их истории мне бы хотелось добавить только два сюжета, связанные с ненецкими тундрами. Это проект ветрохода Николая Дмитриевича Травина и наброски Григория Давыдовича Вербова к проекту аэросаней (МАЭ. И-1215-210/1-3) — оба были учениками Богораза и Штернберга и оба провели достаточно времени на Севере. Эти проекты, судя по рисункам, во многом были формой развития имеющихся транспортных средств местного населения (рис. 23 а, б). Парадоксально, что, будучи этнографами–«миссионерами нового образа жизни», оба автора рассматривали такие ветроходы прежде всего для нужд исследователей, а не для коренного населения, которое, вероятно, по их мнению, могло продолжать перемещаться на оленях, как и прежде.

По сути дела, перед нами возникает картина не только освоения энергии, но и предыстория так называемой снегоходной революции на Севере (Pelto 1973).

При этом интересно, что сама идея использования ветра в производстве электричества в Арктике пришла впервые в голову Фритьофу Нансену: во время своего первого плавания в 1893 г. на «Фраме» он уже использовал ветряные двигатели, которые могли производить достаточно электроэнергии для нескольких ламп накаливания. Вспоминая первую часть настоящей главы, здесь уместно провести параллель, какую важную роль сыграл плавник в «оленеводческой революции» и насколько оказался важным бензин для «снегоходной», конечно, если мы продолжаем рассуждать в рамках самой парадигмы революций.

Для столичных управленцев СССР все эти разговоры не казались столь уж далекими от реальности, и они разрабатывали свои проекты использования ветра в производстве не только транспортных средств, но и электричества на Севере (РГАЭ. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 126, 137). Все это говорит о том, что советский модерн, для которого создание нового энергетического ландшафта было едва ли не основным моментом, не только стремился к централизации энергетических систем, но и принимал в расчет достаточную степень автономизации. Нужно сказать, что тема использования энергии ветра на Ямале продолжала появляться в публичном дискурсе вплоть до 1990-х (ГАЯНАО. Ф. 336. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 49–50). Однако, несмотря на существовавшую автономию, сам запуск генераторов на территории фактории, культбазы или красного чума предполагал его использование исключительно в целях пропаганды. И много позже фактории и «красные» чумы оставались теми немногими местами в тундре, где производилось электричество, преимущественно для показа фильмов (Усть-Юрибейский красный чум 1958). Как пишет Мэдлин Экрич, «электрическая сеть сделала возможным для государства создание его собственного пространства (пространства общих интересов), которое не могло быть занято никем другим» (Akrich 1992: 214). С распадом СССР эта же логика была воспринята протестантскими миссионерами, которые использовали генераторы в тундре, в том числе для показа религиозных фильмов. Это имело место в разных тундрах на п-ове Ямал.

В советский же период «острова» кабелей и двигателей соединяли оленеводов с государством. И здесь невольно приходит в голову сравнение с мореплаванием, в частности со случаем в период португальской колонизации, описанным Джоном Ло, когда корабли в открытом море оказывались связанными с метрополией (Law 1986).

4.2.2. *Анимизм–электричество–материализм*

Для отца советской этнографии Владимира Богораза, как и для многих его студентов и коллег, наблюдавших советские технологические изменения на Севере, религия мыслилась неким тормозом — препятствием на пути построения социалистического общества. В своей статье 1932 г. (Богораз-Тан 1932а) он приводит пример из полевых рассуждений своего студента Г.Н. Прокофьева, кото-

рый на занятиях с селькупскими и, позже, ненецкими школьниками так и не мог прийти к согласию относительно живой и неживой материи (см.: Прокофьев 1927). В период активной подготовки учебных пособий для северных школ эта тема, вероятно, многократно обсуждалась с Богоразом, который позже пытался это концептуализировать. Он считал, что необходимо «создать» из народов Севера материалистов: «Лучшее средство борьбы с анимизмом на крайнем Северо-Востоке есть индустриализация… Физические и химические приборы, хотя бы самые простейшие, способны поколебать анимистическое мировоззрение гораздо глубже, чем самые красноречивые лекции. Фотографический снимок остяко-самоедской школы, снятый Прокофьевым, представляет учеников за сборкой радио, которое они устроили домашними средствами» (Богораз-Тан 1932: 150–151) (рис. 24). Несколько лет спустя в своей работе «Стадии развития шаманства» (1936) В.Г. Богораз будет писать, что «в окружении культбаз постоянно возбуждается вопрос о том, какая сила действует в этих машинах и приборах советского изделия. Например: кино-машина, радио, электрический свет, граммофон, тракторы, действуют ли эти механизмы и машины простой механической силой или имеют какого-то чертика, сверхъестественный двигатель, запрятанного в середину» (ГМИР. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 492).

Здесь, как и во фрагментах, приведенных выше, отчетливо звучит мысль, что техника и индустриализация в целом являются необходимыми условиями в формировании новой социалистической реальности, где все группы будут разделять единую материалистическую эпистемологию. Электричество, как физическое явление, и как инфраструктура в полной мере отражало саму концепцию модерна, которая была противопоставлена всякой религиозности. Нужно отметить, что это убеждение было крайне устойчивым и просуществовало вплоть до хрущевского времени — нового витка борьбы с религией (см.: Luehrmann 2015). Например, в Музее религии и атеизма в Ленинграде на экспозиции 1964 г. «Преодоление религиозных пережитков в СССР в период развернутого строительства коммунизма» тема электричества являлась одной из наиболее концептуальных (ГМИР. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 138).

Здесь уместно вспомнить эпизод из блестящей статьи Дэвида Снита, где описывается этнография электрификации Монголии. Один из его героев, увидев в магазине недорогие включенные электрические лампочки, был настолько поражен электрическим светом, что решил купить сотню лампочек и привезти их к себе на стойбище. Однако уже там он обнаружил, что лампочки не могут работать сами по себе, и его брат, имевший образование, объяснил ему, что для этого необходима электрическая инфраструктура, благодаря которой эта лампочка и начнет светить (Sneath 2009: 77). Снит описывает этот фрагмент как «метонимическое поле», подчеркивая, что сама концепция ленинской электрификации может быть рассмотрена как метонимия развития и про*свеще*ния. Для нас же важно то, что уже на культбазе, как я это стремился показать на рис. 24 б, у коренного населения создавалась концепция этой инфраструктуры (или того, что известно как «большая технологическая система»), которая, что интересно для нас, несмотря на заявленный

а) б)

Рис. 24 а, б. От анимизма к материализму. Шаманский «чертик», приводящий в движение белого медведя для шаманского ритуала в мультфильме «Самоедский мальчик» (Ходатаев и др. 1928), и школьники-селькупы, собирающие детали для радиоприемника (Прокофьев 1931: 147, Попов 1932: 16–17 (вклейка)[5]; МАЭ. И-1177-89)

национальный уровень, все же продолжала оставаться относительно локальной, обозреваемой на территории «красного» чума или культбазы. Возвращаясь к концепции Богораза о том, что именно электричество и технологии способны создать материалистические эпистемологии, можно сказать, что производство электричества собственными руками и явилось формой материализма. Более того, созданная таким образом концепция автономизации электроэнергии, ее локального производства сыграла свою роль в дальнейшем.

4.2.3. *…и пришли «пидичи»*

В 1970-е годы происходит новый виток освоения Севера (см.: Агранат, Логинов 1976), который повлек за собой кардинальные изменения в экономике и хозяйстве коренного населения. Это наступление стремительно изменяло природу Севера, что спровоцировало открытые дебаты об арктической экологии и появление масштабных правительственных и международных программ по охране окружающей среды, как, например, «Человек и биосфера» (*Man and the Biosphere*). Именно в этот период в большинстве районов Арктики прокатывается настоящая волна сопротивления коренных народов массовому созданию гидроэлектростанций и приходу энергетических корпораций (см., например: Cruikshank 1972), в советской Сибири это будет происходить позже и преимущественно на юге региона. Но, несмотря на политический контекст индустриального освоения, приход геологоразведочных экспедиций сформировал новый набор культурных элементов во многих районах Арктики. Я имею в виду оставленные вахтовые домики,

[5] Викторин Попов указывает, что фотография сделана на культбазе Хоседа-Хард, и дает ей название «Ненцы-комсомольцы в лаборатории».

стройматериалы и т.п. (рис. 20). Эти «советские руины» (см.: Ssorin-Chaikov 2016) позволили оленеводам значительно расширить арсенал собственной материальной культуры (на примере эвенков Забайкалья, см.: Davydov 2012). Однако это вовсе не означало, что плавник перестал быть ценным ресурсом. Напротив, он остается таковым и сейчас, например, для изготовления нарт, но в некоторых частях тундры соседствует со стройматериалами с «руин».

Соединяя вместе микроэтнографию электричества и то, что в технологической истории известно как Large Technological Systems (LTS), мы можем заметить, что формирование местных инфраструктур электричества начало происходить в то самое время, когда Арктика, и в особенности Ямал, становились важнейшей частью трансформации советской экономики в транснациональную, т.е. превращения ее в основного поставщика газа в Европу (Högselius 2012). Таким образом, оставленные объекты и выменянные у вахтовиков строительные материалы дают возможность понимания связи локального и глобального посредством материальности. Обращая внимание на материальность этих руин (рис. 25), я показываю, как они создают те технические элементы, без которых невозможно себе представить заведенный генератор в тундре.

Рис. 25. «Советские руины»: заброшенная линия электропередач между двумя буровыми советского времени[6]. Эта линия передач — самая северная на Ямале. Тамбейская тундра. Ямал. Май 2018 г. Фото автора

[6] На волне электрификации Василий Кандинский в своем трактате «Точка и линия на плоскости» использует метафоры электрических мачт как леса (Kandinsky 1947: 103).

Рис. 26. Самая северная «бочка» на Ямале. Фактория Яхады-яха.
Фотография Д.В. Арзютова. 2018

Эти «советские руины» образовались в тундре сначала благодаря геологам, а затем вахтовикам, получившим в ненецком языке собирательное название *пидичи* (от слова *экспедиция*). Этот термин существует параллельно с другим более известным в этнографии ненцев термином — *луца*, которым обычно обозначают всех приехавших с «большой земли», всех «некоренных», т.е. тех, кто не попал в довольно большой арсенал этнонимов на ненецком языке, данных по отношению как к ближайшим соседям, так и довольно далеким, но, вероятно, знакомым исторически.

Надо сказать, что *пидичи* оставили значительный след в истории ямальской архитектуры — как поселковой, так и тундровой. Привнеся на Север идею переносной разборной инженерной архитектуры, они смогли заполнить недостаток жилья, создав целые кварталы в поселках из бочек (цистерн). Так, в пос. Сё-Яха можно и сейчас увидеть остатки квартала, известного в народе как Бочкарёвка. Цистерны, утепленные и обшитые изнутри деревом, с врезанным окном и пристроенными сенями стали на многие годы жильем для сотен семей на Ямале. В экспедиции 2018 г. я сделал снимок, пожалуй, самой северной «бочки» на полуострове — у фактории Яхады-Яха (рис. 26). В целом же «бочки» явились изобретением, пригодным для стационарной жизни в поселках.

Однако жилые бочки пришли вместе с огромным количеством бочек, предназначенных для транспортировки горючего. Именно последние — наследие советского освоения Севера — основной предмет размышлений российской власти на протяжении последних лет в рамках проекта по очищению Арктики (см.: Очистка Арктики). Советское наследие в этих дискуссиях и правительственных решениях рассматривается именно как скопление металлолома, преимущественно бочек. Историк быта ненцев без труда заметит, что первые такие бочки, которые пришли в тундру, переделывались в печи, повсеместно получившие название «буржуйки». Именно эти советские бочки оказались очень важным материальным объектом в построении постсоветской бензиновой инфраструктуры в тундре. Оленеводы, с кем мне пришлось общаться в тундре, в деталях рассказывали о том, какие бочки лучше и почему. Для них это государственное присутствие металлолома имеет вполне материальный смысл: бочки 60–70-х годов идеальны для хранения бензина, но не очень подходят для транспортировки (слишком тяжелые из-за толщины стенок), бочки «Газпрома» вовсе малопригодны в тундре (тонкий металл стенок) и т.д.

Однако освоение Севера оставило и другие следы, которые вошли в кочевую повседневность и которые опять-таки имеют связь с новой энергетической системой кочевников.

Пидичи принесли в тундру такие материалы, как фанера, *дарнит* и др. О *дарните* следует сказать особо. *Дарнит* или *дорнит* — синтетический нетканый материал, который используется преимущественно как утеплитель для покрышек чума. Само название *дорнит* происходит от аббревиатуры Дорожного НИИ (ДорНИИ, существует и сегодня как РосДорНИИ), который разрабатывал этот материал для таких больших строек социализма, как БАМ (см.: Арзютов 2017: 323).

Доски и фанера стали основой для местного изготовления саней для снегоходов (рис. 30) и специальных пристроек к чуму — сеней, которые получили распространение преимущественно на севере п-ова Ямал.

Полярники рассказывают, как происходило вторичное использование заброшенных арктических объектов. «До перестройки в Диксоновском управлении было около двадцати полярных станций. Теперь сохранилось, может быть, семь-восемь. Их все время закрывают — закрывают и закрывают под предлогом консервации. Но после консервации на остров Вилькицкий приезжали местные ненцы на снегоходах, и тогда станцию практически не восстановить. Они разбирают дизеля и увозят оборудование. То есть наступает полный разгром» (см.: Шапран А. История метеоролога). Однако этот «разгром» означает и обратное. Достаточно вспомнить стремительный захват военными охотничьих стойбищ, оставленных ненцами и поморами на Новой Земле после их насильственного перемещения. Как я отмечал выше, оставленное в тундре, несмотря на кажущуюся связь с той или иной семьей либо человеком, остается в коллективной собственности, сохраняя ощущение принадлежности к сообществу через принадлежность к ландшафту.

а)

б)

Рис. 27 а, б. Плавник и пластик из прибрежного «магазина». Остров Колгуев:
а) фотография И.Н. Варницына, 2010; б) фотография Д.В. Арзютова, 2018

Будучи на о-ве Колгуев, я услышал выражение, употребляемое в разных семьях: «Мы ходим на берег, как в магазин». Имелись в виду не только поездки за плавником, но и сбор сопутствующего материала — пластиковых контейнеров, веревок, канатов и т.п. (см. рис. 27 а, б). Пластиковые контейнеры сохраняются в основном для перевозки бензина или машинного масла для снегоходов и бензопил. Во многом это соединение столь разных «даров моря»[7] произошло за счет интенсивного развития Северного морского пути в последние годы. Его маршрутами движется и пластик — одно из основных загрязнений океана (см.: Villarrubia-Gómez, Cornell, Fabres 2018), а вместе с этим — ресурс для оленеводов. Последнее обстоятельство во многом позволяет пересмотреть саму практику собирательства, распространенную у прибрежных групп оленеводов, о которой я сказал в самом начале главы. Катлин Миллар (Millar 2018) в своей недавней книге анализирует опыт *catadores* — бразильских сборщиков мусора, которые довольно сильно стигматизированы и чьи практики рассматриваются как социально непрестижные и крайне зависимые. Она предлагает пересмотреть это утверждение, открывая перспективу, где сборщики мусора поддерживают таким образом свой собственный образ жизни. Примеры из Рио-де-Жанейро находят отклик и на Российском Севере, где самые успешные оленеводы мира используют ресурсы, принесенные морем, для дальнейшего поддержания оленеводства. Этим я вовсе не хочу оправдать само загрязнение окружающей среды, производимое танкерами и ледоколами, — я предлагаю смотреть не только на глобальные инфраструктурные сети, но и видеть людей, живущих вдоль береговой линии и дальше, чьи повседневные практики нацелены на сохранение устойчивости их экономик.

4.2.4. *Электричество своими руками*

Несмотря на все попытки, Ямал, как и многие другие северные регионы СССР, так никогда и не стал полностью электрифицированным. Приземляясь на вертолете в разных поселках полуострова, можно увидеть, как электрические провода опутывают небольшие «острова» поселков. Если веревочные перевязи создают устойчивые (в терминологии пространства, а не времени) конструкции в тундре, такие как кораль или чум, то электрические провода всегда мыслятся знаками модерна, которые прежде подчеркнуто демонстрировали, а в современном городе зачастую скрывают. Как пишет антрополог инфраструктуры Брайн Ларкин, «мы часто видим компьютеры, а не кабели, свет, а не электричество, краны и воду, но не водопроводные или канализационные трубы» (Larkin 2013: 329).

С распадом СССР атомизация социальной жизни соединялась с общинным движением коренных народов. Примечательно, что именно в это время генерато-

[7] Стоит уточнить, что в разговоре о пластиковых, металлических и других неприродных объектах употребляется все-таки термин «товар», а отсюда и метафора «магазина».

ры и снегоходы становятся основными подарками, которые получают оленеводы от нефтяных и газовых компаний или от местных чиновников. Эта практика не закончилась и длится по сей день. Так, например, на фактории Порцы-Яха в 2016 г. бензиновый генератор был призом за первое место в гонках на оленьих упряжках.

Снегоходы и генераторы лишь отчасти могут быть рассмотрены как инновации для местного населения. Как я показывал выше, многие материалы, включая заброшенные бочки с бензином, уже являлись тем материальным ресурсом, который помог интегрировать снегоход или генератор во внутреннюю логику знания ландшафтов, равно как и навыки, приобретенные от *пидичи*.

Еще одно совпадение, которое отмечают оленеводы. Истощение бензина в оставленных бочках совпало с приходом новых *пидичи* — вахтовиков, которые работают на газовых вышках. Через них, а точнее через обмен на рыбу и оленину, сформировался новый источник бензина для оленеводов (рис. 28).

Рис. 28. На переговорах.
Ненецкий снегоход с санями у одной из ямальских буровых. Тамбейская тундра.
Июнь 2018 г. Фото автора

а)

б)

Рис. 29 а, б. От мобильного бензинового генератора возле чума к подвижной картинке на экране ноутбука и электрической лампочке («лампочке Ильича», как говорит хозяин чума и мой добрый друг). Тамбейская тундра. Ямал. Май 2018 г. Фото автора

Рис. 30. Снегоходные сани с электрическим оборудованием.
Тамбейская тундра. Март 2015 г. Фото автора

Креативность оленеводов смогла соединить вместе раннесоветскую идею электричества как модерна, позднесоветскую материальность и современные патерналистские отношения нефтяных и газовых компаний с местным населением. Это соединение открыло новые формы взаимодействия с внешним миром. Современные арктические антропологи обращают внимание на изменения в электрическом хозяйстве оленеводов — использование DVD-проигрывателей и ноутбуков (Головнёв и др. 2015: 64–65). Парадоксальным является тот факт, что появление новых питаемых «ручным» электричеством гаджетов в тундре на севере Ямала вовсе не уничтожает устную традицию. Выстроенные модели обменов с вахтовиками приводят к тому, что через них происходит своеобразный обмен эстетическими системами: те фильмы, которые смотрят вахтовики, копируются и приходят в чум. Таким образом, возникшая как относительно автономная система электрических генераторов в социальном пространстве тесно переплетается с внешним социальным миром, где роль государства оказывается не столь значимой[8]. Именно здесь осуществляется отбор любимых сериалов и, до извест-

[8] В качестве комментария позволю себе указать на тот факт, что северные территории на протяжении холодной войны оставались своеобразными свободными зонами, где не удавалось глушить «вражеские голоса», т.е. такие радиостанции, как «Голос Америки», радио «Свобода», «Немецкая волна», «Русская служба Би-би-си» и др. Мои знакомые тундровики старше 50 лет с улыбкой вспоминали, что эти радиостанции они слушали так же, как и радио «Маяк».

ной степени, визуальных представлений о жизни в «России» — городском пространстве в западной части страны. Вместе с этим практика исполнения эпических произведений и сказок сохраняется, по крайней мере на севере полуострова. Я сам многократно был свидетелем их исполнения.

Электрическое оборудование нашло свое место в ненецком наборе вещей. Как и в истории с восточными хантами, описанной Золтаном Надем (Nagy 2013), экран (в моем случае ноутбук или, реже, DVD-плеер) стали располагать таким образом, чтобы его было видно со многих обитаемых точек внутри чума. Священная часть *си* оказалась самой подходящей (см. рис. 29 б). Примечательно, что стремление к компактности и мобильности современных устройств нашло отклик в тундре, сделав ее очень современным пространством.

При каслании (перекочевке) все электрическое оборудование выпадало из привычного порядка вещей. Появившиеся в конце советской эры снегоходы («Бураны») во многом изменили экономику ненцев, добавив при этом к системе распределения вещей и дополнительное пространство для вещей, пришедших вместе с позднесоветской модернизацией, например снегоходные сани, появившиеся также благодаря использованию материалов, пришедших от *пидичи*. При перекочевке именно они стали вместилищем всего электрического оборудования (см. рис. 30).

Создавая своими руками мир электричества, ненцы-кочевники находят все новые и новые возможности для его применения. В последней экспедиции 2018 г. я уже видел использование огромного числа инструментов, таких как угловая шлифовальная машина, известная также как «болгарка». Более того, в отдельных чумах возникают своеобразные передвижные мастерские, куда приезжают люди из соседних стойбищ отремонтировать снегоход, генератор и т.п.

* * *

История плавника и бензина открывает перед нами картину приручения энергий в тундре, географического пространства, где человек на протяжении очень долгого периода времени стремился найти баланс между кажущейся недружелюбной (или хрупкой) окружающей средой и собственными экономическими стратегиями. Плавник, прибитый к берегу, равно как и бензин, пришедший из невидимых глубин государства, создали энергетические сети, которые в ненецкой среде, как я пытался показать в этой главе, оказались тесно связаны с оленеводством, рыболовством, охотой и собирательскими практиками.

Современная автономная электрификация, несмотря на некоторую историческую преемственность с планом ГОЭЛРО, оказалась фактически полной ей противоположностью, найдя баланс между кочевым образом жизни и доступом к национальному и транснациональному медиаскейпу (Appadurai 1996). Однако изобретения и повседневные практики оленеводов позволяют значительно расширить наши представления о социальной жизни электричества. Перед нами случай неотчужденной энергии, получаемой через обмены и умение выстраивать

отношения с вахтовиками-*пидичи.* Таким образом, сама электроэнергия выступает здесь скорее как живая материя, а не привычный для горожанина отчужденный объект. Сегодня мы можем наблюдать метаморфозу использования электричества — от DVD-плееров к ноутбукам, а за этим и к созданию мобильных мастерских. Все эти изменения порой парадоксальным образом поддерживают номадический образ жизни, расширяя его понимание до малозаметных на первый взгляд транснациональных переплетений, где технологии местного и пришлого населения находятся в живом диалоге.

Глава 5
ЭНЕРГИЯ ОГНЯ:
ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ В СИБИРИ И УПРАВЛЕНИЕ ОГНЕМ У ЭВЕНКОВ

Лесные пожары представляют собой не обычный элемент внешней среды, а сложное природное явление, оказывающее огромное воздействие на лесные экосистемы в планетарном масштабе и требующее глубоких междисциплинарных исследований (Цветков 2013). Число крупных пожаров в мире постоянно возрастает, причинами этого считаются глобальное потепление и возросшая антропогенная нагрузка. Лесной покров планеты начинает плохо справляться с антропогенным прессом. По экспертным оценкам ООН, ежегодно на Земле лесными пожарами охватывается площадь от 550 млн до 650 млн га (Будыко и др. 1986). В Сибири в 2019 г. произошли сильнейшие пожары, в которых сгорело более 9 млн га леса. Чрезвычайная ситуация была объявлена в Красноярском крае, Иркутской области, Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия. Снизилось биоразнообразие, возросла опасная эмиссия углеводорода. Изменение климата сыграло большую роль в скорости распространения и увеличении площади этих пожаров. Но в Сибири местные жители считают, что пожары и изменение климата (сухое и жаркое лето, частые ветра, обмеление рек) связаны с промышленными рубками леса.

Лесные пожары прежде всего коснулись жителей тайги, хотя об этом практически нет информации в средствах массовой информации. Сибирская тайга остается домом для многих небольших групп эвенков, оседлых и неоседлых, и источником их экономического, духовного и социального благополучия.

Данная глава основана на полевых, архивных и литературных материалах, а также информации из медиаисточников. Результаты полевой работы среди эвенков Иркутской области, Бурятии и Якутии, проведенной в конце XX — начале XXI в., дополнены источниками дореволюционного времени из национального архива Республики Бурятия (НАРБ) и государственного архива Амурской области (ГААО). Важными источниками для понимания современных проблем кочевых эвенков стали Доклады Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Красноярского края за 2015 и 2019 гг. (Доклад 2015; Доклад 2020).

Методология данной работы базируется на комплексном использовании источников и идей культурной антропологии и этнографии народов Сибири, в осо-

бенности концепции анимизма и экологической этики. Имеются различные определения термина «анимизм», но приведу здесь определение Г. Харвея: «Понимание того, что мир полон личностей, лишь некоторые из них являются людьми, и что жизнь всегда проживается в отношениях с другими» (Harvey 2006: xi). Р. Виллерслев также подчеркнул важную черту современной анимистической космологии: она «исключительно практическая, внутренне связанная с продолжающейся вовлеченностью коренных народов в освоение мира» (Willerslev 2013: 275). Эвенки живут в границах Российского государства, поэтому они поддерживают сеть отношений не только с лесом, животными, растениями и духами-хозяевами, но также с государством в лице местных и федеральных властей и с представителями экономических структур. Это сложный и нелегкий процесс взаимодействия, результат которого не очевиден в условиях ресурсно-ориентированного капитализма в России.

5.1. Государство, лесодобыча и лесные пожары

Большинство лесов в России принадлежит государству, т.е. является федеральной собственностью. По данным Федерального Агентства лесного хозяйства, площадь лесных земель на территории Российской Федерации составляет 894 135,2 тыс. га, в т.ч. по Сибирскому Федеральному округу 243 847,5 тыс. га и по Дальневосточному Федеральному округу 417 859,4 тыс. га, в совокупном объеме двух округов — 661 706,9 тыс. га, т.е. $^{3}/_{4}$ (75%) лесных земель России (см.: Площадь лесных земель).

Лесные пожары могут иметь природное (грозы, метеориты) и неприродное происхождение (человеческий фактор). Природные пожары служат естественными регуляторами таежной экосистемы и биоразнообразия. Но с проникновением в тайгу новых людей и промышленности частота и площади пожаров увеличились. Масштабность антропогенного фактора в формировании лесных пожаров составляет в настоящее время от 90 до 99% (Данилов-Данильян и др. 2007). Лесной покров планеты обеспечивает стабильное состояние человеческих, животных и растительных сообществ Земли, а лесные пожары являются одним из самых мощных факторов глобального преобразования атмосферы Земли (Щербов и др. 2015: 12).

Российская государственная политика в отношении сибирских лесов с XVIII–XIX вв. и особенно в последние 30 лет изменилась драматически. Со времени колонизации Сибири Российское государство проводило особую политику в отношении сибирских лесов и их коренных обитателей, рассматривая последних как поставщиков ценной пушнины, прежде всего соболя. Правительство предпринимало ограничительные меры против проникновения в тайгу русских крестьян. Тем не менее архивные материалы содержат жалобы инородцев в отношении крестьян, которые корчевали лес под пашню и пускали палы, и сезонных рабочих, занятых в промышленном рыболовстве, рубке леса и золотодобыче (ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 28–29об.; Д. 53). Это вело к выжиганию охотничьих участков и оленьих

пастбищ, в результате к сокращению охоты и оленеводства (ГААО. Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 173. Л. 74об.). В архивах сохранилось донесение шуленги Нижнеангарского Киндигирского рода в Баргузинское земельное управление о том, что рабочие, добывавшие рыбу на иркутского рыбопромышленника мещанина П.М. Никитина, «отправляясь в устье, огонь в лесу не утушили, с чего возник пожар, который продолжался 10 суток, в пожаре промысловых мест сгорели ловушки на зверя и кулемы на соболей на сумму 40 руб.» (ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–16об.). Здесь основной ущерб подсчитывается не столько в отношении сгоревшей тайги, сколько в отношении деревянных ловушек на пушного зверя, расставленных в местах промысла. Их изготовление и установка требовали затрат труда отдельного охотника, поэтому они считались частной собственностью и обладали, с точки зрения местных жителей, определенной материальной ценностью.

Ответственность за предотвращение пожаров лежала на крестьянских общинах, а льготный отпуск древесины был одним из элементов системы охраны лесов (Тяпкин 2016). Согласно специальному распоряжению по Амурскому казачьему войску, казаки должны были производить выжигание полей и лугов — участков земли с прошлогодней сухой травой в сроки с 1 апреля по 1 мая 1915 г. (ГААО. Ф. И-53. Оп. 1. Д. 4. Л. 129).

Землеустроительные работы, проводимые на территории современной Иркутской области в 1920-х годах, зафиксировали проблему лесных пожаров: «И несмотря на то, что Лено-Киренгский район сейчас является по преимуществу охотничьим, а охотники вообще более бережно относятся к лесам, тем не менее лесные пожары случаются почти ежегодно. Особенно распространены площади старых гарей по бассейнам рек Нотая, Биреи и Келоры. Общее количество гарей по Солтышу доходит до 17% всей площади обследованного района. Что касается дальнего района, то его гористость и каменистость, а также сильная затаёженность делают его малодоступным, да и не заманчивым для оседлого населения, а положение его в стороне от обжитой полосы более или менее гарантирует его от выгорания. Поэтому здесь можно надеяться еще на долгие годы сохранить охотничий промысел, нужно лишь принять энергичные меры против беспощадного массового истребления зверей и против лесных пожаров» (По верховьям 2019: 41). Этот «дальний район» сейчас частично входит в границы Байкало-Ленского заповедника.

Другая партия землеустроителей под руководством И.П. Копылова отметила схожую картину в верховьях р. Нижняя Тунгуска: «…громадное наличие бывших пожарищ, уничтоживших местами на больших пространствах сплошь все насаждения… Особенно много гарей по смежесту с территорией русского населения… где благодаря совместному хозяйничанью русских и туземцев лесные насаждения в массе выжжены» (Копылов и др. 2009: 33). Площадь малоценных угодий в верховьях Нижней Тунгуски (гари) была определена в 13,6%: «…промысловых угодий далеко не достаточно… причиной этого служат прошедшие массовые пожары, уничтожившие весьма ценные угодья» (Там же: 90).

В советский период проводилась системная политика охраны лесов от пожаров.

Рис. 31. Инструктаж перед вылетом на задание. 1976 г.
Иркутский областной краеведческий музей (ИОКМ). ВС 1946-6. Фото Б. Авраменко

Рис. 32. Перед высадкой в лес. 1976 г. Иркутский областной краеведческий музей (ИОКМ). ВС1946-9. Фото Б. Авраменко

Рис. 33. Ликвидация очага пожара. 1976 г.
Иркутский областной краеведческий музей (ИОКМ). ВС1946-5. Фото Б. Авраменко

Система охотничьего промысла в советское время была выстроена таким образом, что государство вкладывало значительные средства в развитие отрасли и поддержку охотников (Зуляр 2002: 172–173), в т.ч. компенсировало потери охотников-эвенков от пожаров. По словам директора Катангского промыслового хозяйства (Иркутская область) А.А. Андреева, до $^{2}/_{3}$ (4 тыс. кв. км) охотничьих участков хозяйства сгорело в пожарах 1985 г. Ущерб от пожаров эвенкийским оленным охотникам составил от 3 тыс. до 17 тыс. руб. (в те годы один охотник имел ежегодный доход в пределах 2,5–5 тыс. руб.). Промысловое хозяйство выделило 110 тыс. руб. для помощи охотникам, чьи охотничьи участки и зимовья были разрушены огнем (ПМА Сирина 1987. Л. 48).

5.1.1.
Конфликт интересов охотников, лесорубов и администрации: пример Красноярского края

Сегодня эвенкийские охотники или их объединения — родовые общины — вынуждены арендовать охотничьи участки на охотничий сезон. В Красноярском

крае имеют место случаи, когда лесодобывающие компании и эвенкийские охотничьи общины претендуют на одну и ту же лесную территорию при лоббировании местными властями интересов лесопромышленников через подачу судебных исков на эвенкийские общины. Суть требований свелась к тому, чтобы обязать общины оборудовать пункты сосредоточения противопожарного инвентаря согласно действующему законодательству, а до этого времени — приостановить деятельность общин по договорам аренды лесных участков. В Докладе Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Красноярского края 2015 г. говорится:

«Общественность коренных малочисленных народов Севера Эвенкийского муниципального района Красноярского края выражает серьезную озабоченность и обеспокоенность действиями министерства природных ресурсов и экологии Красноярского края в отношении общин коренных малочисленных народов Севера, направленными на принудительное отторжение и изъятие территорий, относящихся к исконной среде обитания. Министерство, игнорируя установленные лесным законодательством договорные начала использования лесов, без какого-либо согласования и даже уведомления, односторонне, в судебном порядке принуждает общины коренных малочисленных народов Севера, заключившие договоры аренды лесных участков, принять дополнительные финансовые обязательства в части организации выполнения требований пожарной безопасности в лесах, по существу без оформления дополнительных соглашений к ранее заключенным договорам аренды лесных участков, что фактически носит характер навязывания „кабальных условий“, невыполнимых для общин. За период с июня 2015 года министерством в районных судах Эвенкийского муниципального района Красноярского края инициировано 7 судебных дел в отношении общин коренных малочисленных народов Севера („Таимба“ (Кузница), „Учами“ (Верховой олень), „Мадра“ (Чуткая), „Кунноир“ (Взывающий) (2 дела), „Урке“, „Наракан“ (Бык)» (Доклад 2015).

Общины коренных малочисленных народов Севера Эвенкийского муниципального района Красноярского края, занимающиеся традиционными видами хозяйственной деятельности, имеют в аренде лесные участки площадью от 600 тыс. га до 1,8 млн га каждая, вид использования лесов — осуществление видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства. Буквально и формально применяя установленные требования, каждая община должна иметь в целях противопожарных мероприятий по 5–9 мотопомп и тракторов с плугами. «Требования министерства являются незаконными и необоснованными», — указывает Уполномоченный, предъявляя многочисленные основания для такого вывода. Одним из них является, например, тот факт, что арендуемые общинами Эвенкийского муниципального района лесные участки расположены в удаленных и труднодоступных местах, где дороги и транспортное сообщение отсутствуют.

«Общины коренных малочисленных народов Севера признают необходимость обеспечения пожарной безопасности в лесах, в т.ч. на арендуемых ими лесных участках, но при этом выступают за то, чтобы:

— соответствующие обязательства общин как арендаторов устанавливались в процессе диалога, в рамках договорных отношений, а не путем инициирования судебных разбирательств без какого-либо предупреждения и с беспочвенными указаниями на уклонение общин от проверок и непредоставление ими информации;

— требования в части обеспечения пожарной безопасности арендаторами — общинами коренных малочисленных народов Севера в труднодоступных и удаленных северных районах должны быть адекватными этим социальным и территориальным особенностям» (Доклад 2015).

Решениями судебных органов первой инстанции — Байкитского и Тунгусско-Чунского районных судов в 2015 г. была подтверждена необоснованность и неправомерность требований министерства к общинам, однако министерство обжаловало эти решения и, по мнению Уполномоченного, целенаправленно доводит ситуацию до состояния, когда общины не смогут исполнить обязательства по договорам аренды, что даст основание для расторжения заключенных с ними договоров аренды и освободит территории от обременения их правами и интересами арендаторов — представителей коренных малочисленных народов Севера.

Общественность коренных малочисленных народов Севера Эвенкийского муниципального района Красноярского края продолжает призывать органы власти к диалогу по этому непростому вопросу. Инициативной общественностью было составлено открытое письмо на имя президента РФ В.В. Путина от 16.12.2015, исх. № А-158 (Доклад 2015).

Пока в судах разбирались жалобы местных органов власти на бывших «инородцев», исторически всегда пользовавшихся покровительством центральной власти, пожары охватили практически весь юг Красноярского края, и отнюдь не по вине коренных народов, которые имеют свои строгие правила в отношении управления огнем, о чем будет сказано ниже. Тайга стала «месторождением бревен» (см.: Бенеславский. Интервью), а малочисленные народы Севера, ведущие в тайге традиционное хозяйствование, мешают разрабатывать эти «месторождения».

Российское государство признает особые права эвенков как представителей коренных народов на земли их предков, традиционный образ жизни и традиционное природопользование, что зафиксировано в «этнических» законах, которые на практике в полной мере не работают. Климатические изменения и пожары поставили перед современными охотниками-оленеводами дополнительные вызовы. Согласно официальным данным, общая площадь лесных пожаров в Красноярском крае в 2019 г. составила 1 644 834 га. За пять лет (2014–2019) количество лесных пожаров увеличилось в 12 раз, с 65 в 2014 г. до 778 в 2019 г. Ущерб среде обитания коренных народов Эвенкийского муниципального района от пожаров, включающий не только лесные ресурсы, но и объекты охоты, рыболовства, собирательства, составил более 5 750 339 664 руб. (Доклад 2020: 34–35). Вместе с климатическими изменениями человеческий фактор — неосторожное обращение с огнем, сжигание порубочных остатков весной и поджоги играют основную

роль в возникновении лесных пожаров. Эвенкийские активисты из Красноярского края назвали пожары 2019 г. «экоцидом среды обитания коренных народов тайги». Ранее инициативная группа эвенков Красноярского края обратилась к китайскому лидеру Си Цзинь Пиню не покупать круглый лес, срубленный на территориях традиционного природопользования эвенков. Как отметил Уполномоченный по правам коренных народов Красноярского края в своем докладе, «к сожалению, за последний год конфронтация между общинами коренных малочисленных народов Эвенкии и лесопромышленностью не нашла своего законного разрешения. Ситуация даже ухудшилась. С такой политикой вся таежная территория к югу от Эвенкии, общей площадью до 50 млн га, будет разрушена в ближайшие годы промышленной рубкой и лесными пожарами. Группе лесодобывающих компаний было рекомендовано „принять и утвердить политику в отношении прав коренных меньшинств“» (Доклад 2020: 32).

5.1.2. *Управление лесами и пожары*

Дело в том, что в 2006 г. был принят новый Лесной кодекс Российской Федерации, который передал права на распределение и управление федеральными лесами субъектам Российской Федерации, которые сами определяют объем и территории для промышленной рубки леса, а также ответственны за тушение лесных пожаров. Таким образом, произошла децентрализация управления лесным хозяйством России и охраной лесов, федеральный контроль за состоянием лесного фонда был значительно ослаблен. В 2015 г. правительство позволило не тушить лесные пожары в так называемых «зонах контроля», иначе говоря там, где они не угрожают поселениям. Кажется, к принятию такого решения привели также научные исследования и рекомендации (Цветков 2013; и мн. др.). В 2019 г., согласно космическому мониторингу, до 90% пожаров произошли в таких зонах. Современная российская бюрократия использует русский язык таким образом, что происходят подмена понятий и затемнение смысла, что затрудняет ориентирование в проблеме. Это особенно заметно в отношении лесных пожаров. Так, в Лесном кодексе РФ имеется термин «зоны контроля». Лукавство этого термина (Певзнер) состоит в том, что на самом деле он означает зону бесконтрольности, так как пожары в этих зонах не тушатся, их наблюдают при помощи космомониторинга. То же самое относится к терминам «пирологические проблемы» или «пирологические точки», которые заменяют в документах и даже в СМИ термин «лесные пожары». Напрашивается сравнение с практикой применения эвенками иносказательной лексики, с использованием ими «подставных имен» в отношении опасных хищных животных — медведя, волка и пр., что связано с их глубинными представлениями о силе слова и даже мысли. Получается, что подобные архетипы живы и в сознании современной бюрократии и журналистов в отношении неконтролируемых или трудно поддающихся контролю природных явлений, хотя и вызванных чаще всего деятельностью человека.

Очевидными и систематическими ошибками в управлении лесами являются снижение защиты лесов, недостаточное финансирование, коррупция, нелегальные рубки, сжигание порубочных остатков и т.д. В отсутствие информации и контроля за ситуацией выдвигаются версии поджогов, в том числе китайскими арендаторами.

Из сферы климатических изменений и защиты окружающей среды пожары вышли на уровень политической повестки дня. Они стали фактором внутриполитической борьбы, особенно в Иркутске и Красноярске. Пожары используются в качестве политического ресурса внутри и за пределами России, подталкивая федеральные и местные власти к усилению и изменению лесной политики. Местные жители этих регионов, в том числе эвенки, выдвигают требования экономических и политических реформ.

Сибирский художник и писатель В.П. Кондаков с эвенкийскими корнями (творческий псевдоним EwiEnk) в одной из своих «Заметок на рукаве», главными героями которых являются эвенки Иричейка и Итхэк, показал полное иронии, гротеска и боли отношение к сплошной вырубке тайги.

«Заблудился черный лесоруб в лесу. Сперва-то лес был, а потом пеньками стал. Десяток лет кружит… Третий… Вокруг, куда глаз ни брось, — одни пеньки! Вдруг, смотрит, а на одном пеньке Иричейка сидит, пулькой ружье заряжает.

— Эй, мил человек, — взмолился лесоруб, — где тут выход? Помоги выйти к людям!

— Дак, я тоже ищу людей. Который год! А их нет… Одни сволочи кругом! И пеньки…» (Кондаков 2013: 276).

Еще в конце XX в. ученые сделали вывод, что «очень сложные и динамичные пожарные режимы наблюдаются в подзоне промышленного освоения лесов… на этой территории возникает больше половины всех пожаров. За последние 12 лет накопилось около 10 млн га вырубок. Здесь возникают до 70% всех пожаров с последующим распространением огня на окружающие леса. Из-за большого запаса горючих материалов, превышающего естественный в 3–4 раза, пожарная опасность на вырубках сохраняется в течение 5–6 месяцев» (Валендик и др. 1997).

Уничтожение лесов негативно влияет на климат, способствует его потеплению. В свою очередь, изменение климата влияет и на лес: так, сейчас из-за климатических изменений усыхает пихта сибирская. Причем это цепочка изменений: в связи с потеплением лесной вредитель типограф уссурийский расширил свой ареал с Дальнего Востока на Сибирь, а пихта не выработала защитных механизмов к этому вредителю. Впрочем, есть и другая версия занесения вредителей — с потоками товаров, перевозкой зараженной вредителем древесины с Дальнего Востока через Сибирь (см.: Онучин. Интервью). Таким образом, изменение климата и биоразнообразия происходит за счет потоков товаров, когда завозятся новые микроорганизмы, вредители и т.д., т.е. вследствие процессов неконтролируемой глобализации и ресурсодобычи.

5.2.
Эвенкийский анимизм и управление огнем

5.2.1.
Духи-хозяева как регуляторы отношений с тайгой

Э. Требилкок, австралийский орнитолог, замечал в своем письме из Сибири в Австралию в 1901 г.: «Я чувствую себя ужасно одиноко — необъятные сосновые леса, протянувшиеся милю за милей, довольно удручающи» (Trebilcock 1986: 38). Другой европеец, землеустроитель В. Некипелов, в своем отчете 1927 г. писал о том, что таежные массивы «давят». Таежные эвенки по сравнению с большинством городских жителей относятся к тайге по-другому: «Только уйдя в тайгу, эвенк чувствует себя человеком» (Шапхаев 2008: 57). Некоторые эвенки настаивают, что те из них, кто забыл традиционные занятия и родной язык, будут бояться леса и лес не узнает их (ПМА Сирина 1999).

Для многих эвенков тайга до сих пор является домом, живой сущностью с властью движения и энергии. Этот путь соединения с миром можно назвать анимизмом. Природа и ее многочисленные духи-хозяева рассматриваются как регулирующие доступ к ресурсам и играют важную роль в поддержании экологического баланса.

Приведу два диалога из моих полевых материалов.

« — Есть ли в лесу духи-хозяева?

— Конечно, есть, обязательно есть. Нужно их угощать. Чаем, едой. Ты новый человек, тебе обязательно надо!» (ПМА Сирина 1993).

« — Есть ли духи в лесу?

— Да. Не приходилось встречаться с такими. Это же редко людям попадается, не всегда, не каждому. Мне не попадались. А как же. По любому месту идешь. Он все видит, но он тебе не скажет. И ты его не увидишь. А фактически он, может, сидит и слушает, как двое болтают» (ПМА Сирина 2007).

Продолжая эту мысль, Валерий Кондаков так выразил свое понимание духов, базирующееся на традициях и творческом воображении:

«Он знал что невидимые духи зорко следят за ним Их было много вокруг Очень много Однажды он даже хотел их посчитать но сбился со счету И хорошо Это действительно хорошо сказал он сам себе Это очень хорошо Чем больше невидимых духов тем меньше у меня желания сделать что-либо плохое И потому мои дети убоятся сделать плохое И дети моих детей Разве это плохо?» (Кондаков 2013: 138).

В свою очередь, антрополог Р. Виллерслев на основе полевых материалов, собранных у юкагиров, заметил: «Все перепутано на смотрящих и тех, на кого смотрят, и ни один не является просто „наблюдателем“, и ничто не является просто „объектом“; есть только чувствующий мир, полный глаз» (Willerslev 2013).

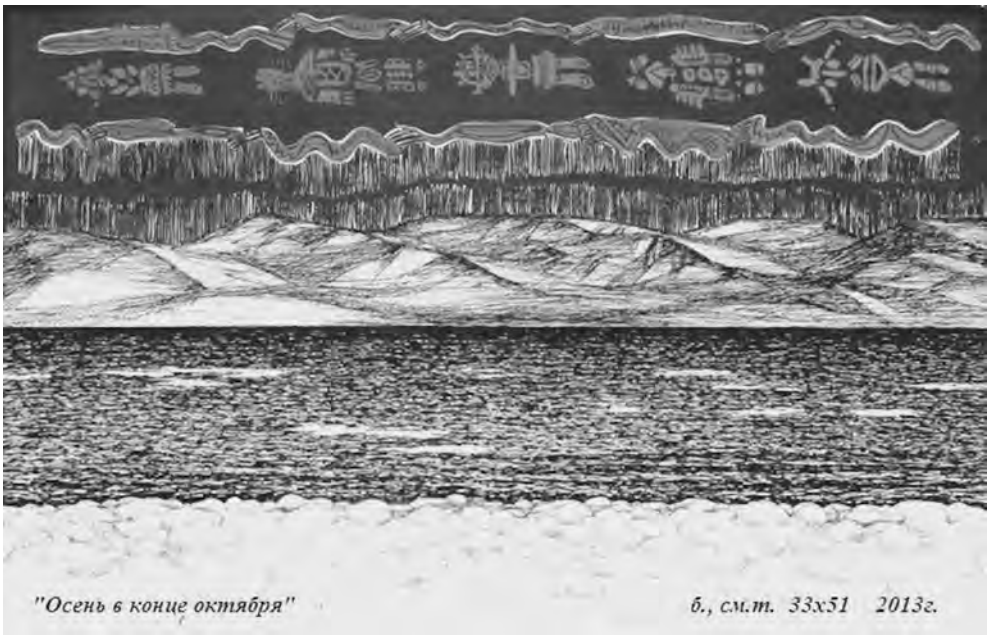


Рис. 34. «Осень в конце октября». Бумага, смешанная техника. 2013 г. Художник В.П. Кондаков. Личный архив автора

В представлениях эвенков духи не только одухотворяют окружающую природу, делают ее живой, но и регулируют доступ к ее ресурсам и играют, таким образом, важную роль в сохранении экологического баланса. Это те посредники — помимо государственных органов охраны природы, — которые поддерживают в промысловике, жителе тайги ощущение его неодинокости в природе. Духи-хозяева эвенков многочисленны и многофункциональны. Женский образ духа-хозяина тайги совпадает с представлениями об огне. Отношения с духами строятся по типу социальных — на принципах уважения (иногда страха), равенства, дележа и обмена. Эвенки постоянно ищут в мире, в котором живут, взаимосвязи, которые могут проявиться в любом природном объекте или явлении, процессе. Знанием духов-хозяев обладают не все эвенки, и оно неодинаково.

От человека как существа, наделенного умом, сознанием и волей, зависят правила поведения в природе. В то же время всегда существует разрыв между экологическим сознанием и экологическими практиками, или поведением. В условиях возросшей нестабильности природной и социальной среды люди стали более сознательно нарушать традиционные нормы. Один эвенк заметил: «Или природа изменилась? Она как не изменится, ведь люди сильно жадные стали. Нас природа казнит за жадность. Природа умеренно, постепенно дает, даром. А у нас стараются истребить, искоренить все, а на завтра не смотрят» (Сирина 2008: 132).

Эта мысль кажется мне очень важной. Изменения к худшему в природе связываются не только с изменениями климата, но и с изменениями самого человека, с потерей им важных качеств. Становится трудным устойчивое природопользование, а природа становится потребительским ресурсом существующей глобальной экономической системы, нечувствительной к местным формам жизни, тесно связанным с природой.

Эвенки северного Байкала замечали, что с начала вырубки лесов у них участились ветра (ПМА Сирина 2005). Директор Тунгусского заповедника в Красноярском крае Л.Н. Логинова отметила: «У нас самое плохое — шквалистый ветер. Раньше не было ветров. Теперь ветра и зимой, и летом» (Чиж, Катаева). Австралийские аборигены считают ветер движением умерших людей (Rose et al. 2002); главный дух Буга вызывает ветер после смерти человека, чтобы убрать его следы в мире живых (Lavrillier, Gabyshev 2017: 216). Писатель и художник В.П. Кондаков интерпретирует ветер как особый дух. «Ночью вдруг подул порывистый ветер сотрясая землю Эвенк Эверкуль пробурчал недовольно опять дескать кто-то нарушил покой духов Это они рыщут носятся по тайге ищут виновника чтобы наказать» (Кондаков 2013: 119). И если это так, то понятно, почему ветер раздувает лесные пожары.

5.2.2. *Образ огня в культуре эвенков*

Отношение к духу огня или самому огню сегодня превратилось в непреложную норму этикета. Огонь почитается и сам по себе, и как верховный дух, и как дух-посредник, канал связи с другими духами, в первую очередь с духом-хозяином таежной местности *хинкэн*. Многофункциональность огня определяет его прагматическую, экономическую, культурную, духовную, социальную и экологическую важность в эвенкийской культуре. В многочисленных интервью, собранных мной у разных представителей эвенков и родственных им эвенов в конце XX — начале XXI в. по единой программе и опубликованных в книге Л. Силланпяя, один из вопросов касался традиционных верований. Наиболее устойчивым оказалось отношение к огню как среди городских жителей, так и кочевников. Огонь уважают и почитают, о нем заботятся, как о живом существе, и одновременно считают его духом, который предсказывает будущее (Sillanpää 2008).

У эвенков хозяином домашнего очага является женщина *энекан того*. «Поэтому костер может все тебе рассказать и нельзя никак обижать костер. Острыми предметами нельзя подправлять головешки, угли и дрова. Духи непосредственно находятся в костре. Костер в юрте всегда должен гореть не затухая…» (Шубин 2007: 107). Среди эвенков широко распространены былички (рассказы) об огне:

«Но это раньше рассказывали, тоже умные были люди… Ну, один говорит: я пришел к одним в стойбище, в общем, пустили там за каким-то делом. Но хорошо живут, зажиточно, юрта большая. Но, говорит, лег у них ночевать, чай попил, да ли чё ли, и вот я, говорит, никак не могу уснуть. Гляжу: заходит старуха,

то-олстая такая, светлая. А из огня встает худущая старуха, вся сморщенная. И вот они сидят, разговаривают. „О, подружка, до чего же ты худущая, милая моя. Неужели тебя таки богаты не могут накормить?“ — „Какой накормить, они даже суп когда варят, боятся, чтоб сплыло“. А эта говорит: „А у меня хоть незажиточно живем, у меня хозяйка о-ё-ё. Меня чересчур кормит. Она, прежде чем себе в рот положить, мне дает“. Так разговаривали» (Сирина 2012). Ритуалы кормления огня широко распространены даже среди проживающих в городе эвенков.

Эвенки проводят различия между домашним огнем и небесным (природным) огнем. Огонь имеет многие качества и свойства живого — движение разной интенсивности: он издает звуки, излучает тепло и свет. Эвенки традиционно верили, что огонь не только посредник в отношениях между человеком и духами, он сам могущественный дух *тов хинкэнни*, *тог мусун*. Представления о духе-хозяине огня у эвенков совпадают с представлениями о духе-хозяине таежной местности *хинкэн*. Огонь традиционно был универсальным способом коммуникации с духами разного рода и душами умерших родственников. И поэтому «сообщения» от огня до сих пор воспринимаются как предугадывание и прогнозирование будущего прежде всего теми эвенками, которые живут в тайге.

5.2.3.
Способы управления огнем у эвенков

Традиционные источники получения огня — кресало и трут (лиственничные гнилушки), в XX в. их заменили спички. Кресало считалось женской принадлежностью, его носили вместе с игольником, потому что женщина была хранительницей домашнего очага. Кресало было обязательным элементом женского захоронения; сегодня бывают случаи, когда эти предметы передают в музеи.

5.2.3.1.
Магические способы управления огнем

Кочевые эвенки очень боятся грозы[1] и молнии. Превентивные меры включают ошкуривание деревьев, около которых установлено переносное жилище. «Старики не спали, разговаривали с грозой, чтобы подальше уходила. Ничего в грозу не делают и из палатки не выходят» (Lavrillier, Gabyshev 2017: 206). Считается, что можно этих духов убедить пройти мимо стоянок. Лиственница в сибирской тайге является деревом, которое наиболее притягивает молнию; лиственницу, в которую ударила молния, эвенки называют *эркипча* (Там же: 215). Такие лиственницы используют от зубной боли (щепки) и в шаманстве (проход через развилку). Пожары от удара молнии эвенки считали наказанием за нарушение законов, установленных высшими духами.

[1] Дух грозы — *агды* (Мазин 1984), *эрки* (Lavrillier, Gabyshev 2017).

Эвенки знают магические способы изменить погоду, в том числе прекратить засуху и лесные пожары, что тоже говорит о том, что они и ранее, до процесса глобального потепления климата сталкивались с этими явлениями и выработали определенные меры противодействия им. Против засухи и лесных пожаров кочевые эвенки, а иногда и старики в деревнях трясут медвежьи шкуры, когда лесные пожары подходят близко к деревням, как это было в 2015 г. (Lavrillier, Gabyshev 2017: 185), или кукули (спальные мешки) вдов, сделанные из медвежьих шкур, как в случае эвенов, а также выставляют нанизанную на шест болотную кочку *мукэлры*, чтобы пошел дождь (Сирина 2012). Но такие магические действия только один из способов воздействия на природные явления. Сотрудник Баргузинского заповедника на северо-восточном побережье Байкала рассказывал, как эвенки помогали тушить пожар на границе заповедника: «Пожар вместе [с эвенками] тушили. [Они] ответственные. Они очень выносливые. Люди работают наверху [на сопке]. Им нужна вода. Вот они, эвенки, нас обеспечивали этой водой, таскали по 20 литров» (ПМА Сирина 2007).

5.2.3.2. *Культурные пожоги*

Д.Б. Роуз использует термин «культурный пожог» (cultural fire), чтобы провести различие между лесными пожарами и пожогами, сознательно начатыми и управляемыми (Rose et al. 2002: 21). В.Н. Адаев считает, что народы Западной Сибири — селькупы и обские угры — заимствовали технику пожогов у русских переселенцев. В отличие от них, «эвенки-оленеводы на обширной территории Сибири активно и широко практиковали систематическое выжигание своих угодий» (Адаев 2018: 141). Это мнение не вполне соответствует действительности по той причине, что Д. Брандишаускас, на которого В.Н. Адаев ссылается, рассматривает локальное энвайронментальное знание исключительно у охотников и оленеводов (эвенков-орочонов) Забайкалья (Брандишаускас 2016). Такая практика известна также в соседней Амурской области и на юго-востоке Якутии (Lavrillier, Gabyshev 2017: 61). Кроме того, Г.М. Василевич отметила записанный Д.Г. Мессершмидтом в первой четверти XVIII в. способ привлечения охотниками лосей и оленей (без указания региона): они выжигали леса, чтобы на выжженных местах ускорить рост трав и молодых порослей, любимых этими животными (Василевич 1969а: 118). Землеустроители отмечали, что в прежние времена эвенки пускали палы, чтобы прекратить проникновение в тайгу русского населения (Копылов и др. 2009).

Эвенки поджигали лишь определенные участки пастбищ оленей — мари с кочками, т.е. постоянно влажные места, в ранневесеннее и позднеосеннее время, чтобы лучше росла трава, олений корм. Эвенки никогда не поджигали ягельные пастбища, а только «[к]очкарник — марь с кочками и с травой пушица. Весной там хорошо стоять, потому что на *кэвэр* быстро тает снег и там в первую очередь выходит трава *ниргактэ* (пушица), которую олени обожают… Если трава *нир-*

гактэ там хорошо не растет, ее иногда сжигают осенью (или весной), чтобы эта трава быстрее росла» (Lavrillier, Gabyshev 2017: 61). Поэтому пример саамов, не практикующих пожоги оленьих лишайниковых пастбищ, который приводит Адаев в подтверждение своей точки зрения на особое отношение эвенков к огню, является не «обратной версией» относительно эвенков, а взаимодополняющей.

Д. Брандишаускас отмечает, что забайкальские эвенки проводили выжигание отнюдь не повсеместно, а локально; выжигали не деревья, а прошлогоднюю траву и мелкий кустарник; человек, предпринимающий и контролирующий выжигание, должен знать территорию, направление ветра, прогнозировать погоду (выжигание желательно проводить накануне выпадения дождя или мокрого снега). Выжигание предпринимается в определенные периоды года — ранней весной и поздней осенью. Такое выжигание носит и профилактическую функцию для предотвращения летних лесных пожаров (Brandišauskas 2007; Брандишаускас 2016).

В 1980–2000-х годах я работала среди эвенков Восточной Сибири (в верховьях Нижней Тунгуски, Лены, верхней Ангары и в южной Якутии). В моих полевых записях нет ни одного упоминания о культурных пожогах; это может быть случайностью, но в целом отражает тенденцию, потому что на Нижней Тунгуске приходилось жить на стойбищах и много времени проводить с неоседлыми эвенками.

Мнение В.Н. Адаева о том, что эвенки по сравнению с обскими уграми и селькупами Западной Сибири не имеют строгих правил и традиций в отношении к огню и управлению им (Адаев 2018), не соответствует действительности. Вывод этого автора о том, что «в пределах Западной Сибири эвенки в любом случае предстают чрезвычайно специфической этнической группой, несущей нетипичные для местных северных народов формы обращения с огнем» (Там же: 142), не подкреплен доказательствами. Возможно, эвенки как новая и в некотором смысле конкурирующая этническая группа среди местных северных народов вызвали к себе такое отношение соседей. Все это заставило еще раз обратиться к опыту эвенков в управлении огнем, используя как собственные полевые материалы, так и публикации других авторов.

5.2.4.
Профилактика пожаров и использование горелых мест

Среди таежных жителей я видела исключительно осторожное отношение к огню, страх перед верховыми лесными пожарами, у одного эвенка дошедший до фобии, когда он в тревоге постоянно принюхивался к далеким запахам дыма, приносимым ветром. До этого семье пришлось пережить верховой пожар: люди и олени спаслись в озере, рядом с которым было расположено стойбище, накрывшись сверху брезентом (ПМА Сирина 1989). В обширной научной, мемуарной и художественной литературе об эвенках тоже не встречаются свидетельства

намеренных (культурных) пожогов или неаккуратного обращения с огнем. В литературе содержатся многочисленные свидетельства аккуратного и осторожного обращения эвенков с огнем.

Пожары могли возникать по неосторожности человека, как это было в описанном ниже случае, когда степной человек (бурят, инвалид) по незнанию тайги допустил пожар в начале 1940-х годов. Нужно отметить, что подобных описаний в литературе практически не встречается, так как обычно виновники пожаров скрывают свою роль в этом.

«Дед Роман останавливает лошадей, я уже знаю, что будем обедать. В этом месте на старой гари травы много было лошадей подкормить. Он мне указал: „Здесь разведи костер, а я буду вьюки направлять“.

Навешав над костром обед, я отошел и начал собирать сухие сучья. В этот момент сидящий недалеко от костра Роман закричал: „Горим!“. Я обернулся и вижу: Роман потником из-под седла бьет по разгорающемуся огню от костра. Я на помощь подскочил и так же потником начал хлопать по огню, а огонь все разгорается вширь, и мы уже не в состоянии потушить, а сухая сентябрьская трава с сухим кустарником запылала вовсю по направлению к лошадям и огненный круг начал увеличиваться. Я закричал Роману: „Спасай лошадей!“. Роман побежал к лошадям, которые паслись недалеко от нас, и хорошо, что тут же рядом было водянистое болото, куда он начал загонять лошадей.

…пожар все разгорался с шумом, треском, и мы начали задыхаться в дыму. Роман, ничего не говоря, подбежал к водянистому болоту, где стояли лошади, и прилег к воде. То же и я сделал. Оказывается, около воды воздух чище…

А когда узнали, что мы пустили пожар и только я обгорел, все заговорили, что всегда на свежем месте, и особенно где осенняя и весенняя трава, надо сначала осторожно обжечь побольше круг, а затем в середине этого круга разложить костер…

Пожар в лесу — это бедствие, и за первый пожар в старой Чаре, при первой моей командировке, столько меня укоряли, что нужно думать головой и смотреть в оба. И деду Роману тогда досталось, но огонь дождем потушило, и ближние охотугодья остались целыми» (По верховьям 2019: 179).

В литературе имеются разные свидетельства, как относились к огню эвенки. Имеются сведения о том, что в прошлом эвенки, уходя со стоянки, оставляли костер тлеющим: «Костер нельзя тушить, пусть горит сколько хочет» (Шубин 2007; Brandišauskas 2007). Вместе с тем наблюдения многих исследователей, работавших у эвенков в 1980–2020-е годы, показывают, что современные эвенки всегда тушат огонь костра, перед тем как покинуть стойбище, остатками чая либо водой. Приведу еще мнение известного сибирского эколога, биолога, охотоведа С.К. Устинова: «Восемнадцатого ноября охотники (эвенки. — *А.С.*) ушли в вершину Червокана… Как бесшумно, без следов, без вреда природе вживаются в тайгу эти люди! Ушли, я осмотрел их стоянку: кучка еловых веток (подстилка

на снег под палатку) да пепел сгоревшего костра. Ничего не брошено, даже головешки положены так, что очень скоро сгорят без следа, истлеют без дыма. Вспоминаются костры отдыхающих в пригородных лесах: раскиданные обугленные грязные обгарки — источники пожаров. И чего только вокруг не навалено… Простая, мудрая наука видящему!» (Устинов 2006: 53).

Эвенки считают, что должны вести себя в лесу осторожно, не допустить пожара. «Ты должен в тайге… аккуратно. Чтобы лишнего огня, в лесу пожар не сделать, это главное. Это не только лесу беда, но и охотнику беда. Потому что лес-то сгорит, и пушнина, маленькие-то» (ПМА Сирина 2007). Прагматичная забота охотника о своей будущей добыче есть один из путей поддержания баланса в природе и недопущения лесных пожаров. Вновь и вновь возвращается к этой проблеме И.И. Бурлаев на страницах своих воспоминаний: «Насчет противопожарных мероприятий эвенки очень строги и своих детей обучают с малых лет, иначе люди таежные давно бы спалили всю тайгу, а тайга — жизнь эвенков, дом родной. Тайга — это зеленое золото, и все таежные жители берегут тайгу — народное богатство, а прибывших степных, городских людей сразу предупреждают — с огнем быть очень осторожными, о чем сначала мне всегда говорили, зная, что ранее в лесу я не бывал» (По верховьям 2019: 325).

Все источники огня на стойбище в летнее время (открытый очаг для приготовления пищи, дымокуры для оленей) эвенки устраивают всегда напротив входа в чум (палатку), чтобы можно было постоянно держать его в поле зрения через приоткрытый полог. Они тщательно выбирают места под расположение стада оленей в летнее время, которое делают на ровной площадке, свободной от кустов, но в тени высоких деревьев (обычно лиственницы) (рис. 35). Места летнего стойбища выбирают возле реки, озера (как правило, на стойбище бывает не менее двух источников воды, один из которых может быть использован как убежище или препятствие от пожара). Это можно видеть на схематических рисунках летних эвенкийских стойбищ (Сирина 2002). Эвенки постоянно отслеживают ситуацию в пожароопасный период через использование всех органов чувств и источников информации. А. Лаврилье и С. Габышев обратили внимание на ранее малоизвестные знания кочевых эвенков об особенностях ландшафта, связанные в том числе с профилактикой пожаров в их повседневной жизни. Так, летом эвенки не устраивают стоянку на вершине маленькой горки (1–10 м высоты) *кэраин*, «поскольку там часто бьет гроза и может убить и оленей и людей. Кэраин притягивает к себе грозу» (Lavrillier, Gabyshev 2017: 104).

Олени вытаптывают таежную растительность на стойбище, и опасность пожара значительно уменьшается. Дымокуры устраивают на голой земле, огонь не может распространиться на подстилку. Дрова для дымокуров кладут по кругу, «солнышком», т.е. не рубят, экономят свою энергию. Вдобавок стоянка не засоряется порубочным мусором, возможной питательной средой для огня. На короткой стоянке эвенки не заготавливают дрова впрок. Эвенки используют для открытого летнего очага дрова, которые не искрят, это лиственница (ни в коем

случае не пихта, ель, черемуха); лиственница также не дает запаха при приготовлении пищи на открытом огне. Вообще опытные таежники, не только эвенки, летом на временной стоянке стараются по возможности разводить костер на галечнике у реки, которая при подъеме воды смывает следы человеческой деятельности (Устинов 2006). Противопожарные мероприятия включают в себя также строительство лабазов на границе старой гари и леса как меру по защите вещей и запасов продовольствия от новых пожаров (Сирина 2002). В эвенкийском языке имеются различные наименования горелых мест в результате естественных природных пожаров: n'adi, nēgdy, nirgral, churgi, jaktan, gōndakta (Мыреева 2001: 81; цит. по: Mamontova 2020). Как отмечает Н.А. Мамонтова, многообразие терминов относится к диалектическому разнообразию, а также к возрасту горельников, наличию свежей зелени (Mamontova 2020). Обращу внимание также на то, что обилие терминов для характеристики горелой тайги указывает на то, что пожары случались в тайге всегда, были разной степени интенсивности и последствий и до процесса колонизации Сибири имели преимущественно природный характер. Н.А. Мамонтова обратила внимание, что разнообразие терминов, связанных с горелой тайгой, тесно связано с охотой, духами и шаманскими ритуалами (Там же).

Рис. 35. Костер *гулувун* на стойбище в верховьях р. Нижняя Тунгуска. 1981 г. Фото А.А. Сириной

А. Лаврилье и С. Габышев дают еще один эвенкийский термин — *бугар*, «это где лес с землей сгорел, где деревья совсем сгорели, засохли; *бугарыктэ* — старый горелый лес, где ягель только начал расти или другая разная зелень» (Lavrillier, Gabyshev 2017: 139). Некоторые реки имеют эвенкийские названия, производные от этих наименований, например Чургикта (Горелая) (Катангский район Иркутской обл.), много названий рек Бугарикта (Большая, Верхняя, Нижняя и др.) на территориях Тындинского района Амурской области, Красноярского края, Баунтовского района Бурятии, Тунгиро-Олекминского района Забайкальской области и др. Информация о ландшафте реки содержала важную для кочевников информацию относительно возможности охоты, прохождения ее на оленях и пр. Вместе с тем, зафиксированные на картах, эти названия с большой долей вероятности с течением времени перестали отражать особенности изменяющегося послепожарного ландшафта.

Эвенкийский термин *нуныкун* означает «очень дымно от пожара, сильный дым от пожара». «От больших пожаров бывает очень густой дым и плохая видимость, тогда и дышать тяжело, и люди дома сидят. Приходится терпеть, от дыма почти невозможно убежать. Когда бывает такой дым, тучи испаряются и дождей нету, значит, еще много земли будет гореть» (Lavrillier, Gabyshev 2017: 209).

В зависимости от типа пожара и местности восстановление может длиться от нескольких лет до столетия (Самсонов, Иванова 2014: 258, 265). Как отмечал В. Некипелов в отношении территории верхней Лены, «при лесном пожаре лес целиком не сгорает, на нем только обгорают ветви и корни, выгорает и моховой покров, мерзлая почва оттаивает, делается очень сырой и вязкой. Затем, года через два, она начинает подсыхать, появляется чахлый березняк и кое-какие травы: кипрей, злаки, костяника, шиповник, борщевик и др., но следом за ними снова поднимаются лиственница и ель, почва делается опять влажной, зарастает мхом, голубичником и багульником, и прежнее лиственнично-еловое сообщество быстро восстанавливается» (По верховьям 2019: 41). На свежих горельниках оленеводство невозможно, поэтому такие места охотники-оленеводы «проскакивают», проходят «напрямую», без остановок, так как олень не может там найти корма. На старых горелых местах от пожаров 10-летней давности только начинает расти ягель, и такие места хороши для выпаса домашних оленей, они также привлекают диких оленей и лосей, на которых эвенки охотятся. Здесь появляется много кустарников, ягодников, а значит, мышей и других мелких грызунов, на которых охотится соболь и другие пушные звери, на которых, в свою очередь, охотятся эвенки. Кроме того, эвенки берут от таких мест дрова, «потому что там дрова сухие и очень хорошо горят» (Lavrillier, Gabyshev 2017: 139). Таким образом, эвенки используют все возможные ландшафты тайги, в том числе разрушенные пожарами, но находящиеся в стадии восстановления, характерные особенности которых они знают от старшего поколения, а также путем ежегодных наблюдений за процессами восстановления тайги.

* * *

Пожары 2019 г. в Сибири, какими бы причинами они ни были вызваны, дали долгожданный толчок к изменениям в системе государственной защиты природных ресурсов. В частности, готовятся изменения в Лесной кодекс, часть полномочий по охране лесов от пожаров планируется передать на федеральный уровень.

Из-за быстрого промышленного развития территорий Сибири и Дальнего Востока коренные жители тайги стали первыми, кто столкнулся с последствиями не только климатических изменений, но также промышленной лесодобычи, индустриального развития, качества управления. Большинство эвенков практикуют устойчивое использование природных ресурсов, основанное на традиционных экологических знаниях, включая знания в отношении использования огня, которые подробно описаны в главе, и на особой духовной связи с тайгой. Но будет неверным рассматривать эвенков как идеальных субъектов управления природной средой, чья жизнь и мировоззрение не затронуты влиянием внешнего глобального мира. Государство занимает вместе с духами-хозяевами и другими акторами свое место в системе отношений человека и природы. Эвенкийским охотникам и оленеводам приходится защищать свои права на традиционное природопользование перед лицом сильных конкурентов, таких, например, как лесодобывающие и промышленные компании, а иногда и перед лицом самого государства. И эта защита своей земли эвенками не всегда бывает успешной. Тем не менее решение даже острых проблемных вопросов идет в форме диалога и сотрудничества, что является характерной чертой отношений эвенков с миром. Поступая так, они защищают свою идентичность, образ жизни, землю, животных, на которых они охотятся, духов-хозяев тайги и, в конце концов, само государство.

Глава 6
РОЛЬ РЕСУРСОВ В ПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА НА СЕВЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Задача главы — проследить характер отношений между людьми и ресурсами в контексте северной Якутии. Это попытка не столько описания всего множества отношений, сколько шаг концептуального осмысления вариантов существующих взаимодействий. Понятие ресурса по умолчанию подразумевает наличие связей, поскольку ресурс — это то, что находится в отношении к чему-либо (Ушаков 2008), например к человеку и/или другим объектам. Но такая трактовка характеризует его как пассивное явление, подчиняющееся агентности внешнего субъекта. Для жителей рассматриваемых территорий ресурсы имеют не просто функционально-утилитарное значение, они создают, наполняют пространство, позволяют действовать, становятся «партнерами» (Эткинд 2020: 13) и «помощниками» в процессе выстраивания повседневной жизни. Зачастую проблематично определить, где заканчивается объект и начинается ресурс, поэтому в главе анализируются объекты как потенциальные ресурсы. Такой подход актуален еще и потому, что один и тот же объект способен проявлять себя в качестве разных ресурсов. Описание характера отношений людей с предметами их повседневности (партнерские, привычные, причинно-следственные, символические, негативные) позволяет увидеть жизнь социальных групп в динамике и становлении.

Анализ неподвижных сочетаний объектов и их свойств, создающих социальные контексты, не учитывает измерения постоянно происходящих деформаций, поэтому в главе сделана попытка показать многогранность ресурсов, их способность выступать в совершенно разных ипостасях, подобно людям, с ними соприкасающимся. Таким образом, актуализируются вопросы производства, репрезентации и прагматики системы отношений, которая выстраивается в регионе. Ресурс никогда не определен до конца (Ssorin-Chaikov 2017), он постоянно открыт творческому переосмыслению, как и человек, восприимчив к возникающим нюансам социальных ролей. Но какова механика этих изменений? Поиск ответа на поставленный вопрос ведется через исследование неоднородности устанавливаемых отношений, привязывающих людей к рекам, озерам, дорогам,

мигрирующим стадам оленей, перелетным птицам, залежам мамонтовой кости, друг к другу и создающих привычные способы обхождения с неводом, рыболовецкой сетью, ружьем, лодкой, духами местности и т.д. Жизнь на Севере в условиях отсутствия крупных производственных центров, постоянных дорог, с перебоями в снабжении, дороговизной привозимых товаров и необходимостью адаптироваться к меняющимся социально-экономическим и экологическим показателям определяет специфические формы отношений людей и ресурсов, обозначаемые исследователями, например, как «вещный минимализм» или «техноанимация» (Головнёв 2017: 12–14).

Представляется актуальным на локальных примерах проанализировать способы формирования ассоциаций между людьми и наполняющими их жизнь объектами, подчеркнув значение способов выстраивания отношений. Мэрилин Стратерн в эссе, посвященном данному концепту, сообщает, что термин *relatio*, пришедший в период средних веков в английский язык из латыни и от которого впоследствии возникло понятие *relation*, первоначально не означал контакта между двумя объектами; если говорить морфологически, он не предполагал обозначения некоего пространства, промежуточности (betweenness) между ними. Скорее, напротив, в ранней трактовке термин относился к одному объекту и называл его, являясь словесной фиксацией движения, переходом глагола в существительное: *relatio* — это «то, что было возвращено кому-то в ответ» (Strathern 2018: 2). Но, как видно, даже такая трактовка все же обусловлена взаимодействием нескольких объектов, которое «сворачивалось» в единичность. Стратерн пишет о том, что в раннее Новое время европейские интеллектуалы приспособили старый термин для измененного контекста использования; начиналась эпоха «мировоззрения, которое основывалось на объяснении дискретных явлений посредством ссылок на силы… которые их удерживали вместе»; в формирующейся картине мира происходил распад целостности бытия на отдельные части (Там же). Но такому пониманию отношений существовал противовес, и в качестве примера исследовательница указывает позицию Готфрида Лейбница, утверждавшего, что «нет термина… полный анализ которого бы не приводил к другим вещам», имея в виду невозможность очертить непроницаемый круг взаимодействующих феноменов, существующих отдельно от других (Leibniz 1996, цит. по: Strathern 2018: 2). Также дискуссионным оказался вопрос о том, являются ли отношения внешними, вторичными характеристиками, возникающими после появления феноменов (“social relations are exterior to individual entities” (Strathern 2018: 3)) (позиция Дж. Локка), или же, как показывал Лейбниц, не существует полностью внешних единиц, поскольку всё соединено одновременно внешне и внутренне (Descombes 2014: 204, цит. по: Strathern 2018: 3), что приводит к логическому следствию, при котором явления даны не изначально, а выкристаллизовываются в ходе взаимодействия (Strathern 2018: 3).

Эти споры и теоретические обоснования нашли многочисленные отголоски в последующих исследованиях антропологов и этнографов, таких как Леви-Брюль (2015), Рэдклифф-Браун (2001), Леви-Стросс (Levi-Strauss 1963; 1978) и др. Стра-

терн предлагает и собственный взгляд на сочетание внешних и внутренних режимов корреляций. Первый тип характерен для жанра «традиционных этнографических монографий», в которых описываются сочетания феноменов как данностей, а исследователь выявляет, фиксирует и объединяет в цельную картину отдельные факты, объективно существующие в изучаемом поле. Критикой и одновременно дополнением такого подхода является мысль о том, что единство, созидаемое этнографом из различных деталей культуры, представляет собой лишь один вариант сцепки феноменов, однако другой взгляд обнаружит иные сочетания. Подобную композицию отношений между этнографическими явлениями, предполагающую возможность и наличие множества других констелляций с иначе выстроенными отношениями при участии тех же феноменов, Стратерн называет «мерографические связи» (мero — часть, графо — пишу) (Strathern 1992). Второй, внутренний тип отношений охарактеризован М. Салинзом, ссылающимся на размышления Леви-Брюля, таким образом: объекты не предзаданы, они возникают в контексте устанавливаемых отношений с иными феноменами (на примере терминов родства это проявляется в том, что брат матери (в качестве социальной единицы) существует как таковой благодаря наличию сына сестры) (Sahlins 2013: 33–34; Strathern 2018: 3–4).

Иллюстрируя варианты развития концепта, Стратерн приводит подходы современных антропологов. Так, Дескола предлагает заняться комбинаторным анализом способов отношений между явлениями, уделяя внимание внешним согласованностям между объектами, в то время как де Кастру под влиянием Делеза сосредоточен на развитии способов мыслить объекты и отношения через понятия «различия», «множественности» и пр. (Strathern 2018: 4–5; Дескола 2012; Кастру 2017). Постепенно появляются антропологические работы, идущие от обратного, в которых рассматриваются не связи-ассоциации, а различные варианты изолирования, дистанцирования в контексте политического и этического смыслов (Candea et al. 2015). Другие авторы задаются вопросом: «Что будет после отношений?» (“non-relational”, “postrelational” world) (Holbraad, Pederson 2017: 242–281, цит. по: Strathern 2018: 9).

Приведенный обзор взглядов на указанное понятие имеет прямую связь с северной Якутией, Арктикой и ее жителями, потому что актуализирует вопрос о том, из каких взаимодействий на микроуровне реки, поляны, тундры, хозяйственной постройки, дизельной электростанции происходит формирование более крупных единиц производственных кооперативов, поселков, районов, складывающих понятия «Север», «Арктика» и т.д. Кроме того, «насыщенное описание» отношений позволяет увидеть морфологию этих единиц, оказывающихся не изолированными точками, но множествами, обладающими определенной конфигурацией. Важную роль играет не только перечень элементов, характеризующих жизнь в регионе, например этнодемографический состав населения, топливо, строительные материалы, продукты питания, промысловый инвентарь, маршруты передвижений, природные параметры, но и то, каким образом перечисленные феномены соотнесены друг с другом.

6.1.
Формирование социального пространства северной Якутии и ресурсное многообразие в XVII–XX вв. Взгляд издалека

Рассматриваемые территории северной Якутии находятся в арктическом, субарктическом и умеренном климатических поясах, в зонах тундры, лесотундры и северной части таежной зоны (Национальный атлас России 2004: 356–359). Регион изобилует реками, озерами, сочетаниями горных хребтов и низменностей (Яно-Индигирская, Колымская). Лето характеризуется множеством солнечных дней, засушливостью, однако иногда наступают периоды проливных дождей. Частые вторжения холодных масс воздуха понижают температуру поверхности почвы, подвергая ее заморозкам. В сентябре формируется Сибирский антициклон, который способствует резкому падению температуры воздуха и выхолаживанию подстилающей поверхности. Снежный покров устанавливается в разное время на разных территориях: в конце августа — на островах, в начале сентября — в тундровой зоне и в первой декаде октября — в центральной Якутии. Средняя температура в январе составляет -30°С, минимальная достигает -58°С. В первую половину зимы приходят циклоны, приносящие массы теплого морского полярного воздуха, часто сопровождающиеся сильными ветрами и продолжительными метелями. За Северным полярным кругом в холодное время года на 2–4 месяца устанавливаются полярные ночи, а в летний период наступает полярный день (Сосин 2005).

Во флоре арктической тундры преобладает кустарниково-травянистая растительность, также произрастают съедобные ягоды: брусника, голубика, морошка, дикая смородина, лекарственные растения, грибы (Там же). В южной части региона имеются лиственничные леса, реже встречается сибирская ель, присутствуют заболоченные луга и болота; почвы северной Якутии мерзлотные (см.: География Жиганского улуса). На рассматриваемой территории распространены многочисленные виды птиц (куропатка, гусь, лебедь, стерх и др.), северные олени (ключевое животное как с точки зрения домашнего хозяйства, так и в промысловом отношении), песцы, соболи, белки, лисицы, горностаи, тарбаганы, лоси, снежные бараны, представители ихтиофауны (в рыболовецком контексте наиболее популярны чир, омуль, нельма, сиг, ряпушка, муксун). Кроме того, в арктической зоне обитают завезенные в конце 1990-х и начале 2000-х годов стада овцебыков. В Аллаиховском улусе, где проводились полевые исследования, с 2000 г. тоже находится растущая популяция животных, однако в настоящий момент овцебыки не относятся к категории промысловых (см.: Локальный опыт успешной интродукции овцебыков). Данные природные условия исторически оказывали большое влияние на хозяйственно-культурные процессы в социальных группах, проживающих на территории северной Якутии, и до сих пор являются ключевыми факторами, определяющими жизнь местного населения.

Исходя из археологических данных, первые люди в изучаемом регионе появились в эпоху палеолита (около 32 тыс. л.н.) (Питулько 2019: 130), и с течени-

ем времени была создана та мозаичная социальная картина, которая фиксируется в настоящий момент. До прихода в регион во второй четверти XVII в. русского населения[1] этническая карта в основном была представлена группами эвенков, эвенов, юкагиров, северных якутов и некоторыми другими сообществами, каждое из которых характеризовалось набором специфических адаптивных практик, позволявших населению по-своему взаимодействовать с природной средой (Народы Сибири 1956: 14–15). В советско-российской этнографической литературе приведенные группы иногда обозначаются через доминирующий вид хозяйственной деятельности[2]. С позиций данного подхода в первой половине XVII в. на территории северной Якутии выделяются пешие охотники-рыболовы лесотундры (некоторые группы эвенков и юкагиров), таежные охотники-оленеводы и рыболовы (эвенки и эвены), кочевые оленеводы (оленные чукчи и юкагиры) (Там же). Несколько раньше русских на территории северной Якутии оказались якуты, принесшие практики животноводства (в виде скотоводства и коневодства) (Миддендорф 1878).

Русское население появляется на реке Лене в 20–30-е годы XVII в. Продвижение в Восточную Сибирь осуществлялось двумя путями: северным мангазейским по рекам Нижней Тунгуске, Чоне, Вилюю; и южным енисейским по рекам Ангаре, Илиму, Ленскому волоку и далее (Бахрушин, Токарев, Сафронов 1953: 16; Ионова 1945: 22). В этот период на сибирском побережье Ледовитого океана происходило создание цепочек русских арктических поселений, которые располагались «в устьях всех крупных рек — от Оби до Колымы» (Дьяченко 2014: 68) и были представлены обскими старожилами, усть-енисейскими, усть-оленекскими, усть-ленскими, усть-янскими крестьянами и другими группами. Некоторые из них достаточно быстро исчезли, ассимилировавшись с местным населением, другие сохраняли свою идентичность более длительное время. Как показывают данные оброчных книг, первопроходцы являлись преимущественно выходцами с территории европейского Севера России (новгородцы, кайгородцы, чердынцы, устюжане, вятичи, усольцы, мезенцы, белоозерцы, холмогорцы, пинежане и др.) (Гурвич 1963: 75).

Первыми в 30-х годах XVII в. на Лене появились малочисленные отряды служилых людей, за ними продвигались промысловики и торговые люди. Отправными точками миграции этих коллективов в Сибири были города Мангазея, Енисейск, Туруханск и др. (Белов 1955; Гурвич 1963: 73). В 20–30-х годах XVII в. число служилых людей весьма уступало количеству промышленников, которые в начале 1640-х годов осуществляли промысел пушного зверя на многочисленных северных реках: Амге, Витиме, Алдане, Вилюе, Лене, Оленьке, Яне, Индигирке (Бахрушин 1954). Основным объектом интереса землепроходцев являлась пушнина: ее добывали промысловики, служилые люди собирали «мягкое золото» в качестве ясака с коренных народов, а торговцы выменивали его на привозные товары. Политика государства того времени требовала интенсивного пополнения

[1] Следует отметить, что перечисляемые этнонимы не обозначают жестких закрытых групп, проблема этнической идентификации в районе существует и на современном этапе (см.: Вахтин и др. 2004), не говоря уже о запутанности ретроспективных этногенетических построений. В исторической части главы мы пользуемся этнонимами, понимая под ними «усредненный портрет» групп населения.

[2] См., например (Дьяченко 2005).

казны, и одним из ключевых способов достижения цели стала торговля дорогими мехами. Присоединение Сибири в этом контексте оказалось важным экономическим процессом, благодаря которому был кардинально увеличен ресурсный потенциал России конца XVI — XVII в. (Алексеев 1996: 10).

В качестве узлового пункта, из которого происходил дальнейший ход на север Якутии по «соболиным» рекам — Яне, Индигирке, Алазее и Колыме, — выступал Якутск. Искавшие заработка люди, несмотря на предстоящие трудности (иногда до желаемого места из Якутска добирались до полугода), стремились попасть ближе к «Студеному морю» в богатые пушными ресурсами края. Дополнительным стимулом движения вниз по течению служило стремление избежать конфликтов на почве промысловой деятельности с местным населением, проживавшим в районе Якутска. Проблема для русских промысловиков заключалась в том, что споры, как правило, решались администрацией в пользу ясачного (т.е. коренного) населения (Гурвич 1963: 78). Помимо промышленных людей в Арктику отправлялись служилые люди, выполнявшие государственные предписания. Процесс продвижения Российского государства сопровождался созданием небольших укрепленных поселений — зимовий с оборонительной стеной. Некоторые из них эволюционировали в остроги и города, другие со временем приходили в запустение (Алексеев 1996: 12; Крадин 1988: 74).

Первоначально путь пролегал по Лене, на которой в один год с Ленским острогом (впоследствии Якутском) на 770 км ниже по течению казаки основали Жиганское ясачное зимовье (1632 г.). Далее начался этап морских походов от устья Лены в Ледовитый океан: на реки Оленек, Яну, Индигирку, в которые служилые люди заходили с севера через устья рек, ставили зимовья и — зачастую после вооруженного противостояния с коренным населением — облагали его ясаком (Алексеев 1966: 11). В то же время происходило открытие сухопутных маршрутов из Якутска на северные реки (Бахрушин 1927; Окладников, Гоголев, Ащепков 1977; Алексеев 1996: 12). Кроме пушнины русских землепроходцев заинтересовали слухи о богатых месторождениях серебра, поэтому в начале 1640-х годов активизировалось продвижение с Индигирки на расположенные восточнее реки Алазея и Колыма, где по той же стратегии возводились зимовья и остроги и выстраивались контакты с местными жителями (Алексеев 1996: 14).

Путь к «заморским рекам» требовал значительных финансовых и организованных людских ресурсов, поэтому индивидуальные походы имели небольшие шансы на успех, так как ни социальными связями, ни необходимым снаряжением одиночки не обладали. К тому же вставал вопрос о приписке прибывающих людей, поскольку существовала контрольно-пропускная система (Бахрушин 1954). Следовательно, отряды промысловиков (не говоря уже о служилых людях, поддерживавшихся государством) должны были иметь покровительство, которое они и находили у крупных предпринимателей (Там же: 139). Для того чтобы оправдать расходы и заработать желаемое, требовалось пробыть в Ленском воеводстве не менее трех лет. Гарнизоны острогов и зимовий в 30–40-е годы XVII в. менялись ежегодно, а в 50-е годы служилые люди находились там уже минимум

три-пять лет (Гурвич 1963: 76). По другим источникам, в 1670-е годы на Алазее срок службы приказного человека составлял, как правило, два года (Савинов 2020: 42). В период наибольшего расцвета промысловой деятельности в середине XVII в. на северных реках проживало не менее 1200 представителей Российского государства (Гурвич 1963: 76).

Весьма успешное с экономической точки зрения освоение высоких широт сократило свои темпы роста во второй половине XVII в., причиной чего оказался перепромысел соболя (Алексеев 1996: 65). Купцам стало невыгодно снаряжать дорогостоящие экспедиции в Восточную Сибирь, и в результате они уменьшили объем своей деятельности в регионе; промышленники тоже покидали арктические реки. К концу XVII в. русское население на севере Якутии значительно сократилось по сравнению с серединой того же столетия и составило приблизительно 700 человек (Гурвич 1963: 87–91), однако ему на смену активно продвигались посадские люди из Якутска (Колбасина 1998). Оказывавшиеся на севере группы претерпевали трансформацию сословной специфики, что можно охарактеризовать как проявление социальной адаптации: например, в конце XVII в. представители служилого сословия выполняли не только военно-административные функции, но также выступали в качестве промысловиков и торговцев (Алексеев 1996: 56).

Культурно-географическая характеристика региона была схожа с Европейским Севером, выходцами откуда являлись первые русские землепроходцы в Якутии: окраинное положение, изолированность, отсутствие помещичьего землевладения и крепостного права, тесная связь хозяйственного цикла с природой (Калуцков 2008: 169–172). Действительно, севернорусское население было хорошо знакомо с массовой добычей морской и речной рыбы, охотой на пушного зверя, также в лице соседей ненцев и коми-зырян они имели связи с оленеводами. Однако хозяйственные занятия русских в европейской части России были представлены намного шире (Дьяченко 2014: 71–72): у них существовали хорошо развитая торговля, добыча жемчуга, огородничество, земледелие (в основном выращивание ячменя и ржи), разведение крупного рогатого скота и коневодство; выделялись группы ремесленников, специализировавшиеся на конкретном виде деятельности и работавшие на рынок. Население Русского Севера знало о месторождениях железных руд, что приводило к развитию соответствующих промыслов; некоторые города (например, Сольвычегодск) специализировались в основном на добыче и обработке соли, для других главным занятием становилась железообработка. Из лесных работ в новгородских и архангельских землях производились заготовка и сплав леса, существовали дегтярный промысел, смолокурение. В деревнях выделялись группы сапожников, катальщиков валенок, кожевников, женщины зачастую занимались кружевоплетением и пр. (Русский Север: этническая история и народная культура 2001: 143).

На Индигирке и Колыме русские столкнулись с необходимостью перестраивать систему хозяйства в соответствии с новыми природными и социальными условиями. Многое из того, что они знали на родине, не находило применения в силу объективных причин (Там же). Основными занятиями русского населения

на севере Якутии становились охота и рыболовство, тесно переплетенные между собой (Дьяченко 2014: 69). Одна отрасль определяла другую: добыча рыбы была необходимым источником питания для людей и собак; последние служили незаменимыми помощниками охотников в пушном промысле, так как на собачьих упряжках ездили осматривать ловушки. Прибыль от продажи пушнины позволяла покупать невода, карбаса и т.д., без которых не удавалось добыть достаточного количества рыбы. На ранних этапах землепроходцы привозили в Сибирь севернорусский промысловый инвентарь: обметы на соболя, плашки, лыжи, кулемы и собак; также везли сукно, лыжную кожаную обувь, бараньи шубы и одеяла, лосиные и кобыльи камусы, пищали, топоры, медь, посуду, безмены, железные прутья, восковые свечи и многие другие предметы, которые частично входили в быт коренного населения (Гурвич 1963: 81).

Взаимоотношения пришлых и местных групп претерпели несколько этапов изменений, обусловленных природными факторами, административным влиянием, спецификой дипломатических, экономических и культурных связей. Промышленные и служилые люди на севере Якутии во второй и третьей четверти XVII в. существовали компактно и в значительной степени изолированно от коренного населения. Такое состояние исследователи объясняют частой ротацией обитателей острогов, не успевающих выстроить прочные социальные отношения с коренными жителями (Там же: 81). Тем не менее часть промышленных и служилых людей задерживались на территории острогов и промыслов, переплетаясь в социальном плане с индигенными группами. Процесс взаимоотношений активно выстраивался через ясачную систему, когда взамен приносимым шкурам соболей коренное население получало металлические изделия, бисер и т.д. в качестве подарков (Савинов 2020: 52–53). Другим механизмом воздействия на ясачных людей выступало аманатство, предполагавшее пленение отдельных представителей юкагирских или эвенских родов с целью давления на их родственников для получения пушнины (Там же: 52).

На ранних этапах продвижения Российского государства женитьба на представительницах местных народов не находила одобрения у властей, что было связано с рассмотрением потенциальных жен в качестве источника выплаты ясака (Гурвич 1963: 79). Брак разрешался при условии принятия невестой православия, однако креститься могла лишь ясырка — женщина, попавшая в плен в ходе военных действий (Там же: 79). Помимо этого контакты происходили в других сферах: якуты и юкагиры оказались хорошими проводниками для служилых людей, в то время как последние брали на себя роль защитников представителей данных народов от конкурентов в борьбе за локальные ресурсы (например, от групп чукотского населения), что способствовало выстраиванию неравномерных отношений с коренными жителями. Очевидно, распространение власти Российского государства встречало подчас активное сопротивление со стороны людей, в чьи земли оно приходило. В нижнем течении Индигирки, Колымы, на Анадыре русские встретились с юкагирами, эвенками, эвенами, якутами, чукчами; как известно из истории присоединения Сибири, наиболее непримиримыми оказа-

лись последние. Самое раннее упоминание о них содержится в отчете Михаила Стадухина о походе на Колыму в 40-х годах XVII в. (Богораз 1934: 32–79). Активная фаза конфликтов продолжалась до 70-х годов XVIII в. Противостояние пошло на спад, когда желание императрицы Екатерины II о немедленном включении чукчей в состав Российского государства было исполнено посредством заключения Гижигинского договора о принятии чукчами русского подданства (Карих 2008: 101). По этому договору чукчи получали значительные привилегии в сравнении с соседними эвенами и юкагирами: им предоставлялось право иметь собственный суд, жить по своим законам и платить ясак по желанию, что было подтверждено в 1822 г. «Уставом об управлении инородцев».

Закрепление на новых землях требовало выстраивания комплексных отношений с местными сообществами, а также между разными социальными и территориальными группами, представлявшими Российское государство. Большую роль в этом плане сыграли практики обмена, первоначально представленные плохо организованной торговлей на невыгодных для коренных жителей условиях, что привело к административному запрету на свободную торговлю с «кочевыми и бродячими инородцами», который, однако, часто игнорировался (Боякова 2001: 51). Постепенно появлялись зоны регламентированного обмена, в качестве которых выступали ярмарки (Белов 1956: 75). Государственная и частная торговля на уровне острогов и зимовий способствовала складыванию товарно-денежных отношений в регионе, в результате (и процессе) чего менялись потоки распределения благ в среде коренного населения (Алексеев 1996: 61). С одной стороны предметами обмена выступали песцовые, соболиные, оленьи шкуры, моржовый клык, нарты (Гурвич 1963: 81), а с другой — медь, олово, бисер, сукно, полотно, шелк, огнестрельное оружие (запрет на продажу оружия «ясачным народам» был снят только в 1763 г., однако и в дальнейшем существовали трудности в его приобретении) и т.д. (Алексеев 1996: 61–62).

Со временем статус и значение ярмарок возросли, а наиболее активно торговые контакты развивались на Колыме. Экономическая деятельность оказалась одним из основных методов объединения пестрой социальной картины региона, в значительной степени через нее были стабилизированы отношения с чукчами и произошло включение Чукотки в состав России. Важным социально-экономическим явлением стала Анюйская ярмарка, проходившая примерно в 200 верстах от Нижнеколымска с 1760-х годов. Ежегодно на нее съезжались представители коренного населения, среди которых наибольшей предприимчивостью выделялись чукчи, привозившие товары с американского побережья: шкуры выдр, бобров, оленей, куниц, чернобурых лисиц, моржовые клыки, нарты, полозья из китовых ребер, мешки из тюленьей кожи (Карих 2008). Кроме жителей Колымы, Индигирки и Анадыря на ярмарку приезжали купцы из Якутска с «русскими» товарами — наибольшим спросом у чукчей пользовались металлические изделия (ножи, топоры, пальмы, котлы) и черкасский табак (Там же: 101). Приобретенным они снабжали весь крайний Северо-Восток, Алеутские острова и Аляску, на острова они также везли пушнину и обменивали ее у эскимосов на американские

товары. Важный статус локального экономического центра Анюйская ярмарка сохраняла вплоть до продажи Аляски США (Там же: 101–102).

Влияние со стороны коренных народов отразилось в распространении среди русского населения таких промыслов, как охота на оленя во время переправы через реку и гусевание (массовый лов гусей во время линьки) (Зензинов 1914: 56–58). Русскоустьинцами и походчанами (жители Русского Устья и Походска соответственно) были заимствованы типы жилищ местного населения: *балаган* и *ураса*. Вырабатываемый в течение длительного времени опыт адаптации к специфике местности, объективированный в одежде и системе питания, также перенимался землепроходцами и их потомками, которые носили малицы, ровдужные штаны, парки, камлейки, торбаса и другие типы изделий. Пища русского населения со временем стала совпадать с местной: популярностью пользовалась оленина, широко распространенными рыбными блюдами были юкола и строганина (Богораз 1901; Зензинов 1914; Народы Сибири 1956; Фольклор Русского Устья 1986; Чикачев 1990; Алексеев 1996).

Универсальными предметами русской культуры, заимствованными практически всеми группами коренных жителей, стали средства охоты: в XIX в. у большинства населения региона луки и гарпуны оказались вытеснены ружьями (охотники на морского зверя испытывали в том числе влияние американских торговцев); активно заимствовались сети-пущальни, ловушки на пушного зверя — «пасти», тип лодок — карбасы и разновидности веток, массово приобретались металлические изделия (топоры, котлы); в локальную среду проникали элементы питания русских, такие как хлеб, мука, сахар, чай; большой популярностью пользовался табак; трансформировался костюм коренных жителей, его атрибутами стали пиджаки, жилеты, брюки, у женщин вошли в обиход юбки и кофты (Народы Сибири 1956; Боякова 2001: 45, 48); также имело место влияние в сфере организации жилых построек. Повсеместно практиковался пушной промысел, тесно сопряженный с товарно-денежными отношениями; под влиянием новых социально-экономических реалий местное население интенсифицировало добычу пушнины (Алексеев 1996: 56). Следует отметить, что не только русское население было проводником новых элементов в локальный быт, но и якуты, обладавшие разветвленным комплексом ремесел, принесли на Север нехарактерный ранее для высоких широт тип жилища (*балаган*), железные орудия труда, кожаные изделия и т.д., а якутский язык в XIX в. стал межнациональным в рассматриваемом регионе (Боякова 2001: 53).

Также помимо компонентного состава материальной культуры и ее статуса с течением времени менялись характер и содержание социальных процессов. Распространенная с приходом Российского государства торговая деятельность, избирательный подход в реализуемой политике к разным группам населения приводили к тому, что некоторые общности оказывались в критическом состоянии. Например, дарование многочисленных привилегий чукотскому населению явилось одной из причин формирования в их хозяйственной структуре крупностадного оленеводства и дальнейшего продвижения оленных чукчей на запад

в поисках пастбищ. В свою очередь, это обусловило изменение маршрутов миграций дикого оленя, что повлекло учащение периодов голода среди юкагиров, специализировавшихся на охоте на дикого оленя. Но в то же время чукчи-оленеводы, обладавшие в новых условиях крупными стадами, снабжали олениной голодающих жителей Колымы (Там же: 32, 43, 46–47).

Таким образом, за период с XVII по конец XIX в. хозяйственно-культурные аспекты жителей северной Якутии значительно трансформировались. В результате сокращения объектов промысла происходило освоение новых земель: с конца XVIII — начала XIX в. русские и якутские промышленники приступили к освоению островов Северного Ледовитого океана, где они охотились на песца и собирали мамонтовую кость. Увеличение численности населения в регионе привело к резкому сокращению популяций дикого оленя, мясо которого было основным источником питания юкагиров, эвенов и отчасти русских старожилов. Вследствие этого прекратился массовый забой животных на переправах; однако сокращение численности диких оленей сопровождалось у некоторых народов увеличением роли оленеводства. Под влиянием русского населения среди коренных жителей, преимущественно эвенов и якутов, распространились отхожие промыслы, такие как извоз и почтовая гоньба (Там же: 45, 51). Отдельные группы юкагиров в результате исчезновения диких оленей стали специализироваться на изготовлении карбасов (навыки строительства которых были получены ими у русских) и продаже их русскому населению Колымы (Там же). Складывались новые формы отношений, приводившие к изменениям использования пространства, формированию отсутствовавших ранее энергетических режимов и связей (Klokov 2019c).

В данном параграфе была представлена история формирования в регионе социальной среды в ходе включения территорий в состав России. Этот процесс сопровождался сочетанием разных конфигураций отношений, проявленных в административно-территориальной системе, выстраивании контактов между социальными группами, распределении материальных благ и пр. Служилые и промышленные отряды создавали форпосты в виде зимовий и острогов, которые «привязывали» их к точкам в пространстве, вокруг которых простиралась упорядочиваемая ими периферия «ясачных народов». Русское население и способ вхождения Российского государства на север Якутии характеризовала большая привязанность к месту, из которого происходил контакт с локальным внешним миром: на территории зимовья находились жилые и складские постройки, обнесенные частоколом, строились церкви и часовни, аккумулировались ресурсы (Алексеев 1996; Савинов 2020: 45). Служилые люди не могли внезапно уйти с территории, перекочевать на соседнюю реку, как то делали, например, местные юкагиры, потому что у них было обязательство — собирать ясак, а в остроге находился «государев казеной амбар», содержимое которого было недопустимо подвергать риску (Савинов 2020: 45, 49).

Следует внести несколько уточнений по поводу мобильности русского населения на примере Алазейского зимовья. Проживавшие на его территории приказные лица, выполнявшие обязанности главы поселения, в XVII в. менялись в

среднем каждые два года; казаки, обеспечивавшие безопасность казны, оставались на более длительный период (около 10 лет). Через определенный промежуток времени (два года или более) отряд служилых людей с собранным ясаком направлялся в Якутск, где, как правило, происходила смена состава, и на север отправлялась другая партия казаков. Что касается промысловиков, некоторые из них жили на территории административного зимовья, другие организовывали автономные заимки, практикуя охоту на пушного зверя. Следовательно, характер их деятельности предполагал постоянные перемещения по тундре и лесотундре для установки ловушек, капканов и сбора добычи. Администрация зимовья и казаки тоже занимались охотой и рыболовством, и чем дольше они находились на Севере, тем сильнее вовлекались в данные занятия. Помимо перечисленных групп на северные реки из Якутска регулярно прибывали торговцы для проведения сделок с промышленными, служилыми людьми и коренным населением (Савинов 2020). Приведенные примеры показывают, что жителей острогов и зимовий нельзя в полной мере назвать оседлыми и приписать им исключительно оседлые варианты мобильности. Организация форпостов в период продвижения на северо-восток Сибири сама по себе являлась следствием и условием мобильности Российского государства; наличие неподвижных точек-поселений было возможно лишь в контексте постоянной циркуляции потоков людей и ресурсов из Якутска и локального ландшафта обратно в столицу воеводства и в среду коренного населения. Оседлость существовала не как имманентное свойство (присущее человеку или группе в качестве некоего атрибута культуры), но становилась отражением связей служилых и промышленных людей с местными жителями, экологическими условиями, феноменом зимовья, ценностями, которые в нем хранились, поставленными перед землепроходцами задачами (собирать ясак и доставлять в якутскую казну). Она представляла собой не изолированный параметр, а конфигурацию отношений, необходимых для реализации текущих целей, которую при другом режиме мобильности/использования пространства воплотить бы не удалось.

Напротив, эвены, юкагиры и якуты-оленеводы, как правило, рассредотачивались по местности, а форма их повседневной деятельности не была столь жестко скоррелирована с конкретным точечным локусом (Иохельсон 2005). Другой формат отношений демонстрируют оседлые якуты-скотоводы. А.Н. Алексеев предполагает, что прекращение мореплавания из Якутска на Колыму в 1680-х годах связано не с оттоком русского населения в связи с перепромыслом соболя, но объясняется созданием более привлекательных условий для наземного перемещения. Действительно, во второй половине XVII в. наблюдается уход служилых и промышленных людей с территории северных рек в связи с резким уменьшением популяции соболя, но в то же время в районах Индигирки, Алазеи и Колымы увеличивается количество якутов-скотоводов, создающих цепи оседлых хуторов (аласов), жители которых часто общались между собой. «Соответственно, между ближайшими хуторами-аласами начали возникать отрезки локальных дорог, которые, постепенно соединяясь друг с другом, в конечном итоге обусловили появление дороги, связавшей по сухопутью Колыму с Центральной Якутией» (Алексеев 1996: 65–66).

Со временем менялся способ привязки социальных групп к определенным видам ресурсов, трансформировался характер самой связи, четко определяемые хозяйственно-культурные типы размывались. Посредством развивающейся торговли в регион попадали китайские, американские товары, не говоря уже о нетипичных ранее для локальной среды «русских» и «якутских» предметах. Время шло, и для каждого этапа становилась характерной актуализация специфических вариантов ресурсов: «пушная лихорадка» XVII в. (Алексеев 1996: 56) привела к массовому истреблению соболя, что вынуждало промышленников осваивать новые территории и объекты добычи (например, в конце XVIII в. в сеть торговых отношений вошла мамонтовая кость (Боякова 2001: 45)), делать больший акцент на второстепенных формах хозяйственной активности (Алексеев 1996: 57).

Советский период привел к значительным переменам в особенностях жизнедеятельности населения территории. После 1917 г. начались масштабные преобразования, связанные с переделами земельных участков, раскулачиванием, коллективизацией и пр. (Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) 1983: 3, 192; Атласов 1992: 9; Биркенгоф 1972: 29–30). Активно развивалась инфраструктура, происходило строительство дорог, создание поселков, аэропортов, открывались дома культуры, школы и детские сады. Административные указания носили подчас экспериментальный характер, не учитывающий местных социально-природных особенностей (Вахтин и др. 2004: 220–221). По словам информантов, политика перевода на оседлость, выражавшаяся, например, в создании населенных пунктов, интернатов для детей оленеводов, проводилась не форсированно: многие респонденты старшего возраста (от 50 лет) в молодости еще вели кочевой образ жизни и с удовольствием рассказывают о своем номадическом прошлом. Оленеводство в исследуемом регионе существует до сих пор, хотя, безусловно, доля этого типа хозяйства в общей структуре жизнедеятельности современного населения гораздо меньше по сравнению с дореволюционным и советским периодами (ПМА Гончаров 2018; 2019).

В историческом срезе на севере Якутии встречались группы людей, представлявшие разные способы освоения пространства: оленеводы, рыболовы, охотники, скотоводы, земледельцы по-своему выстраивали контакты друг с другом, государством и окружающей средой, однако на всех этапах их объединяли похожие экологические условия существования, гибкость и подвижность формирования отношений с динамичными параметрами окружающей среды, вариабельность социальных ролей, поиск новых способов жизнеобеспечения и образцы творческого осмысления повседневности.

6.2.
Люди и ресурсы. Взгляд вблизи

Подход описания социальных явлений, представленный в предыдущем параграфе, позволяет очертить рамки происходящего и в общих чертах показать процессы, протекавшие в исторической перспективе. Однако он имеет значи-

тельные ограничения, поскольку упускает действия и мотивации, которые существуют в настоящее время. Взгляд издалека мало учитывает конкретного человека с его повседневными практиками, словами и переживаниями в отношении множества окружающих объектов. Способы связей между людьми и ресурсами реализуются на нескольких уровнях, один и тот же объект не имеет конечного набора форм осмысления и функционирования (Мол 2017), но встраивается в подвижные варианты отношений, обладающие собственными пространственно-временными и иными параметрами. Данная множественность с трудом просматривается издалека, поскольку отстраненное описание, без перехода к определенным лицам и предметам предполагает оперирование словами-обобщениями. Когда используются термины «охотники и собиратели», «оленеводы», «служилые и промышленные люди», «торговля», «культурные особенности» и даже «социальное», то нивелируется необходимость анализировать детали в микромасштабе, так как элементы уже образовали устойчивые сочетания путем использования генерализирующих понятий. То же относится и к категоричному употреблению этнонимов. Поэтому, чтобы проследить, как и из чего формируются широкие контексты, структурирующие глобальную повестку, уделим внимание выстраиванию взаимодействий между людьми и ресурсами на локальном уровне.

6.2.1. *Аллаиховский улус*

Используются материалы двух экспедиций, проходивших на территории Аллаиховского и Жиганского улусов. Охарактеризуем первый из них на примере пос. Чокурдах и с. Русское Устье, где проводились полевые работы. На 1 января 2020 г. население Аллаиховского улуса составляло 2697 человек (см.: Численность населения РФ 2020)[3]. Административным центром района является поселок Чокурдах (2077 человек), основанный в 1936 г. Его жители заняты преимущественно в социальной и административной сферах, ЖКХ, частной торговле, рыболовстве. На территории поселка более 15 магазинов, функционируют средняя общеобразовательная школа, интернат, детские сады, аэропорт, дом культуры, библиотека, музей (Аллаиховский музей природы тундры и охотничьего

[3] Здесь и далее приведены оценки численности населения на 1 января 2020 г., взятые с сайта Федеральной службы государственной статистики. Как сообщается на сайте, «оценка численности населения — примерное определение числа жителей территории в период между переписями населения. В соответствии с действующей методологией (утверждена приказом Росстата от 03.06.2010 № 209) оценки численности населения на начало очередного года рассчитываются на основании итогов последней переписи населения, к которым ежегодно прибавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории. Сведения о муниципально-территориальном делении основаны на официальных документах, поступивших от органов власти субъектов Российской Федерации» (Численность населения РФ 2020).

промысла им. Д.А. Лебедева), дизельная электростанция, котельные, районная больница и иные объекты инфраструктуры. Основными видами промысловой деятельности выступают рыболовство и охота, институционализированные в производственные кооперативы. На территории района в советское время существовал совхоз «Аллаиховский» с подразделениями в населенных пунктах, однако в 1990-е годы в ходе усиления тенденций развития частной собственности он распался на ряд хозяйствующих субъектов: родовая община «Ойотунг», производственные кооперативы «Аллаиховский» и «Русское Устье». «Ойотунг», в свою очередь, разделился еще на ряд образований, в формировании которых важную роль играли индигенная идентичность и попытка отстаивания этнических и экономических интересов местных жителей. В настоящий момент экономически наиболее успешен производственный кооператив «Русское Устье», расположенный в одноименном селе и специализирующийся на рыболовстве. В с. Русское Устье проживает около 130 человек (точное число в администрации села назвать затруднились), там находится девятилетняя школа, детский сад, дом культуры, администрация, дизельная электростанция, котельная, общественная баня, два магазина, почта, контора рыболовецкой общины. Мужское население в подавляющем большинстве трудится в производственном кооперативе, женщины работают в школе, доме культуры, ЖКХ, на почте, в детском саду и администрации (ПМА Гончаров 2019).

В транспортном отношении район представляет собой труднодоступную часть Якутии, куда в летнее время из Якутска можно добраться лишь на самолете (расстояние по прямой 1360 км). Наряду с удаленностью и отсутствием дорог параметр изолированности усиливается дороговизной билетов (по данным на сентябрь 2019 г., билеты из Якутска в район или обратно стоили порядка 25 тыс. рублей) (ПМА Гончаров 2019). В снежное время года, когда позволяет застывшая поверхность рек и земли, действует автозимник, который в большей степени используется для завоза товаров и вывоза выловленной рыбы с целью ее сбыта. Навигация осуществляется двумя-тремя рейсами в год: из Якутска в Чокурдах приходят рефрижераторные суда в конце августа — сентябре (они идут вниз по Лене, далее по морю Лаптевых, затем Восточно-Сибирскому морю и заходят в устье р. Индигирки, что из-за обмеления не всегда удается сделать). В Чокурдахе имеются автомобильные дороги и активно используемый автотранспорт, которого нет (за исключением вездеходов) в Русском Устье по причине отсутствия дорог. Летом основное средство передвижения для русскоустьинцев и многих жителей Чокурдаха — лодки (как правило, «Крым» или «Казанки», функционирующие еще с советского времени): они связывают районный центр с остальными населенными пунктами улуса. Из Русского Устья в Чокурдах и обратно раз в неделю ходит рейсовая лодка, стоимость проезда в одну сторону — 1300 рублей. В зимний период (точнее, в снежный, начинающийся в октябре) главным видом транспорта во всем районе становятся снегоходы (ПМА Гончаров 2019).

6.2.2.
Жиганск

Поселок Жиганск, основанный в 1632 г. (в один год с Якутском) казаками Алексеем Архиповым и Лукой Яковлевым, выполняет роль административного центра одноименного района. Численность населения на 2018 г. достигала 3399 человек (Численность населения Российской Федерации 2018), в районе находится четыре населенных пункта, в которых суммарно проживает около 4222 человек (Там же). К ключевым объектам социальной инфраструктуры относятся котельные, электростанция, нефтебаза, детские сады, интернат, районная больница, дом культуры, библиотека, исторический музей, отделение полиции, суд, банк, почта, большое количество частных магазинов, впечатляющее своим масштабом здание районно-поселковой администрации, профессиональное образовательное учреждение (где можно освоить профессии портного, социального работника, оленевода), аэропорт (в советский период через него осуществлялась связь с более северными улусами, выполнялись рейсы из Жиганска в Оленек и Тикси; сейчас самолеты летают только в Якутск. По словам информантов, в 80-х годах прошлого века из поселка был осуществлен рейс в Грузию и обратно, в результате которого в улус привезли мандарины. В настоящее время штат аэропорта кардинально сократился и составляет около 150 человек по сравнению с 750 в 1980-х годах). Стержневыми сферами занятости выступают бюджетный сектор и торговля. Кроме этого, в Жиганском районе развито оленеводство, бригады оленеводов проводят практически круглый год на территории выпаса животных. Широко распространены и имеют большое значение с точки зрения аккумуляции пищевых ресурсов рыболовство и оленеводство, хотя и не в таких масштабах, как в Аллаиховском районе. С промысловой добычей местные жители поступают по-разному: делятся с родственниками и знакомыми, оставляют для себя, продают по налаженным каналам или сдают в государственные пункты приема. Характерным занятием является собирательство, а основным объектом сбора — голубика. По рассказам информантов, до 1991 г. многие жители держали крупный рогатый скот, однако в 2018 г. количество скотоводов составляло всего две семьи. Поселок сравнительно легкодоступен, расстояние между Жиганском и Якутском напрямую 610 км. Круглогодично из столицы республики сюда летают самолеты, зимой оборудован автозимник, с июня по октябрь курсирует теплоход, на котором несколько раз за лето также приезжают организованные туристические группы (ПМА Гончаров 2018).

6.2.3.
Как отношения образуют «сцепки»

В описанных выше условиях выстраиваются отношения между людьми и ресурсами. Рассмотрим подробнее механику этих формирований. Термин «сцепки», вынесенный в заголовок раздела, предполагает образование соединений из

оппозиции «А» и «Б», где под «А» подразумевается субъект действия, в то время как «Б» выступает используемым ресурсом или объектом соотношения. Однако в ходе этого объединения теряется распределение субъектных и объектных свойств, поскольку влияние происходит с обеих сторон, и вся «сцепка» уже играет роль новой единицы (Callon 2005: 3–4). Вопрос состоит в том, каким образом объекты включаются в действие, обнаруживают себя, вовлекаясь в соотношение с человеком. Последний в таком случае выступает не как константная величина, но тоже представляет собой подвижное множество с задающейся, но не предзаданной «структурой» (Ingold 2018).

Обратимся к примеру С.К.[4]. Он родился и вырос в Русском Устье, получил среднее специальное образование в технической сфере, работал на дизельной электростанции до того, как попал в администрацию. Однако, даже будучи в новой должности, он продолжает выполнять функции электрика, к нему обращаются работники электростанции, ЖКХ, также его навыки оказываются полезными на бытовом уровне отдельным жителям. Место около гаража С.К. является точкой встречи и оживленных бесед мужского населения, где обычно С.К. занимается починкой и подготовкой снегоходов или нарт. Его навыки обращения с техникой ценятся населением, находят спрос у рыбаков, когда им требуется установить или починить мотор, к нему обращаются за консультацией по техническому состоянию снегоходов. Кроме того, С.К. выполняет роль водителя маршрутной лодки, следующей по курсу Русское Устье — Чокурдах — Русское Устье и являющейся в летнее время единственным вариантом транспорта, связывающего село с административным центром района. В одном из интервью он рельефно обнаружил свой «технический склад», сказав, что отношение к машинам и механизмам должно быть бережное, заботливое, к ним недопустим сугубо потребительский подход. В качестве примера был приведен его знакомый, который после поездок на снегоходе постоянно оставляет транспорт на улице, не производя технического осмотра и не заботясь о том, чтобы укрыть его от непогоды. Из-за такого отношения к технике товарищу С.К. «пришлось много по тундре походить», поскольку во время езды по бескрайним просторам Аллаихи снегоход неоднократно выходил из строя. Внимательное отношение С.К. к техническим объектам, их понимание отмечались как самим информантом, так и его знакомыми.

Но в то же время С.К. — слесарь, охотник, рыбак. Перечисленные варианты навыков не имеют жестких границ и переходят один в другой, соотносясь с ситуацией. Во многом такая разнонаправленная деятельность обусловлена недостатком кадров в районе. Каждый из навыков предполагает определенные характеристики, которые должна демонстрировать личность, но также в каждом случае предполагается соотношение со специфической средой, представленной набором материальных объектов, людей, поведенческих стереотипов и пр. Для конкретного навыка подходит уникальный набор объектов, и наоборот. Когда

[4] С целью сохранения анонимности информантов в тексте используются инициалы измененных имен и фамилий жителей населенных пунктов, где проводились экспедиционные исследования.

С.К. выступает в качестве административного лица, то чаще всего он находится в своем кабинете в установленное время в здании администрации, его одежда соответствует официальному стилю, он занимается нуждами населения, проблемами инфраструктуры, документацией и использует бюрократический «язык», на который переводит «язык» местной повседневности. Но возникают случаи, когда во время обеденного перерыва надо стать электриком или сантехником и лично на месте разобраться с бытовой проблемой, возникшей у кого-то из жителей села. Тогда «язык» общения с реалиями Русского Устья становится другим, С.К. тоже меняется: переодевается, идет в другое место, берет гаечный ключ или отвертку. Другая ситуация объединит его с рыбаками, поместит в контекст рыболовства, определит изменение действий. Во время экспедиции произошел инцидент, когда при заходе в узкую реку Шамановку, на которой швартуются местные жители, лодка вылетела на противоположный топкий берег. Навстречу плыла группа рыбаков, незамедлительно остановившаяся и причалившая, чтобы оказать помощь товарищам. Среди подоспевших на помощь четырех человек, примерно одинаково одетых, находился и С.К. В этой ситуации он был временно связан с коллективом друзей, когда лодку вытаскивали из трясины. Его внешний вид, речь, взаимодействие с другими людьми кардинально отличались от тех же атрибутов в администрации, и «объект» соотношения изменился — вместо поселка, трансформируемого в бюрократическое делопроизводство, им стали застрявшая лодка, группа знакомых, которым требуется помощь, «няша» (так местные жители называют илистый берег), в которой они завязли.

В связи с приведенными примерами встает вопрос о границе между явлениями. Демаркация социальных ролей человека (Гофман 2003) представляется гораздо более сложным действием, чем определение границы между двумя материальными объектами. Однако следует учитывать тот факт, что один объект, например лодка, может быть соотнесен с разными социальными ролями человека, в результате чего объект как бы раздваивается. В таком случае вопрос о границе между материальными феноменами усложняется, поскольку объект оказывается множествен, и выявление определенной его грани может служить задачей, решаемой только в контексте соотношений с субъектом действия и/или другими объектами. Следовательно, С.К. как рыбак неотделим от *рыболовецкой* лодки, но С.К. в роли лодочника, осуществляющего перевозки пассажиров между Русским Устьем и Чокурдахом, тоже связан с транспортным средством, однако на этот раз с *пассажирской маршрутной* лодкой (соответственно, и данные типы лодок неотделимы от ролей, в которых выступает человек), даже если физически это один и тот же объект. Когда С.К. приходит в администрацию села для выполнения своих профессиональных обязанностей, то и его окружение, включая людей с их действиями, материальные предметы, стиль общения, использование времени изменятся (лодка окажется не объектом непосредственного управления на воде, но превратится в официальную единицу учета, отраженную в документации Русско-Устьинского наслега, попав в иной контекст отношений). В этом случае мы

сталкиваемся с неразделимостью элементов, где отношения образуют «сцепки» и задают специфическую форму для обоих взаимодействующих полюсов («А» и «Б» становятся «А1-Б1», т.е. возникает соотношение определенных свойств объектов, а не объектов целиком). Подвижность конфигураций отношений создает потенциал включения ресурса в разные сочетания, интерпретируемые исследователями в качестве полифункциональности предметов, вещного минимализма и т.д. (Головнёв 2017: 13–14). Однако представляется не менее актуальным одновременно уделять внимание второму «полюсу связки» — человеку или группе людей, взаимодействующих с данной гранью объекта и играющих определенную социальную роль в конкретную единицу времени.

Полевой опыт демонстрирует множество примеров, развивающих изложенную выше мысль. В частности, это касается ситуаций, в которых происходит соотношение не одного человека и совокупности предметов, но группы людей и одного объекта или множества людей и нескольких элементов. Первый вариант может быть проиллюстрирован взаимодействием рыболовецкого звена из трех человек и невода. Неводной лов рыбы был принесен на территорию Аллаиховского улуса первыми русскими переселенцами, и с течением времени его заимствовали представители других социальных групп на Индигирке (Алексеев 1996: 60). Процесс рыболовства с использованием невода, как правило, требует участия троих действующих лиц (иногда достаточно двоих, но тогда процесс усложняется), каждый рыбак выполняет свою роль: тянет невод по берегу, опускает его в воду с лодки, управляет лодкой, но вместе они заняты исполнением общей роли рыболовецкого звена (этого трехсоставного «актера»-актора). Исторически менялись детали неводьбы: вместо лодки-карбаса (Алексеев 1996: 60) сейчас используются «эспээнки» (так местные жители называют лодки на слабом моторе, форма которых удобна для извлечения рыбы из невода и транспортировки на короткое расстояние); трансформировались гендерные роли: еще в середине прошлого века неводом рыбачили преимущественно женщины и дети, а для мужчин был характерен лов сетями (Чикачев 1990: 63, 65) (то же на период начала XX в. подтверждал В.М. Зензинов (1914: 31)), также женщины занимались изготовлением и ремонтом неводов (Чикачев 1990: 67). В.М. Зензинов (1914: 31) отмечал, что сетный лов стал прерогативой мужчин, поскольку установка и проверка сетей требовала искусного обращения с лодкой-веткой, с которой редко могли справиться женщины. В настоящее время в Чокурдахе и Русском Устье рыболовством в подавляющем большинстве случаев занимаются мужчины, а неводной лов характерен только для мужского населения, также как изготовление и починка орудия лова.

Следовательно, формирование «сцепки» отношений не является произвольным процессом. Объединение элементов соотношения представляет собой исторически обусловленный феномен, для его реализации от человека требуется набор навыков, а от «ресурса», т.е. объекта соотношения, потенциал, адекватный задачам человека или сообщества. Активизация связи рыбака и невода нереализуема без задействования рыболовецкого звена (состоящего из трех человек), и таким образом, элемент «А» складывается из трех рыбаков с распределенными

между ними обязанностями (Шахова 2013: 24–26). Рассредоточенные функции (Callon 2005) образуют «субъект» активизации невода, но и невод проявляет агентность в том плане, что побуждает людей к описанным действиям, продиктованным его спецификой (длиной, формой, материалом и пр.).

Случаи, когда группа людей взаимодействует с группой объектов, также распространены. В частности, это касается сферы ЖКХ. Поскольку жилищно-коммунальное хозяйство предполагает работу с многосоставной инженерной системой, то, соответственно, требуется определенное количество специалистов (Anand 2011; 2015). В ходе интервью сотрудники ЖКХ неоднократно замечали, что в селе не хватает кадров: «Киповцев[5] нет. Если что случается — звоним в Чокурдах, они приезжают… Хорошо бы нам электрослесаря еще»; или: «Вообще, мы друг другу все помогаем, потому что одному топливо не закачать, воду не закачать» (ПМА Гончаров 2019). В ЖКХ Русского Устья осенью 2019 г. работало девять человек, которых было явно недостаточно, поэтому сотрудники коммунальных служб при необходимости обращаются к профессионалам дизельной электростанции, к С.К., который, несмотря на занятость в администрации, обладает требующимися навыками электрослесаря для решения некоторых проблем ЖКХ, или вызывают специалистов из районного центра. Данный пример показывает, что существуют такие сложносоставные объекты, адекватное взаимодействие с которыми в рамках конкретных задач возможно только силами коллектива с соответствующими атрибутами.

Рис. 36. Сотрудники русскоустьинского ЖКХ в поисках пропавшего давления.
Село Русское Устье Аллаиховского района, Республика Саха (Якутия), 2019 г., фото Н.С. Гончарова

[5] Киповец — специалист, устанавливающий и обслуживающий контрольно-измерительные приборы и автоматические системы.

Подобная форма отношений с феноменами материального мира напоминает ситуацию контакта между юкагиром-охотником и двумя лосями в районе верхней Колымы, описанную Р. Виллерслевым. Исследователь сообщает, что охотник Спиридон двигался по заснеженной местности в следующем облачении: на его плечи была наброшена шкура лося мехом наружу, шапка напоминала верхнюю часть головы животного с характерными ушами, камусные лыжи имитировали звуки передвижения лося, и сама покачивающаяся походка Спиридона делала его похожим на объект охоты. Но в то же время под головным убором виднелось человеческое лицо. Смешение атрибутов человека и животного создавало нечто среднее; конечно, маскировка не превращала Спиридона в лося, но он становился и «не не-лосем» (Willerslev 2007: 1). Внезапно из-за кустов вышла самка сохатого с детенышем. Как пишет Виллерслев, заприметив охотника, она оказалась в замешательстве, поскольку не могла понять, кто перед ней, и, соответственно, пребывала в нерешительности относительно дальнейших действий. Тем временем Спиридон, движениями и внешним видом имитируя животного, подходил все ближе; через некоторое время, оказавшись на удобном расстоянии, он навел ружье и застрелил лосей. Позже охотник объяснял антропологу ситуацию таким образом: «Я увидел две танцующие фигуры, обратившие внимание на меня. Мать была прекрасной молодой женщиной, во время пения она произнесла: „Дорогой друг. Подойди, я возьму тебя за руку и приведу в наш дом“. На этих словах я убил обоих. Если бы я пошел за ней, я бы сам умер. Она бы меня убила» (Willerslev 2007: 1).

По Виллерслеву, такое проявление соотношения человека с объектами (животными, растениями, другими людьми и пр.), когда первый имитирует последних, но не теряет собственной идентичности, а скорее растворяет ее в промежуточном состоянии, можно назвать мимезисом (грубо говоря, подражанием; см.: Мимесис. БРЭ) (Willerslev 2007: 11–12). Мимезис, считает антрополог, является необходимым условием анимизма (Willerslev 2007: 12–13, 191), т.е. определенного мироощущения. Отличие такого подхода от понимания отношений с ресурсами-объектами, представленного в главе, состоит в том, что во втором случае миметические свойства проявляются и безотносительно онтологических вопросов: для обслуживания котельной, дизельной электростанции, использования невода или ружья требуется задействование набора навыков, соблюдение условий, выражающихся в подходящей одежде, движениях рук, ног, тела, головы, элементах вспомогательных материальных предметов. Система водоснабжения в Русском Устье «подобна» лосю, на которого охотился Спиридон, а применяемый сотрудниками ЖКХ способ взаимодействия с ней «соответствует» использованию лыж, головного убора и лосиной шкуры, имитирующих животное. В этом случае не происходит намеренного подражания объекту или их совокупности, но для эффективного контакта требуется соблюдение ряда условий, определяемых этими объектами.

Неразделенность существующих отношений выступает в качестве дополнительного ресурса, который встраивается в более широкий контекст и выступает

как новый ресурс, но на ином уровне (соотношение «A» и «Б» = «C», которое находится в отношении с «D»). Закрепленная в локальном масштабе практика рыболовства как связь людей с рекой, лодкой, инвентарем, рыбой входит в множество вариантов «потоков»: рыболовство в Жиганском и Аллаиховском улусах существовало в дореволюционный, советский периоды и сохраняется в настоящее время. Однако в каждом примере промысел «сцеплялся» с разными системами распределения ресурсов: в первом случае рыба была объектом локального пользования (Зензинов 1914), в советский период количество заготовляемой рыбы и ее реализация вписывались в плановую экономику, современный этап характеризуется включением традиционного рыболовецкого промысла в рыночные отношения (ПМА Гончаров 2019). На ином материале процесс использования устоявшихся местных «связок» в контексте капиталистической модели описан А.Л. Цзин и назван ею «утилизационным накоплением» (2017: 85–91).

6.2.4. *«Включение» / «выключение» ресурсов и границы их потенциала*

Одной из существенных проблем Российской Арктики называют мусор — как промышленный, накопленный преимущественно в советский период, так и образующийся в наши дни, с которым необходимо что-то делать для предотвращения пагубных экологических последствий (Соколов 2013; Мизин 2014). Эта проблема актуальна и для Якутии. В Чокурдахе и Русском Устье на улицах находится большое количество вышедшей из эксплуатации техники: старые вездеходы, самолеты, подъемные краны хаотично стоят в разных точках поселения или сконцентрированы на отдельных площадках в виде залежей металлолома. Также населенные пункты изобилуют ржавыми старыми бочками, арматурой, металлическими деталями, формирующими, с точки зрения стороннего наблюдателя, беспорядочный набор материальных объектов. Первоначально создается впечатление, что контекст функционирования, в котором существовали эти предметы, оказался «выключен» или «сломан» и, соответственно, перечисленные объекты были заброшены. Разрушение совхозной системы, отлаженных потоков снабжения, недостаток финансирования на поддержание и развитие инфраструктуры предполагали выход из употребления с последующим разрушением тех элементов материальной культуры, которые функционировали ранее.

Однако при взгляде с другой стороны, с позиции практической деятельности местного населения, не востребованные в режиме прежних отношений ресурсы задействуются в текущей повседневности арктических поселков. Ушедшая инфраструктура, породившая современный поселковый ландшафт, осваивается заново. Старая неработающая техника, бочки из-под топлива, лопнувшие радиаторные батареи и т.д. по причине территориальной изолированности, слабого снабжения и финансирования, в силу творческого подхода местных жителей подвергаются вторичному использованию (Давыдов 2018а): бочки выполняют функции коптильни для рыбы или теплоизолятора для системы отопления (по-

следняя, в свою очередь, становится пешеходной тропой); старые батареи формируют дорожки для перемещения, актуальные в период обильных осадков; списанные вертолетные лопасти становятся важным компонентом при изготовлении полозьев нарт. Полевые данные свидетельствуют о том, что вещи обладают функциональной пластичностью, а люди, использующие их, демонстрируют постоянный креативный процесс, самостоятельно адаптируя и преобразуя сосуществующие с ними объекты и их элементы. Вещи, утратив былой контекст, меняют свою функцию иногда настолько, что становится трудно дать им определение: например, в Русском Устье существует серьезная проблема оврагообразования, буквально разрушающего поселок. Для борьбы с негативным геологическим процессом население использует мусор, засыпая овраги бытовыми отходами. Таким образом, исключенные из поля «полезной» функциональности вещи становятся не мусором, но своеобразным строительным материалом, способом сдерживания нежелательных геологических явлений; ранее классифицированные как «бытовые отходы», они снова включаются в функционирование.

Характеризуя современный подход к ресурсам былой инфраструктуры, отметим, что его можно отнести к ситуации «индуцирования различий» в противоположность «продуцированию», пользуясь терминами А. Лефевра (2015: 362–363). Сегодняшнему состоянию жителей поселков свойственно использование объектов разных «систем» (остатки инфраструктуры советского периода, пространство рыночной экономики и пр.) с целью поддержания повседневной жизни без создания принципиально отличных от текущего состояния событий и феноменов. В администрации Чокурдаха сообщали, что уровень финансирования дотационных арктических регионов Якутии не позволяет развивать существующую инфраструктуру или создавать кардинально новые объекты, поэтому наиболее благоприятным сценарием становится поддержание функционирования того, что имеется (ПМА Гончаров 2019). Такая ситуация и называется «индуцированием» различий, т.е. использованием существующих ресурсов и «оресурсвлением» «выключенных» объектов для формирования привычной повседневности. Поржавевшие вертолеты, самолеты, внедорожники, первоначально появившиеся в рамках «продуцирования» различий в советский период, перестали быть вертолетами и самолетами, но также они не являются «мусором», «индуцируя» повседневность в качестве полозьев и иных деталей для нарт, шарниров гаражных дверей, балков, сделанных из цистерн для топлива, и пр., обнаруживая вещную полифункциональность (Головнёв и др. 2018).

Ресурсный потенциал вещи является одной из ключевых тем при описании коренного населения Севера и Сибири (Арзютов, Окотэтто 2018; Головнёв и др. 2018). Раскрытие множественных стратегий использования одного и того же предмета оказывается необходимым в условиях ограниченного выбора ресурсов и труднодоступности региона. Но в данной главе под полифункциональностью понимается не разнообразие прикладных в узком смысле способов использования объектов, а их потенциально неограниченная роль в жизни сообщества. М. Стратерн писала, что любое изменение масштаба в антропологической рабо-

те, т.е. смена детализации рассмотрения феноменов, всегда будет приводить лишь к частичному (partial) описанию данных явлений, поскольку каждый взгляд открывает новые отношения и связи (Strathern 2004: XIV). Следовательно, феномены обладают потенциалом, который проблематично рассчитать и строго определить, так как существуют разные точки зрения и способы восприятия объектов. Такой же спецификой обладают отношения с ресурсами у населения северной Якутии. Приведем несколько примеров.

Жители региона в настоящее время, как и раньше, активно используют оленью шкуру. Она идет на изготовление унтов, парок, служит материалом для сувенирной продукции, но наиболее распространена ее функция коврика для сидения во время передвижения на лодках, а также одеяла и матраса во время сна на рыболовецких и охотничьих участках. Р.Р. рассказал историю о том, как одолжил товарищу (назовем его И.И.) оленью шкуру. Через некоторое время он поинтересовался, не мог бы тот вернуть одолженное, на что товарищ ответил, что за время использования вещь настолько промокла и отсырела (от дождя или речной воды), что он счел ее более непригодной для использования и выбросил. Причем И.И. говорил это очень спокойно, как нечто само собой разумеющееся, чем вызвал негативные эмоции Р.Р. Информант, объясняя возникшую ситуацию, отмечал, что для него оленья шкура представляет собой гораздо больше, чем просто полезный материальный предмет: «Она всегда со мной была, на рыбалке, на охоте; она помогала мне, согревала меня, я благодарил ее»; шкура в определенном смысле оказывается связанной с удачей на промысле, рыбалке, способствует благополучному перемещению по воде и тундре. Р.Р. сообщил о своем особом отношении к оленьим шкурам вообще — он их самостоятельно обрабатывает, хранит в специально отведенном месте, бережно использует, а когда приходит пора изъять из употребления отслужившую вещь, информант совершает определенные действия обрядового характера и только после этого считает себя вправе утилизировать предмет.

Далее приведем пример, связанный с использованием рыбы. Рыболовство остается ключевым промысловым занятием населения северной Якутии. Многочисленные виды рыб, такие как чир, омуль, нельма, муксун, ряпушка, выступают важным (или основным) экономическим ресурсом, благодаря которому поддерживают свое существование жители северных поселений. Крайне высоко ее значение в качестве пищевого ресурса. Длительное время проживания в условиях сравнительного ресурсного минимализма привело к появлению множества способов обработки, приготовления и консервации рыбы (Давыдова 2019). А.Г. Чикачев писал о том, что русскоустьинцам было известно не менее 30 названий рыбных блюд (1990: 87), еще во второй половине XX в. бытовало употребление квашеной рыбы, обусловленное ее полезными свойствами (Каменецкая 1986: 341). Универсальными способами обработки на территории Аллаиховского района остаются копчение, вяление и заморозка на строганину. Изощренность местных кулинаров позволяет готовить пироги, у которых тесто и начинка полностью приготовлены из рыбы (например, русскоустьинское *тельно*).

Рис. 37. М.Н. чинит нартенные полозья из вертолетных лопастей. Село Русское Устье Аллаиховского района, Республика Саха (Якутия), 2019 г., фото Н.С. Гончарова

Однако потенциал ресурса не ограничивается сферой обмена или материального потребления. Символическая роль рыбы в нарративах местных жителей многогранна; связанные с ней сюжеты выступают в качестве репрезентации различных аспектов социальной жизни, вызывают рефлексивные акты, например маркирование этнокультурной общности. Для русскоустьинцев в этом плане актуально упомянутое выше *тельно*, которое воспринимается и определяется как традиционное кушанье, сохранившееся от далеких предков. Не раз представители коренного населения подчеркивали связь с рыбой именно эвенского народа: «Мы же от рыбы зависим: у нас картошки нет… Мы бедные, откуда мы можем покупать? Денег нет», а рыбу ели наши предки (ПМА Гончаров 2019). Кроме того, через данный ресурс осуществляется манифестация этнической группы в юридическом аспекте. Обобщенно, опираясь на полевые материалы, это можно выразить следующими словами: «Мы представители коренного малочисленного народа, эвены, и нам нужно есть рыбу, чтобы быть эвенами, но нам препятствуют юридическими ограничениями на вылов». Посредством этого ресурса местное население производит территориальные разграничения: русскоустьинцы со-

общают, что именно их рыба самая вкусная едва ли не во всей Якутии; вкусовые качества чира, омуля, нельмы и муксуна в Чокурдахе, расположенном 120 километрами выше по течению, значительно уступают ей: «Там, [в Чокурдахе], такой рыбы нету, как здесь. Даже тут вот на каждом озере. Раньше озёра богатые были. У каждого озера своя рыба, свой вкус… здесь намного вкуснее… чище. А там покатная и такая вот — ну, плохая рыба, здесь не считается. Здесь ту рыбу не считают за рыбу» (ПМА Гончаров 2019). Помимо перечисленных характеристик и контекстов использования рыба проявляет и целебные свойства. В Жиганском районе был записан обряд исцеления женщины, тяжело больной гепатитом, при помощи щуки, имевший место в 60-х годах прошлого века. Как было сказано информантом, после выздоровления женщина более никогда не употребляла щуку, поскольку среди местного населения существует представление о том, что недопустимо есть мясо того животного, благодаря которому человек выздоровел (ПМА Гончаров 2018).

Кроме приведенных примеров рыба также фигурирует в локальном фольклоре (Фольклор Русского Устья 1986), выступает одним из основных вариантов подарков как приезжим гостям, так и проживающим за пределами района родственникам (в улусном аэропорту часто можно встретить людей, желающих передать с улетающими рыбный гостинец родственникам в Якутск), становится объектом многочисленных историй, локальных исследований, наталкивает на размышления о климатических изменениях и пр.

«Незавершенность» объектов-ресурсов (Strathern 2004: XIV) предполагает их расширенное использование, варианты адаптации, выходящие за первоначально обнаруживаемый в них функционал. Тогда абстрактная множественность становится источником дополнительных утилитарных приложений. Например, в Русском Устье практиковалось выращивание картофеля на крыше балка; в настоящее время повсеместной практикой в улусе выступает «подоконничное» земледелие, дающее урожаи лука, перца, помидоров и огурцов. В Чокурдахе с 1980-х годов по 2005 г. существовала теплица, где выращивали помидоры и огурцы, распространявшиеся по району. Теплица находилась при дизельной электростанции, избыток вырабатываемой ею энергии позволял обеспечивать необходимый тепловой режим для нормального роста овощей в Заполярье. К такому же типу использования ресурсов относятся некоторые гибридные формы хозяйственной деятельности (Hybrid Communities 2018), когда следствия одной отрасли используются для реализации другой: так, для более эффективного роста овощей местные жители используют навоз с территории существовавшей ранее свинофермы (ПМА Гончаров 2019). Перечисленные примеры показывают, что объекты, обладающие определенным набором функций и вписанные в привычные рамки функционирования (например, балок используется для хранения хозяйственного инвентаря и продуктов), могут проявить новые свойства в ином контексте отношений (или произвести условия для их проявления)[6]. Такая осо-

[6] Об инфраструктурных элементах, создающих условия (аффордансы) их использования, на сибирском материале см. (Давыдова, Давыдов 2020).

бенность отношений между объектами определена М. Стратерн как «мерографические связи» (1992).

«Иной контекст» не обязательно находится в территориально-временной удаленности, он может присутствовать здесь же. Например, оптимальные условия использования невода, как указывалось выше, предполагают наличие трех рыбаков с четко определенными ролями. Действия совершаются синхронно в одном физическом пространстве с применением единого рыболовецкого инструмента. Однако каждый рыбак соотнесен с ним по-своему, обладает собственным микропространством, временем на совершение требуемых действий и механикой поведения, которые определяют деятельность других рыбаков, а также определяются ею. Человеку, тянущему лямку невода по берегу, следует перемещаться с такой же скоростью, с которой идет лодка, и наоборот; рыбак, опускающий невод в воду, соотносится со скоростью движения звена (на разных участках реки скорость различается). Один из них идет, другой отвечает за скорость и руление, третий за то, чтобы вовремя погружать невод в воду и не дать ему запутаться, но ходьба, руление, движение лодки и погружение орудия лова находятся в неразрывной связке, определяемой неводом. Единый предмет при одинаковом типе воздействия на него (физическом) создает несколько контекстов отношений.

Следующий пример показывает, как объект синхронно входит в нетождественные контексты отличающихся пространств. В середине сентября 2019 г. лодка, за рулем которой находился С.К., выполняла обычный рейс из Русского Устья в Чокурдах. В пути произошла поломка, в результате которой вначале была потеряна скорость, а впоследствии транспортное средство заглохло окончательно. С.К. несколько раз причаливал к берегу, раскручивал мотор, пытаясь обнаружить причину поломки, но безуспешно. Пассажиры начинали вспоминать и озвучивать свой опыт передвижения на этой лодке, который ранее был вполне успешным, они высказывали догадки по поводу возможных причин произошедшего инцидента: кто-то рассуждал о физическом состоянии двигателя, другие осведомлялись у гостя района, бывшего на борту, «покормил» ли он реку. После очередного затухания тяги юный пассажир, по совету взрослых, стал читать православную молитву, обращаясь к сверхъестественной силе, для того чтобы мотор заработал и люди смогли добраться до запланированного места. Через некоторое время на горизонте появилась еще одна лодка, водитель которой отбуксировал неисправный транспорт к берегу, пересадил к себе женщин с ребенком и отправился далее в Чокурдах. Спустя 20 минут С.К. все-таки удалось починить двигатель, и оставшиеся пассажиры были доставлены в пункт следования. Как видно, одна лодка для группы людей в единицу времени представляет собой объект с разными свойствами; продемонстрированные способы соотношения с ней: через починку, воспоминания, словесный поиск причин поломки, молитву — проявляют разные пространства взаимодействия, которые существуют одномоментно. Через них собирается многомерное пространство несоизмеримых отношений, соотносимых и удерживаемых объектом.

6.2.5.
Как «сцепки» отношений обретают пространство и время

Выше анализировались некоторые варианты связей людей и ресурсов, а также способы актуализации ресурсного потенциала. В приведенных примерах умышленно сделан акцент на соединениях, будто бы существующих автономно: независимый рыбак использует автономную лодку для неводного рыболовства, человек бережно относится к шкуре оленя, которая для него больше, чем просто утилитарный предмет, избыточная энергия электростанции создает условия для функционирования теплицы и пр. Подобный прием «высвечивания» взаимодействующих пар «покрывает тенью» условия их существования, т.е. всю сумму отношений. Если «следовать за самими акторами» (Латур 2020: 89), откроются связки взаимодействий, цепляние одних соединений за другие: вылов рыбы установлен отношениями рыбаков с руководством производственных кооперативов, которые, в свою очередь, имеют дело с федеральным агентством по рыболовству, налаживают каналы сбыта улова в Якутск, далее рыба распределяется по городским ресторанам, реализуется на рынках, отправляется в другие регионы; помимо данной последовательности рыбак связан с товарищами по бригаде, заимкой, рыболовецкими инструментами, своей семьей, жизнью поселка. Процесс отношений разворачивается в пространстве и времени, производя линии существования связей (как «нет такого места, о котором можно было бы сказать, что оно „нелокально“» (Латур 2020: 251), так, предположим, не существует «нелокальных» отношений). Прослеживание и совмещение линий имеют практическое значение, так как через них создается панорама отношений, позволяющая более детально рассуждать о потоках и ресурсах, формирующих и поддерживающих жизнедеятельность людей в населенных пунктах, и принимать прикладные решения, основываясь на детализированных данных.

Но для более полной фиксации отношений представляется актуальным разобраться в аспектах теории. Следуя идеям Б. Латура, мы можем попытаться выйти на сети связанных акторов, «предзадающих» появление объектов и ресурсов. Это прослеживание связей позволяет пройти маршрут от единичного явления к множеству элементов, которые привели к его созданию (Латур 2020: 279). Развивая приведенную мысль и распутывая «клубок» отношений, допустимо утверждать, что рыбак из Русского Устья М.М. связан с Японией или Таиландом, где был произведен его лодочный мотор «Yamaha», экспортированный в Россию, доставленный в Якутск, откуда глава рыболовецкой общины Г.П. по договоренности с М.М. отправил его на рефрижераторном судне в Аллаиховский район (в кооперативе «Русское Устье» руководитель общины снабжает кадровых рыбаков техникой для промысла безвозмездно или за условленный объем рыбы; кроме того, он активно помогает рыбакам с организацией доставки из Якутска других товаров, не связанных с промыслом). Это будет соответствовать существующим цепочкам отношений, также как и то, что М.М. соотнесен с бригадой, рекой, лодкой, неводом и рыбой, поскольку в первом и втором случаях присутствуют реально обнаружи-

ваемые взаимодействия. Однако, побуждая исследователя идти за акторами, Латур в то же время не дает «фильтров», позволяющих сформировать из сети отношений объект, и тогда путешествие за акторами может происходить слишком долго, приводя к неограниченным рядам причин и следствий (Делез 2015: 28).

Отношения между людьми и ресурсами связаны с конфигурациями пространственных и временных характеристик. Время исследователя и исследуемого неодинаково (Ссорин-Чайков 2019; Ssorin-Chaikov 2019a, b), поэтому там, где антрополог или этнограф может методично заниматься поиском связей, уходящих в прошлое или простирающихся на территории других городов и стран, задействованный в промысле рыбак не имеет на это времени (и пространства — поскольку находится на берегу реки, а не в кабинете или архиве). Существует множество «сцепок», благодаря которым становится возможным соотношение рыболовецкой бригады с неводом: это отношения рыбаков между собой, с рекой, берегом, климатическими показателями, рыболовецкой общиной, рыбой, Росрыболовством, а также связи завода-производителя с лодкой, креплений ее частей между собой, взаимодействие рыбы и воды и пр. Перечисленные параметры выступают «локализаторами», как их предлагает называть Б. Латур (2020: 271), что в его трактовке означает перенесение множества разных мест в рамки пространства совершаемого действия в качестве успешной реализации хозяйственного процесса (Там же: 271–274). Но для рыбаков в момент деятельности имеют значение актуальные объекты и отношения, ограничивающие перечисленный набор. Безусловно, мотор «Yamaha» связан с Японией, но эта связь не актуальна в момент промысла. Множество одномоментных отношений тоже как будто упускаются из поля зрения рыбаков: факторы погоды, одежды, поведения рыбы, конструкции лодки и другие выводятся из сферы внимания; многие действия помещаются в область «мастерства» или «опыта» и поэтому не проговариваются. Неводной лов, вокруг которого как непосредственного акта рыболовства сконцентрированы основные мысли и действия, распадается на череду индивидуальных задач, последовательно реализуемых и сменяемых.

Рыболовство весьма нестабильное занятие, поскольку нет возможности предугадать объем выловленной рыбы в конкретный день. От того, в каком количестве идет рыба, зависит и время, проведенное на реке. В первую очередь этот параметр влияет на действия рыбаков, использующих невод. В период среднего вылова распорядок на участке Горлышко, находящемся на расстоянии около 3 км от Русского Устья, выглядит следующим образом. Смена начинается в 9 утра, к этому времени рыбаки из поселка выезжают на промысел. Достигнув определенного места, они начинают «кидать тоню». «Тоней» или «притонением» называется процесс лова рыбы неводом (Шахова 2013: 24), занимающий около 45 минут. После каждого цикла звено возвращается в рыболовецкую избушку для трапезы, отдыха и подготовки к предстоящему притонению. За сутки при среднем вылове на Горлышке звено кидает невод около шести раз. Временной интервал от завершения одной тони до начала следующей составляет около 2,2 часа. Промежутки между тонями определяются преимущественно процессом рыбной лов-

ли: необходимо отдохнуть, согреться, принять пищу перед продолжением промысла. Когда объем вылова падает в два-три и более раз, рыбаки посещают участок реже обычного, дольше оставаясь в селе; вместо средних 6–7 «притонений» невод кидают 3–4 раза, отсутствует необходимость в утренней неводьбе. Уменьшение улова может быть обусловлено разными факторами: погодными условиями, «поведением» реки, сокращением популяции рыб и др. Но возможна и обратная ситуация, когда рыбы оказывается нетипично много, что также корректирует действия рыбаков на участке. Информант Р.Н. рассказывал о том, что в период обильного хода рыбы звено практически все время проводит на реке, имея между тонями лишь 15 минут отдыха.

Неотъемлемой частью промысла является сдача выловленной рыбы в пункт приема, расположенный в трех километрах от заимки. Иногда рыбаки, сдав добычу, сразу отправляются кидать следующую тоню, но зачастую они не отказываются посетить дом приемщиков рыбы, выпить с ними чаю, перекусить печеньем с конфетами, посмотреть телевизор, обсудить интересующие их вопросы. За финальной тоней следует второй ужин уже на участке, сопровождаемый беседами на различные темы, также происходит согласование действий на следующий день и подготовка ко сну. Ночевка в промысловом доме, а не в селе обусловлена экономией времени, так как утром до завершения смены имеется возможность кинуть еще 2–3 тони и сдать эту рыбу к моменту начала работы пункта приема в 9 часов. Подъем происходит около 4:30 утра, и после того как выпили чай, рыбаки отправляются на реку. Вернувшись через 50 минут, звено приступает к приготовлению завтрака. Далее следуют заключительные одна или две тони, после чего выловленная рыба сдается бригаде приемщиков, а звено, завершив смену, возвращается в Русское Устье.

Неводной промысел с точки зрения совершаемых действий неоднороден, он состоит из отрезков разного содержания и интенсивности усилий. Рыбак, который идет берегом, надевает лямку неводного крыла; его товарищи начинают движение на лодке, медленно отплывая от берега на расстояние примерно 30 м и ведя свою часть невода (Чикачев 1990: 64–65). Лодка и пеший рыбак двигаются параллельно около 20 минут, затем рулевой поворачивает к берегу, обгоняя пешего товарища таким образом, чтобы «мотня» (центральная часть невода в форме мешка, в которую попадает основной объем рыбы) оставалась в воде. Затем рыбаки синхронно выбирают два крыла, прогоняя попавшую рыбу в середину. Завершив данный этап, они поднимают мотню и выбрасывают рыбу на дно лодки. Один акт выбрасывания называется «сбросом» и является единицей измерения объема пойманной рыбы. Нужно отметить, что если этап продвижения лодки и рыбака вдоль берега зачастую представляет собой довольно монотонное действие, то завершающий отрезок насыщен физическими усилиями и более динамичен. Как сказал информант М.М., в неводьбе ему больше всего нравится период, когда достают невод, поскольку «уже видишь рыбу, испытываешь чувство азарта» от скорого обнаружения объема вылова, а идти вдоль берега достаточно однообразное занятие, в связи с чем на этом отрезке М.М. предпочитает слушать музыку (ПМА Гончаров 2019).

Рис. 38. Неводной лов в Русском Устье.
Село Русское Устье Аллаиховского района, Республика Саха (Якутия), 2019 г.,
фото Н.С. Гончарова

Рыбакам в момент промысла важно не абстрактное пространство-время, а временны́е этапы неводного лова и конкретное место, где происходит действие (Головнёв и др. 2018: 344). Каждый человек в звене выполняет свою цепочку задач, задействует специфические движения тела, обладает характерной мобильностью. Многообразие материальных, духовных, когнитивных и поведенческих проявлений ограничивается задачами промысла. Любое действие рыбаков в контексте неводьбы сопряжено с использованием ресурсов-объектов, одни из которых в большей степени, другие в меньшей «сцеплены» с поведением людей: например, если можно сказать, что рыболовецкая одежда плотно связана с человеком (по крайней мере он не актуализирует усилия и внимание для ее ношения), то функционирование лодки или невода требует сосредоточенности. Рыбаки по отношению к промысловому инвентарю находятся не в стороне и оппозиции, но с ним, внутри «оркестра феноменов» (Ingold 2016), становясь проводниками «сцепок» элементов между собой. Люди, подобно дирижеру в оркестре, обеспечивают «ансамблевую стройность» промысла, вводя и убирая компоненты, интенсифицируя и убавляя активность неводного лова. В результате бескрайняя развернутость отношений обретает определенный контур, деятельность формирует собственное время (Ssorin-Chaikov 2017) и пространство (Лефевр 2015).

Типы пространств разворачивающихся отношений различны[7]. Описанный пример с рыболовством проявляется в физической плоскости, но сопутствующий ему процесс общения между рыбаками находится уже в иной сфере, которую можно определить как пространство коммуникации. Вылавливаемая рыба также распределяется по разным пространствам: семьи́, бригады, рыночных отношений (Рахманова 2020). Многочисленные рассказы о рыбе как символе этнической группы, территории, целебном средстве создают область нарративов, в которой возможно проводить различения на более детальном уровне, классифицируя зафиксированные сюжеты. Одновременно сосуществуют несколько подвижных пространств: поле коммуникации людей между собой (вербальной/невербальной), область физического взаимодействия с неводом, лодкой, рыбой, берегом, сфера воспоминаний, планов и т.д. Данные пространства обнаруживают два основных способа существования: первый предполагает их «расслоение», когда в ходе промысла рыбаки могут беседовать на посторонние темы, не связанные с рыболовством, физически взаимодействовать с веревкой невода, а думать о предстоящем ужине; второй способ предполагает «уплотнение», «конденсирование» разговоров, мыслей, интенций, физических действий, связанных с единым процессом неводного лова — эти пространства интенсивно взаимодействуют друг с другом, приводя рыбаков к желаемому результату. Абстрактное континуальное время, не обладающее границами и структурой, в деятельности приобретает содержание, становится дискретным, как и пространственные характеристики: звену требуется выстроить систему временны́х промежутков из длительности притонения, времени на отдых, приема пищи, сна, доставки улова в ледник, происходящих в соответствующих локусах реки, заимки и поселка, т.е. выделить элементы

[7] О множественности пространств см. (Mol, Law 1994).

и организовать между ними соотношения. Каждая связка объектов обладает определенным временным и пространственным «портретом» и, соотносясь с другими группами элементов, образует цепочку-линию.

Рассуждения о цепочках отношений дополняются идеей об их проницаемости и связи с другими цепочками. Существует множество линий, пересекающихся друг с другом и оказывающих взаимное влияние, каждая из них может рассматриваться отдельно через режим причин и следствий. Например, жители улусов во время летнего отпуска отправляются в Якутск, где занимаются подбором необходимых материалов для строительства или починки дома. После этого они договариваются с транспортной компанией об отправке груза в Жиганск или Чокурдах, оплачивают услуги, получают накладную. Навигация в Жиганском районе начинается после ледохода, в июне, и длится до октября; в Аллаиховском улусе ее период ограничен концом августа — сентябрем. Местные жители дожидаются времени доставки, получают приобретенные ресурсы и используют их для ремонта или строительства. Эта последовательная цепочка действий, ведущая от начальной точки к реализации цели, на всем протяжении пронизана неакцентированными (в рамках текущего описания) соотношениями с другими цепочками, параллельно возникающими и сосуществующими. Так, во время приезда в Якутск жители северных улусов часто стараются уделить внимание здоровью и посещают городские медицинские центры, встречаются с родственниками, приобретают детали для снегоходов, охоты и рыболовства или отправляются в курортные регионы России и зарубежья. То же касается времени ожидания доставки груза. Очевидно, что интервал между оформлением доставки и получением занят разными формами активности; разгрузка пришедшего в улус судна связана с погрузкой на него выловленной рыбы для отправки в Якутск и т.д.

Таким образом, линии соотношений, говоря метафорически, не представляют собой линии электропроводки, отделенные друг от друга и от окружающей среды изоляционной лентой; они конкретны, но обладают пористостью, предполагающей варианты совмещений. Форму их расположения вслед за Т. Ингольдом можно назвать “meshwork” (структура, похожая на сеть, но отличающаяся от нее тем, что это не сеть из точек, но область перепутанных линий и узлов) (Ingold 2016: 10). Антрополог предлагает сделать акцент на том, каким образом явления соотносятся, формируя непрерывные потоки (Ingold 2017: 41). Он актуализирует проблему описания соединений элементов и вводит термин “correspondence” (согласованность, соотношение) в противоположность «взаимодействию» (interaction), а понятие “meshwork” — вместо «сети» (network) (Ingold 2016: 10), поскольку, по его мнению, объяснения связи объектов через точечные взаимодействия, которые можно строго проследить и назвать, слишком механистичны и схематичны. Элементы, по Ингольду, соотносятся, переплетаются, перепутываются, сохраняя свою самостоятельность и сосуществуя в едином процессе, производящем общее действие (Там же: 6). Варианты пересечений разнонаправленных отношений тоже следует акцентировать, поскольку в том, как перевязаны и запутаны линии в “meshwork”, видится специфический социальный ресурс.

Примеры запутанности и переплетений можно обнаружить практически в любом сюжете. Посещение заимок и «тундровых дач» является широко распространенной практикой на севере Якутии, позволяющей заняться рыболовством, охотой, собирательством, сделать некоторые запасы пищевых ресурсов и параллельно отдохнуть от поселковых хлопот (ПМА Гончаров 2019). Рассмотрим поездку на заимку В.Е. и А.М., проживающих в Чокурдахе, с целью сбора голубики. Добравшись по Индигирке до пункта назначения, в первую очередь следовало подготовить дом для временного проживания, поэтому В.Е. как хозяин участка отдавал команды, Н.С. набирал воду и поднимал ее на высокий яр, в то время как А.М. сразу принялась собирать ягоду. Оказавшись на возвышенности, компания встретилась с сыном В.Е. и А.М. — С.В., завязалась беседа, после чего С.В. помог донести привезенный приехавшими людьми груз до дома. Через некоторое время все сидели за столом, пили чай с доставленными из поселка продуктами, обсуждали вопросы сбора ягоды. Спустя 30 минут С.В. так же быстро покинул заимку, однако за недолгое время пребывания с компанией он выполнил свою спонтанную роль — принес вещи, проинформировал приехавших о наличии ягод, согласовал дальнейшие планы. Подобные встречи и пересечения свойственны многим событиям. На местах редко обнаруживаются строгие функции, выдерживаемые в течение всего времени деятельности, даже у сотрудников ЖКХ и ДЭС, поскольку постоянно существуют внешние параметры, которые не связаны напрямую с их профессиональными обязанностями и проявляются параллельно: чтение книг, просмотр фильмов, разговоры по телефону или с пришедшими соседями в рабочее время, когда производственный этап не требует непосредственного участия человека. Несмотря на то что с первого взгляда такие ситуации отвлекают и нарушают регламент, в этой гуще постоянно возникающих и переплетающихся социальных взаимодействий находится значимый потенциал, способность быстро устанавливать контакт, переключаться с одной задачи на другую, учитывать меняющуюся обстановку.

Перечисленные наложения актов деятельности можно проанализировать через концепт Т. Ингольда “correspondence”, который содержательно похож на понятие контекста. Их различие заключается в том, что “correspondence” предполагает активный контекст, пересечения в котором приводят к продуктивным результатам; запутанность и «шум» в данном случае являются катализаторами и условиями существования отношений и действий (Ingold 2017). Жители Чокурдаха в интервью неоднократно говорили о том, что необходимо возрождать оленеводство; этим занята районная администрация и население с. Оленегорск, что свидетельствует о гибкости (по крайней мере в нарративах) жизнедеятельности, не полностью привязанной к режиму оседлости. Охота и рыболовство на дальних участках — неотъемлемая характеристика практических занятий жителей региона, поэтому многие в свободное время уезжают на заимки, где находятся в течение лета. Информантка П.Н. из Русского Устья (где проживает русское население), рассказывая о переносе села со старого места, неоднократно употребляла словосочетание «мы перекочевали», используя глагол, чаще всего ассоциируемый с сообществами номадов (Головнёв 2018).

Образ жизни современного населения северной Якутии трудно вписать в рамки дихотомии «кочевники/оседлые», их статус в этом контексте достаточно запутан и содержит наложения одного типа мобильности на другой. Оленеводы связаны с поселковой инфраструктурой, в то время как жители стационарных населенных пунктов зачастую проводят несколько месяцев в году на заимках, ежегодно отправляются на промыслы в горы, тайгу, тундру, на реки и озера; кроме того, следует учитывать миграцию между поселками внутри района, между улусом, Якутском и другими крупными «внешними» локациями (Давыдов 2018б; 2018в). Однако подобные наложения проявляются не только в мобильности людей: поселение находится на пересечении городской и тундровой специфики, поскольку через установленные потоки ресурсов соотнесено с реками, озерами, тундрой, городом и другими социально-экономическими образованиями (Konstantinov, Vladimirova 2006: 170). Сочетание разных режимов мобильности и освоения пространства выступает в качестве ресурса, позволяющего адаптироваться к территориальной удаленности от городской среды, дефициту многих продуктов питания и иных ресурсов. Формируемый из переплетения кочевого и оседлого «шум», не укладывающийся в четкие классификационные рамки, является эхом контекста условий проживания населения северной Якутии.

6.2.6. *Мобильность и отношения с пространством*

Как было указано выше, мобильность людей в регионе характеризуется нестрогой привязанностью к одному месту. Это обусловлено особенностями занятий, расположением ресурсов, способами их получения и в первую очередь касается рыболовства, охоты и оленеводства. Как сообщали информанты, в Аллаиховском районе раньше, чем в других административно-территориальных единицах республики, исчезли домашние олени после 1991 г. (ПМА Гончаров 2019). К угасанию оленеводства привели эксперименты с изменениями форм собственности и пострадавшая инфраструктура, ранее обеспечивавшая комплекс государственных мер поддержки хозяйства (Методика составления технологической карты 2017: 7). Районная администрация неоднократно предпринимала попытки восстановления поголовья, оканчивавшиеся неудачей; в 2019 г. из Усть-Янского улуса в Аллаиху в очередной раз доставили домашних оленей в количестве 48 голов (см.: Как оленеводство вновь появилось в Аллаиховском улусе). Жиганский район, напротив, не потерял домашних оленей в результате постсоветских трансформаций, в Якутии он входит во вторую из трех групп по уровню развития оленеводства (Методика составления технологической карты 2017: 6). Люди, занимающиеся выпасом, имеют регистрацию в поселках, однако специфика их деятельности такова, что они вынуждены большую часть года проводить с оленями. Изредка совершая наезды в поселки, оленеводы приобретают продукты питания, получают медицинское обслуживание, занимаются семейными и бытовыми вопросами, погружаясь в локальные социальные сети. Как отмечали ин-

форманты из Жиганска, профессия оленевода в настоящее время сопряжена со многими лишениями, поэтому, имея выбор, молодые люди все реже выбирают данную отрасль (ПМА Гончаров 2018).

Местонахождение людей меняется в зависимости от сезона. Практически все мужское население с. Русское Устье в период летней путины занимается рыболовством. Рыбаки в этот период не концентрируются в селе, но рассредотачиваются по местности, занимая участки в дельте реки, каждый из которых имеет собственное название. Подобное расселение известно еще с начала XIX в., о чем писал В.М. Зензинов (1914: 26), однако в то время, как и во второй половине XX в., пребывание на заимках для большинства жителей Русского Устья превалировало над времяпровождением в центральном селе. Участки становились родовыми, с характерными атрибутами (родовыми кладбищами), где люди жили, рыбачили, охотились, осуществляли торговую деятельность, изредка приезжая в основное поселение. В настоящее время рыболовецкой общиной используется 19 речных участков. Зимой главным занятием становится подледный лов рыбы на озерах. Ему соответствует определенный вариант мобильности, в большей степени привязанный к селу, откуда рыбаки выезжают на озера для установки, проверки сетей и изъятия из них улова (ПМА Гончаров 2019). На содержание мобильности влияет ряд факторов: то, как далеко от поселка расположена заимка (если рядом, то имеется возможность ежедневно возвращаться; те рыбаки, участки которых расположены в зоне 30–40-минутной езды на лодке, летом живут на заимках), способ лова (неводом или сетью), расположение морозильных камер, время года.

Охота, также имеющая широкое распространение на территории северной Якутии, предполагает иные варианты перемещений в пространстве. В Русском Устье местные жители неоднократно делились информацией о сокращении численности диких оленей и в качестве причин депопуляции озвучивали разные факторы: одни считают, что проблема заключается в перепромысле животных в поздний советский период, когда в практику ввели отстрел оленей с вертолета; другие говорят о циклическом характере территорий миграций животных; третьи акцентируют внимание на обоих факторах. Тем не менее если ранее (до 2000-х годов) местные жители охотились на «несметные полчища» северного оленя вблизи поселка, то теперь им приходится совершать длительные поездки на снегоходах к границе Нижнеколымского улуса (ПМА Гончаров 2019).

Перечисленные примеры показывают, что разные варианты ресурсов соотносят людей с определенными локусами. Для каждого из них также свойственны характерные сценарии активности в пространстве/по поводу его организации: система выпаса оленей, тактика преследования объекта охоты, приготовления для успешного собирательства ягод, лекарственных трав или грибов и т.д. в границах конкретной территории (Головнёв и др. 2018). У рыболовов эти сценарии во многом зависят от инструмента реализации промысла, поскольку сетный/неводной лов предполагает соответствующие практики перемещения и формирования пригодных условий для деятельности.

Далее внимание уделено тому, каким образом отношения влияют на производство разных вариантов пространств. Ранее уже упоминалось о том, что в группе «А–Б» оба компонента оказывают влияние друг на друга и своей связкой создают новый элемент, вступающий в иные взаимодействия. Рассмотрим, как один из членов соотношения (намеренно созидающий какое-либо пространство) влияет на специфику противоположной стороны. Стоит отметить, что в ходе отношений между актором и созидаемым им пространством последнее не дано изначально, как в случае с рыбаком и лодкой, но находится в процессе складывания; более того, достижение определенной конфигурации элементов в результате такого соотношения (т.е. появление локуса произведенного пространства) и является (промежуточной) целью устанавливаемого соотношения: промежуточность обусловлена тем, что создание единицы пространства существует в контексте других отношений, определяется ими и влияет на них, однако параллельно может рассматриваться и как самоцель. Проиллюстрируем данное высказывание следующими примерами: Л.П. из Жиганска говорил о том, что человек, построивший в поселке дом, считается крепким, надежным и хозяйственным, который тем самым заработал социальное одобрение; в другом случае Л.П. рассуждал о необходимых мерах по завершению процесса постройки дома для своей родственницы, и разговор проходил преимущественно в рамках вопросов строительства: какие материалы следует приобрести, как хранить, где лучше установить забор и пр. Если в первом примере дом выступал символом социальной надежности человека, т.е. отсылал к чему-то вне пространства жилой постройки, то во втором он становился самоцелью.

В центре внимания находится пространство поселка Жиганск и его окрестностей, состоящее из различных зданий, хозяйственных построек, автомобильных дорог, троп и прочих материальных объектов и связей, объединяющих их, создаваемых взаимодействием людей, животных, юридических субъектов и др. Исходя из субъекта производства, можно выделить несколько типов пространств, каждое из которых обладает своей логикой существования в условиях Жиганска. Поскольку вопрос типологии данных пространств открыт, в качестве вспомогательного шага прибегнем к юридическим нормам, определяющим субъектов собственности (однако следует отметить, что юридические формулировки в таком виде отражают весьма «чистые» ситуации, упускающие из поля зрения многих значимых акторов, влияющих на состояние пространства: климатические условия, вечную мерзлоту, животных, нерегламентированную деятельность людей и т.д.), например:

а) частная собственность (собственность граждан и юридических лиц);

б) государственная собственность (федеральная собственность, собственность субъектов);

в) муниципальная собственность (собственность городских и сельских поселений, а также других муниципальных образований) (Конституция Российской Федерации 2020).

Соответственно, перечисленные субъекты собственности порождают в контексте поселка различные варианты пространств (Рулан 2000; Славкина 2002; Новикова 2014). К частным пространствам физических лиц относятся жилые и хозяйственные постройки, квартиры. Юридические лица создают магазины, помещения сферы услуг и др. В категорию государственных входят центральная районная больница, здания суда, полиции, школы, Почты России, аэропорт. Разряду муниципальных соответствуют здание администрации, улицы в поселке, территория района в целом. Таким образом, юридически определенные субъекты тесным образом связаны с перечисленными вариантами реализованных пространств. Совсем не обязательно, что они создали территории, здания, где размещаются в настоящее время, однако эти локусы закреплены за ними, связаны с их функционированием, поддерживаются и преобразуются данными акторами.

Помимо генерирующей роли перечисленных субъектов каждый пространственный элемент (например, здание) формируется в результате наложения логик нескольких акторов (строительством многоквартирного дома занята муниципальная власть, документы на квартиру оформляются через федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии, проживает в квартире частное лицо) и представляет собой в той или иной степени их устойчивую результирующую. В таком случае жилой дом — это не статично-устойчивая единица, заселенная человеком, но постоянное взаимодействие разных «действующих лиц»: жильца, муниципальной власти, поведения животных, которые вьют в домах гнезда, строят ульи, а также вечной мерзлоты, растений и т.д.; в случае заброшенности или небрежения верх одерживают не-человеческие акторы, реализующие свои пространства (строение зарастает травой, деревьями, его активно используют птицы) (Tilley 1994).

Разные типы пространств связаны с многочисленными вариантами деятельности, которые являются функциями субъектов, их производящих. Складывается зависимость между «А» и «Б», имеющая линейный характер: федеральная власть создает суды для вынесения судебных решений, строит отделения полиции для контроля в области правопорядка, открывает новую районную больницу с целью оказания медицинских услуг; частный предприниматель строит и использует продуктовый магазин, чтобы вести коммерческую деятельность в форме продажи товаров; рыбак создает временные атрибуты территории промысла для лова рыбы; местный житель обустраивает дом, для того чтобы в нем жить, и т.д. Любое произведенное пространство, будучи сформированным, становится объектом функции, отражает утилитарную плоскость отношений. Однако оно оказывается шире функциональной логики. Строя дом для своей родственницы, Л.П. уже отклоняется от линейной функции, поскольку ему важно завершить строительство не просто для того, чтобы родственница находилась в границах возведенной постройки, но с целью выражения благодарности, создания достойных, с его точки зрения, условий проживания, проявления заботы. То есть пространство дома определяется в данном случае не столько функцией проживания, сколько свойст-

вами межличностных отношений, социальным контекстом, задающим способы выражения благодарности и допускающим наличие этого чувства. Сам процесс «локализации функции», о котором писал Лефевр (2015: 353), предполагает, что функцию помещают в определенный контекст и локализацию осуществляет субъект; чтобы существовал последний, тоже нужен контекст. Иначе говоря, для возникновения районной больницы требуются не только федеральная власть, министерство здравоохранения, администрация Республики Саха (Якутия) и района, но необходимо население Жиганского улуса с его потребностью обращаться в больницу, квалифицированные врачи, материальные условия, позволяющие создать пригодное для оказания медицинской помощи учреждение, знание о том, куда можно обратиться в случае физического недуга, и пр.; причиной появления гаража являются транспорт, рыболовные снасти и охотничьи атрибуты, которые следует где-то хранить, а следовательно, должны существовать практики охоты и рыболовства, обуславливающие их появление.

Пространство порождается контекстом, но следует определять, каким именно и чьим контекстом, поскольку он не абстрактен и не действует одинаково во всех направлениях. Контекст — не однородная плоскость, он имеет конфигурации, сужения и перспективы. Это находит выражение в условиях, нормах существования человека, группы людей, поселковой администрации или федеральных властей, каждый из которых преследует собственные цели, обладает определенным взглядом на происходящее, и этот взгляд выражается в действиях субъекта (Star 1999). Например, у государства существуют свойственные ему способы взаимодействия с пространством: посредством юридических постановлений в 1996 г. в Аллаиховском районе был создан ресурсный резерват «Кыталык» — территория, где гнездятся стерхи (см.: О создании ресурсных резерватов «Кыталык»). До 2019 г. резерват был подведомствен республиканской власти, но в указанном году приобрел федеральный статус (см.: Правительство РФ создало в Якутии новый национальный парк «Кыталык»). Население встретило изменение неоднозначно, поскольку люди опасаются, что смена статуса территории приведет к ограничениям промысловой активности. Таким образом, пространство, формируемое и трансформируемое указами республиканской и федеральной власти, меняет характер отношений с населением района.

С другой стороны находится процесс производства местными жителями физического пространства в ходе строительства домов, рыболовецких или охотничьих избушек. Это иной тип отношений, характеризующийся растянутыми во времени процессами приобретения, доставки необходимых материалов, оформлением соответствующих документов, строительством, последующим облагораживанием, ремонтом и, конечно, использованием произведенной постройки. «Государственный» тип пространства более формален, его создание происходит путем унифицированных методов с целью производства «структурированной согласованности» (Harvey 1989; Lefebvre 2009; Brenner, Elden 2009: 367–370).

Рис. 39. За голубикой (в Жиганске). Село Жиганск Жиганского района, Республика Саха (Якутия), 2018 г., фото Н.С. Гончарова

В книге «Культура жизнеобеспечения и этнос» (1983: 272) авторы на основе материалов армянской этнографии выделяют оппозиции отношений, такие как «горный–равнинный, периферийный–центральный, бедный–богатый» и т.д., утверждая, что бóльшая вариабельность пространственных характеристик (жилищ, поселений) находится в левых членах этих оппозиций. Как представляется, к данным группам допустимо добавить оппозицию «частное–государственное» с тем же распределением особенностей: административные органы обязательно размещены в стационарных постройках, расположенных в центре населенного пункта; это здание, как правило, отличается от остальных построек локальной «фундаментальностью», его функция подчеркивается официальной вывеской перед входом. Постройка подключена к центральному отоплению, в нее проведены телефонная связь и интернет, интерьер выдержан в деловом стиле (ПМА Гончаров 2018; 2019). Иные параметры свойственны частным вариантам построек. В первую очередь следует отметить, что для них характерно наличие нестационарных объектов, таких как *ураса*, *тордох* или палатка, ситуативным жилищем может стать даже лодка. Соответственно, оказываются необязательными

многие атрибуты, которые имеются в административном здании (постоянное электричество, отопление, доступ в интернет и т.д.). Расположение частных построек гораздо более произвольно, определяется скорее личной заинтересованностью человека и привязано к местам рыболовства, охоты, собирательства (не считая поселковых зданий). В конструктивном отношении частное пространство тоже демонстрирует многообразие технических решений и используемых материалов (шкуры оленя, плавник, земля, брезент, металл от цистерн и пр.). Безусловно, индивидуальные постройки не исключают стандартизации, существуют типовые поселковые дома; *ураса*, *тордох*, *балаган* и рыболовецкий дом в Аллаиховском улусе схожи между собой, но их интерьеры уникальны (поскольку не существует точно таких же), а сходство скорее находится в рамках локального распространения по сравнению с транслокальной схожестью административных и типовых жилых объектов. Кроме того, представляется важным отметить наличие множества вариантов «краткосрочных» частных пространств (места охоты, рыболовства, собирательства, отдыха на природе), не фиксируемых юридически, что, впрочем, не отменяет регламентации территории их производства (например, рыболовства, см.: Информация для рыболовов-любителей).

Неотъемлемой частью сезонных практик жителей Жиганского и Аллаиховского улусов выступает собирательство: голубики, брусники, морошки, смородины и других ягод, реже — грибов. Оно не подвергается ограничениям юридическими постановлениями и представляет собой способ разнообразить рацион и отдохнуть на природе. Часто заготовленные ягоды отправляются родственникам в город, некоторые жители занимаются собирательством с целью последующей продажи его результатов. Пример собирательства представляет интерес с той точки зрения, что в процессе осуществления данной деятельности создается временное пространство, минимально деформирующее окружающую среду, и реализуется процесс выстраивания отношений с людьми, животными, растениями и другими объектами. В качестве иллюстрации приведем сбор голубики в окрестностях Жиганска. Попадая на голубичную поляну, окаймленную и испещренную кедровым стлаником, сборщики ягод приступают к созданию ориентиров в пространстве, в качестве которых выступают наброшенные на деревья элементы одежды, повязанная яркая ткань, также используются оставленные ранее визуально выделяющиеся предметы. Для взаимной координации сборщики периодически производят перекличку, выкрикивая имена друг друга или бессодержательные звуки, позволяющие определить примерное местонахождение напарника. С целью минимизации рисков, связанных с внезапным появлением медведя, собиратели используют собаку, которая в случае опасности должна заблаговременно предупредить хозяев. Присутствие домашнего животного требует особого отношения к съестным припасам, взятым с собой, поэтому пакеты с едой привязываются к деревьям на недоступную собаке высоту. Техника сбора ягоды с применением *куябыла* (эвенкийское приспособление для собирательства) предполагает соответствующую микродинамику человека, совершающего характерные движения и в определенной ритмичности задействующего ведро для пере-

сыпания ягод из *куябыла*. Таким образом, на несколько часов в границах голубичной поляны создаются связи между людьми, вещами, деревьями, животными, ягодой, вносящие пространственные дополнения, в рамках которых человеку удобно существовать с целью выполнения поставленной задачи. Люди соотносятся с этой территорией через создание опознавательных знаков, формирующих различия в кажущемся однообразии местности, взаимодействуют с собакой не только через прямое обращение, но также посредством подвешивания пакетов с провиантом на дерево; голос выступает средством соотнесения людей, а *куябыл* с обусловленной им техникой использования оказывается «языком» взаимодействия с ягодой. Следовательно, через прямые и косвенные контакты между акторами, необходимыми для реализации деятельности, создается временный микроландшафт; говоря иначе, микроландшафт есть частичное «овеществление» отношений (Ingold 1993).

* * *

Связи людей с ресурсами на территории северной Якутии прослеживаются со времен палеолита (Питулько и др. 2012). Исторические и этнографические источники начиная с XVII в. демонстрируют корреляцию определенных групп, выделяемых по этническому признаку, с соответствующими им множествами ресурсов; в советской этнографии подобные соотношения были обобщены в теории хозяйственно-культурных типов (Левин, Чебоксаров 1955), выделившей пеших охотников-рыболовов лесотундры, таежных охотников-оленеводов и рыболовов, кочевых оленеводов и др. (Народы Сибири 1956: 14–15). Однако такие обобщения не отвечают на вопрос, каким образом происходит соотношение между людьми и окружающими их объектами на микроуровне. Длительное проживание населения Севера на одной территории, удаленность и изолированность от крупных административно-экономических центров способствовали углубленному всматриванию в объекты окружающей среды, расширению их потенциала и вариантов использования. Например, рыба выступает во множестве контекстов, от фольклора до рыночных отношений. Зачастую происходят детализация и расширение функционального или символического потенциала объекта, когда в уже существующем ресурсе выделяются и используются дополнительные возможности: из рыбы изготавливается тесто, вертолет разбирается на части для производства нарт, бочки становятся теплоизоляторами и коптильнями.

Отношения возможно рассматривать, классифицируя их по критериям экстенсивности и интенсивности. Первый вариант характеризуется все большим вовлечением «акторов», включающихся в сеть, неограниченно расширяющуюся. Интенсивные отношения (в разных вариантах пространств) производят «сгустки» напряженности с иной структурой, они более плотно и крепко примыкают друг к другу: проявлением интенсивности является лов рыбы, сам невод как неделимая «сцепка» ячей, езда на снегоходе, жизнь поселка (и других социальных образований) в целом и т.д. Если для экстенсивных отношений свойственны разне-

сенные, оказывающие минимальное влияние друг на друга параметры, то для интенсивных характерны «стягивания-упаковывания». Каждая «упаковка» — это деформирующее упорядочивание рядов отношений, производство «сгустка» иных пространственно-временных свойств, отличных от соседних и всех остальных (Чеснов 2001: 137–138) и характеризующихся «конденсированием» пространств разных модальностей (социальных, символических, физических, коммуникативных вербальных/невербальных и др.).

Комплексы отношений, существующие ежесекундно, фиксируются исследователем лишь в незначительном объеме (Латур 2020: 336), поэтому этнографические описания предполагают называния обрывистостей — явлений, которые известны лишь частично, поскольку остается большое количество белых пятен и слепых зон. Латур предлагает выстраивать «паутину» актор-сетей, прослеживать ее, следуя за выявленными действующими лицами (людьми, животными, вещами и пр.), постоянно перебрасывающими внимание исследователя от одного к другому, но в антропологии и этнографии, чтобы понять, чем является ресурс и как он проявляется, приходится иметь дело в том числе с дискретным, т.е., как призывал К. Гирц, описывать явления языком самого сообщества (Geertz 1973) или по крайней мере опираться на те контексты, в которых они находятся. Такой подход создает не холистическую актор-сеть, но качественные прерывистости, образующие пористое единство, поверхность с рытвинами и разнородными элементами, описывающими варианты соотношений.

Ресурс-объект, оказываясь в разных местах, неизбежно вступает во множество вариантов взаимодействий с окружающей средой: например, дерево растет в верховьях Индигирки, где соотносится с локальным биоценозом, затем после обрушения берега (что часто случается на Индигирке) оно попадает в воду, течение несет его вниз; растения, которые доплывают до Аллаиховского района и оказываются прибитыми к берегу, собираются местными жителями и выставляются рядом с местом сбора в форме конуса или складываются кучей[8] (Зензинов 1914: 32), чтобы их не занесло снегом, а весной на снегоходах вывозятся на заимки, где используются преимущественно в качестве дров (ПМА Гончаров 2019). В каждом перечисленном случае дерево находится в разных контекстах: леса, реки, территории заимки, печи. Однако бездейственное расположение ресурса в пространстве связано с пассивными отношениями, объект становится еще одной единицей наряду со многими, не проявляя отличающих его свойств. В этом плане дерево, трава, голубика, вода, заржавевший вертолет или вездеход не обнаруживают различий, кроме внешнего вида. Но в том случае, когда дерево начинает отличаться от соседних элементов, действенно проявлять черты, отсутствующие у воды или голубики, можно сделать вывод, что происходит качественное изменение отношений между деревом и тем, с чем/кем оно соотносится, в отношении с чем/кем эти свойства обнаруживаются. Тогда образуется новая конфигурация: бревно достают из груды других бревен, распиливают, помещают

[8] Об использовании плавника на Ямале подробно пишет Д.В. Арзютов в главе 5.

дрова в печь и поджигают. В таком контексте кардинально меняется темпоральность объекта — если остатки деревянных построек старого Русского Устья до сих пор лежат в земле, т.е. им как минимум 80 лет (в арктической зоне существуют археологические артефакты, изготовленные из дерева, возраст которых достигает 8 тысяч лет (Питулько 2019)), то дрова в печи прогорают примерно за 40 минут. Плотность и характер нового отношения между печкой, деревом и огнем таковы, что производят усиливающий эффект взаимодействия, выражающийся в выделении нового свойства — *энергии*. В данном случае интенсивные отношения между объектами производят энергию, но в более широком смысле это производство *различия* по сравнению с тем, что взаимодействует (Ingold 2018: 167). Такая особенность характерна для ситуаций интенсивного использования ресурсов: соотношение людей и невода производит выловленную рыбу, слесарей и ЖКХ — тепло, электриков и ДЭС — электричество, людей и продуктов питания — ускользающее состояние сытости. Сети становятся явлениями (Там же: 169).

Таким образом, объекты существуют в двух состояниях: как пассивные единицы, не обнаруживающие различий, и как включенные в конфигурации их актуальные свойства. Вторая грань предполагает актуализацию именно тех параметров, которые задействуются в рамках конкретного соотношения. Это выделение производится не только и не столько в процессе когнитивных операций, сколько в деятельностном контакте человека с ресурсом: охотник связан с оленем, рыбак с рыбой, слесарь с котельной; но рыбак может взаимодействовать с оленем на охоте или обслуживать котельную, однако в таком случае он утратит *проявление* черт рыбака, что отразится в изменившихся месте его нахождения, одежде, поведении, словах и т.д. Взаимодействие с ресурсом — это процесс создания отношений, который временно закрепляет проявление свойств соотносимых объектов. Занимаясь рыболовством на территории заимки Горлышко, Р.Н., будучи старшим в звене, определяет порядок работы и отдыха рыбаков, следит за состоянием невода, договаривается с главой производственного кооператива насчет обеспечения звена топливом, ремонта и покупки промысловой техники, активно участвует в процессе неводного лова. Эти акты разворачиваются в контексте рыболовства, взаимодействия людей с ихтиофауной региона. Значение промысла в жизни всего улуса и судьбе Р.Н. в частности характеризуется не только тем, что он является источником пищи и финансового благополучия; помимо этого, контакт с ресурсом формирует различие и на феноменальном уровне, поскольку в процессе промысла возникает ипостась рыбака (т.е. в реалиях поселка появляется новый феномен). Отношения людей и ресурсов способствуют «глубинной рефлексивности» (Willerslev 2007: 12), направляющей человека через взаимодействие с объектом на себя самого, но уже в новом состоянии. Это состояние (рефлексивная позиция (Чеснов 2001: 136)) становится социальным феноменом, с которым идентифицируют себя люди и который раскрывается через отношения с ресурсами. Во время разговоров о потенциальных и реальных трудностях жизни на Севере или просто в беседе о текущем состоянии дел в районе

Р.Н. неоднократно произносил: «Главное, чтоб рыба была». Другой пример связан с представителем эвенского населения В.Е., «старейшиной», как называли его некоторые информанты. В ходе частых интервью он постоянно подчеркивал связь местного коренного населения с рыбными ресурсами: «Мы же от рыбы зависим: у нас картошки нет… Мы бедные, откуда мы можем покупать? Денег нет», а рыбу ели предки, родители, едят дети и внуки. Сетуя на усиливающиеся промысловые ограничения, В.Е. вопрошал: «Вот и все запреты… Куда катимся-то мы? Как мы можем жить, малочисленные народы?.. Зачем нам тогда… эти земли, территория… В своей территории не могу сыто кушать» (ПМА Гончаров 2019). Связь с рыбой, по его мнению, необходимое условие существования местного населения, в особенности эвенов. Несмотря на наличие других ресурсов питания, именно рыба обозначается как «традиционная пища коренных народов Арктики», без которой крайне проблематично существовать в суровых природных условиях. Осмысление жизни и собственного места в ней через обращение к ресурсам не ограничивается рыбой, но ярко проявляется на ее примере.

Объекты повседневных взаимодействий наполняют и структурируют сферу жизнедеятельности местного населения, участвуют в создании социальных групп, ролей и способов взаимодействия людей между собой и с окружающим пространством. Не случайно информанты отзывались о некоторых ресурсах как о «традиционных» (это характерно для рыбы, оленины, морошки, голубики и пр.), поскольку они плотно и неотделимо вплетены в региональные социальные процессы. Если перейти на микроуровень, то обнаружится, что любые мотивы, идеи, действия, например поездка на охоту или реализация федеральной программы по строительству жилья, неизбежно прерываются, дополняются и трансформируются многочисленными вариантами соотношения людей и объектов-ресурсов: использованием одежды, пищи, жилых и рабочих построек, поселковой инфраструктуры и т.д. Поэтому социальный акт находится в контексте определенной конфигурации отношений с ресурсами, более того, последние тоже входят в понятие «социальное» (Tarde 1969; Латур 2020), играя важную, но порой неприметную роль формирования «рамочных конструкций» (а также «клея» и мостиков, заполняющих непрерывные поля социального пространства), в которых реализуются действия. Соотношение людей и ресурсов происходит через «связки», которые оказываются актуализацией определенных ипостасей первых и вторых, проявляющихся в ходе их контакта. Объекты в таком случае не лимитированы конечным числом присущих им свойств — потенциал ресурсов раскрывается с течением времени, опосредуется сменой политических, экономических, климатических обстоятельств и творческим осмыслением возможных способов использования энергии. Поиск, обнаружение и использование новых параметров объектов не являются однонаправленным процессом, потому что перечисленные действия преобразуют и само действующее лицо (шире — меняют контекст отношений, способствующий раскрытию ресурсного потенциала), ориентирующее свою активность на переосмысление стратегий включения ресурсов в практическое поле, а также в связи с возможностью воз-

вращения к прежним способам использования ресурсов. Относительная неограниченность ресурсного потенциала объектов, «густота» отношений между людьми, животными, духами, постройками, техникой, землей, пищей и т.д. являются характерной чертой северной Якутии, отражающей постоянную чувствительную подвижность объединений элементов, слагающих социальный ландшафт региона.

Глава 7
ИНФРАСТРУКТУРА АВТОНОМИЗАЦИИ: ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ НА ЧУКОТКЕ

Человек осваивает пространство при помощи универсальных повторяющихся модулей. Он заполняет его определенными постройками, постоянно перемещая и модернизируя их. При этом граница между стационарными и мобильными конструкциями не всегда может быть четко прослежена. Мобильные строения могут находиться продолжительное время в одном месте, а стационарные могут переноситься по частям в другие локальности. Сам процесс создания и трансформации материальных объектов неотделим от мобильности. В Арктике модульные конструкции (будь то традиционные каркасные жилища, палатки, изготовленные из подручных материалов подсобные помещения или привозные металлические контейнеры) превращаются в ключевые опорные точки, необходимые для организации повседневных практик местных жителей. В данной главе, опираясь на полевые материалы, собранные в рамках трех экспедиционных выездов в 2017–2019 гг. в Иультинский район Чукотского автономного округа[1], мы рассмотрим, как местные жители сохраняют определенный режим автономности, позволяющий им получать необходимые ресурсы для решения своих повседневных задач.

Во-первых, мы проанализируем, каким образом жители Чукотки поддерживают относительную энергетическую автономность и создают для себя дополнительные возможности освоения пространства с помощью инфраструктуры, используемой для хранения и транспортировки вещей и пищевых продуктов, состоящей из привозных и самодельных модулей. Во-вторых, мы рассмотрим применение самостоятельно создаваемой инфраструктуры подсобного хозяйства как способ аккумуляции энергии в условиях удаленности. Фокус внимания обращен на то, каким образом распределение вещей в пространстве формирует энергетический фон повседневных действий жителей Чукотки. Наконец, поскольку в кон-

[1] Общая продолжительность полевой работы на Чукотке составила шесть месяцев.

тексте социально-экономических трансформаций важнейшим аспектом является проблема снабжения местных жителей пищевыми продуктами, мы проанализируем, каким образом за счет маятниковых перемещений, системы обмена, функционирующей в их рамках, а также использования инфраструктуры жители Чукотки сохраняют свою пищевую автономность в условиях удаленности.

7.1.
Люди и вещи: инфраструктуры хранения

В данном параграфе мы рассмотрим те трансформации, которые произошли в системе хранения и перемещения вещей оленеводов Чукотки под воздействием проектов инфраструктурного развития. Мы проанализируем, каким образом принципы организации вещей, характерные для кочевого быта, — модульность, минимализм, полифункциональность (см.: Головнёв и др. 2018) стали ключевыми характеристиками подсобного хозяйства в чукотских селах, давая возможность оленеводам не только приобрести новые площади для хранения и создания запасов, но и увеличить степень относительной энергетической автономности, что важно для сохранения возможности активных действий в условиях нестабильного внешнего снабжения топливом, продуктами питания, строительными материалами и промышленными товарами.

7.1.1.
Рассредоточение вещей в пространстве

Используемые местными жителями материальные объекты следует рассматривать как сложную и слаженную систему, реагирующую на изменения, происходящие в экономике и политике, инкорпорирующую различного рода изобретения и инновации. Процесс распределения вещей и объектов инфраструктуры в пространстве формирует определенные энергетические режимы — способы сохранения и использования ресурсов. Вещи, предназначенные для выполнения повседневных задач, можно рассматривать как единую систему, связанную не только с практиками потребления (Бодрийяр 1999), но и со способами получения, сохранения и накопления энергии.

Вещи помогают человеку осваивать пространство. Все они в совокупности, а также используемые представителями местного сообщества техники, технологии и имеющиеся навыки играют ключевую роль в данном процессе. Именно благодаря сложившемуся набору материальных объектов, знаний и телесных навыков местными жителями утилизируется оптимальное для существования в определенном ландшафте количество ресурсов. Материальные объекты позволяют увеличить количество необходимой для автономного существования энергии, сокращая затраты на ее получение. Как заметил М. Салинз, «инструмент служит как бы искусственным продолжением человека вовне, он не просто скон-

струирован для индивидуального пользования, но представляет собой некое приложение к человеку, увеличивающее механические возможности его тела (например, лук или копьеметалка) или выполняющее операции (например, вырезание, копание), для которых тело человека от природы не слишком хорошо приспособлено. Орудие, таким образом, несет в себе больше энергии и мастерства человека, чем собственно мастерство и энергия человека» (Салинз 1999: 86). Вещь, приспособление, инструмент позволяют людям увеличить используемую ими энергию. Однако этого недостаточно. Необходимо, чтобы нужная вещь оказалась в нужном месте. Способы освоения пространства жителями Чукотки следует анализировать с точки зрения стратегии сохранения энергии, минимизации ее потребления в условиях относительной изолированности. Поддерживать данную стратегию позволяет сочетание использования имеющихся и вновь создаваемых местными жителями вещей, а также применение всей совокупности навыков (Давыдов 2019а: 163). Немаловажную роль здесь играют распределение вещей в пространстве, их сортировка, обмен, транспортировка и креативная трансформация.

В XX в. произошли существенные изменения в паттернах мобильности чукотских оленеводов. Имели место не просто рост интенсивности перемещений и изменение их траектории. Важнейшим результатом данных процессов является фактическое отчуждение части вещей от кочевника: они больше не сопровождают его практически все время. Одним из важнейших изменений в стратегиях использования пространства оленеводами Чукотки является появление стационарных конструкций, используемых для хранения вещей. Количество предметов, сопровождающих кочевника, в целом стало уменьшаться, в чем-то позволяя ему быть более мобильным. Появление и использование новой инфраструктуры (домов, квартир и подсобных помещений) в населенных пунктах дало возможность оленеводам оставлять там часть имущества на некоторое время, но требовало периодического возвращения в определенные точки пространства.

Политика перевода на оседлость кочевого населения предполагала строительство жилья для оленеводов и создала необходимость маятниковых миграций между стоянками в тундре и населенными пунктами. Это приводило также к постоянным изменениям плотности населения в поселениях и тундре в зависимости от «сезонных вариаций» хозяйственных циклов (Mauss 1979). Таким образом, появление новой инфраструктуры оказало существенное влияние на циркуляцию и расположение используемых местными жителями материальных объектов.

Вещи перемещаются вместе с передвижениями людей (Урри 2012б: 98). Если раньше они были больше сконцентрированы в определенной точке пространства и большая их часть перемещалась вместе с их хозяевами, то постепенно люди стали менее зависимы от необходимости постоянной географической близости к своему имуществу. Вещи жителей Чукотки стали характеризоваться большой дисперсностью точек их расположения.

Кочевой образ жизни предполагает различные формы перемещения материальных объектов в пространстве. Мобильность кочевников подразумевает не только перенос жилища и имущества из одного места в другое, но сопровождает-

ся микромобильностью (Dwyer, Istomin 2008) в рамках конкретных яранг или палаток. Например, летом при хорошей погоде жители стоянок выносят вещи наружу на просушку. Меховые изделия требуют тщательного ухода и ежедневной сушки (Головнёв и др. 2018: 144). Люди ежедневно выносят, а потом заносят часть вещей в жилище. В первую очередь подобного ухода требуют постельные принадлежности, шкуры, а также одежда. Когда через некоторое время вещи вносят в жилище, то вешают шкуры на перекладины либо кладут на землю. Вещи также вносят обратно, если начинается дождь. Мелкие предметы одежды можно просушивать внутри яранги или палатки. Если за изделиями из меха не ухаживать, они быстро изнашиваются (ПМА Давыдов, Давыдова 2018).

Вещи конкретного хозяйства в XX в. получают большее рассредоточение по ландшафту, но связи между ними и человеком, описанные в главе 6 Н.С. Гончаровым, сохраняются за счет мобильности. Фактически вещь из сферы микромобильности вовлекается в сферу макромобильности, меняется темпоральность ее присутствия в непосредственной близости от владельца. В этом контексте материальный объект, также как и человек, модифицирует траекторию своих перемещений. Можно сделать вывод, что пространство начинает заполняться вещами иначе, чем это было до создания чукотских сел, меняется траектория их перемещений и их «биографии» (Kopytoff 1986).

Таким образом, хранимые местными жителями запасы различных ресурсов распределяются по ландшафту. Это становится возможным благодаря создаваемой в рамках различных проектов инфраструктуре, а также формируемым силами представителей местного сообщества местам хранения. Дисперсность используемых ресурсов (например, топлива, пищи) находится в соответствии с практиками мобильности чукотских оленеводов. Рассредоточение материальных объектов в пространстве дает возможность сокращать набор вещей, требующих постоянной транспортировки, что упрощает перекочевки.

Зачастую необязательно накапливать ресурсы в специально оборудованных хранилищах, а важно знать места, где можно пополнить ресурс. Стратегия аккумуляции источников энергии неразрывно связана со знанием ландшафта. На оленеводческой стоянке важно поддерживать запас дров. Возможность пополнения топлива для очага появляется, когда известно, где можно найти подходящие заросли кустарника для сбора сухих веток. Здесь играет роль именно знание об имеющихся в определенных локальностях «запасах» природных ресурсов. Наличие компактно расположенных однотипных естественных или созданных человеком ресурсов позволяет налаживать устойчивые модели их эксплуатации. В этом смысле граница между антропогенным и природным ландшафтом размыта. Аккумулируемые в определенных местах природные элементы, например сухие ветки или плавник (как было показано Д.В. Арзютовым в главе 4 на примере ненцев п-ова Ямал и о. Колгуев), по мере надобности переносятся или перевозятся к местам стоянок. При этом в местностях, где можно найти много сухих веток, большие запасы хвороста, как правило, не делаются (Давыдов 2019а: 156).

7.1.2.
Минимализм как стратегия сохранения энергии

Повседневная жизнь северных кочевых сообществ характеризуется минимальным количеством вещей, включающим только самое необходимое (Головнёв и др. 2018). В этнографической литературе кочевники нередко описываются как люди, способные обходиться сравнительно небольшим набором предметов (Туголуков 1969; Головнёв и др. 2015). Принцип минимализма предполагает особое отношение к используемым ресурсам, позволяет экономить их в ситуации дефицита. Однако, если наблюдать за жизнью чукотских оленеводов в течение продолжительного промежутка времени, можно увидеть достаточно большое количество вещей, которые они используют в совокупности.

Исследование материальных объектов в комплексе позволяет по-новому рассмотреть концепт минимализма, характеризующий номадические сообщества Арктики. Применяя макровзгляд, дающий возможность увидеть вещи как единую систему (Бодрийяр 1999), можно заметить, что часть принадлежащего оленеводам имущества находится в пользовании в селах, районном центре, в других местах в тундре. Это жилые и подсобные помещения, которые используют родственники и знакомые, а также вещи, оставленные в населенных пунктах и местах старых стоянок. При необходимости имущество может изыматься из оборота и перемещаться в нужные места. Если мы рассмотрим вещи, используемые конкретным человеком, в комплексе, то увидим, что в реальности их количество больше, чем мы можем наблюдать в каком-либо конкретном месте, например на оленеводческой стоянке. Подобное распределение вещей, их дисперсия, является продуктом современной эпохи. Именно появление новых технологий передвижения и хранения поменяло систему их концентрации. Иными словами, появились новые центры их перераспределения.

На Чукотке уменьшение вещей в ярангах и палатках во многом связано с увеличением их количества в других точках. Появление новых мест хранения, в частности использование инфраструктуры села, позволяет местным жителям оставлять ненужные в определенный период вещи, забирая их и перераспределяя по мере необходимости. Возвращаясь из населенного пункта, оленеводы могут привозить в места расположения жилищ в тундре относительно небольшое количество предметов. Продукты завозятся отдельно из села, одежда часто на время их отъезда остается в тундре. Часть вещей хранят в населенном пуннкте и по мере необходимости просят передать с кем-либо, поскольку перемещения между местами стоянок бригад и населенным пунктом осуществляются довольно часто (Давыдов 2019а: 167).

Минимализм, таким образом, можно трактовать как принцип эксплуатации и организации вещей в пространстве (Давыдов 2019б: 98). Он представляет собой рациональную стратегию, преследующую экономию усилий, затрачиваемых при перемещениях. При этом вещи в жилищах и в непосредственной близости от них занимают больше пространства у тех оленеводов, которые основную часть вре-

мени кочуют в тундре и редко выезжают в села. Следует заметить, что оленеводы стали хранить меньше вещей в тундре благодаря появлению инфраструктуры в населенных пунктах. На Чукотке уменьшение количества находящихся в мобильном жилище (яранге, палатке) и рядом с ним вещей связано как раз с увеличением их количества в других местах. Использование дополнительной инфраструктуры позволяет местным жителям оставлять не используемые в определенный промежуток времени вещи, забирая их и перераспределяя по мере необходимости.

Не менее важен в кочевом хозяйстве технологический минимализм — стратегия, позволяющая производить новые вещи при ограниченном наборе инструментов и сравнительно небольших затратах энергии (Давыдов 2019а: 167). В быту оленеводов отсутствует избыточность инвентаря, поскольку излишества создают препятствия для мобильности. Следует отметить, что оленеводческие сообщества демонстрируют способность инкорпорации различных инноваций и технических средств, которые позволяют экономить трудозатраты при изготовлении и ремонте вещей, но не всегда означают экономию затрачиваемой энергии, поскольку требуют топлива для своего функционирования (Давыдов 2019б: 99–100). Технологический минимализм преследует цель сократить затраты труда человека при производстве и ремонте вещей, а также при заготовке материалов. В широком смысле минимализм в быту кочевников и их технологиях имеет прагматические корни — перевоз большого количества имущества делает перекочевки более энергоемкими. Следует заметить, что использование новых технических средств зачастую не приводит к экономии энергии. Например, ежедневные поездки вездехода от места расположения стада к летней стоянке достаточно энергоемки и дорогостоящи для местного предприятия. Осуществление подобных перемещений во многом обеспечивается за счет государственных дотаций (Там же: 101).

Жители Чукотки применяют в хозяйстве довольно много гибридных предметов, соединяющих свойства ряда вещей. Для кочевника важна компактность вещи, а многие предметы используются для решения целого ряда задач. То есть используемые в быту кочевников вещи полифункциональны[2] (Головнёв 2017: 13–14; Головнёв и др. 2018: 5, 342), причем они не остаются неизменными. Местные жители нередко экспериментируют с материалами и формами, создавая новые предметы.

В качестве источника материалов довольно часто используются части других вещей, отслуживших свой срок. В условиях Севера имеет место тотальная утилизация — все, что можно использовать, применяется для ремонта старых и создания новых вещей. В арктических поселениях и их окрестностях можно увидеть большое количество предметов — скопления пустых топливных бочек, остатки конструкций и трубы, детали брошенной техники, а также металлические контейнеры. С точки зрения стороннего наблюдателя, все это многообразие матери-

[2] Подобная стратегия позволяет кочевнику сократить количество перевозимых вещей, помогает увеличить число сфер применения материального объекта, а также экономить пространство (Давыдов 2019б: 101–102).

альных объектов может выглядеть как заброшенное и неиспользуемое. Тем не менее остатки старых конструкций и их детали часто находят применение в хозяйстве местных жителей, выступают в качестве строительного материала. Из бочек из-под горючего, а также металлических и полипропиленовых труб местные жители делают большое количество необходимых в быту предметов. Например, трубы из черного пластика используются для изготовления полозьев нарт или их подбивки (Головнёв и др. 2018: 76, 321), снеговыбивалок, деталей для упряжи и других вещей.

Немаловажную роль при выборе замещающих материалов играют их физические свойства. Пластик стал применяться вместо дерева и кости, поскольку он не покрывается льдом, не примерзает, хорошо скользит по снегу и льду, легко поддается обработке и медленно изнашивается. В процессе выбора также важны наличие или возможность получения определенных материалов, используемых для создания и ремонта вещей (Давыдов 2019б: 99).

7.1.3. *Использование инфраструктуры*

Крупнейшим проектом развития транспортной инфраструктуры на территории современного Иультинского района Чукотки являлось строительство автомобильной трассы в середине XX в.[3]. Иультинская дорога проектировалась как магистраль, ориентированная на транспортировку металла, который могло обеспечить открытое в 1937 г. участником Второй Чукотской экспедиции Главсевморпути В.Н. Миляевым комплексное месторождение вольфрама и олова (Романова 2018). Она была ориентирована прежде всего на вывоз добываемых металлов и проектировалась для соединения олововольфрамового месторождения с морским портом Эгвекинот. Трасса должна была обеспечивать доступ государства к полезным ископаемым.

В данный момент она функционирует именно как продолжение проекта Северного морского пути, позволяя перевозить поступающие с материка товары, а также доставлять продукты оленеводства в порт. Трасса является дополнительным каналом мобильности, позволяющим транспортировать топливо, вещи, материалы и продукты питания в глубь и на северный берег Чукотского полуострова. В данном контексте трасса без наличия морского сообщения не имела бы такого значения для государства и местных жителей.

В любом обществе есть тенденция к доминированию определенного процесса циркуляции, существуют структурированные маршруты, по которым передвигаются люди, объекты и передается информация (Урри 2012а: 143). Данная дорога структурирует перемещения людей и вещей в районе, она активно используется местными жителями и существенно сокращает путь со стоянок оленеводческих

[3] Иультинская трасса строилась с 1946 по 1951 г. заключенными ЧукотЛага. Дорога связывает Эгвекинот, Амгуэму и Мыс Шмидта. В постсоветский период многие ее участки были разрушены и сейчас требуют ремонта.

бригад к селу Амгуэма и районному центру, из Нутэпэльмена и Ванкарема к Амгуэме и из всех трех сел к Эгвекиноту. Нередко значительная часть пути к стоянкам оленеводов проходит именно по дороге, по которой перемещаться быстрее и легче, чем по тундре. Таким образом, Иультинская трасса обеспечивает бóльшую часть перемещений местных жителей.

Иультинская трасса представляет собой пример креативного использования инициированного государством проекта (Bennett 2018). Подчеркнем, что проект трассы является «встроенным» (Star 1999) в сложившуюся сеть других проектов, оказавших большое влияние на систему перераспределения ресурсов. Например, появление дороги, а также строительство связанной с ней инфраструктуры привели к появлению новых населенных пунктов и баз. В советское время во многих из них работали магазины, в которых отоваривались местные оленеводы. Кроме собственно перемещения решался целый ряд задач, что позволяло наладить снабжение из нескольких пунктов распределения.

Амгуэмские оленеводы активно используют Иультинскую трассу для интенсификации своих перемещений. В частности, ее наличие увеличило количество маятниковых поездок между с. Амгуэма, районным центром и оленеводческими бригадами. Местные жители постоянно используют трассу для проезда вездеходов и трэколов, чтобы поставлять товары в северные прибрежные села Ванкарем и Нутэпэльмен. В этом смысле трасса является незавершенным проектом (Ssorin-Chaikov 2017: 22), она как бы удлиняется и достраивается жителями с помощью имеющихся средств передвижения. Часть пути к оленеводческим стоянкам нередко проходит по Иультинской трассе. Само расположение яранг во время летовок часто совпадает с уже имеющимися дорогами, что позволяет использовать автотранспорт для доставки продуктов и вывоза мяса (Давыдов 2019а: 165).

Трасса не только является каналом перемещения ресурсов, но и сама является ресурсом. Местные жители активно используют расположенную вдоль дороги заброшенную инфраструктуру. В постсоветский период многие постройки, а также старая линия электропередач были заброшены и превратились для местных жителей в источник строительных материалов и топлива. Применение тяжелой техники позволяет им привозить деревянные столбы на места стоянок или в село. Они активно применяются для строительства и отопления парников, количество которых в Амгуэме и Эгвекиноте в последние годы увеличилось. Похожим образом в качестве топлива оленеводы летом 2018 г. использовали деревянные столбы старого заброшенного кораля, построенного в советский период. Жители Амгуэмы также адаптировали заброшенные здания в поселке Дорожный, расположенном в четырех километрах от села, держат там сараи, гаражи и парники. Подобная стратегия вторичного использования ресурсов позволяет им самим создавать собственную инфраструктуру в тех местах, где ее не поддерживает государство или наблюдается ее нехватка (Васильева 2019).

В условиях Арктики инфраструктура предлагает местным жителям не только и не столько перспективу, или «обещание» (Ssorin-Chaikov 2017: 99; Anand et al.

2018), но обеспечивает им возможность творческого участия в «достройке» и адаптации для решения их повседневных задач.

7.1.4. *Новые мобильные модули освоения пространства*[4]

Для быта жителей северных сел и поселков характерна модульность. Перемещения арктических кочевников основаны на использовании мобильных модулей, позволяющих более эффективно осваивать имеющиеся ресурсы (Головнёв 2017: 10–11). Модульность жилых пространств коррелирует с модульностью мест хранения. Заполнение пространства населенных пунктов Иультинского района новыми коттеджами, возводимыми по канадской технологии, сочеталось с появлением в регионе большого количества морских металлических контейнеров — они использовались для транспортировки строительных материалов и остались в селах, будучи востребованными в качестве подсобных помещений.

Как сказано выше, с помощью водного транспорта происходит процесс заполнения пространства металлическими модулями — контейнерами. На сегодняшний день они используются повсеместно, а в условиях Чукотки становятся одним из важнейших компонентов практик освоения пространства. Металлический контейнер обладает рядом характеристик, которые повлияли на быстроту его распространения и востребованность в северных широтах. Прежде всего это его гибридная природа — совмещение свойств стационарных и мобильных построек. Когда он устанавливается в конкретном месте, то может применяться в качестве стационарного и использоваться как подсобное помещение для хранения различных материальных объектов — вещей, техники и продуктов питания, а также как мастерская. Важной характеристикой данного модуля является и его мобильность. Она позволяет обеспечить использование ресурсов в динамике. Контейнер перемещается в те места, где в нем есть необходимость. В этом смысле он выполняет функцию, схожую с мобильным жилищем. Тем не менее сохраняется общая тенденция: мобильное жилище кочевников Чукотки (яранга или палатка) перемещается чаще, чем подобное место для хранения.

Контейнер (и ландшафт, где он расположен) не следует рассматривать как статичную, фиксированную во времени вещь (Ingold 1993). Его отличает особая темпоральность, связанная с более длительным пребыванием в конкретной точке пространства, а также с концентрацией подобных модулей в интенсивно используемых местах. Физические свойства контейнера в совокупности с изобретательностью местных жителей позволяют использовать его в рамках определенного режима организации практик во времени. Каждый материальный объект обладает некоторым потенциалом темпоральности, т.е. набором качеств, позволяющих применять и перемещать его определенным образом. Например, яранга, состоящая из быстро разбираемых модулей, позволяет кочевнику перемещаться вместе

[4] Более подробно данная тема раскрыта на примере Чукотки и Таймыра в статье В.Н. Давыдова (2020).

с ней и другими вещами в динамичном ритме. Контейнер — более статичная конструкция, которая достаточно сложно поддается ремонту и обновлению, а также транспортировке по сравнению с мобильным жилищем. Здесь можно говорить об «аффордансах» (Gibson 1979), которые предоставляет людям материальный объект, т.е. о его конкретных физических свойствах, влияющих на возможность пространственных перемещений и модификации. Любой материальный объект может быть изменен, а также перемещен. Кочевье — постоянная трансформация и адаптация вещей в движении. Контейнер создает возможность использования опорных точек в рамках мобильности, маркируя собой места интенсивного использования. Для кочевников он нередко превращается в точку притяжения, становясь центром маятниковых движений.

Во многих населенных пунктах Чукотки контейнеры стали обычной частью пейзажа, и местные жители не видят в них ничего чуждого. Контейнеры можно увидеть практически повсеместно, причем они зачастую образуют скопления, расположенные в непосредственной близости друг от друга и от жилых домов. Иногда они образуют ряды с небольшими переулками, напоминающие гаражные кооперативы, и используются в качестве подсобных помещений (рис. 40). Контейнер позволяет местным жителям расширить площадь мест их хозяйственной деятельности, хранить целый набор предметов, техники и пищевых продуктов за пределами домов или квартир.

Рис. 40. Контейнеры. Пгт Эгвекинот, Чукотка. Сентябрь 2018 г. Фото В.Н. Давыдова

Данный модуль нередко используется как дополнение к уже построенным ранее сараям и гаражам, собранным из подручных материалов и остатков старых конструкций. Применяют его не только те, кто непосредственно проживают в поселениях, но и жители удаленных сел, время от времени приезжающие в более крупные населенные пункты. Они, как правило, используют контейнер для хранения транспортных средств, а также средств для их обслуживания и ремонта. Место его расположения нередко определяется обычным правом и часто не закреплено за владельцем юридически. Местные жители хорошо знают, где чей контейнер находится, а сам он и место его расположения ассоциируются с людьми, которые его используют.

В чукотских селах можно увидеть контейнеры разных размеров. Габариты определяются практической необходимостью. Жители, владеющие большим количеством техники, нуждаются в контейнерах большего объема и большем их количестве. В населенных пунктах поблизости могут располагаться мобильные модули, завезенные в разное время. Например, в пгт Эгвекинот некоторые жители до сих пор используют образцы советского периода, изготовленные из металлических направляющих и обшитые досками.

Контейнер позволяет жителям северных поселений, которые живут в квартирах и коттеджах, хранить вещи и продукты в замороженном виде, заменяя собой холодильник (Давыдова 2019). Поскольку это не всегда можно сделать в жилом помещении, он служит расширением пространства, используемого для хранения. Контейнер, кроме того, позволяет обеспечить лучшую сохранность вещей, транспортных средств и продуктов, чем обычные стационарные постройки. Он представляет собой замкнутое пространство, жестко ограничивающее и регламентирующее режим доступа к находящемуся в нем и перевозимому в нем имуществу. Многие используют контейнер для того, чтобы избежать кражи вещей. Открывается он с одной стороны и легко комбинируется с другими подобными модулями. Зачастую один владелец размещает поблизости сразу несколько контейнеров. Данный модуль полностью соответствует описанному выше принципу минимализма, поскольку для его эксплуатации практически не требуется дополнительных ресурсов, а сам он, обладая достаточной степенью прочности, может эксплуатироваться довольно интенсивно.

Зачастую использование контейнера делает местных жителей более свободными в их перемещениях, в случае оленеводов — позволяет им хранить часть неиспользуемого имущества. Определенная свобода также проявляется в том, что контейнер можно установить практически в любом месте. Перемещают его с применением специальной техники — трактора, тягача, бульдозера, — имеющейся в распоряжении местных коммунальных служб или частных владельцев.

Контейнер на Чукотке является гибридом гаража, мастерской и мобильного модуля. В этом смысле он отличается от обычного стационарного строения, ориентированного на длительное пребывание в конкретном месте. Контейнер хорошо адаптируем к решению практических задач, он не привязан раз и навсегда к одному владельцу или локальности — это объект, который можно продать, купить, обменять или переместить в другое место. При этом он обеспечивает высокую степень со-

хранности оставляемых вещей. Он может использоваться для складирования практически любых материальных объектов — техники, топлива, одежды, шкур, инструментов и продовольствия. Климатические условия позволяют применять контейнер в качестве холодильника в течение большей части года. Контейнер в повседневных разговорах местного населения зачастую выступает как объект мечты и планирования будущего и ассоциируется с хорошим достатком и достойной жизнью. Он воспринимается местными жителями как бытовая вещь, которая может использоваться так же, как и самостоятельно сконструированные подсобные помещения.

В качестве дополнительных помещений используются яранги, которые с весны по осень местные жители расставляют в непосредственной близости от села Амгуэма на берегу реки. Хозяйка одной из них, знаток традиционных технологий, рассказала, что она хотела бы в будущем поставить контейнер неподалеку от своей яранги, для того чтобы хранить там шкуры. Яранга используется ею в качестве дополнительной постройки, где она занимается обработкой шкур, готовит традиционную пищу, а также принимает гостей и туристов. Ряд информантов тоже говорили о своих планах приобрести контейнер для хранения вещей и техники (ПМА Давыдов, Давыдова 2018).

Несмотря на то что металлические контейнеры трудно поддаются перестраиванию, местные жители видоизменяют их, добавляя новые элементы, сочетаемые друг с другом. Контейнеры легко стыкуются с другими материальными объектами и могут составляться в более крупные постройки, объединенные между собой. Иногда их делают частью большого строения, включая в состав новой конструкции. Например, на Чукотке местные жители нередко ставят два контейнера параллельно друг другу, накрывают их общей крышей так, чтобы между двух стен образовывалось еще одно помещение, часто используемое в качестве гаража. Это позволяет более рационально осуществлять хранение топлива и техники, а также объединить несколько помещений, используемых для различных задач, в единый комплекс.

Расширение пространства подобных строений может происходить не только по горизонтали, но и по вертикали. Например, на контейнере порой возводят второй этаж. При использовании нескольких контейнеров может получиться подобие здания из нескольких этажей. На первом этаже обычно располагается гараж. В селе Амгуэма есть образцы подобной архитектуры, где на втором уровне располагается парник. Контейнер, таким образом, является «незавершенным проектом» (Ssorin-Chaikov 2016) и активно преобразуется местными жителями через соединение с другими материальными объектами в зависимости от их потребностей.

При отсутствии стандартных контейнеров местные жители изобретают субституты хранилищ. Они могут использовать и конструировать постройки, которые функционируют наподобие контейнеров. В селе Нутэпэльмен на северном побережье Чукотки находит применение любая отслужившая свой срок инфраструктура и техника. Одно из используемых жителями села подсобных помещений — это вертолет, который был оставлен в селе после жесткой посадки в декабре 2017 г., когда из-за сильного ветра он ударился о землю и стал непригоден для полетов. Местные жители сразу же нашли ему применение — корпус летательного аппарата стал использоваться вместо подсобки, подобно контейнеру (рис. 41).

Рис. 41. Сарай-вертолет. Село Нутэпэльмен, Чукотка. Март 2019 г. Фото В.Н. Давыдова

Освоение северных пространств — креативный процесс. Отсутствие подходящей инфраструктуры не помеха для местных жителей: они собственными усилиями создают пространства, используемые для хранения и перераспределения ресурсов. Особенностью данного процесса становится модульность — создание схожих вместилищ с помощью однотипных подручных средств. Неудивительно, что появление металлического контейнера на Чукотке повлекло за собой его чрезвычайно быстрое распространение и он оказался весьма востребованным в высоких широтах.

7.1.5.
Изменение режимов автономности

Представители северных сообществ выработали стратегии использования энергии, которые предполагают определенную степень автономности от системы распределения ресурсов, создаваемой государственными институтами (Davydova, Davydov 2018). Автономность — это всегда относительная характеристика, можно говорить лишь о ее степени. Полная автономность невозможна. Автономность представителей северных сообществ поддерживалась также за счет воспроизводства навыков, позволявших добывать пропитание и строить жилища в тундре, используя местные природные материалы и шкуры (Давыдов 2019б: 99). Спо-

собность автономного существования оленеводов Чукотки в определенные промежутки времени — обязательное условие для поддержания кочевого образа жизни. Для оленеводов всегда была характерна высокая степень автономности, обеспечение которой связано с навыками использования окружающего ландшафта и местных ресурсов (см.: Богораз 1991).

Понятие автономности неоднократно использовалось в антропологической литературе, однако авторы вкладывали в него различный смысл: политический, экономический, гендерный, территориальный, культурный (Beeson 2000: 335–351; Gardner 1991: 543–572; Graber, Long 2009: 147–155; Grier, Kim 2012: 1–34; Jones 1971: 1–11; Lepowski 1990: 35–50; Maclean 1994: 667–688; Sahlins 1972). При этом субъектами автономности могли выступать сообщества разного уровня: деревни, домашние хозяйства, десцентные группы, семьи и пр., а также отдельные люди.

Развитие концепции автономности в антропологии, во-первых, связано с дискуссиями относительно природы эгалитаризма. Одни авторы понимают суть эгалитаризма как стремление людей к автономности, независимости и индивидуализму (Gardner 1991: 543–572), другие видят в «автономном достижении» предпосылку социальному неравенству (Helliwell 1995: 359–375). Во-вторых, концепт автономности используется учеными для изучения взаимодействия небольших локальных сообществ и их экономики с государственной властью и глобальными экономическими процессами (Lepowski 1990: 35–50; Maclean 1994: 667–688).

Степень автономности оленеводов не оставалась неизменной. Трансформацию режимов автономности на Чукотке следует рассматривать в контексте государственного влияния на образ жизни оленеводов. Однако, несмотря на то что именно действия советской власти (например, коллективизация) по отношению к оленеводам стали спусковым механизмом смены режимов автономности, круг возможных акторов, воздействующих на практики использования локальных ресурсов, не ограничивается представителями государственной власти, а включает в себя различные частные компании, материальные объекты, а также самих местных жителей.

Современные жители Чукотки задействуют многочисленные источники энергии, их практики подразумевают мультиресурсность. При необходимости они переключаются с использования одного вида ресурса на другой. Запасы в определенных местах (контейнеры и другие подсобные помещения) создают саму возможность действия — содержат в себе потенциальную энергию (Давыдов 2019а: 164). Одной из важнейших составляющих быта кочевников является потенциал перемещений, или мотильность (Kaufmann 2002). Подобную возможность движения обеспечивают запасы топлива, которые делают местные жители. Ведь современные средства передвижения требуют топлива, а это, в свою очередь, создает необходимость его предварительной доставки к местам хранения в тундре или селе (Давыдов 2019а: 164).

Стратегии автономного существования всегда реализуются в рамках определенных временных промежутков. В этом контексте важен темпоральный аспект

(Ingold 1993; Ssorin-Chaikov 2016). В зависимости от способов пополнения ресурсов существуют различные виды автономности — длительная и краткосрочная. Они предполагают разные стратегии накопления ресурсов. Причем их можно рассматривать не только как два отдельных типа, но и как находящиеся в отношениях части и целого. Долгосрочная автономность может базироваться на целом наборе связанных между собой практик, позволяющих поддерживать краткосрочную автономность. Пополнение ресурсов в современных оленеводческих бригадах происходит не одномоментно, а ступенчато. Это стало возможным за счет роста количества перемещений между стоянками в тундре и селом. Ресурсы пополняются постепенно, по мере их истощения. Для современной Арктики и Сибири характерны изменение практик мобильности, рост количества маятниковых перемещений, привязка к центрам распределения. Мобильность современных оленеводов предполагает постоянные возвращения в точки распределения ресурсов (Давыдов 2019а: 168).

Мобильность оленеводов Чукотки не только подразумевает перемещение по определенным маршрутам, но и опирается на интенсивные движения между селами, местами стоянок и местами выпаса стад. Оставляя часть имущества в населенных пунктах, оленеводы Чукотки уменьшают степень своей автономности. Создается необходимость возвращения в определенные точки пространства, чтобы забрать и поменять вещи. Это приводит к интенсификации маятниковых перемещений между стоянками в тундре, национальным селом и районным центром, а также увеличивает энергозатраты, связанные с мобильностью (Давыдов 2019б: 99).

В тундре в условиях удаленности от мест распределения часто возникает нехватка чего-либо, которая может являться следствием современности. Переход на новые средства передвижения сильно изменил стратегии перекочевок. Например, если сломался вездеход, часто ждут запасные части и специалиста-сварщика из села для проведения ремонтных работ. Часть оленеводов постоянно перекочевывают с помощью вездеходов. Подобную форму иерархической зависимости от технологических инноваций, спонсируемых государством, можно назвать технологическим патернализмом. Для сохранения большей автономности местные жители запасают не только топливо, но и саму технику. Например, они используют несколько снегоходов для разных типов поездок, причем отечественные снегоходы («бураны») часто используются для путешествий, где выше риск поломки. Более дорогие снегоходы иностранного производства применяют в тех случаях, когда необходимо быстро доехать. Подобное накопление средств передвижения позволяет бороться с рисками невозможности перемещений в случае поломки одного из них (Там же: 164).

Многие ресурсы местные жители получают собственными силами, используя целый спектр стратегий. В тех местах, где были сокращены или приостановлены инвестиции проектов индустриального развития, они сами утилизируют не используемое государством или добывающими компаниями имущество, а также самостоятельно налаживают каналы мобильности и снабжения. Таким образом,

проекты развития инфраструктуры в условиях удаленности от центров распределения ресурсов, находясь в сильной зависимости от приоритетов внешнего финансирования, никогда не достигают полноты своей реализации, являются незавершенными (Ssorin-Chaikov 2016) и всегда сопровождаются локальными креативными инициативами.

7.2. Пищевая автономность

Пища является важнейшим источником энергии для человека. Для сел и тундр Российской Арктики характерны проблемы с продовольственным снабжением: ассортимент товаров определенно не способен удовлетворить всех пищевых потребностей местного населения, привозная продукция часто просрочена и имеет сильно завышенную стоимость. На Чукотке пищевое разнообразие достигается с помощью использования локальных знаний, мобильности, а также альтернативных и часто скрытых для стороннего наблюдателя способов приобретения и аккумулирования пищевых ресурсов. Для их получения жители задействуют локальные микросети распределения пищи, реализуют практики и эксперименты самостоятельного производства дефицитных продуктов (например, арктические теплицы), используют разнообразие техник сохранения и обработки пищи, ведут добычу местных биоресурсов, нередко с нарушением официально утвержденных правил, сроков и квот.

Рассматривая пищу в качестве источника энергии, необходимо проанализировать различные паттерны приобретения и использования пищевых ресурсов в исторической перспективе. Мы начнем, опираясь на архивные и полевые материалы, с рассмотрения традиционной диеты оленеводов Чукотки до прихода советской власти. Далее, сравнивая традиционное питание с современной ситуацией в этой сфере, мы попытаемся выявить общие ценности и представления, влияющие на практики местных жителей, связанные с пищей. Наконец, мы остановимся на способах получения и сохранения пищевого ресурса, анализ которых позволяет выделить режимы пищевой автономности, существовавшие на Чукотке в разных социально-исторических контекстах[5].

7.2.1. *Традиционная диета оленеводов Чукотки*

Какой была диета чукотских оленеводов в середине прошлого века? Хранящиеся в Архиве МАЭ РАН Полевые дневники В.Г. Кузнецовой, ленинградского этнографа, кочевавшей с амгуэмскими оленеводами на протяжении трех лет (с 1948 по 1951 г.), дают достаточно полную картину о диете местных жителей в

[5] Некоторые идеи, обсуждаемые в данном параграфе, были отражены в ряде публикаций авторов (см.: Davydova 2019; Давыдова, Давыдов 2020).

середине XX в., когда коллективизация хозяйств едва начиналась. Этнограф постоянно находилась в тундре в течение нескольких лет, погрузившись в различные виды деятельности, составлявшие повседневную жизнь оленных чукчей, и неизбежно была включена в пищевые практики (Давыдова 2018б: 128–147). В.Г. Кузнецова проявляла исследовательский интерес к питанию местных жителей. Как отметила в своей работе Е.А. Михайлова (2015: 106), «вряд ли где еще можно найти более полное описание чукотских блюд, системы питания, распределения еды, принятых в этой сфере представлений, норм и запретов».

В.Г. Богораз писал в свое время, что «чукотское меню не очень разнообразно» (Bogoras 1904: 199). Однако записи В.Г. Кузнецовой, а также более поздние этнографические исследования (Афанасьева, Симченко 1993: 56–100; Голбцева 2017: 249–270), напротив, говорят об обилии блюд, приготовлявшихся оленеводами. Действительно, несмотря на то что большинство из них делалось из частей туши оленя, применявшиеся технологии приготовления пищи в сочетании с использованием продуктов морского зверобойного промысла, собирательства, рыболовства и охоты, т.е. местных ресурсов, позволяли создать диету, разнообразную по вкусу и обладающую высокопитательными качествами.

Все части туши оленя употреблялись в пищу. В.Г. Богораз отмечал, что «чукчи извлекают из оленьей туши больше питательных веществ, чем все соседние племена» (Богораз 1901: 1). До сих пор долбление и варка костей для вытапливания из них жира рассматриваются некоторыми местными жителями как признак умения хозяйки сохранять пищевой ресурс. Мясо оленя употребляли в вареном, вяленом, копченом, мороженом, ферментированном виде. Отдельные части туши оленя ели сырыми сразу после убоя, например глаза, печень, ножные сухожилия, костный мозг, хрящи. Вообще, в пищу шли все субпродукты: сердце, печень, почки, желудок, кишки. Например, *нанувъе* — вывернутую наизнанку, промытую, сушеную прямую кишку оленя — чукчи ели, прожарив на костре; *э'легъи* — двенадцатиперстная кишка оленя употреблялась в сушеном виде.

Из *э'легъи*, а также из тонких кишок делали жидкую кашу-похлебку — *питийигрилк'ырил*. Отжатое содержимое кишок, вылитое в мешки из желудков оленя, летом подвергалось ферментации, а зимой замораживалось. В данной жидкости, иногда смешанной с водой, варили высушенные и нарезанные кишки. Доведя их почти до полной готовности, в блюдо добавляли кровь, вливая ее тонкой струйкой. *Питийигрилк'ырил* считался одной из самых питательных каш-похлебок, существовавших у чукчей (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 375. Л. 7). Наиболее часто употребляемой кашей, особенно в зимний период, являлась *ямгарилк'арил*. Она была не такая сытная и представляла собой сваренное содержимое желудка оленя, очищенное от крупных остатков листьев, иногда с добавлением крови и жира.

Праздничной пищей являлись *вытрилк'ырил* (зеленая каша, приготовляемая из листьев щавеля) и *кивлет* (кровяная похлебка с добавлением жира, кишок и съедобных корней растений). Для приготовления *вытрилк'ырил* в начале лета собирали молодые листья щавеля. Зелень варили в больших котлах до полной готовности около 3–4 часов. Сваренные и остывшие листья отжимали и убирали

в герметический мешок. Данную смесь могли подавать с мясом, печенью, кровью. В канун праздника ее тщательно измельчали рукой, затем добавляли кровь и жир, доведя до жидкого состояния (ПМА Давыдов, Давыдова 2018).

Приготовление *кивлета* В.Г. Кузнецова описала следующим образом: «Кровяная похлебка *кивлет* варится из нарезанных жирных *э'легъи*, в сваренную жидкую массу кладут рубленую мороженую кровь, сняв сосуд с огня, и тщательно мешая кашу в момент высыпания крови, затем, повесив сосуд на очаг, беспрерывно мешают варящуюся кашу; обмакиванием кусочка снега в котел, по окрашенному цвету, определяют достаточность положенной крови» (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 42).

Отметим, что мучную кашу, позже широко распространившуюся среди амгуэмских оленеводов, в середине XX в. практически не готовили, так как мука редко встречалась в запасах тундровиков. Единственным европейским продуктом, обязательно закупавшимся оленеводами, был чай, который употребляли в больших количествах. В качестве питья использовался также мясной бульон.

Для приготовления описанных выше каш необходима была кровь, которую заготавливали во время убоя оленей. Квашеную мерзлую кровь (*вилмутлын*) употребляли в качестве дополнения к другой пище: мясу, нерпичьему жиру, *кэмэйырын* (см. описание данного блюда ниже). Кроме того, кровь использовалась в качестве консерванта, обеспечивающего правильную ферментацию продуктов, при этом дающую совершенно иной вкус, нежели ферментация в земле или на свежем воздухе. Для приготовления *натъёт* в мешки с кровью складывали обжаренные на костре копыта и губы оленя, также иногда собранные корешки, ягоду шикшу, печень.

Приведенные рецепты блюд показывают, что использование растений для приготовления пищи делало существенно более разнообразным питание амгуэмцев. Летом женщины собирали листья ивы, золотого корня, дикий лук, листья пырея, корни и листья щавеля, корни и листья *пупокалгын*. Собранные растения, в свежем или заготовленном виде, служили добавкой к мясной пище.

Практически ежедневно употребляемым блюдом в осенне-зимне-весенний период был *кэмэйырын*. Для его приготовления в начале лета в тундре собирали молодые листья ивы, а также дикий лук, молодой щавель, листья пырея. Собранную зелень сушили или замачивали в воде. Содержимое желудка оленя тщательно обрабатывали, выбрасывая непереваренную пищу, после чего смешивали с сухими или замоченными листьями. Данную смесь убирали в специально приготовленный мешок из нерпичьей шкуры, тщательно закрывали и хранили до наступления зимы в специально выкопанной яме или просто в яранге.

Однако самыми лакомыми считались, как правило, наиболее сытные блюда. Их подавали в виде шариков старикам, главам семейств, почетным гостям. Отварное мясо перетирали с жиром и замораживали, в результате получался *прэрэм*, а начинив данной массой отдел желудка оленя, готовили *рорат*. *Тыргыпат* готовился из нарезанного небольшими кусками мяса, смешанного с жиром и сваренного в воде. *Яракай* — детское место (плацента) теленка, начиненное рубле-

ным мясом и жиром. Данное блюдо варили вместе с мясом в котле, причем его не перевязывали туго, а продергивали широкими стежками стволинку от веточки, чтобы в послед проникал жирный бульон из котла (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 367. Л. 5).

Оленеводы в основном употребляют оленину, но также любят мясо и жир морских животных, поэтому они стремились получить продукцию морской охоты путем обмена с береговыми жителями, прежде всего *мыткамыт*, нерпичий жир, и *копалгын*, моржовое мясо. Даже семьи, которые не выходили по каким-то причинам к побережью, старались перехватить в тундре возвращающихся с берега оленеводов, чтобы перекупить у них морские продукты, а также чай, табак, иногда сахар и муку. За русскими товарами можно было также отправиться в п. Дорожный, созданный советской властью и расположенный на 87-м километре упоминавшейся выше Иультинской трассы. Следует отметить, что даже хозяйства, настойчиво уклонявшиеся от коллективизации, искали торговых отношений с государством, представленным магазинами и торгово-заготовительными базами.

Рыболовство в различных хозяйствах могло занимать разное место в системе питания. Но все семьи в большей или меньшей степени употребляли рыбную пищу. При случае оленеводы охотились на дикого зверя и птицу: например, бурого и белого медведя, снежного барана, дикого оленя, гусей. Мясо добытых животных также шло в пищу.

Итак, основу питания местных жителей составляли блюда, приготовлявшиеся из оленины. Приведенные хозяйственные и обменные практики способствовали расширению их диеты и мобилизации пищевых ресурсов через включение продуктов, получаемых в море, тундре или в ходе торговли. Кроме того, сочетание использования всех имеющихся продуктов с комбинированием различных технологий обработки пищи позволяло создать широкий спектр вкусовых ощущений и большое количество блюд.

7.2.2.
Смена пищевых паттернов на Чукотке во второй половине XX в.: чувство сытости и вкусовые ощущения

Сравнивая диету оленеводов, зафиксированную В.Г. Кузнецовой и вкратце здесь представленную, с современной ситуацией, можно отметить несколько ключевых моментов. Произошедшие перемены весьма существенны. Многие описанные блюда вовсе вышли из употребления. Например, *рилк'ырил*, как правило, выкидывают; кровь собирают, но используют в основном для приготовления пищи собакам; редкая хозяйка сегодня вытапливает костный жир. Другие блюда, такие как *рорат*, *прэрэм*, *натъёт*, *кэмэйырын*, используются в ритуальном контексте или употребляются в моменты, когда люди начинают скучать и/или ностальгировать по вкусу чукотской пищи — по вкусам, которые они знают с детства. В связи с этим сегодня традиционные виды пищи заготавливают в более скромных количествах: например, прежде на семью требовался целый

мешок или даже несколько нерпичьих мешков (*пыгпыг*) *кэмэйырын*, сегодня же людям хватает одного полиэтиленового пакета.

Параллельно с этим через систему интернатов и организацию снабжения оленеводов государственной властью произошла интеграция советской кухни в питание местных жителей, другими словами, изменились вкусовые предпочтения людей (Kozlov et al. 2007: 105). Местные жители, оправдывая свои пищевые пристрастия, включающие европейские продукты, говорят: «Мы же интернатские» (ПМА Давыдов, Давыдова 2017–2018).

Несмотря на существенные перемены, произошедшие в системе питания, мы полагаем, что два принципа, прежде пронизывавшие пищевые практики и представления местных жителей, по сей день существенно влияют на их систему питания и даже организуют ее определенным образом. Один из важных аспектов пищевых практик оленеводов связан с представлениями о сытости и питательности блюд. Ключевой характеристикой еды для местных жителей, определяющей качество и ценность того или иного блюда, является ее способность насыщать. Примечательно, что, согласно электронной версии тематического словаря Ш. Венстена, в чукотском языке понятия «вкусный» и «жирный» могут обозначаться одним словом. Например, *н'ыргыроолк'ыл* переводится как «вкусная пища» или как «жирная пища» (см.: Венстен. Тематический словарь).

Н.Ф. Каллиников писал, что у оленеводов чем жирнее кусок мяса, тем он считается лучше (Каллиников 1912: 100). Примеры такого отношения к еде можно найти в дневниках В.Г. Кузнецовой. Хозяин яранги Тымненентын упрекал девушку-работницу за невкусно сваренный кивлет. «Жидкий, не жирный», — говорил он (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 376. Л. 13). Молодой пастух Ятгыргин, порой воровавший съестные припасы, старался украсть самый жирный кусок мяса (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 377. Л. 2–2об.). В качестве жертвоприношений, которые должны состоять из самой лучшей еды, использовали «жирное крошево» (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 385. Л. 6).

Представления о ценности питательной пищи существуют среди чукчей и сегодня. Поэтому сейчас, как и полвека назад, основой диеты тундровиков являются многочисленные мясные блюда, которые считаются самыми сытными и не идущими в сравнение с европейской углеводной пищей. Повар, сопровождавшая оленеводов на летовке[6], глядя на сваренный одним из авторов (Е.А. Давыдова) очередной обед, пошутила, сказав: «Если бы я готовила, как ты (т.е. мало используя мяса и жира. — *Авт.*), то пастухи одели бы мне эту кастрюлю на голову» (ПМА Давыдов, Давыдова 2018).

Приезжие также обращают внимание на вкусовое предпочтение жирной пищи у местных жителей, в частности, они удивляются, что чукчи совсем не ценят «вкусные диетические» части туши оленя, предпочитая им «невкусные» куски с большим количеством жира. Именно способность блюда насыщать человека выступает одним из критериев, по которым коренные жители разделяют пищу на

[6] Выпас оленей на летних пастбищах.

русскую и чукотскую, причем именно последней, как аутентичной, приписывают исключительно положительные свойства. Как отметил А. Аппадураи, аутентичная пища не может обладать плохими качествами (Appadurai 1986: 25). По словам местных жителей, русская пища не насыщает, оставляет голодным, в то время как употребление небольшого количества чукотской пищи позволяет долго сохранять чувство сытости[7]. О данных особенностях русской и чукотской пищи писали также С. Ямин-Пастернак с ее соавторами применительно к району Берингова пролива (Yamin-Pasternak et al. 2014: 625).

Особенно высокие питательные свойства на Чукотке приписываются ферментированным блюдам, являющимся в глазах местных жителей наиболее аутентичной пищей и символом чукотской кухни. Они подчеркивали, что всякая квашеная пища очень питательна. Она прекрасно согревает, даже будучи подаваемой в мороженом виде. Например, зимой оленеводы в тундре едят долбанину из ферментированного мороженого мяса с нерпичьим жиром. По словам людей, несмотря на то что данное блюдо едят холодным, оно начинает согревать человека изнутри. Один информант вспоминал, как он после употребления этой пищи всегда выходил на мороз без шапки, так как от него «парило», т.е. ему было очень жарко (ПМА Давыдов, Давыдова 2017–2018).

В тундре людям особенно важно, чтобы еда была не просто вкусной, но также способной быстро и надолго насытить человека. Длительные пешие переходы, холод, требующие немедленного выполнения трудовые операции — неотъемлемая часть жизни оленеводов. Как объяснил один из пастухов, надо уметь быстро наедаться, ведь олень ждать не будет (ПМА Давыдов, Давыдова 2018). Он тем самым хотел сказать, что спокойное стадо в любой момент может начать движение, которое человек не всегда предвидит. Поэтому оленевод должен быть готов завершить отдых, в том числе прием пищи, в любую минуту. Навык быстрого насыщения[8] включает в себя умение быстро приготовить питательную пищу, быстро организовать застолье и быстро съесть приготовленное. Например, пастухи любят брать на дежурство *кыкватъол* — вяленое мясо. Его не надо разогревать, и небольшое количество данного продукта быстро насыщает. Прежде хозяйки готовили в дорогу *прэрэм*. Сегодня пастухи могут брать с собой консервированное мясо промышленного производства.

Таким образом, технологии приготовления пищи позволяют местным жителям максимально аккумулировать энергетические свойства продуктов. Ферментация, вяление, а также заморозка наиболее питательных частей туши, смешанных с жиром, являются примерами технологий создания высококалорийных блюд (Kozlov et al. 2007: 114).

Однако людям важно, чтобы пища была не просто сытная и вкусная, но и разнообразная по вкусовым качествам. Информанты подчеркивают, что они лю-

[7] Подобное разделение на «русское» и «чукотское» касается и других материальных объектов, например нарт (Головнёв и др. 2018: 93, 94), одежды и дров. «Чукотская» пища ассоциируется местными жителями с чувством сытости и знакомыми с детства вкусовыми ощущениями.

[8] Ср. с искусством быстрого действия и быстрого сна (Головнёв и др. 2015: 78–83).

бят ощущать разные вкусы. Хозяйка яранги, в которой мы проживали в августе и сентябре 2018 г., находясь в тундре, очень гордилась своим умением готовить вкусную и разнообразную пищу (каждый день она старалась приготовить что-нибудь новое), своими знаниями большого числа рецептов (она прекрасно знает как традиционные чукотские блюда, так и тонкости советской/русской кухни), способностями применять их на практике не только в селе, но и в тундре (например, готовить в яранге бисквиты).

До завершения процесса коллективизации оленеводческих хозяйств спектр вкусов расширялся за счет применения разнообразных технологий обработки и приготовления пищи, знания многочисленных рецептов, сочетания разных продуктов, использования дикоросов, рыбы, мяса диких животных, приобретения продуктов в ходе обмена с приморскими жителями и сотрудничества с представителями власти.

Сегодня ориентация на максимизацию вкусов также существует, но воплощается на практике несколько иным образом. Традиционные технологии обработки и приготовления пищи не вышли из употребления. Однако, во-первых, к ним добавились новые технологии, пришедшие с советской кухней и инкорпорированные жителями Чукотки. Например, жареное рубленое мясо (котлеты) прежде местные жители не готовили, а сейчас оно является неотъемлемой частью их меню как в тундре, так и в селе. Во-вторых, часть традиционных технологий стали использовать более интенсивно, а часть, наоборот, порой может уходить на второй план. Так, благодаря распространению холодильников и ларей (морозильных камер) заморозка продуктов в селе стала осуществляться круглогодично. Раньше она использовалась местными жителями только с наступлением холодов, и в это время значительная часть продуктов употреблялась в замороженном виде (Михайлова 2015: 108).

Местные жители используют холодильники, морозильные камеры, лари для хранения пищевых продуктов. Зачастую используется сразу весь набор. В одной комнате нередко можно увидеть два (и более) холодильника или две морозильные камеры. При этом для продуктов применяются также «чукотские холодильники» — специально изготовленные ящики для их хранения за окном (Давыдова 2018в), а также описанные выше металлические контейнеры, заменяющие сараи. Местные жители используют весь набор техники и мест для хранения продуктов питания, что позволяет минимизировать риски, связанные с выходом из строя одного из компонентов.

Летом многие местные жители замораживают рыбу, ягоды, грибы, травы, коренья. Упоминавшийся *кэмэйырын* некоторые хозяйки не оставляют до холодов для ферментации на улице, а сразу убирают в холодильник. Таким образом, заморозка порой может иметь предпочтение перед прежними ферментацией, вялением, сушением и копчением продуктов.

Многообразие рецептов, практикуемых при приготовлении блюд на Чукотке, не уменьшилось, а может быть, даже увеличилось. Сейчас к традиционным чукотским блюдам (которые продолжают использовать некоторые хозяйки) добавились многочисленные блюда советской кухни: супы, каши, выпечка и т.д.

Существенное влияние на технологии приготовления пищи, а также на ее качество и вкус оказала вновь создаваемая инфраструктура. Например, в многоквартирных домах местные жители иногда сталкиваются со стигматизацией своих пищевых пристрастий со стороны соседей (ПМА Давыдов, Давыдова 2017–2018). В особенности подобная ситуация характерна для районного центра, где проживает много приезжих. Стыдясь запаха, исходящего от их еды, они иногда предпочитают краткосрочные походы в тундру, чтобы на свежем воздухе сварить себе, например, мясо нерпы или моржа.

В коттеджах, которые функционируют, по словам местных жителей, по принципу термоса, пища плохо сохраняется или не может быть приготовлена. Тепловые свойства новых домов не позволяют соблюсти технологию приготовления некоторых пищевых продуктов. Вытопленный нерпичий жир, например, если его хранить непосредственно в коттедже, становится прогорклым. Таким образом, ряд чукотских блюд невозможно приготовить в подобных домах. В результате местные жители делают дополнительные постройки для хранения и приготовления пищи: контейнеры, сараи, а также яранги. Как уже отмечалось, жители Амгуэмы с весны до осени собирают неподалеку от села свои семейные яранги, где, в частности, готовят некоторые традиционные виды пищи. Подобная еда, по их словам, сильно отличается от того, что можно приготовить на электрической плите в доме или квартире. Кроме того, очаг в яранге является медиатором отношений между людьми, оленями, землей и самим жилищем (Vaté 2013: 192). Иногда местные жители специально готовят пищу на очаге в яранге или на костре на берегу реки, создавая таким образом вариативность вкусов, избегая приготовления еды исключительно в условиях созданной в населенных пунктах инфраструктуры (Давыдова, Давыдов 2020).

Сбор дикоросов в летний сезон и сегодня является для местных жителей важной составляющей обеспечения себя пищевыми ресурсами. Однако несколько видоизменился состав собираемых дикоросов. В досоветские времена ягоды практически не заготавливали, употребляя их в летний сезон в свежем виде (Bogoras 1904: 198). Отношение же людей к грибам за время существования советской власти трансформировалось от «отвращения» до «вожделения» (Yamin-Pasternak 2008: 214–222). Инкорпорирование местными жителями элементов советской кухни, с одной стороны, и появление таких материальных объектов, как сахар, соль, морозильники, — с другой, привели к переориентации на сбор именно данных продуктов. Ягоды замораживают и засахаривают, грибы сушат, солят и замораживают в больших количествах. При этом многие вообще перестали собирать традиционно заговлявшиеся травы, листья и коренья; а некоторые местные жители, хоть и продолжают их сбор, предпочитают помещать в морозильную камеру собранные травы вместо сушения, вымачивания, варки и квашения.

Следует также отметить, что начиная с 1990-х годов среди местного населения становится все более популярным выращивание овощей и зелени в упоминавшихся выше парниках и на грядках. В большинстве случаев их владельцами являются приезжие, однако представители коренного населения также начинают

увлекаться овощеводством. Например, в селе Амгуэма овощеводством занимаются не только приезжие, но и местные жители.

Охота на сухопутных животных потеряла свое значение для пополнения пищевых запасов. Мало кто из современных амгуэмцев охотится с целью добычи пищи. Однако в прибрежных селах Иультинского района сохраняет свое значение охота на морских млекопитающих — моржей, китов, нерп, лахтаков (ПМА Давыдов, Давыдова 2019). В Амгуэме рыболовство практикуется как в летний, так и в зимний период. Рыбу заготавливают впрок, что дает людям ощущение пищевой безопасности. Зимой рыбу замораживают, как правило, прямо на улице; летом, как уже отмечалось, используют морозильные камеры и холодильники. До сих пор местные жители подчеркивают необычность ситуации употребления строганины в теплое время года. В тундре летний улов сушат и коптят над очагом яранги. С одной стороны, оленеводы просто не имеют возможности замораживать продукты в тундровых условиях, с другой — вяленная в яранге рыба считается особенно вкусной и несравнимой по своим качествам с рыбой, высушенной в селе.

По-прежнему большое значение имеет описанный в этнографической литературе обмен с жителями прибрежных сёл Ванкарем и Нутэпэльмен, береговыми чукчами[9]. Во-первых, пастухи некоторых бригад, находясь на летовке, подходят близко к данным селениям, что позволяет им вести обмен с их жителями. Во-вторых, многие амгуэмцы имеют родственников и знакомых в этих селах, которые иногда посещают районный центр и заезжают в Амгуэму, привозя с собой гостинцы — моржовое мясо и жир, китовое сало, нерпичий жир, морскую рыбу, икру. В-третьих, из Амгуэмы в Ванкарем и Нутэпэльмен периодически совершают рейсы вездеходы и трэколы, доставляющие продукты в эти селения. Местные жители используют данный транспорт для передачи гостинцев. Наконец, продукция морского зверобойного промысла приобретается оленеводческим предприятием «Амгуэма» для обеспечения ею оленеводов и других жителей села.

Итак, все перечисленные современные практики и локальные знания способствуют достижению многообразия вкусов и созданию сытных и энергетически ценных блюд, причем, как было показано, они несколько отличаются от практик и представлений, распространенных до коллективизации. Пожалуй, основной особенностью современной диеты местных жителей, отличающей ее от диеты 70-летней давности, является большее распространение «европейских» продуктов. Один оленевод, рассказывая о современном питании в тундре, пошутил, сказав, что теперь «доширак стал традиционной пищей» (ПМА Давыдов, Давыдова 2018). Во времена В.Г. Кузнецовой оленеводы имели возможность закупать в государственных торговых предприятиях в основном лишь чай, табак, реже сахар и муку. О скромности состава поставляемых государством оленеводам и морским зверобоям продуктов можно получить представление из распоряжения депутатов Нутэпэльменского сельсовета от 3 июня 1954 г.: «Обязать зав. ТЗБ

[9] Взаимный обмен оленных и береговых чукчей, существовавший в прежние времена, практикуется по сей день (Bogoras 1904: 53; Богораз 1934; Krupnik 2000: 50).

(торгово-заготовительной базы Конергино. — *Авт.*) т. Зенкова обеспечить продажу колхозу… продуктов питания (чай, сахар, табак, галеты и т.д.)» (ААГОЭ. Протоколы сессий. Д. 1. Л. 10).

Следует отметить, что советская власть ставила целью решить проблему снабжения оленеводов и охотников. На заседаниях сельсовета депутатов трудящихся этот вопрос поднимался по крайней мере с 1950-х годов (ААГОЭ. Протоколы сессий). Его документация тех времен пестрит требованиями, обещаниями, отчетами относительно снабжения продуктами местных жителей. «Обеспечить бригады продуктами питания», «обеспечить охотников продуктами питания», «обеспечить продажу колхозу… продуктов питания», «обеспечить бесперебойную торговлю магазина, охотников — необходимыми товарами», «хлебом будем обеспечены», «продуктами оленеводы были обеспечены» — такова риторика документооборота тех лет (ААГОЭ. Протоколы сессий. Д. 1. Л. 4об., 7, 9об., 10об., 14).

На заседаниях депутатов трудящихся Нутэпэльменского сельсовета регулярно слушались доклады заведующих торгово-заготовительных баз и магазинов. При этом обсуждения работы данных учреждений не носили формального характера, а напротив, всегда были очень эмоциональны. При прочтении данных дискуссий чувствуется неподдельная вовлеченность людей в проблемы этих учреждений, стремление участников понять и учесть все нюансы и тонкости их работы. Жаркие, горячие споры велись по широкому кругу вопросов: от организации доставки товаров навигацией, товарооборота, хранения до распределения поступившей халвы, разведения спирта, продажи товаров из-под прилавка или отсутствия умывальника у продавца, «отпускающего товары грязными руками» (ААГОЭ. Протоколы сессий сельского Совета, решения, принятые сессиями, и материалы к ним за 1954 год. Д. 1. Л. 19–39).

Государство, таким образом, через сельсоветы, торгово-заготовительные базы, магазины, систему навигации и другие институции внедряло новые продукты в повседневную жизнь людей и формировало новое эстетическое и вкусовое восприятие пищи местными жителями. И действительно, за время существования советской власти набор потребляемых продуктов и блюд значительно расширился. Сегодня в рационе оленеводов присутствуют крупы, макаронные и мучные изделия, консервы, масло, сладости, иногда даже овощи, фрукты и молочная продукция. В селах и районном центре ассортимент еще шире, а «европейские» продукты стали доступнее. Таким образом, если прежде большинство блюд готовилось из оленины, а калейдоскоп вкусов и чувство насыщения достигались главным образом через использование и сочетание различных технологий обработки и приготовления пищи, то сегодня широкий выбор доступных местным жителям продуктов открывает новые возможности для творчества и экспериментов.

Приведем несколько примеров из полевой работы, иллюстрирующих данный процесс. Находясь в Эгвекиноте, мы встретили знакомых оленеводов. Их отпуск заканчивался, они собирались ехать в бригаду и пригласили нас с собой. В день

выезда они должны были закупить еду для тундры. Наши знакомые взяли много разных продуктов, которые иллюстрируют перемены в диете людей, например апельсины, майонез, картофель, лук, капусту, томатную пасту, приправы и т.д. Однако больше всего нас удивила покупка замороженной курицы. Мы спросили у них, зачем в тундре, где есть прекрасное свежее мясо — оленина, — курица довольно сомнительного качества. Знакомая ответила, что они любят есть разнообразную по вкусу пищу (ПМА Давыдов, Давыдова 2018).

Другой пример относится к беседе, произошедшей в Анадыре, с молодым человеком, родители которого выросли в оленеводческих семьях в рыркайпийской тундре. Он сказал, что любит готовить, в том числе чукотские блюда. Далее он показал группу в мессенджере «Вотсап», созданную представителями КМНЧ. В ней участники делятся друг с другом кулинарными хитростями, а именно взаимозаменяемостью различных продуктов при приготовлении тех или иных блюд. Наш собеседник сказал, что периодически обращается к советам участников группы, заменяя при приготовлении различных блюд курицу на оленину, малину на морошку и т.д. (ПМА Давыдов, Давыдова 2017–2018).

Наконец, еще один случай, произошедший в селе Амгуэма, характеризует местных жителей как открытых к поиску новых вкусовых впечатлений и как находящих радость жизни в своих маленьких пищевых открытиях. Две женщины, с которыми мы много общались, зная нашу заинтересованность проблемой питания, решили устроить небольшое «чукотское» застолье, придя в гости в квартиру, где мы останавливались в Амгуэме, и принеся с собой строганину из рыбы и китовое сало. У нас на столе стоял соевый соус, и мы предложили попробовать его со строганиной[10]. Наши информанты с удовольствием согласились. Вкус им очень понравился, и они, не скрывая радости от своего открытия, сказали, что «теперь обязательно будут есть строганину и китовое сало с соевым соусом» (ПМА Давыдов, Давыдова 2017–2018).

7.2.3. *Трансформации режимов пищевой автономности*

Смена диеты и способов получения и создания вкусной и сытной пищи шла рука об руку с переходом к новым режимам пищевой автономности. Под пищевой автономностью мы понимаем способность отдельных бригад, семей или даже индивидов независимо обеспечивать себя желанными вкусовыми ощущениями и чувством сытости. До коллективизации оленеводческие хозяйства, семейно-родственные коллективы осуществляли автономное производство и потребление пищевых ресурсов. Хозяйственная деятельность, которую люди вели в тундре, а также родственные и дружеские отношения, которые поддерживались с береговыми чукчами и соседними оленеводческими хозяйствами, позволяли им обеспечить себя продуктами питания, т.е. добыть, сохранить, пригото-

[10] Подобный способ один из авторов (В.Н. Давыдов) наблюдал у долган на Таймыре.

вить вкусную и сытную пищу[11]. Используя выводы М. Салинза относительно экономических систем, организуемых домашними группами, можно говорить о том, что пищевая автономность является частью естественной автономности, свойственной сообществам с домашним способом производства (Sahlins 1972: 95–99).

Следует подчеркнуть, что пищевая автономность достигалась не за счет сведения к минимуму потребляемых блюд и переживаемых вкусовых ощущений во время приема пищи, т.е. однообразия диеты, а за счет максимизации числа источников приобретения пищевых ресурсов, способов хранения и приготовления продуктов, включения в рацион людей новых продуктов.

К началу XXI в. ситуация существенно изменилась, и на произошедшие перемены можно посмотреть как с перспективы тундры, так и села. Как уже было отмечено, сегодня значительную долю в рационе питания чукчей занимают «европейские» продукты, продаваемые в магазинах, принадлежащих частным компаниям, и частично субсидируемые государством. В Амгуэме работают три продуктовых магазина, в которых представлен широкий ассортимент. Местные жители покупают в них хлеб, муку, крупы, макароны, молочные и мучные изделия, колбасы, сыры, овощи, фрукты, консервы, сахар, соль, специи, приправы, сладости. Вывоз многих из этих продуктов из села в тундру является частью жизни современных оленеводов. В результате тундровики оказываются связаны с проживающими в селе людьми целой сетью отношений, касающихся пищи.

Прежде всего снабжение оленеводов и их пищевая безопасность зависят от поставок продуктов, осуществляемых самим оленеводческим предприятием. Многие тундровики вспоминают снабжение советских времен, когда им привозили огромное количество не только сахара, муки, круп, макарон, но и джемы, компоты, колбасы, ветчину, фрукты, овощи и даже консервированные супы. Люди признаются, что нередко они выбрасывали продукты, так как их было слишком много. По словам местных жителей, те времена были изобильными в гастрономическом смысле, другими словами, они ощущали пищевую безопасность. И наоборот, в 1990-е годы, когда государство перестало инвестировать в развитие данной отрасли, люди оказались на грани голодного существования. Таким образом, качество питания тундровиков зависит от решений и действий руководства предприятия, которые, в свою очередь, связаны с политикой государства в отношении оленеводства.

Деятельность оленеводческого колхоза, а ныне муниципального унитарного предприятия, влияет на практики питания местных жителей не только в тундре, но и в селе (рис. 42). Пожилые жители Амгуэмы, чье детство прошло не в оленеводческих бригадах, а в селе, говорят, что они «выросли на оленьих головах»

[11] Безусловно, не стоит идеализировать «традиционное прошлое»: в середине XX в. некоторые хозяйства порой испытывали недостаток пищевых ресурсов, другими словами, переживали голод, о чем, в частности, свидетельствуют записи В.Г. Кузнецовой (АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 388. Л. 16об.). Здесь мы ставили целью определить, какие именно практики были направлены на приобретение необходимого пищевого ресурса.

(ПМА Давыдов, Давыдова 2018). Остававшиеся после массового забоя оленей, проходившего осенью, головы постепенно разбирались местными жителями для домашнего употребления и являлись основой их повседневного питания. В течение осени и зимы люди по мере необходимости приходили к месту забоя, где на земле под снегом лежали «слегка скисшие и замерзшие» головы оленей, и забирали домой необходимое количество. Сегодня также существует практика бесплатной раздачи некоторых частей туши оленя, например кишок, голов, глаз, желудков. Некоторые жители пользуются данной возможностью получения продуктов. Кроме того, порой оленина, продаваемая в конторе предприятия, является единственным доступным мясом оленя для сельчан. Наконец, руководство предприятия, в случае угрозы порчи мяса в связи с невозможностью его вывоза в Анадырь из-за погодно-климатических условий, бесплатно осуществляет распространение оленины среди представителей КМНЧ.

Что касается оленеводов, то сегодня через бригадира они сами составляют заказ на необходимые им продукты, стоимость которых впоследствии вычитается у них из зарплаты. Цены закупок ниже, чем в магазине, однако список продуктов, которые можно получить через предприятие, невелик (сахар, мука, соль, сахар, крупы, макароны, растительное масло) и не удовлетворяет всех современных пищевых потребностей оленеводов в тундре. Поставки осуществляются регулярно, однако иногда бывают задержки, вызванные, например, отсутствием техники или погодными условиями.

Рис. 42. Привоз оленины в село Амгуэма, Чукотка. Январь 2018 г.
Фото Е.А. Давыдовой

В связи с этим тундровики ищут альтернативные возможности приобретения необходимых продуктов питания. В частности, маятниковые поездки между селом и тундрой стали частью жизни людей и процесса обеспечения пищей. Оленеводы регулярно сами покупают продукты в селе или районном центре и впоследствии вывозят их в тундру. В холодное (снежное) время года такие поездки происходят чаще, чем летом, так как снегоходы есть практически у каждой семьи, в то время как автомобили и вездеходы, способные проехать в тундре, есть не у всех оленеводов. Кроме того, большинство бригад располагаются довольно близко к населенным пунктам, порой на расстоянии всего нескольких часов езды на снегоходе или машине.

Как уже говорилось, местные жители активно используют для перемещений Иультинскую трассу, которая значительно сокращает время пребывания в пути, как бы приближая бригады к селу. Кроме того, амгуэмцы, в том числе оленеводы, нередко осуществляют закупку продуктов в районном центре — пгт Эгвекинот. Данная практика возможна именно благодаря Иультинской трассе, которая соединяет его с Амгуэмой[12]. Из села в районный центр дважды в неделю ходит рейсовый автобус (вахтовка), причем практически всегда он заполнен. Жители Эгвекинота дни приезда автобуса из Амгуэмы называют «выездными», они также подчеркивают, что в эти дни магазины переполнены людьми, приехавшими из села.

Амгуэмцы предпочитают покупать продукты в Эгвекиноте по целому ряду причин. Они говорят, что выбор больше, продукты свежее, а цены ниже. Действительно, транспортная доступность Амгуэмы высока (село располагается на трассе), а сельские магазины являются магазинами сетевых компаний, работающих по всей Чукотке, в том числе в Эгвекиноте. Тем не менее качество продуктов и цены отличаются в магазинах села и районного центра порой весьма значительно.

Мы спрашивали местных жителей о проблеме снабжения и возможных путях ее решения, но большинство амгуэмцев относятся к ситуации как к данности. Когда мы делали покупки в магазинах, то нас интересовал срок годности продуктов, при этом местные жители смотрели на нас с любопытством, удивлением, а иногда и с нескрываемым раздражением. Однажды продавщица одного из местных магазинов высказала свое негодование по поводу вопроса о сроке годности продукта: «Жить на Чукотке и бояться просрочки! Немыслимо!» Сам вопрос о сроке годности продуктов считается неуместным. Свежими считаются те товары, которые были привезены и недавно выставлены на прилавке, даже несмотря на то что зачастую поставляется *просрочка*.

Представители торговых компаний, а порой и сами местные жители говорят, что причинами подобной ситуации с едой являются удаленность села, суровые климатические условия и высокая стоимость транспортной инфраструктуры и ее обслуживания. Амгуэмцы, совершая поездки в Эгвекинот, самостоятельно пре-

[12] Расстояние между данными населенными пунктами составляет 90 км.

одолевают декларируемую ситуацию «удаленности» и «недоступности» села. Местные жители, таким образом, стремятся не зависеть от решений и действий других акторов — торговых компаний. Но, совершая данные шаги, они непроизвольно втягиваются в круг новых зависимостей. Например, поездка в Эгвекинот возможна, если дорога расчищена и отремонтирована, транспорт исправен, а набор приобретаемых продуктов в конечном счете определяется ассортиментом и ценами в магазинах города.

Таким образом, пищевая безопасность местных жителей во многом обусловлена их мобильностью. В свою очередь, практики мобильности зависят от ее материального компонента: вездеходы, снегоходы, машины, автобусы должны быть в наличии и исправности, при поломке соответствующие детали должны быть найдены, бензин должен быть куплен, дороги должны быть пригодны для перемещений. Причем люди, не имеющие соответствующей техники, порой зависят от решений тех, кто владеет транспортными средствами. Например, упоминавшиеся выше наши знакомые оленеводы договаривались с владельцем автомобиля УАЗ, чтобы он отвез их вместе с продуктами и необходимыми вещами в тундру. Но, вступив с ним в отношения реципрокации, они понимали необходимость угощать его в будущем мясом из тундры.

Качество питания в тундре отчасти зависит от взаимоотношений оленеводов с теми, кто находится в селе. Не всегда оленеводы имеют возможность выехать из мест стоянок в Амгуэму. У них может не быть транспорта, топлива или просто времени. В связи с этим важное значение для обеспечения оленеводов продуктами имеют посылки из села в тундру, осуществляемые с оказией, т.е. в случае следования транспорта в бригады. Оленеводы по радиосвязи или через других людей передают информацию своим друзьям и родственникам о том, какие продукты им необходимы в тундре. Получив «заказ», те начинают отслеживать, когда к оленеводам поедет транспорт, и стараются как можно быстрее передать необходимые продукты. Показательно, что женщина, приехавшая в Амгуэму из соседнего района Чукотки и устроившаяся на работу оленеводом, не имела родственников и друзей в селе и жаловалась, что по этой причине она не может заказывать продукты по радиосвязи через знакомых.

Отношения тундровиков и жителей села и, шире, пищевую автономность можно рассмотреть с разных углов зрения. Женщина-оленевод однажды призналась, что в тундре она и ее муж скучают по русским продуктам, которых порой там не хватает, а в селе — по чукотской пище. Действительно, практически все местные жители приобретают или по крайней мере стремятся приобретать оленину из тундры через знакомых и родственников. Мясо в селе можно купить в конторе предприятия «Амгуэма», которое осенью осуществляет забой товарного стада. Оленина по большей части отправляется в Эгвекинот, а затем ее основная часть транспортируется в г. Анадырь. Некоторая ее часть также остается в селе, прежде всего для снабжения детского сада и школы-интерната. Иногда замороженное мясо покупается у предприятия местными жителями, однако они берут его неохотно, так как, по их мнению, данное мясо обладает очень плохими вку-

совыми качествами. Во время массового забоя, по словам информантов, животное умирает «загнанным, вспотевшим, напуганным, часто голодным», в результате от такого мяса, по словам местных жителей, «плохо пахнет». Хороший оленевод, напротив, забивает оленя, когда тот находится в сытом и спокойном состоянии, а удар наносит так, что смерть наступает мгновенно — подобное мясо вкусное и ароматное (рис. 43)[13]. Если зимой привоз оленины из тундры осуществляется регулярно на снегоходах, то летом во многих домах села она становится дефицитным продуктом. Вернувшись в августе из тундры в село вместе с гостинцем, вяленым мясом, мы решили поделиться с информанткой, живущей в Амгуэме. Она была очень рада подобному угощению, так как «соскучилась по оленьему мясу» (ПМА Давыдов, Давыдова 2018).

Информанты, чье детство и даже почти вся жизнь прошли в тундре, говорили, что скучают по тундровой пище: квашенной в яме, сушенной над очагом яранги, обветренной на воздухе оленине, а также блюдам, описанным в первой части статьи. Подчеркнем, что для приготовления многих чукотских блюд нужны продукты, которые сложно приобрести в селе: содержимое оленьего желудка, кровь, кишки и пр. Некоторые пожилые женщины, бывшие оленеводы, проживающие в Амгуэме, продолжают готовить традиционную пищу в селе, но для этого им нужны продукты из тундры, которые они получают от родственников и друзей, работающих в оленеводческих бригадах. Вот почему для сельчан важны отношения с тундровиками, которые они всячески стараются поддерживать. Наглядно мы смогли в этом убедиться, когда увидели неподдельную обеспокоенность одной жительницы села, которая пыталась организовать посылку для ее родственника в тундре. Осуществление передачи включает в себя поиск транспортной оказии, т.е. непрерывный мониторинг машин и техники, направляющихся в тундру из села. Учитывая, что какая-либо официальная информация на этот счет отсутствует, часто это сделать непросто.

Таким образом, люди, находящиеся в селе, оказываются связаны с не меньшей, а то и большей сетью отношений по поводу пищи: имея доступ к продуктам, продаваемым в магазинах, они так же, как и оленеводы, зависят от стратегий торговых компаний и так же вынуждены искать лучшее в районном центре; но, кроме того, их пищевая безопасность зависит от работающих в тундре оленеводов, отправляющих мясо своим родственникам и друзьям в селе. Другими словами, можно констатировать взаимозависимость тундровиков и сельчан.

[13] Современные жители Иультинского района разделяют оленину на «тундровую» и «государственную», т.е. получаемую в ходе забоя товарного стада. Данное разделение стало результатом распространившихся в советский период забойных кампаний, которые сейчас проходят неподалеку от с. Амгуэма — в новом оленеубойном пункте, построенном на 94-м километре Иультинской трассы. Раньше забой в тундре всегда сопровождался ритуалами и был приурочен в основном ко времени проведения оленеводческих праздников (Богораз 1939). Забой товарного стада в специальных пунктах был лишен ритуального компонента.

Рис. 43. Употребление в пищу сухожилий оленя после забоя. Амгуэмская тундра, Чукотка. Сентябрь 2018 г. Фото Е.А. Давыдовой

Здесь можно провести параллель с упомянутым выше традиционным обменом оленных и береговых чукчей, отчасти сохранившимся по сей день. Подобно оленеводам и морским зверобоям, сельчане и тундровики, находящиеся в разных местах и имеющие доступ к разным ресурсам, кооперируются для получения разнообразия вкусов, чувства сытости и пищевой безопасности. В этом смысле все жители Амгуэмы, находящиеся в бригадах или селе, через активизацию обменных отношений между селом и тундрой становятся более автономными и не зависящими от поставок продуктов в местные магазины и системы распределения пищевых ресурсов в рамках самого оленеводческого предприятия.

* * *

Местные жители активно используют альтернативные стратегии приобретения, аккумулирования различного рода ресурсов и поддержания своей энергетической автономности посредством локальных микросетей распределения материальных объектов, применения технологий их самостоятельного производства, а также обработки и хранения. Важнейшую роль здесь играют создание различного рода запасов и восполнение пищевого ресурса.

Значимыми для поддержания сложившихся энергетических режимов являются не только привозные вещи и продукты питания, но и инструменты, одежда, средства передвижения, жилые и подсобные помещения, а также запасы продовольствия, создаваемые представителями местного сообщества. В сфере материальности важную роль всегда играли изобретение и эксперимент. Апробированные на практике самостоятельно созданные новые материальные объекты постоянно входят в быт местных жителей. Инновации не только поставляются из других регионов, но и создаются и апробируются силами местного сообщества (Давыдов 2019а: 169).

Поддержание автономности осуществляется с помощью модулей, используемых для хранения вещей и пищевых продуктов (подсобные помещения, контейнеры, холодильники и пр.). Создание различного рода запасов позволяет обеспечить энергетическую безопасность местного сообщества, делая его менее зависимым от перебоев внешнего снабжения топливом, вещами, пищевыми продуктами и различного рода товарами, т.е. позволяет увеличить степень автономности локального сообщества. Рационализация системы хранения произошла благодаря распространению металлического контейнера. В условиях Крайнего Севера он постепенно превращается в доминирующий модуль, заменяющий и вытесняющий самодельные постройки, т.е. имеет место контейнеризация Арктики. Особые свойства, устойчивость к деформациям, мобильность, возможность использования для решения целого спектра повседневных задач — все это делает его востребованным элементом хозяйственных практик местного и приезжего населения. Он предоставляет возможность расширения хозяйственных площадей, превращаясь в универсальный модуль освоения пространства. В данный момент на Чукотке происходит его «седентаризация», когда он используется в большей степени как стационарная конструкция, которую тем не менее можно переместить в случае необходимости. Он меняет материальность инфраструктуры, а также ее дизайн, заполняя собой пространство и вытесняя более шаткие строения, самостоятельно создаваемые местными жителями из подручных материалов. Он служит важнейшим дополнением к имеющейся транспортной инфраструктуре и взаимодействует с ней по принципу тандема. Его появление на Чукотке — результат включения арктических территорий в сферу глобальной экономики, а его распространение — во многом следствие экономии средств и энергии, необходимых для возведения новых объектов инфраструктуры в условиях удаленности.

В советский и постсоветский периоды произошли существенные перемены в системе питания коренных жителей Чукотки. Изменился состав потребляемых продуктов, а также трансформировались формы приобретения, хранения и использования пищевого ресурса. Как и прежде, местные жители стремятся создать сытную, вкусную и многообразную по вкусовым качествам пищу, но если в досоветский период данная цель достигалась главным образом с помощью применения и комбинирования разных технологий ее приготовления, а также аккумулирования локальных ресурсов, то сегодня это происходит, в частности, за счет включения в рацион питания «русских» продуктов, приобретаемых в магазине,

а не производимых в рамках домохозяйства. Следствием смены способов приобретения пищевого ресурса стала трансформация режима пищевой автономности. Организуя поездку в районный центр, покупая машину или снегоход, вступая в реципрокные отношения в селе или тундре, местные жители стремятся приобрести независимое обеспечение себя пищевым ресурсом, но в реальности каждое такое действие влечет за собой новую волну зависимостей от других акторов. Местные жители оказываются включены в целую сеть отношений по поводу пищи с оленеводческим предприятием, государством в лице его инфраструктуры, торговыми компаниями, материальными компонентами мобильности, лимитирующими в конечном счете их пищевую автономность, которая является важнейшим защитным механизмом, используемым местным населением для решения проблемы поставок некачественных пищевых продуктов и возможных сезонных перебоев со снабжением.

Появление новых средств передвижения, материалов, пищевых продуктов послужило существенному пополнению применяемого в повседневных практиках местных жителей набора вещей, а также привело к его перераспределению за счет организации мест хранения. Совокупность используемых материальных объектов влияет на способы освоения ресурсов, позволяя по-новому распределять и группировать источники энергии, апробируя практичные режимы их накопления и потребления. Освоение северных территорий человеком, таким образом, может рассматриваться как результат функционирования стремящихся к автономизации энергетических систем, позволяющих эффективно получать, аккумулировать, сохранять, распределять и расходовать ресурсы в суровых природно-климатических условиях и ситуации удаленности.

Глава 8
ПРОЦЕССЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКО-СКАНДИНАВСКОМ АРКТИЧЕСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ[1]

8.1.
Постиндустриальный переход в Арктике

Для Арктического региона, как и многих других периферийных зон земного шара, на протяжении последних веков характерен фокус на добыче природных ресурсов, отражающий историю «освоения Севера» европейскими, а позже и североамериканскими колониальными державами. Восприятие Арктики как «ресурсной кладовой», при котором важнее оказывается не собственно тип ресурса (варьировавший с течением времени от ворвани и пушнины до урана и углеводородов), а возможность добывать его со сравнительно небольшими усилиями и при этом без полноценного развития территории, отражается в наличии на Севере множества поселений нестандартного, можно даже сказать — неестественного типа. Речь идет, во-первых, о так называемых *моногородах* (в зарубежной традиции — *company towns* или *single-industry towns*), появляющихся и функционирующих ради обеспечения деятельности одного-единственного промышленного предприятия; во-вторых, о *вахтовых поселках* (за рубежом — *fly-in fly-out settlements* или *shift settlements*), имеющих ту же цель существования, но при этом не предполагающих постоянного проживания при производстве работников, а тем более их семей. Необходимо отметить, что граница между этими двумя типами поселений размыта, зачастую это две последовательные фазы развития (в любом направлении) одного и того же населенного пункта (Littlewood 2014: 43).

Как было сказано выше, специфика истории освоения Арктики привела к широкому распространению этих моделей во всем циркумполярном регионе (при этом, естественно, ни моногорода, ни вахтовые поселения не уникальны для Севера и во множестве встречаются по всему миру, ср. (Замятина 2016: 115)). Ресурсодобыча «в глуши» и поселения при соответствующих предприятиях ха-

[1] Глава написана по материалам полевых исследований 2018–2020 гг.

рактерны и для Скандинавии, и для Северной Америки — практически все северные территории обладают богатыми запасами природных ресурсов, сравнительно мало освоенными на фоне более южных регионов (Dinius et al. 2011: 42). Впрочем, наибольшее количество ресурсных поселений расположено именно в Российской Арктике, что обусловлено, во-первых, значительными размерами региона, во-вторых, особенностями и масштабом советской индустриализации и дальнейших процессов экономического развития в послевоенный период. На данный момент большинство арктических промышленных городов, а также подавляющее количество населения городов такого типа обнаруживаются именно на Российском Севере.

При этом в последние десятилетия в глобальном масштабе становится все более заметным обратный индустриализации процесс — *деиндустриализация* и ее прямое следствие — *переход к постиндустриальной экономике* (Della Bosca, Gillespie 2018: 734). Для постиндустриального периода характерно преобладание сферы услуг и прочих непроизводящих секторов экономики над промышленностью, в той или иной мере проявляющееся во всех уголках мира. В случае Арктики, где промышленность практически равнозначна добыче и переработке природных ресурсов, это означает коренной слом экономической модели всего макрорегиона: последовательное уменьшение роли промышленности в перспективе может лишить этот регион вообще какой-либо основы существования и, как следствие, в большой мере обезлюдить его, так как доля населения Арктики, не занятого в промышленной сфере (в первую очередь коренных и старожильческих групп), ничтожна. В свете этого процессы постиндустриального перехода в Арктике привлекают к себе пристальное внимание исследователей: Арктический регион может рассматриваться в этом отношении, во-первых, как экстремум, крайняя точка шкалы, где процессы социально-экономических изменений, в других частях мира осложненные множеством вторичных факторов, протекают наиболее «чистым» и радикальным образом; во-вторых, как лаборатория, где могут быть опробованы модели перехода, которые затем распространят на другие регионы. Неудивительно, что подобные особенности постиндустриального перехода в Арктическом регионе привлекают к ним и повышенное общественное внимание: процессы закрытия «градообразующих предприятий», депопуляции и последующего обезлюдения населенных пунктов (Воркута, Ковдор, шведская Кируна и др.) и даже целых регионов (Магаданская область, Чукотка, канадский Юкон и др.) вызывают сильные эмоции именно радикальностью и стремительностью своего течения (Zamyatina, Yashunsky 2017: 60–62).

Особенно интересны с исследовательской точки зрения те регионы, где процессы постиндустриального перехода при сравнительно сходных начальных условиях протекают с различной скоростью в силу определенных социокультурных и политико-экономических факторов. Наиболее яркий пример подобной ситуации — это приграничные регионы, где по разные стороны рубежа могут сосуществовать (и успешно сосуществуют) различные, а зачастую даже противоположные модели экономического и социального развития, а локальные сообще-

ства могут находиться на различных стадиях постиндустриального перехода. В таком контексте возможны различные модели взаимодействия или же его отсутствия: одно сообщество может полностью копировать стратегии другого, либо учиться на его ошибках и заимствовать лишь лучшие практики, либо по каким-то причинам дистанцироваться от опыта соседей и двигаться по собственной траектории. Выбор конкретной стратегии может объясняться чисто экономическими причинами, причем как локальными, так и более масштабными (например, национальной экономической доктриной), но может также быть обусловлен и социокультурными факторами, на первый взгляд контринтуитивными и противоречащими экономической целесообразности, однако зачастую сильнейшим образом влияющими на процессы «на местах». Важнейшим фактором второго типа, по моему мнению, как раз и является граница как культурный фактор, причем речь может идти как об осязаемых границах (в первую очередь государственных), так и символических, не имеющих конкретного материального выражения (Hønneland 2010: 14).

В этой главе я прослеживаю особенности процессов постиндустриального перехода в одной из наиболее интересных приграничных зон — российско-скандинавской[2]. Она характеризуется, во-первых, высоким уровнем индустриализации, урбанизации и технологического развития по обе стороны границы; во-вторых, давней и богатой историей контактов между народами-соседями, нашедшей свое выражение в особой идентичности жителей этого макрорегиона (об этом подробнее см. в моей работе (Влахов 2014)); в-третьих, историко-культурными и политико-экономическими различиями российского и скандинавских обществ, имевшими особенно яркое выражение в период холодной войны, а в постсоветский период то нивелировавшимися, то вновь (в период после 2013–2014 гг.) актуализировавшимися. Процессы постиндустриального перехода в Скандинавии начались уже несколько десятилетий назад, не позднее 1970–1980-х годов, и к текущему моменту был накоплен значительный опыт трансформации, в особенности постепенной и контролируемой, в то время как российские сообщества до начала 1990-х годов являлись частью советской планово-экономической системы, для которой трансформация и постиндустриальные отрасли экономики не были или не успели стать актуальными, а в постсоветский период их, по меткому выражению одного из моих информантов, «штормило каждый год по-новому» (ПМА Влахов 2020) — слабо контролируемые и зачастую противоречащие друг другу процессы перехода к рыночной экономике, а затем развития новых ее отраслей были лишены системности и лишь в меньшинстве случаев учитывали опыт скандинавских соседей. Тем важнее, однако, проследить сходство и различие стратегий развития в конкретных случаях и определить, какую роль играют факторы границы и взаимодействия с соседями в каждом из них.

[2] Здесь и далее термин *Скандинавия* и его дериваты используются в расширительном понимании для обозначения стран Северной Европы (Nordic countries) как историко-культурной общности, включающей не только государства, расположенные на Скандинавском полуострове, но и сопредельные территории, в том числе Финляндию.

Для анализа были выбраны два российских кейса приграничных сообществ, расположенных в российско-скандинавской приграничной зоне (в широком понимании, включающей, как было сказано выше, и реальные, и символические границы). Первый кейс — это поселок городского типа Никель и город Заполярный (Печенгский район Мурманской области), расположенные вблизи российско-норвежской границы (коммуна Сёр-Варангер, город-побратим Никеля Киркенес). Оба населенных пункта возникли в середине XX в. вокруг предприятий по добыче и переработке никелевой руды (сейчас принадлежащих ПАО «Норильский никель»); горнодобывающие комбинаты Никеля и Заполярного составляют единый производственный цикл, поселения находятся недалеко друг от друга, тесно связаны экономически и вмещают три четверти населения района, поэтому в этом исследовании рассматриваются совместно. На протяжении последних лет «Норильский никель» проводит в районе последовательную политику сокращения промышленного производства и развития альтернативных отраслей экономики; в начале 2020 г. принято принципиальное решение о закрытии плавильного цеха в Никеле и сокращении производства в Заполярном, разработан проект развития территории района на предстоящие десятилетия, лежащий в русле постиндустриального перехода.

Второй кейс — это российские поселки Баренцбург и Пирамида на архипелаге Шпицберген. Эта территория имеет уникальный международно-правовой статус: по условиям Парижского договора 1920 г. архипелаг принадлежит Норвегии, однако граждане любой присоединившейся к договору страны имеют право проживать и вести экономическую деятельность на Шпицбергене на равных с норвежцами правах. На текущий момент лишь два государства — Норвегия и Россия — активно пользуются предоставленным договором правом, поддерживая свое присутствие на архипелаге, основным ресурсом которого является каменный уголь. Добыча угля на Шпицбергене на протяжении многих десятилетий является нерентабельной, однако поддерживается и Россией, и Норвегией в политических целях, так как в соответствии с Парижским договором является необходимым условием для продолжения присутствия на архипелаге; российским оператором является государственный трест «Арктикуголь». С 1980-х годов в норвежских поселках начались процессы постиндустриальной трансформации — развитие туризма, научной и образовательной деятельности, а также местного самоуправления; с 2000-х, а особенно активно с середины 2010-х годов сходные процессы идут и в российских поселках Баренцбург и Пирамида. Архипелаг не является в строгом смысле слова приграничной территорией, однако российское и норвежское сообщества живут обособленно — их разделяют горный рельеф и социокультурные факторы, что позволяет рассматривать их в той же типологической рамке, что и «настоящие» приграничные районы.

Исследовательский вопрос, на который я хочу ответить в ходе сравнительного анализа этих кейсов, звучит довольно просто: какую роль играет фактор границы и приграничного положения в процессах постиндустриальной трансформации в Арктике? Несмотря на внешнюю простоту и очевидные сходства двух кей-

сов, этот вопрос требует тщательного анализа. Во-первых, требуется выяснить, однородны ли границы, о которых идет речь в обоих случаях, и как особенности каждой из них влияют на характерные для этого места процессы. Во-вторых, нужно установить, различается ли ситуация в зависимости от локального контекста: расстояния до границы и активности обмена между сообществами, типа добываемого ресурса и типа промышленного производства, а также других возможных факторов. Наконец, нужно учесть политический контекст, степень диверсифицированности экономики «на входе», общегосударственные стратегии развития и другие факторы, заведомо не связанные с приграничным положением, но способные оказать влияние на процессы трансформации на выбранных для анализа территориях.

Мое исследование основано на данных, полученных в ходе полевых исследований в этих регионах в 2018–2020 гг. в рамках проекта Российского научного фонда «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (№ 18-18-00309). Работа на Шпицбергене проводилась в июле 2018 г., в Мурманской области — в 2019–2020 гг.[3]. Основные методы исследования, использованные мной в этом проекте, — интервью (полуструктурированные глубинные и экспертные) и невключенное наблюдение с применением методов визуальной антропологии, а также анализ документов и онлайн-источников. Весь массив полевых данных получен на условиях информированного согласия и анонимизирован по общепринятым этическим стандартам.

8.2.
Границы на севере Европы: Баренц-регион

Практически в любой научной работе, посвященной приграничным сообществам, можно найти упоминание о том, что границы одновременно и разъединяют, и объединяют территории и людей по обе стороны от себя. Вследствие этого продуктивнее всего оказывается анализировать не только (и не столько) сами границы, но и регионы вокруг них, для которых граница является конституи-

[3] Помимо этого исследование также частично опирается на данные, полученные мной в ходе предшествующих полевых исследований на этих территориях в 2011–2017 гг. Эти исследования были поддержаны различными фондами и организациями: РНФ, РФФИ, MISTRA и Nordforsk (оба — Швеция), ЕУСПб, НИУ ВШЭ и ПАО «Норильский никель». Часть данных в этих полевых поездках была собрана совместно с коллегами из ЕУСПб, НИУ ВШЭ и Королевского технологического института (Стокгольм). Несмотря на то что в этом тексте я не использую данные предшествующих исследований напрямую, они, несомненно, обогатили мое понимание ситуации в этих регионах, и я благодарен упомянутым коллегам (в особенности Ольге Беличенко и Михаилу Алексеевскому) и финансирующим организациям за то, что эти исследования состоялись. Я также благодарен моим норвежским коллегам Юлии Олсен и Карин Виггер за детальное обсуждение шпицбергенского кейса осенью 2020 г., а группе моих студентов в НИУ ВШЭ — за обсуждение мурманского кейса в 2019–2020 гг.

рующим фактором, — трансграничные регионы, в которых равно важны и наличие границы, и практики ее пересечения.

В качестве примера конструирования и операционализации такого трансграничного региона я рассмотрю Баренцев Евроарктический регион (БЕАР), в состав которого входят северные территории Скандинавских стран и северо-запад России. Его появление связано с процессами «новой регионализации» в Европе 1970–1980-х годов и эйфорией перестройки, возродившей контакты между Россией и Скандинавскими странами. Одним из главных вопросов в отношении подобных политических проектов является то, насколько существование сконструированных регионов влияет на повседневную жизнь людей, проживающих на их территории. Исследователи отмечают, что зачастую за подобными политическими конструктами не стоит никакой общей истории, которая, однако, может быть сконструирована (и успешно конструируется, см.: Paasi 2007: 32). В результате регион может либо остаться отвлеченным инструментом политического дискурса, существующим только «на бумаге», либо же стать частью социальной реальности и начать оказывать влияние на жизнь населяющих его людей. Баренц-регион — классический пример такого сконструированного региона.

Вопрос об общей идентичности жителей Баренц-региона обсуждался в научной литературе с самого момента его создания. В первое десятилетие существования БЕАР основным мотивом подобных суждений были богатая история трансграничных контактов в регионе и его общее культурное прошлое; эти факторы были достаточными для признания за жителями Баренц-региона общей самоидентификации. Ср.: «Баренц-регион — регион с общей идентичностью, не зависящей от различий в социальной структуре. Эта идентичность отражается в динамичной культуре саамов, а также в уникальном окружающем мире Арктики и культурном наследии региона» (Seppänen 1995: 3). Или: «Элементы общей идентичности на севере Европы проистекают из исторического аспекта регионального сотрудничества на уровне гражданского общества» (Heininen 1998: 218).

Сейчас невозможно с уверенностью говорить, в какой степени дискурсивные формулировки 1990-х годов отражали действительные убеждения авторов, а в какой — были усилиями (возможно, неосознанными), направленными на конструирование этой самой идентичности. Анастасия Рогова считает, что понятие Баренц-идентичности возникло на пересечении «политического и научного дискурсов, использования исторических понятий для обоснования политических решений, включения политических конструктов в поле научных исследований» (Рогова 2010: 233) и воплощается на данный момент в основном в культурных и исследовательских проектах. Автор утверждает при этом, что «жители Баренц-региона на сегодняшний день не обладают общей региональной идентичностью, в регионе не существует сознания некого общего „мы“ в противовес „им“, находящимся за его пределами» (Там же: 234).

Очевидно, что Баренц-регион является социально-политическим конструктом, одним из многих подобных ему политических проектов, появившихся в Европе во второй половине XX в. Не приходится сомневаться также и в том, что представле-

ние об обязательном возникновении у жителей региона общей идентичности в силу самого факта его создания не выдерживает критики: политические решения далеко не всегда находят хоть какое-либо отражение в реальной жизни людей. Трудно спорить и с тем, что в регионе не появилось каких-либо значимых институтов формирования и поддержания идентичности — ее конструирование действительно происходит в наибольшей степени в политическом дискурсе, в научных исследованиях и в деятельности различных культурных организаций.

Тем не менее в работе (Влахов 2014) я попробовал показать, что создание Баренц-региона внесло определенные изменения в жизнь людей на его территории. Та система маркеров и противопоставлений, которая существовала на территории исследованного региона и которую я предложил считать основой региональной идентичности, сложилась задолго до формального создания Баренц-региона. Однако с его появлением существовавшие маркеры и противопоставления приобрели новый оттенок: многие процессы в регионе теперь воспринимаются в первую очередь в контексте трансграничного сотрудничества.

Особенно хорошо это заметно в функционировании маркера границы: в советский период она воспринималась как отделяющая, закрывающая линия, нечто монолитное и физически существующее; в постсоветские же времена граница стала фактором скорее объединяющим, стимулирующим сотрудничество и экономические отношения. Последнее особенно верно для малых приграничных населенных пунктов — Никеля, Заполярного, Костомукши, Сортавалы и т.д., в которых одной из основных экономических моделей стало трансграничное взаимодействие. Локальная история как еще один маркер идентичности также претерпела трансформацию в рамках изменения представлений о границе: история межгосударственных отношений и низового трансграничного сотрудничества теперь воспринимается не только как набор фактов из прошлого, но и как легитимация права на сотрудничество в наши дни — видимо, именно вследствие того, что такие мотивы использовались при конструировании региона. То же можно говорить о мотивах северной идентичности и экологии.

При этом интересно, что ресурсная проблематика, вопреки тому что можно было ожидать, не получила столь же выраженного трансграничного акцента — по всей видимости потому, что природные ресурсы, в отличие от всех остальных маркеров, являются в этом регионе не общим достоянием, а специфически российской ценностью. Это обстоятельство кажется мне очень важным: по моему мнению, в нем находит отражение основополагающее изменение, произошедшее после появления Баренц-региона с его жителями. Заключается это изменение в том, что в системе прежних региональных противопоставлений, составляющих основу общей идентичности его жителей, появилось новое: сопоставление самих себя — обычных жителей региона с такими же обычными жителями зарубежных государств, живущих по ту сторону границы *в таких же условиях и с такими же ценностями*. Такое сопоставление было абсолютно невозможным в советский период, когда трансграничные отношения стойко увязывались с идеологическими вопросами; само представление об обычных людях по ту сторону границы

могло сформироваться только тогда, когда обе стороны получили возможность свободного перемещения через границу и своими глазами увидели, как живут пресловутые соседи. Другими словами, с момента «открытия границы» жители региона получили возможность взаимодействовать со своими непосредственными соседями и делать это основой своей жизни, а следовательно, и выстраивать соответствующим образом собственную идентичность.

Очевидно, что сотрудничество в административных рамках Баренц-региона было основной причиной установления описанных выше отношений. В постсоветский период практически на всех приграничных территориях сформировались сообщества, центральную роль в которых играет трансграничное взаимодействие, и указанный тип восприятия жизни на приграничной территории не является уникальным. Однако, как уже было сказано, граница России с Финляндией и Норвегией во многом отличается от других сухопутных границ России, и потому на этой территории требовались дополнительные конструкционистские усилия, направленные в первую очередь на преодоление последствий холодной войны. Успешное их преодоление стало возможным не в последнюю очередь за счет позитивной риторики Баренц-сотрудничества: заграничные жители сейчас не воспринимаются как враги, вместо этого распространилось представление о них как о соседях и партнерах (ПМА Влахов 2019; 2020).

По всей видимости, Баренц-идентичность, если о ней можно говорить на данном историческом этапе, заключается в наличии у жителей исследованного региона общего представления о возможности успешного трансграничного сотрудничества на низовом уровне. В свою очередь, это представление основывается на ключевом понятии Баренц-сотрудничества — жизни людей в одних и тех же природных и культурных условиях и проистекающем из этого их общем самосознании.

8.3.
Постиндустриальный переход на Шпицбергене

Шпицберген, известный также как Свальбард и Грумант, — это обширный полярный архипелаг, принадлежащий Норвегии и расположенный в Северном Ледовитом океане к северу от Скандинавии. Шпицберген знаком человечеству на протяжении уже нескольких веков; официально он открыт голландцем Виллемом Баренцем в 1596 г. в ходе экспедиции по разведке Северо-Восточного пути. Это открытие вскоре привлекло на Шпицберген множество европейцев — их основной целью был морской промысел, поскольку окружающие архипелаг воды богаты биоресурсами, а климат на Шпицбергене для высоких широт необычайно мягок вследствие влияния Гольфстрима. После появления на архипелаге европейцев на различных его островах было основано множество поселений (в основном китобойных); впрочем, относительно первооткрывательства архипелага в научной литературе существует дискуссия (здесь и далее история архипелага по: Арлов 2016: 42).

Рис. 44. Регион Исфьорда (центральный Шпицберген). Отмечены действующие населенные пункты: Лонгйирбюэн, Баренцбург, Пирамида, Ню-Олесунн (источник карты: http://geodata.npolar.no)

Позднейшая история Шпицбергена связана в основном с обнаружением на архипелаге больших запасов угля и началом его промышленной добычи. Поскольку уголь был основным мировым энергоносителем до второй половины XX в., то стратегическое значение Шпицбергена и его международный статус на протяжении долгого времени были чрезвычайно высокими. В 1900–1920 гг. многие страны предъявляли претензии на суверенитет над архипелагом, в том числе Норвегия, США, Британия и Россия. Дискуссия завершилась в 1920 г., когда на Парижской мирной конференции был подписан так называемый Договор о Шпицбергене, который закрепил за архипелагом редчайший правовой статус *terra communis*, общей территории, и стал первым в истории международным договором, касающимся Арктики.

По условиям договора суверенитет над архипелагом был передан Норвегии, однако все подписавшие договор или присоединившиеся к нему страны получили право вести на нем хозяйственную деятельность и добывать минеральные и биологические ресурсы. Помимо этого на Норвегию были возложены обязанности по охране окружающей среды архипелага, а сам Шпицберген и окружающие его воды объявлялись демилитаризованной зоной. СССР присоединился к Договору о Шпицбергене в 1935 г. На данный момент участниками договора являются более сорока государств.

В течение XX в. своим правом на эксплуатацию Шпицбергена пользовались в основном два государства — Норвегия и Советский Союз. В межвоенный период основная деятельность на архипелаге концентрировалась вокруг угледобычи; так, СССР использовал шпицбергенский уголь в энергосистеме Российского Севера (Боровой 2017: 44–46).

Во второй половине XX в. основная деятельность на архипелаге по-прежнему была связана с угледобычей, хотя значение последней неуклонно снижалось в связи с усилением роли других энергоносителей. Для обеих сторон — Норвегии и СССР — угледобыча не была главным мотивом продолжения деятельности на архипелаге: основной мотивацией для поддержания присутствия стала политика. Оба государства рассматривали Шпицберген как северный форпост, имеющий стратегическую важность для арктических государственных политик; в этом контексте в послевоенный период и развивались международные отношения. Норвегии принадлежали шахтерские поселки Лонгйирбюэн, Ню-Олесунн и Свеагрюва. Советскому Союзу принадлежали поселки Баренцбург и Пирамида, а также рудник Грумант и порт Колсбей (закрыты в 1960-е годы).

В последней четверти XX в. все поселения архипелага вошли в период глубокого кризиса, связанного с нерентабельностью угледобычи, и были вынуждены в той или иной степени переориентироваться на другие виды деятельности либо прекратить существование. Первый сценарий был реализован в норвежских поселках (Арлов 2016: 539–544): Лонгйирбюэн стал туристическим и образовательным центром, Ню-Олесунн превратился в международную научную базу. Государственная компания «Стуре Ношке» продолжает угледобычу в небольших объемах близ Лонгйирбюэна на шахте № 7; Свеагрюва закрыта и законсервирована в 2017 г. Судьба российских поселков была менее завидной — Грумант с Колсбеем были закрыты еще в 1960-х, Пирамида была оставлена в 1998 г. по технологическим и экономическим соображениям (сейчас там проживает немногочисленный персонал, обслуживающий туристическую инфраструктуру). Единственным «живым» русским поселением на архипелаге остается Баренцбург, чье население составляет около 450 человек, занятых в угледобыче, туризме и научных исследованиях.

Все ныне существующие на архипелаге поселения исторически возникали как поселки при угольных шахтах, так как во время их возникновения уголь был ключевым мировым энергоносителем, а шпицбергенский уголь играл важную роль в европейской и российской энергетике. Однако с течением времени значение угля в мире снижалось, а в последние десятилетия вообще сошло практически на нет. Кризис угледобычи напрямую отразился на Шпицбергене как территории, на сто процентов зависевшей от работы угольных шахт. К концу 1980 — началу 1990-х годов норвежская администрация архипелага осознала, что продолжение функционирования поселков Шпицбергена исключительно как шахт не имеет смысла в силу чрезвычайной убыточности. Еще одним аспектом этой проблемы была экологическая неблагополучность угледобычи, что в контексте традиционно сильного в Скандинавских странах экологическо-

го движения привлекло к проблеме повышенное общественное и политическое внимание: многие политики и политические партии использовали эти аргументы в своем дискурсе.

Вследствие всего перечисленного выше норвежское правительство приняло решение о необходимости диверсификации деятельности шпицбергенских поселков. А. Умбрайт указывает (Umbreit 1996: 104), что было решено сменить идеологию развития архипелага в сторону укрепления научно-исследовательской и туристической деятельности. Две эти отрасли как наиболее прогрессивные и экологически безопасные должны были стать основой развития Шпицбергена в XXI в. и поддержать суверенитет Норвегии над архипелагом. При этом полностью угледобыча не должна была прекратиться, ибо по условиям Договора о Шпицбергене хозяйствующие на архипелаге страны должны в первую очередь заниматься добычей полезных ископаемых, и этот вопрос также был важен в соответствующем политическом дискурсе.

Следствием принятых решений явилось лавинообразное развитие туристической деятельности и инфраструктуры (Kaltenborn et al. 2020: 3–4). Сразу несколько компаний начали деятельность в Лонгйирбюэне, была создана туристическая инфраструктура: построено несколько гостиниц, реконструирован аэропорт, обновлены дороги и заведения. Но самое главное — была проделана большая работа по созданию туристического образа Шпицбергена и разнообразных туристических продуктов. Сегодня норвежские компании предлагают туристу практически все возможности, характерные для арктического туризма: пешие, водные, снегоходные, вертолетные и собачьи туры, экскурсии на горы, ледники и необитаемые острова, контакт с полярной фауной (белыми медведями, китами, оленями и др.) и т.д. Некоторые туристические объекты создаются с нуля: к таковым относятся Всемирное семенохранилище, Университетский центр и др.

За счет всего этого норвежскими туроператорами эксплицитно конструируется новая туристическая идентичность Шпицбергена — «последней пустоши Европы» и «земли нетронутой природы»; для туристов конструируются новые мифы, или, скорее, полумифы; к таким относятся, например, широко известный нарратив о запрете на смерть на Шпицбергене, локальные истории о встречах с белым медведем, «древний» обычай снимать обувь при входе в дом и т.д. Помимо прочих аспектов развития туристического мира на архипелаге норвежские операторы включили в свою деятельность и взаимодействие с советскими, а позже — российскими поселками. Баренцбург и Пирамида представляли собой образ того, что западный турист не имел шанса видеть своими глазами, — речь идет о типичном советском поселении в полном смысле этого слова. Норвежцы включили русские поселки в свои программы и стали продвигать их под брендом «последнего осколка Советского Союза», «заповедника семидесятых» и т.п. Этот образ поддерживался непривычной для западного глаза типичной советской инфраструктурой и задержкой ее модернизации даже после окончания перестройки.

Рис. 45. Панорама пос. Баренцбург (архипелаг Шпицберген).
Непосредственно под поселком находится угольная шахта. 2018 г. Фото А.В. Влахова

В российских поселениях в 1990-е годы начались процессы, сходные с тем, что происходило в норвежской части архипелага. Угледобыча, примерно с 1950-х годов имевшая для Советского Союза лишь политическое значение (поддержание советского присутствия на Шпицбергене), по окончании перестройки стала для России глубоко убыточной. Отличие состояло лишь в том, что в России по понятным причинам отсутствовал экологический дискурс по вопросам архипелага. Импульс к перестройке деятельности на Шпицбергене зародился в России позже, чем в Норвегии, — лишь к концу 1990-х годов; здесь сыграли свою роль два события: крушение российского самолета с более чем двумя сотнями людей на борту в 1996 г. и закрытие поселка Пирамида в 1998 г. по технологическим причинам. Как указывает А. Викен (Viken 2011: 342), воспоминания о 1990-х у тогдашних жителей Шпицбергена остались самые неприятные: государство практически не интересовалось вопросами развития и будущего архипелага, а качество жизни в поселках неуклонно снижалось. После смены руководства «Арктикугля» в начале 2000-х годов были запущены процессы модернизации: Госкомиссия по Шпицбергену вслед за норвежцами в 2002 г. объявила о поэтапном переходе от

угледобычи к развитию туризма и науки. Впрочем, полностью прекратить угледобычу по-прежнему невозможно: во-первых, доставлять на архипелаг топливо дороже, чем добывать его на месте, во-вторых, работы шахт требуют условия Договора о Шпицбергене.

В рамках этой новой стратегии новое руководство «Арктикугля» начало постепенно обновлять внешний вид поселка и бытовую инфраструктуру. Были модернизированы гостиница, музей и заведения общепита, также в последние полтора года построены несколько новых объектов размещения. Модернизация коснулась и прочей инфраструктуры Баренцбурга: были реконструированы основные общественные пространства, обновлен внешний вид жилых домов, а наиболее ветхие строения 1950–1960-х годов снесены. Что более важно, были в общих чертах разработаны туристические продукты: базовые экскурсии, туры по окрестностям, концертно-музейная программа. Базовые изменения коснулись и Пирамиды. В целом велось сотрудничество с норвежскими туроператорами, учитывались их пожелания, и основной туристический образ Баренцбурга и Пирамиды до начала 2010-х годов оставался неизменным — работа с советским наследием, стереотипами советской и российской культуры и т.п.

В 2014 г. постиндустриальное развитие получило новый импульс: был назначен новый руководитель туристического подразделения «Арктикугля» — Центра арктического туризма «Грумант». Это был первый профессионал в сфере туризма в Баренцбурге, к тому же подчиненный непосредственно генеральному директору треста, что открыло новые возможности развития. Фундаментальная программа нового руководства туристической отрасли — изменение всей туристической идеологии «Арктикугля». Первое, что было сделано, — принято принципиальное решение отказаться от эксплуатации образа «заповедника СССР». С 2014 г. и по сей день продолжается активная модернизация инфраструктуры поселка во всех возможных аспектах. В концепцию западных исследователей (Avango, Hacquebord 2009: 36), рассматривающих наследие индустриальной эпохи на Шпицбергене как материальную связь различных слоев истории, такое стремление изменить прошлое не вписывается, поэтому в их работах высказывается глубокая озабоченность подобным направлением модернизации.

Другие векторы модернизации — это изменение общей методологии работы с туристами и продвижения туристического продукта, который до середины 2010-х годов вряд ли соответствовал общепринятым в западном мире стандартам. Были запущены современные веб-сайты, туристические объекты подключены к глобальным информационным системам, налажен контакт с норвежскими коллегами и сотрудничество с ними. В Лонгйирбюэне были построены туристическая база и офис, приобретены новые снегоходы и автомобили, установлены туристические указатели и информационные щиты на русском, английском и норвежском языках, наняты гиды с хорошим уровнем владения английским и норвежским. Высказывается желание отказаться от того туристического продукта, который предлагался гостям Баренцбурга ранее: декларирован отход от стереотипного образа России и китча в стиле «матрешка–балалайка», вместо

этого создается новый образ современного арктического городка вроде Лонгйирбюэна.

В качестве магистральной темы, стержня этой идеологии выбрана тематика разнообразия в варианте «Баренцбург — город традиций», исходящая из того, что Шпицберген — это территория, где друг на друга накладываются различные культурные и исторические слои: голландская, английская, поморская, норвежская, советская и русская страницы истории архипелага спаяны в той местности, где на Шпицбергене живут люди, и эта монолитность культурной памяти должна быть артикулирована в новом Баренцбурге в соединении с арктической идентичностью поселка. Интродуцирование новой идентичности на Шпицберген сопровождается поисками ее материального воплощения и укоренения. Это выражается, к примеру, в использовании топонимов и ойконимов (*Грумант*, *Помор*, *Баренц*), в выборе стиля оформления городской среды и внутренних пространств, одежды и внешнего вида занятых в обслуживании туристов людей, ассортименте сувенирного магазина и т.д.

Происходящие изменения по-разному воспринимаются жителями Баренцбурга. Важнейшим мотивом здесь является конфликт между образом Баренцбурга, предлагаемым туристам, и повседневной жизнью поселка «для своих». Модернизация, конечно, идет не такими темпами, как хотелось бы многим, и в первую очередь затрагивает публичные пространства и внешний вид поселка: нередки жалобы на то, что гостиницу-де утеплили нормально, а общежитие — как придется; или на то, что обновляется только внешний вид, а внутри здания не ремонтируются; или на то, что туристам подаются блюда и напитки ресторанного качества, а шахтеры вынуждены питаться консервированными или даже просроченными продуктами. К тому же у большей части жителей поселка есть собственное мнение о том, как именно следовало бы проводить модернизацию поселка: какие материалы нужно выбирать, как следует забивать сваи, чем мостить дорогу и т.д. В целом население поселка в своих оценках разделяется на две категории, прямо коррелирующие с возрастом: молодые люди выступают за модернизацию Баренцбурга, более старшие группы — за то, чтобы оставить всё как есть. Это разделение мнений также прямо увязано с представлением о будущем поселка: более старые люди, как правило, держатся уже описанной стратегии, связанной с продолжением угледобычи, более молодые — стратегии переориентации Баренцбурга на туризм и науку. На почве таких различий во мнениях случаются споры и конфликты (ПМА Влахов 2018); неприязненное отношение старшего поколения к туризму, угрожающему их модели будущего, ощущается довольно заметно.

Сравним норвежскую и российскую траектории модернизации Шпицбергена. Выбранные обеими странами пути в целом сходны, однако различаются в том, какую цель ставят перед собой акторы, принимающие решения. Норвежцы планомерно сокращают угледобычу (закрыты шахты в районе Свеагрювы, со временем планируется закрытие и единственной остающейся лонгйирбюэнской; подробнее см.: Hovelsrud et al. 2020: 3–5). Россия же, как кажется, одновременно

и сохраняет добычу угля (для обеспечения энергонезависимости поселка), и развивает новые направления (туризм и научную деятельность). Туристическая стратегия России во многом повторяет норвежскую модель, основываясь на тех же мотивах и конструктах и встраиваясь в общий контекст туризма на архипелаге.

Следует отметить важность представлений о будущем и планов на него и в аспекте международной политики. И Норвегия, и Россия помещают архипелаг в центр своих геополитических интересов, в первую очередь арктических. Развитие и использование туризма в определенных контекстах, в том числе актуализация тех или иных культурно-исторических традиций (к примеру, поморской), могут иметь большое значение в рамках международной деятельности соответствующего государства. Очевидно, что этот аспект развития туризма находится под непосредственным контролем обоих государств и используется как орудие в общественном дискурсе, что подкрепляет усилия туроператоров непосредственно на Шпицбергене.

При этом граница между двумя сообществами на архипелаге, хоть и имеет в первую очередь символическое выражение, остается довольно четко выраженной. Все населенные пункты архипелага находятся в отдалении друг от друга вследствие геополитики прошлого: в период, когда шпицбергенские природные ресурсы имели важное экономическое значение (начало XX в.), государства во избежание конфликтов предпочитали основывать поселения на безопасном расстоянии от конкурентов. С потерей Шпицбергеном сколько-нибудь важного экономического значения эта особенность его заселения изменила свое политическое значение: к середине XX в. на архипелаге остались лишь два значимых актора (СССР и Норвегия), оказавшиеся к тому времени по разные стороны в холодной войне.

Такое географическое и инфраструктурное разделение поселений (отсутствие круглогодичных дорог и вообще слабое развитие транспортной инфраструктуры и телекоммуникаций), а также последовательное политическое разобщение поселений (сначала по экономическим, затем по геополитическим мотивам) создало на архипелаге невидимую, символическую границу между двумя сообществами, «двумя мирами» (Vlakhov 2019: 1519). Многие жители архипелага говорят о существовании «норвежской» и «русской» части архипелага, и хотя это технически некорректно (суверенитет над архипелагом в целом принадлежит Норвегии, Россия же осваивает сравнительно небольшие «островки» территории вокруг Баренцбурга, Пирамиды и заброшенных Груманта и Колсбея, где тем не менее действует норвежское законодательство), подобные суждения довольно точно отражают реальную ситуацию — два крупнейших сообщества, норвежское и русское, живут довольно обособленно. Несмотря на то что холодная война и железный занавес прекратили свое существование почти 30 лет назад, российско-норвежские отношения на архипелаге по-прежнему имеют заметный геополитический подтекст и символику, что, в свою очередь, затрудняет коммуникацию между сообществами на низовом уровне. Добавим, что между ними существует довольно устойчивый культурно-языковой барьер: владение языками друг друга

или хотя бы нейтральным кодом в сообществах не превышает 5–10%, а попыток преодолеть этот барьер сообщества не предпринимают.

Таким образом, можно говорить о том, что в условиях отсутствия административных границ и официального декларирования Шпицбергена как «пространства без границ» (borderless space) на деле сообщества архипелага разделены символической границей, обусловленной факторами политического, инфраструктурного и социального характера.

Практики пересечения этой символической границы на архипелаге Шпицберген можно разделить на несколько типов. Первый из них — это случай официальных, институционализированных отношений между двумя сообществами: межгосударственные контакты на уровне губернатора Шпицбергена и российского консула; официальные сношения российской угледобывающей компании с норвежскими органами власти; официальные перевозки пассажиров и грузов между двумя сообществами и т.д. Другой тип — это также институционализированное пересечение границы, но, в отличие от предыдущего случая, такое, целью которого как раз и является преодоление границы между сообществами. Речь идет об имеющих долгую историю практиках культурных и спортивных обменов, происходящих несколько раз в год; в этих случаях спортивные команды и творческие коллективы каждого из сообществ попеременно отправляются в гости друг к другу, где либо состязаются в спорткомплексе, либо устраивают совместный концерт в доме культуры. При этом, как отмечается (ПМА Влахов 2018), самое приятное в соревнованиях — это традиционные совместные «посиделки» после них: устойчивый нарратив в этом случае — «хотя мы и не понимаем языков друг друга, но после спорта в баре прекрасно общаемся», т.е. здесь настоящее пересечение границы осуществляется лишь тогда, когда институциональная рамка завершает свою работу.

Наконец, последний и самый важный тип пересечения границы, практически неизвестный на Шпицбергене ранее и получивший развитие лишь в последние годы, — это прямые низовые контакты между жителями российских и норвежских поселков, столь привычные для жителей материковых территорий. Прямые низовые контакты были, очевидно, невозможны в советские времена; после падения железного занавеса низовые контакты всё равно не получили развития в силу культурного и языкового барьера. Однако ситуация заметно изменилась в контексте постиндустриального перехода в российском сообществе — развития туризма.

Эта «маленькая» революция принесла в Баренцбург и Пирамиду заметное количество молодых и соответствующим образом настроенных людей, владеющих иностранными языками, которые и заложили практику регулярных низовых контактов с норвежским сообществом: по их признаниям, дорога от поселка до поселка на снегоходе при удачной погоде занимает меньше часа, что позволяет заводить легко поддерживаемые дружеские связи, в отдельных случаях любовные истории, и вообще находиться в состоянии движения, а не быть запертыми в пределах своего поселка. Такие практики, появившиеся не ранее 2014 г., оказали важнейшее влияние на оба сообщества: норвежцы стали регулярно приезжать

в Баренцбург с рекреационными целями к своим друзьям (оставаясь при этом на ночь в гостинице, что благотворно влияет на сообщество), ведутся активные разговоры об открытии курсов языков друг друга в каждом из поселков. Многие жители Баренцбурга (не занятые в туризме) выражают даже зависть в отношении «молодежи» по этому поводу и зачастую отмечают, что были бы не прочь поступить так же (ПМА Влахов 2018). Этот путь пересечения границы всеми воспринимается однозначно положительно — и все информанты без исключения упоминают исчезновение, размывание границы в такой ситуации.

Это яркий пример того, как контекст постиндустриального перехода, при котором значение институционального контекста снижается, а прямых связей «человек–человек» повышается, приводит к изменению всего фрейма пересечения границы в целом, нормализуя соответствующие практики. В свою очередь, это увеличивает интенсивность процессов перехода — контакты между двумя сообществами расширяются, увеличивают открытость их членов по отношению к новым стратегиям развития и тем самым создают благоприятные условия для дальнейшей реализации постиндустриального проекта. Таким образом, при/трансграничный контекст и процессы постиндустриального перехода оказываются переплетены и взаимно обусловлены, придавая плоть официальным утверждениям о том, что Шпицберген — это территория взаимодействия.

8.4.
Постиндустриальный переход в Печенгском районе

Поселок городского типа Никель и город Заполярный являются крупнейшими населенными пунктами Печенгского района, расположенного на северо-западе Мурманской области на границе с Норвегией и Финляндией (Мацак 2005: 17–23). Территория района с середины XVI в. принадлежала России, однако после обретения Финляндией независимости в 1918 г. отошла к ней. В 1921 г. на этой территории были обнаружены залежи никеля, вследствие чего началось активное развитие добывающей промышленности. После Второй мировой войны, когда эти земли вернулись в состав СССР, началось бурное развитие комбината и поселка Никель (в финские времена — Колосйоки), ставшего административным центром Печенгского района. В постсоветский период численность населения поселка сократилась за счет миграционного оттока и сейчас составляет около 11 тыс. человек. Комбинат «Печенганикель» (входит в состав ПАО «Норильский никель» как производственная площадка Кольской горно-металлургической компании) продолжает оставаться градообразующим предприятием для Никеля.

Заполярный также появился как промышленный моногород. В 1946–1948 гг. недалеко от Никеля было открыто Ждановское месторождение медно-никелевых руд, через несколько лет был заложен комбинат и поселок при нем, в 1963 г. получивший статус города. Как и в Никеле, горно-обогатительный комбинат в Заполярном входит в состав «Норильского никеля» и производит никель, медь и другие металлы. На 2020 год в городе проживает около 15 тыс. человек. Никель

и Заполярный, хотя и находятся друг от друга в 30 километрах, во многом функционируют как единая система: это сопоставимые по размеру и самые крупные населенные пункты Печенгского района, для них обоих градообразующими предприятиями являются структуры горно-металлургического комбината «Печенганикель», связанные друг с другом единой производственной цепью; сходно и социально-экономическое положение обоих населенных пунктов. Именно поэтому в рамках этого исследования они рассматриваются совместно.

Промышленный статус обоих населенных пунктов играет важную роль в их локальной идентичности. И Никель, и Заполярный являются классическими моногородами, которые возникли как своего рода «спальные цеха» при градообразующих предприятиях, в огромной степени определяющих их настоящее и будущее. Однако данные интервью показывают, что жители Никеля и Заполярного, в целом осознавая и признавая огромное значение, которое имеет деятельность Кольской ГМК для жизни их населенных пунктов, при разговоре о перспективах склонны выводить градообразующее предприятие за скобки. Одна из причин этого — разделение траекторий развития предприятия и населенного пункта. Изменения, которые пережили Никель и Заполярный в постсоветские годы, жители воспринимают как медленное угасание и стагнацию. При этом Кольская ГМК, по мнению многих информантов, за это время довольно активно развивалась, однако ее развитие не оказывало сильного влияния на населенный пункт. Если раньше ритмы их развития были синхронизированы, то теперь комбинаты и населенные пункты, расположенные рядом, живут «сами по себе».

Особенно болезненно подобная «заброшенность» города ощущается в сравнительной перспективе. Для местных жителей значительно более привлекательными кажутся более крупные города — от Мурманска до Москвы. Однако объектом сравнения, на фоне которого Никель и Заполярный смотрятся невыигрышно, может быть даже Мончегорск, еще один город Мурманской области, где Кольская ГМК является градообразующим предприятием.

При этом ощущение «заброшенности», «забытости», «ненужности» напрямую влияет на жизненные стратегии местных жителей. Даже те из них, кто уже сейчас работают на комбинате, отвечая на вопрос о планах на будущее, предпочитают говорить о том, что не хотят связывать всю свою жизнь с этой работой и думают об альтернативных вариантах. Едва ли не единственный аргумент в пользу работы на Кольской ГМК — сравнительно высокая зарплата, однако слышны и жалобы на то, что в последние годы финансовые условия стали менее привлекательными, а перспективы карьерного роста сильно ограничены из-за того, что начальников «присылают» из Норильска или Мончегорска (ПМА Влахов 2019).

Также в полевых данных отмечаются многочисленные жалобы на серьезный вред для здоровья, связанный с работой на комбинате, и вопрос экологического ущерба, связанного с работой предприятий Кольской ГМК. Никель и Заполярный воспринимаются жителями как одни из самых экологически неблагополучных населенных пунктов Мурманской области из-за частых сернистых выбросов с комбината, побуждающих местных жителей к миграции.

Рис. 46. Северо-запад Мурманской области, граница с Норвегией и Финляндией. Отмечены пос. Никель и г. Заполярный (источник карты: maps.google.com)

Многие информанты высказывали опасения по поводу будущего Кольской ГМК. Уже не первый год в районе ходят слухи, что из-за неблагоприятной экономической конъюнктуры и истощения месторождений компания может закрыть часть производств (что отчасти подтвердилось в 2020 г., когда было объявлено о прекращении работы плавильного цеха в Никеле (ПМА Влахов 2020)). В аспекте того, как разные группы акторов относятся к развитию территории, можно выделить несколько точек зрения. Существует радикальная позиция, которой придерживаются некоторые сотрудники органов власти, подразумевающая максимальное укрупнение населенных пунктов района — по сути, переселение всех его жителей в Никель и Заполярный — или даже перевод предприятий «Норильского никеля» на вахтовый режим работы. Такой нарратив типичен для Российского Севера (Замятина 2016: 117–118); он повсеместно встречается в суждениях информантов как «страшилка», нежелательный, но тем не менее абсолютно реальный сценарий развития. На территории Печенгского района этот нарратив усиливается историей поселка Приречный, где до конца 1980-х годов работал еще один комбинат «Печенганикеля»; после исчерпания месторождения комбинат был закрыт, а поселок практически опустел. Сейчас в Приречном проживает около 40 человек (в основном пожилых), а «проблема Приречного» является одной из важнейших для местных властей: в поселке требуется содержать весь комплекс служб жизнеобеспечения, что порождает огромные финансовые издержки, поэтому многие чиновники настаивают на закрытии малых населенных пунктов и укрупнении поселений. Такая точка зрения, хотя экономически и обоснована, является очень непопулярной, однако вполне реальной, по причине чего часто обсуждается в населенных пунктах (ПМА Влахов 2019).

Противоположная точка зрения состоит в максимальном развитии городской среды во всех населенных пунктах района. Наиболее последовательно эту позицию отстаивают городские активисты (индивидуальные и в составе некоммерческих организаций), концентрирующиеся в основном в Никеле и Заполярном; к ним же примыкают представители культурно-досуговых учреждений. В своих суждениях они в первую очередь отталкиваются от того, что у Никеля и Заполярного имеется стабильная основа существования (работающие комбинаты) и закрыты в обозримом будущем они не будут, а значит, следует инвестировать средства и человеческий капитал в максимальное развитие в них городской среды. В качестве дополнительных факторов выделяется выгодное приграничное положение района, а также богатство его природных и рекреационных ресурсов.

Остановлюсь более подробно на роли градообразующего предприятия в жизни Никеля и Заполярного. Как уже говорилось выше, роль комбинатов «Норильского никеля» для обоих населенных пунктов чрезвычайно высока — они являются и основными работодателями, и важнейшими игроками в общественном пространстве. И жители, и различные институциональные акторы имеют определенные претензии к Кольской ГМК, в основном связанные с экологической обстановкой в населенных пунктах, а также с социальными аспектами (закрытость и клановость коллектива предприятий и их руководства) и нежеланием компании напрямую финансово помогать Печенгскому району (ПМА Влахов 2019; 2020).

Однако при этом в общественном дискурсе компания не предстает в качестве абсолютного врага, что бывает свойственно другим промышленным моногородам. Даже наиболее радикальные общественные активисты признают исключительную важность предприятия для территории и его в целом добросовестное отношение к «подведомственным» населенным пунктам. Причиной этого является, видимо, уже упомянутое небольшое количество населения района и вытекающая из этого высокая связность местных социальных сетей — практически каждый житель Никеля или Заполярного тем или иным образом связан с комбинатом и в той или иной степени зависит от его благополучия, пусть даже опосредованно. Важную роль играет и тот факт, что комбинат, как правило, ведет себя относительно открыто и доброжелательно по отношению к населенным пунктам и принимает участие в их жизни как организация, стараясь быть заметным. Поэтому образ комбината в общественном сознании следует охарактеризовать в целом скорее как положительный; компания воспринимается если не как партнер, то по крайней мере не как враг, и ее участие в развитии Никеля и Заполярного представляется важным аспектом жизни района.

Рис. 47. Поселок Никель (Мурманская обл.).
На заднем плане — трубы комбината и граница с Норвегией. 2020 г. Фото А.В. Влахова

Одной из важнейших специфических характеристик Печенгского района, также определяемых географией, является его приграничное положение. Печенгский район с западной стороны граничит с территориями сразу двух государств: Норвегии и Финляндии. Для жителей района традиционно более тесными являются связи с Норвегией, так как граница с ней значительно более протяженная, ближе находится к крупнейшим населенным пунктам (Никель и Заполярный), на ней расположен единственный в районе пропускной пункт.

Особое значение пограничного статуса Печенгского района обусловлено не только его географией, но и историей. Территория района всегда находилась в области фронтира: в XVI–XIX вв. она была центром поморской торговли и миграции саамов, затем — активных российско-скандинавских политических контактов. С 1920 по 1944 г. современная территория района принадлежала Финляндии, именно в это время был основан поселок Никель (тогда — Колосйоки) и построен первый комбинат; по условиям мирного договора область Петсамо отошла СССР.

В послевоенное время Печенгский район имел для Советского Союза большое стратегическое значение (Hønneland 2009: 35–52). Поскольку здесь проходила граница с Норвегией, страной, входящей в военно-политический блок НАТО, на территории района находились пограничные войска, база подводных лодок в Лиинахамари и многие другие военные объекты, до сих пор играющие важную роль в жизни района. В советское время Никель и Заполярный находились в пограничной зоне, и въезд туда жестко контролировался пограничными службами. В постсоветское время режим был ослаблен, эти населенные пункты оказались не на пограничной, а на приграничной территории, для въезда не требуется получения специального пропуска, однако паспортный контроль въезжающих в район всё равно производится.

Если в советское время для жителей Печенгского района въезд на территорию соседних стран был фактически закрыт, то в постсоветское время между приграничными районами России, Норвегии и Финляндии начали развиваться культурные и экономические связи (Булатов, Шалёв 2001: 26). Еще с 1990-х годов Норвегия начала выдавать жителям Мурманской области многократные визы без предоставления дополнительных документов (так называемые «поморские визы») и активно развивала программы сотрудничества по проектам Баренцрегиона. С 2009 по 2012 г. количество переходов через пограничный пункт Борисоглебск–Стурскуг увеличилось почти в три раза, а с 2012 г. начало действовать соглашение о безвизовом передвижении между приграничными территориями (Печенгский район и норвежский муниципалитет Сёр-Варангер), позволяющее посещать соседние территории без визы, со специальным удостоверением жителя приграничья. Упрощение пограничного режима резко увеличило количество пересечений границы — жители Печенгского района и Киркенеса регулярно ездят друг к другу в гости и за покупками. Даже несмотря на плохое экономическое положение и низкий курс рубля, возможность регулярно бывать за границей продолжает оставаться крайне привлекательной и играет важную роль в локаль-

ной идентичности; потеря возможности регулярно бывать за границей из-за пандемии коронавируса в 2020 г. воспринимается местным населением как настоящая катастрофа (ПМА Влахов 2020).

Не менее важной составляющей приграничной идентичности Печенгского района являются разного рода мероприятия, проходящие в рамках трансграничного сотрудничества (богатые традиции такого сотрудничества существуют в районе с советских времен, в администрации района имеется отдельное подразделение по приграничному сотрудничеству). Особенно интенсивным является взаимодействие между приграничными районами Норвегии и России в области культуры и спорта. Для многих жителей района первыми опытами поездки за границу становились трансграничные чемпионаты, в которых участвовали школьные команды (ПМА Влахов 2019). Еще одним известным проектом такого рода является «Лыжня дружбы», соревнование лыжников, которое проходит в поселке Раякоски, где сходятся границы трех государств — России, Норвегии и Финляндии.

Культурное сотрудничество, как правило, происходит в направлении с запада на восток. Расположенный ближе всего к Никелю норвежский город Киркенес неофициально считается культурной столицей Баренц-региона благодаря культурным проектам, которые с 1996 г. здесь реализует международная инициативная арт-группа «Девушки на мосту» (“Pikene på broen”). Наибольшую известность и популярность получил их художественный фестиваль “Barents Spektakel”, в котором активное участие принимают и российские художники и музыканты. Однако развитие культурного сотрудничества в значительной степени сдерживает языковой барьер, который в спортивных мероприятиях не имеет большого значения, однако в арт-проектах становится критичным. Важным фактором является также и активность мурманских арт-организаций и активистов, гораздо лучше владеющих иностранными языками и более опытных в реализации культурных проектов, так что многие проекты осуществляются напрямую между Мурманском и Киркенесом, минуя Печенгский район.

Именно та составляющая локальной идентичности Печенгского района, которая связана с его пограничным положением, является одной из самых значимых и позитивно воспринимаемых местным сообществом. Для жителей Никеля и Заполярного плюсы приграничного положения явно перевешивают минусы; возможность регулярно ездить за границу является одним из немногочисленных аргументов для молодежи в пользу возвращения в родной город после учебы.

Как уже говорилось выше, процесс постиндустриального перехода в регионе развивается. В 2020 г. принято решение о закрытии плавильного цеха в Никеле и сокращении производства в Заполярном, разработан проект постиндустриального развития территории района на предстоящие десятилетия. При этом конкретные планы развития остаются непроработанными: разговоры о развитии туристического кластера, аквакультуры, рыбоперерабатывающей промышленности и т.д. воспринимаются местными жителями как весьма туманные и сомнительные, а некоторые — вроде проекта аэропорта в Корзуново на месте бывшего

военного аэродрома — как откровенная ложь, и перспективы местности видятся, как правило, в негативном ключе (ПМА Влахов 2020).

Единственным реальным фактором возможного развития в локальном дискурсе является приграничное положение. Как я говорил (Влахов 2014), можно выделить три основных аспекта этого мотива: «граница как препятствие», «граница как фактор престижа», «граница как основа жизни». В контексте трансграничного перехода решающим оказывается третий мотив — не раз обсуждавшиеся мотивы «не будь границы, не было бы и нас» в ситуации, когда прежняя «основа жизни» исчезает, выходят на первый план. Градообразующее предприятие не обвиняют в уходе с территории — жители Никеля и Заполярного прекрасно понимают, как устроена рыночная экономика, и десятилетиями жили в контексте возможного закрытия комбината (более того, большинство из них приехали на эти территории именно для того, чтобы зарабатывать деньги на предприятии, или же являются потомками таких переселенцев). Выбор для жителей Печенгского района после закрытия комбината прост — либо подчиниться изменившимся условиям и уехать куда-то еще, либо переизобрести сообщество и сконструировать новую «основу жизни», оставшись в привычных местах (ПМА Влахов 2019; 2020).

Несмотря на то что второй путь может казаться экономически не обоснованным, в локальном дискурсе он — основанный на возможностях трансграничной кооперации и пересечения границ — рассматривается как единственная возможность не превратиться в медленно умирающий Приречный и создать для себя будущее. Символически эта возможность подкрепляется примером соседнего норвежского Киркенеса, где комбинат по добыче и переработке железной руды был закрыт в начале 2010-х, что, однако, не привело к гибели города, переориентировавшегося на эксплуатацию своего приграничного положения во всех возможных отраслях (от культурного и экономического сотрудничества до туристических экскурсий на российскую границу). «Если у норвежцев получается хорошо жить за счет того, что рядом с ними есть мы, почему невозможно обратное?» — задаются логичным вопросом жители Никеля и Заполярного (ПМА Влахов 2020). По-видимому, поиск ответа на этот вопрос и станет основой их жизни в ближайшей перспективе.

8.5.
Границы в постиндустриальной Арктике

Два проанализированных в этой статье контекста обнаруживают и сходства, и различия. И на Шпицбергене, и в Мурманской области мы наблюдаем процесс постиндустриального перехода от добывающей промышленности к другим отраслям, находящийся, впрочем, на разных стадиях. В обоих контекстах важнейшую роль в принятии решений и определении стратегий развития играет наличие рядом с ними соседей-норвежцев — их опыт может приниматься за руководство

к действию и основание для сравнения (больше на Шпицбергене, меньше на «большой земле»), может использоваться как негативный пример (когда обусловленное рыночными или экологическими причинами закрытие населенных пунктов приводит к потере людьми жизненных перспектив), а может вообще не восприниматься в сравнительном аспекте (жизнь по соседству необязательно предполагает сотрудничество — можно просто жить независимо друг от друга и иметь собственную агентность, что было в особенности характерно для советского периода).

Наличие границы (по-видимому, при этом не слишком важно, реальной или символической), а в еще большей степени практики ее пересечения оказываются напрямую связанными с представлениями местных жителей о будущем. Сама возможность преодоления границы и каких-либо форм кооперации становится мощной стратегией развития сообщества на дискурсивном уровне: в одном случае доминирующей (в Мурманской области), в другом — одной из нескольких возможных (на Шпицбергене). При этом выбор этой стратегии осуществляется на разном уровне (либо «из центра», либо «на месте»), что обусловлено спецификой политико-экономического контекста на каждой из территорий: развитие ситуации на Шпицбергене мотивировано общей арктической стратегией государства и потому контролируется методами командной экономики (хотя и с элементами рыночной), в Печенгском районе, скорее, наоборот. Следует подчеркнуть, что совпадение в этих двух случаях фигуры соседа (Норвегии) не играет особенной роли: несмотря на то что оба сообщества соседствуют с норвежскими, отношения с ними строятся по совершенно разным моделям из-за особенностей локального контекста, как если бы это были два разных государства.

Тем не менее одна яркая общая черта в этих двух кейсах очевидна — это переплетение факторов постиндустриального перехода и при/трансграничности. Кажется, что ни в одном случае невозможно провести четкую границу между этими факторами — они находятся в отношениях взаимовлияния и взаимообусловленности, хотя сообщества пришли к такому переплетению разными сложными путями. Важную роль в этих процессах сыграли сознательные усилия по конструированию идентичности, а точнее — идентичностей (Баренц-, арктической, а также своей собственной в каждом из сообществ). По всей видимости, и трансграничные контакты / приграничная идентичность, и процессы постиндустриального перехода должны анализироваться в связке друг с другом как части более крупного процесса выбора стратегии развития населенного пункта в Арктике и представлений сообщества о собственном будущем.

* * *

В завершение отмечу, что фактору границы в рамках арктических социальных наук (североведения) уделяется, как кажется, недостаточное внимание. Как правило, его влияние учитывается в первую очередь при изучении очевидно приили пограничных территорий — прилегающих к государственным границам

(каковых в Арктике не так уж и много, а с различающимися политико-экономическими контекстами и того меньше) либо границам между регионами. При этом в глобальном контексте в рамках направления Border Studies накоплен значительный междисциплинарный опыт, подсказывающий возможность анализа границ не только в изначальном контексте исследований мобильности (когда граница воспринимается в первую очередь как препятствие, которое можно преодолеть), но также и как самостоятельного понятия, вписанного в локальный ландшафт и способного влиять на его развитие в увязке с другими важными для местности факторами. В такой рамке граница может трактоваться максимально широко, включая в себя в том числе и незримые, символические границы — между различными политико-экономическими режимами, этнически окрашенными контекстами и пр., — и являться основой для выделения конкретных сообществ, находящихся под ее воздействием. Именно в таком значении, например, норвежский исследователь Гейр Хённеланд выделяет в работе (Hønneland 2010) сообщество Borderland Russians — всех жителей российского Севера, находящихся под влиянием российско-скандинавской границы. Представляется, что перенос этой рамки на другие арктические контексты (в которых граница — в максимально широком понимании, использованном в том числе и в этой главе, — оказывает влияние на местные сообщества и происходящие в них социокультурные и энергетические процессы) имеет неплохую методологическую перспективу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Данная работа наметила ключевые направления исследования энергетических процессов в рамках повседневной жизни жителей Арктики и Сибири. Очевидно, что многие затронутые в главах книги аспекты требуют более детального исследования и осмысления. Интерес к энергетической проблематике в социальных науках сейчас довольно высок. Опыт проведения конференции «XI Сибирские чтения. Энергия Арктики и Сибири», собравшей более ста участников в октябре 2019 г., позволил авторам увидеть и осмыслить многогранность энергетических процессов.

Локальные сообщества Севера и Сибири показывают потрясающую адаптивность к различного рода инновациям. Дефицит ресурсов, связанный с относительной удаленностью от центров их распределения, ведет к формированию особых схем получения энергии местным сообществом. Ее пополнение происходит за счет эксплуатации многочисленных источников. Большую роль здесь играют не только навыки и умения, но и социальные отношения, практики обмена, позволяющие перераспределять и накапливать ресурсы.

Энергетические процессы в Сибири и Арктике демонстрируют удивительную компактность во времени и пространстве. Как показали этнографические наблюдения авторов, инновационными в данных регионах являются не только крупномасштабные проекты, позволяющие радикально изменить жизнь местного сообщества. Изменения происходят благодаря адаптации новых материалов и апробации новых технологий мобильности, хранения вещей, поддержания тепла, приготовления пищи. Небольшие креативные и энергосберегающие новшества — это то, что несомненно будет востребовано жителями Арктики и Сибири.

Задача данной книги — привлечь внимание к рассмотрению ресурсов и энергетических процессов на уровне, соизмеримом с отдельным человеком. Именно в людях, населяющих Арктику и Сибирь, заключено огромное богатство России и мира. Знания, накопленные коренными жителями, бесценны, и нам есть чему у них поучиться. Многие выработанные ими принципы применимы на практике, позволяют максимально экономить ресурсы и быть готовыми к серьезным вызо-

вам современности. Технологический прогресс зачастую лишает людей возможности собственными силами решать серьезные проблемы, делая их частью системы технологического патернализма, уменьшающего степень их автономности и создающего различные формы зависимости от ресурсов (Функ 2019). Причина как раз кроется в несоизмеримости многих современных разработок с отдельным индивидуумом и его жизненным миром. Можно с уверенностью сказать, что именно за исследованием микроэнергетики и энергосберегающих технологий большое будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПМА Арзютов 2009–2018 — Полевые материалы Д.В. Арзютова. Экспедиции в Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа, 2009–2018 гг., полевой дневник.

ПМА Арзютов 2018 — Полевые материалы Д.В. Арзютова. Экспедиция на о. Колгуев, Ненецкий автономный округ, 2018 г., полевой дневник.

ПМА Березницкий 2018 — Полевые материалы С.В. Березницкого. Экспедиция в Чукотский автономный округ, 2018 г., полевой дневник.

ПМА Березницкий 2019 — Полевые материалы С.В. Березницкого. Экспедиция в Сахалинскую область, 2019 г., полевой дневник.

ПМА Влахов 2018 — Полевые материалы А.В. Влахова. Экспедиция на арх. Шпицберген, июнь–июль 2018 г., полевые дневники.

ПМА Влахов 2019 — Полевые материалы А.В. Влахова. Экспедиция в Мурманскую обл. и Республику Карелия, июнь–июль 2019 г., полевые дневники.

ПМА Влахов 2020 — Полевые материалы А.В. Влахова. Экспедиция в Мурманскую обл. и Республику Карелия, март 2020 г., полевой дневник.

ПМА Гончаров 2018 — Полевые материалы Н.С. Гончарова. Экспедиция в поселок Жиганск, Жиганский улус, Республика Саха (Якутия). Июль 2018 г. Полевой дневник.

ПМА Гончаров 2019 — Полевые материалы Н.С. Гончарова. Экспедиция в Чокурдах, село Русское Устье, Аллаиховский улус, Республика Саха (Якутия). Август–сентябрь 2019 г. Полевой дневник.

ПМА Давыдов, Давыдова 2017–2018 — Полевые материалы экспедиции В.Н. Давыдова, Е.А. Давыдовой. Экспедиция в Чукотский автономный округ, Анадырь, пгт. Эгвекинот, с. Амгуэма, декабрь 2017 — февраль 2018 г., полевые дневники, полевой дневник.

ПМА Давыдов, Давыдова 2018 — Полевые материалы В.Н. Давыдова, Е.А. Давыдовой. Экспедиция в Чукотский автономный округ, пгт Эгвекинот, с. Амгуэма, июль–сентябрь 2018 г., полевые дневники.

ПМА Давыдов, Давыдова 2019 — Полевые материалы В.Н. Давыдова, Е.А. Давыдовой. Экспедиция в Чукотский автономный округ, пгт Эгвекинот, с. Нутэпэльмен, март–апрель 2019 г., полевые дневники.

ПМА Клоков 2012 — Полевые материалы К.Б. Клокова. Экспедиция в Ямальский район Ямало-Ненецкого автономного округа, август–сентябрь 2012 г., полевой дневник.

ПМА Клоков 2014а — Полевые материалы К.Б. Клокова. Экспедиция в Эвенкийский муниципальный район Красноярского края, август 2014 г., полевой дневник.

ПМА Клоков 2014б — Полевые материалы К.Б. Клокова. Экспедиция в Нижнеудинский район Иркутской области, сентябрь, 2014 г., полевой дневник.

ПМА Клоков 2014в — Полевые материалы К.Б. Клокова. Экспедиция в Ногликский район Сахалинской области, декабрь 2014 г., полевой дневник.
ПМА Клоков 2019 — Полевые материалы К.Б. Клокова. Экспедиция в Анадырский район Чукотского автономного округа, июль–август 2019 г., полевой дневник.
ПМА Сирина 1987 — Полевые материалы А.А. Сириной. Экспедиция в Катангский район Иркутской области, 1987 г., полевой дневник.
ПМА Сирина 1989 — Полевые материалы А.А. Сириной. Экспедиция в Катангский район Иркутской области, 1989 г., полевой дневник.
ПМА Сирина 1993 — Полевые материалы А.А. Сириной. Экспедиция в Верхнеколымский район Республики Саха (Якутия), 1993 г., полевой дневник.
ПМА Сирина 1999 — Полевые материалы А.А. Сириной. Экспедиция в Качугский район Иркутской области, 1999 г., полевой дневник.
ПМА Сирина 2005 — Полевые материалы А.А. Сириной. Экспедиция в Северобайкальский район Республики Бурятия, 2005 г., полевой дневник.
ПМА Сирина 2007 — Полевые материалы А.А. Сириной. Экспедиция в Северобайкальский район Республики Бурятия, 2007 г., полевой дневник.
ПМА Терёхина, Волковицкий 2015–2016 — Полевые материалы А.Н. Терёхиной, А.И. Волковицкого. Экспедиция в ярсалинскую тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа, март 2015 — апрель 2016 г., полевые дневники.
ПМА Терёхина, Волковицкий 2016 — Полевые материалы А.Н. Терёхиной, А.И. Волковицкого. Экспедиция в сеяхинскую тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа, ноябрь 2016 г., полевые дневники.
ПМА Терёхина, Волковицкий 2019а — Полевые материалы А.Н. Терёхиной, А.И. Волковицкого. Экспедиция в байдарацкую тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа, март, июнь–июль 2019 г., полевые дневники.
ПМА Терёхина, Волковицкий 2019б — Полевые материалы А.Н. Терёхиной, А.И. Волковицкого. Экспедиция в сеяхинскую тундру Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа, июль–август 2019 г., полевые дневники.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ААГОЭ. Протоколы сессий сельского Совета, решения, принятые сессиями, и материалы к ним за 1954 год.
АИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 415. Березницкий С.В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Этнографические исследования 1997 г. Владивосток, 1999. 182 л.
АИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 559. Владивосток. 2004. 775 л. Березницкий С.В. Материалы по культуре бикинских и анюйских удэгейцев, селемджинских эвенков. Этнографические исследования 2003–2004 гг.
АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 124. Васильев Б.А. 5 дней среди орочей: очерк. 1928–1929 гг. 15 л.
АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 125. Васильев Б.А. Второй шаманский сеанс: очерк. 1928–1929 гг. 16 л.
АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 38. Куфтин Б.А. Тунгусы I. 38 л.
АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 41. Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме гиляков. Побережье Охотского моря, Татарского пролива, о. Сахалин. 1927–1928 гг. 85 л.
АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 42. Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме удэге. Побережье Татарского пролива, р. Амур. 1927–1928 гг. 66 л.

АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 46. Куфтин Б.А. О материальной культуре гольдов. Побережье Татарского пролива. Р. Амур. 1927–1928 гг. 38 л.
АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 48. Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива. 1927 г. 84 л.
АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49. Куфтин Б.А. О шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива. 1927 г. 45 л.
АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 50. Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме ольчей. 1927–1928 гг. 23 л.
АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 87. Куфтин Б.А. Орочи. Шаманизм. Побережье Татарского пролива. Фотографии. 1927 г. 5 л.
АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 21. Липская Н.А. Охотничьи угодья. Средний Амур. 9 л.
АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 60. Липский А.Н. Записи обрядов, связанных с почитанием и поклонением отдельным идолам, и описание отдельных идолов. 179 л.
АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 62. Липский А.Н. Записи по теме «Большие поминки». 1936–1937 гг. 115 л.
АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 18. Липская Н.А. Подледный лов неводом у нанайцев. Калужий промысел. Наблюдения хода кеты, записанные 22–26 сентября 1936 г. в с. Елан-Яхса. 32 л.
АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 5. Липская Н.А. Тумнинские орочи. Сказки и предания. 10 л.
АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 56. Липская Н.А. Предания и сказки орочей Тумнина. 83 л
АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 6. Шнейдер Е.Р. Удэ. 19 л.
АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 295–534. Штернберг Л.Я. Собрание этнографических сочинений в пяти томах. Папка № 3. 1937 г. 47 л.
АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 334–403. О материальной и духовной культуре чукчей. Амгуэмская тундра. 1948–1951 гг. 2045 л.
АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 13. Васильев Б.А. Орочи. Народы мира. 53 л.
АНП РЦСА. Отчет НИР. Геоботаническая оценка оленьих пастбищ Ямальского и Тазовского районов Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2017.
АПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 67–69. Арсеньев В.К. Путевой дневник 1. 1908–1909 гг.
АПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 6. Л. 73–76. Арсеньев В.К. Путевой дневник 2. 1907 г.
ГААО. Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 173. Переписка с приамурским генерал-губернатором о пересмотре дел об инородцах. Протокол особого совещания по предмету пересмотра действующих узаконений об инородцах Амурской области. 1899–1900 гг. 128 л.
ГААО. Ф. И-53. Оп. 1. Д. 4. Переписка Благовещенской таможни с русско-азиатским банком, инспектором Хабаровского таможенного участка, Амурским казачьим войском и другими учреждениями по вопросам деятельности таможни. 1915–1916 гг. 179 л.
ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 1. Переписка с баргузинским окружным полицейским управлением о ценах на муку, продаже хлеба, пушнины, пороха, арендной плате за лов рыбы, отправлении шнуровых книг. Нижнеангарское Киндигирское родовое управление Баргузинского уезда Забайкальской обл., пос. Нижнеангарск, 1880–1882 гг. 43 л.
ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 53. Документы (рапорты, ведомости, прошения, списки) о прививках предохранительной оспы, сдаче в аренду зверопромышленных урочищ, рек, миссионерстве православных священников. Нижнеангарское Киндигирское родовое управление Баргузинского уезда Забайкальской обл., пос. Нижнеангарск, 1836–1896 гг. 38 л.
ГАЯНАО Ф. 336. Оп. 1. Ед. хр. 17. Постановление конференции природоохранных органов Ямало-Ненецкого автономного округа. 25 января 1995 г. Л. 49–50. Машинопись (Протоколы Ямало-Ненецкой окружной комиссии экологии и природных ресурсов, 1993–1995. 70 л.).

ГМИР Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 33. Богораз-Тан В.Г. Стадии развития шаманства. Машинопись. 1936. 508 л.

ГМИР Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 138. Экспозиционный план отдела «Преодоление религиозных пережитков в СССР в период развернутого строительства коммунизма». 1964. 66 л.

РГА ВМФ. Архив гидрографии. 1724–1885. Ф. 913. Оп. 1. Д. 101. Журналы плавания галиотов «Св. Павел» и «Св. Екатерина» и бота «Св. Гавриил» от Охотска до устья р. Камчатки и обратно под командой лейтенанта И. Синдта. 18 сентября 1764 г. — 10 октября 1768 г. 225 л.

РГА ВМФ. Кап.-ком. Беринг. № 76. 1749–1764 гг. Ф. 216. Оп. 1. Д. 76. О постройке маяка на Байкале и о строении двух судов для перевозки через Байкал «казенной и партикулярной клади». О дозволении иркутскому купцу Бечевину на построенных им двух морских судах иметь плаванье «мимо Курильских островов вокруг Камчатского моря». 1749–1764 гг. 551 л.

РГА ВМФ. Кап.-ком. Беринг. № 56. Ф. 216. Оп. 1. Д. 56. О плавании штурмана Коростылева, мичмана Шхельтинга и геодезиста Гвоздева для исследования рек Охоты и Ульи и восточного берега Камчатки. Об отправке команды из Якутска в Камчатский острог для усмирения камчадал. 1741–1744 гг. 1174 л.

РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 408. В 2-х ч. Ч. I. Документы о северо-восточной экспедиции капитана Биллингса и об экспедиции в Восточный океан капитана Муловского (со сведениями за 1725–1728, 1731, 1732, 1735, 1736, 1738–1742, 1744, 1746, 1752, 1763–1771, 1778, 1779 гг.). 1780–1790 гг. Дела графа Чернышева. Фонд: Канцелярия г.-фельдмаршала от флота Чернышева И.Г. По описанию № 1505. Письма придворного банкира Сутерманда (в Петербурге и заграничных банкиров и русских агентов за границей) к гр. Чернышеву: по делам эскадр русского военного флота, бывшего за границей по действиям англичан с французами и испанцами. 544 л.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 528. Ч. 1. Д. 8. Л. 1–6. Сказание казака Николая Дауркина о Чукотской земле, подписанное подполковником Плениснером.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 528. Ч. 2. Д. 4. Л. 121об.–124. Сказка казака Николая Дауркина о Чукотской земле, подписана подполковником Плениснером // Представление подполковника Плениснера об уничтожении Анадырского острога в 1763 году и дело, возникшее вследствие этого.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 42. Промемории, ордера, рапорты и указы Сибирского приказа и ведомости Иркутской рентереи о мягкой рухляди. Начато 6 февраля 1754 г. Кончено 26 декабря 1754 г. 734 л.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 43. Л. 1–8об. Экстракт, учиненный по силе Сибирского приказу сего 1754 году февраля 22 дня определен о собирающей за впредь по силе состоявшегося сего 1754 году генваря 23 дня Е.И.В. Правительствующего Сената указу в Кяхтинской и прочих сибирских пограничных таможнях в десятинный збор мягкой рухляди, что оную в Сибирском приказе для продажи присылать ими так на мену употреблять.

РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Показания о Чукоцкой земле бывшего в плену у чукчей казака Бориса Кузнецова. 5 л.

РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 48. Показание, подписанное сибирским губернатором Денисом Чичериным и отобранное от чукотской женщины Иттени, о чукотской земле и островах. 3 л.

РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 55. Сибирский приказ и управление Сибирью. О путешествии от устья речки Ковымы к Северному морю прапорщиков геодезии Ив. Леонтьева, Ив. Лысова и Алексея Пушкарева (с изображениями юкагиря). 1773 г. 26 л.

РГАДА. Ф. 24. Разряд XXIV. Оп. 1. Д. 45. О приуготовлениях к морскому путешествию капитана Креницына и описание островов, открытых около Чукотской земли сержантом Андреевым. 14 л.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 878. Всепокорнейшее доношение Высокоправительствующему Сенату тайного советника и сибирского губернатора Соймонова о размножении в Нерчинске хлебопашества. 1757 г. 45 л.

РГАЭ. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 126. С. Розентул. «Проблемы использования энергии ветра на Крайнем Севере». Рукопись. 1936. 172 л.

РГАЭ. Ф. 67. Оп. 1. Ед. хр. 137. С. Розентул. «Сравнительная эффективность разных типов энергостанций на Крайнем Севере». Рукопись. 1937. 62 л.

РГВИА. Кол. 414. Д. 417. Л. 1–5. Плениснер Ф.Х. Краткое о Камчатке объяснение. Подлинный подписал Федор Плениснер.

РГИА. Ф. 1329. Оп. 2. Д. 111. Об отправлении к китайскому двору для домогательства о позволении в свободном проходе российским судам по реке Амуру канцелярии советника Братищева. На одном листе. № 58. 18 июля 1756 г. Реестр имянным Ея ИВ указам за собственноручным подписанным и обявленным от господ сенаторов и взнесенным из разных присутственных мест. 186 л.

РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. Фонд 1-й Сибирский комитет. Выписки из законов о заселении Сибири русскими 1730–1799 гг. 22 л.

РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 74. Документы из архива Нерчинского горного округа, касающиеся заселения Нерчинских заводов. 1756–1757 гг. 259 л.

РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 95. Документы из архива Нерчинского горного округа, касающиеся заселения Нерчинских заводов. 1756–1757 гг. 106 л.

СПбФ АРАН. Ф. 135. Комиссия по изучению племенного состава СССР (КИПС).

СПбФ АРАН. Ф. 138. Комиссия экспедиционных исследований (КЭИ).

СПбФ АРАН. Ф. 14. Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции.

СПбФ АРАН. Ф. 141. Рычков Петр Иванович.

СПбФ АРАН. Ф. 142. Музей антропологии и этнографии.

СПбФ АРАН. Ф. 147. Комиссия по изучению Якутской АССР (КЯР).

СПбФ АРАН. Ф. 21. Миллер Герард Фридрих.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 103. Л. 7–11 об. Линденау Я.И. Географическое описание реки Анадыра и в ней впадших речек и ручьев и о чукчи, где они находятся и их местах кочевания и нападения их на российских людей и ясашных коряк, яковых бысть оное образом следует ниже сего, а о расстоянии местном изчислением верст подлинного известия поныне не имеетца, но по скаскам езда собаками и оленьми показуется, и где езды один день обретается, тамо можно числить за тридцать верст.

СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 85. Штернберг Л.Я. Материалы по этнографии орочей. 385 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 136. Фонд: Канцелярия и Комиссия АН. Журнал, содержанной по месяцам и числам в некоторой секретной посылке Анадырской команды сержантом Андреевым и что в бытность его в оной было осмотрено и описано. Поверстные расписания, описание островов (устье Колымы). Подлинник и копия. Крайние даты: 1763 г. 11 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 137. Плениснер Ф. Копия отчета об экспедиции на Анадырь подполковника Фед. Плениснера «о начале Анадырского острогу и отчего он в такую великую славу вошел напрасно, почему издержки из казны Ея Императорского Величества утрачены такие с народным отягощением и разорением великия суммы, что более одного миллиона трехсот осьмидесяти одной тысячи рублев, утверждается на делах архивных, как Якутской, так и Анадырской концелярий, которые вашему высокопревосходительству имею честь сообщить». Рукопись и машинопись. 1764 г. 183 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Д. 137. Плениснер Ф. О начале Анадырского острогу. 1765. 183 л.

СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 197. Канцелярия Академии наук и Комиссия Академии наук. Географические известия по городам и местностям. Дополнительные географические известия по Нерчинскому уезду при копии с рапорта из Нерчинской воеводской канцелярии в Правительствующий Сенат в октябре 1763 г. 1763 г. 10 л.

СПбФ АРАН. Ф. 31. Крузенштерн Иван Федорович.
СПбФ АРАН. Ф. 75. Русская полярная экспедиция.
СПбФ АРАН. Ф. 82. Максимович Карл Иванович.
СПбФ АРАН. Ф. 93. Шренк Леопольд Иванович.
СПбФ АРАН. Ф. 98. Мессершмидт Даниил-Готлиб.
ЦГАНТД СПб. Ф. Р-369. Оп. 2-1. Ед. хр. 552. Антонов Л. Плавник северного и западного берега Новой Земли (материалы ГГИ). Ленинград. Машинопись. 1934. 4 л.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Актовые источники 1993 — Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. В 2 т. / Сост. Н.С. Гурьянова, А.Х. Элерт, Д.Я. Резун // История Сибири. Новосибирск: Изд. фирма «Восточная лит-ра» РАН, 1993. Т. 1. 250 с.
Актовые источники 1995 — Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. В 2 т. / Сост. Н.С. Гурьянова, А.Х. Элерт, Д.Я. Резун // История Сибири. Новосибирск: Изд. фирма «Восточная лит-ра» РАН, 1995. Т. 2. 304 с.
Акты исторические 1842 — Акты исторические. Т. 4. 1645–1676. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1842. С. 67–77, 454–457, 481–482; Т. 5. 1676–1700. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1842. С. 101–103, 183–186, 191–199, 296–298.
Дополнения к актам историческим 1851 — Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. С. 16–31, 35–37, 80–83.
Дополнения к актам историческим 1853 — Дополнения к актам историческим. Т. 5. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1853. С. 49–55, 68–73.
Дополнения к актам историческим 1862 — Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1862. С. 175–177, 180–183.
Дополнения к актам историческим 1867 — Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. С. 341–344.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов 2015 — *Абрамов И.В.* Оленеводы Кольской тундры: локальные особенности снегоходной революции // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015. Вып. 2 (47). С. 26–32.
Агранат, Логинов — *Агранат Г.*, *Логинов В.* Об освоении северных территорий // Коммунист. 1976. Январь. № 2. С. 39–48.
Адаев 2017 — *Адаев В.Н.* Горные ненцы Полярного Урала: особенности традиционной культуры и ландшафтной экологии // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2017. Вып. 2 (55). С. 25–34.
Адаев 2018 — *Адаев В.Н.* Дым над тайгой и тундрой: огонь в культуре северных народов Западной Сибири как средство преобразования среды обитания // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 138–147.
Адаев, Рахимов 2015 — *Адаев В.Н.*, *Рахимов Р.Х.* Традиционная культура путешествий тундровых ненцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ФИЦ ТНЦ СО РАН, 2015. № 2 (29). С. 151–158.

Александров 1969 — *Александров В.А*. Россия на дальневосточных рубежах. М.: Наука, 1969.

Александров, Мирзоев, Шунков 1968 — *Александров В.А*., *Мирзоев В.Г*., *Шунков В.И*. Введение // История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2. С. 9–22.

Алексеев 1982 — *Алексеев А.И*. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 287 с.

Алексеев 1996 — *Алексеев А.Н*. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 152 с.

Алексеева 2011 — *Алексеева Л.В*. Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 — июнь 1941 г.). Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гуманитарного ун-та, 2011. 245 с.

Ананьев 2006 — *Ананьев Д.А*. Освоение Сибири и Северной Америки в освещении зарубежной и отечественной историографии // *Ананьев Д.А*., *Комлева Е.В*., *Раев Д.В*., *Резун Д.Я*., *Соколовский И.Р*., *Туманик Е.Н*. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2006.

Андреев 1937 — *Андреев А.И*. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // *Миллер Г.Ф*. История Сибири. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1937. С. 57–144.

Андреев 1940 — *Андреев А.И*. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л.: Наука, 1940. 184 с.

Андреев 1960 — *Андреев А.И*. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. XVII век. М.: Наука, 1960. 280 с.

Анисимов 1936 — *Анисимов А.Ф*. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л.: ИНС, 1936.

Антонов и др. 2018 — *Антонов Е.В*., *Литвиненко Т.В*., *Нувано В.Н*. Полимасштабный анализ динамики домашнего оленеводства в арктических регионах: территориальные сдвиги, внутрирегиональные и локальные различия // Известия РАН. Серия географическая. 2018. № 5. С. 22–36.

Арзютов 2017 — *Арзютов Д.В*. Олени и(ли) бензин: эссе об обменах в ямальской тундре // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири: сб. науч. статей / Отв. ред. В.Н. Давыдов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 314–348.

Арзютов 2019 — *Арзютов Д.В*. Жизнь вне сети: кочевники и электричество на Ямале // Археология Арктики. Салехард: НЦ изучения Арктики, 2019. Вып. 6. С. 76–85.

Арзютов, Окотэтто 2018 — *Арзютов Д.В*., *Окотэтто Х.Х*. Связывая вещи, животных и людей: к социальной топологии ненецких узлов // Археология Арктики / Отв. ред. Н.В. Фёдорова. Салехард: ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 2018. Вып. 5. С. 89–106.

Арлов 2016 — *Арлов Т.-Б*. История архипелага Шпицберген. М.: Паулсен, 2016. 592 с.

Арсеньев 1926 — *Арсеньев В.К*. Лесные люди удэхейцы. Владивосток: Книжное дело, 1926. 50 с.

Арсеньев 2007 — *Арсеньев В.К*. По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь в 1906 году // *Арсеньев В.К*. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. Владивосток: Рубеж, 2007. С. 43–396.

Артемьев 1998 — *Артемьев А.Р*. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1998. Т. 3. С. 6–44.

Арутюнов 2002 — *Арутюнов С.А*. Культуры, традиции, их развитие и взаимодействие. Люистон: Изд-во Эдвин Меллен Пресс, 2002. 386 с. (на рус. яз.).

Атласов 1992 — *Атласов С.В*. История развития скотоводства и коневодства в Якутии (1917–1928 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 151 с.

Афанасьева, Симченко 1993 — *Афанасьева Г.М*., *Симченко Ю.Б*. Традиционная пища береговых и оленных чукчей // Народы Сибири: Сибирский этнографический сборник. Ч. 6. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 56–100.

Бакланов 2012 — *Бакланов П.Я.* Тихоокеанская Россия или Дальний Восток? // Тихоокеанская Россия — что это такое (по материалам круглого стола) // У карты Тихого океана (информационно-аналитический бюллетень). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. № 29 (227). С. 4–8.

Бакланов, Романов 2009 — *Бакланов П.Я.*, *Романов М.Т.* Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.

Баскин 2009 — *Баскин Л.М.* Северный олень. Управление поведением и популяциями, оленеводство, охота. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. 284 с.

Баскин 2016 — *Баскин Л.М.* Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 28–43.

Батуев 1996 — *Батуев Б.Б.* Буряты в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: Сибирь, 1996. 104 с.

Бахрушин 1927 — *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. 199 с.

Бахрушин 1928 — *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири XVI–XVII вв. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. 199 с.

Бахрушин 1954 — *Бахрушин С.В.* Агенты русских торговых людей // Научные труды / Ред. коллегия: А.А. Зимин и др.; вступит. ст. В.И. Шункова; Акад. наук СССР. Институт истории. Т. 1–4. Т. 2: Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 380 с.

Бахрушин 1955 — *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М.: АН СССР, 1955. С. 13–160.

Бахрушин 1987а — *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М.: Наука, 1987. 221 с.

Бахрушин 1987б — *Бахрушин С.В.* Хозяйство и общественный строй якутов в XVII–XVIII веках // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М.: Наука, 1987. С. 178–180.

Бахрушин, Токарев 1953 — *Бахрушин С.В.*, *Токарев С.А.* Положительные результаты присоединения Якутии к русскому государству // Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1953.

Бахрушин, Токарев, Сафронов 1953 — *Бахрушин С.В.*, *Токарев С.А.*, *Сафронов Ф.Г.* Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1953. 439 с.

Бахта 1960 — *Бахта В.М.* К вопросу о структуре первобытного производства // Вопросы истории. 1960. № 7. С. 59–73.

Башарин 1971 — *Башарин Г.П.* Некоторые вопросы вхождения Сибири в состав России. Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 136 с.

Белов 1955 — *Белов М.И.* Семен Дежнев. М.: Мор. транспорт, 1955. 155 с.

Белов 1956 — *Белов М.И.* Арктические мореплавания с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. М.: Мор. транспорт, 1956. 592 с. Т. 1.

Бенеславский. Интервью — *Бенеславский А.* «В России варварски вырубать лес можно по закону. Для бизнеса это месторождение бревен». Интервью эксперта по лесным пожарам Гринпис А. Бенеславского программе «Отражение» [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZtrO-34TaS8 (дата обращения: 22.03.2020).

Берг 2011 — *Берг Л.С.* История великих русских географических открытий. М.: Эксмо, 2011. С. 47–51.

Березницкий 1998 — *Березницкий С.В.* Природные культовые объекты коренных народов Нижнего Амура // Вестник ДВО РАН, 1998. № 3. С. 118–125.

Березницкий 2004 — *Березницкий С.В.* Трансформация культурного комплекса у селемджинских эвенков // Этнос и культура в условиях общественных трансформации. Сб. трудов / Отв. ред. В.А. Тураев. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 37–56.

Биркенгоф 1972 — *Биркенгоф А.Л.* Потомки землепроходцев: Воспоминания-очерки о русских поречанах низовьев и дельты р. Индигирки. М.: Мысль, 1972. 222 с.

Биче-оол, Самдан 2012 — *Биче-оол С.М.*, *Самдан А.А.* Современное состояние оленеводства в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. 2012. № 1. С. 111–121 [www.tuva.asia].

Богданов, Головатин 2017 — *Богданов В.Д.*, *Головатин М.Г.* Сибирская язва на Ямале: экологический взгляд на традиционное оленеводство // Экология. Екатеринбург: УрО РАН, 2017. № 2. С. 77–82.

Богораз 1901 — *Богораз В.Г.* Очерк материального быта оленных чукчей // Сборник музея антропологии и этнографии при Императорской академии наук. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1901. С. 5–67.

Богораз 1901 — *Богораз В.Г.* Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В.Г. Богораз. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1901. 346 с.

Богораз 1991 — *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 224 с.

Богораз 1934 — *Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. 1. Социальная организация. Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1934. 191 с.

Богораз 1939 — *Богораз В.Г.* Чукчи. Религия. Ч. II. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.

Богораз-Тан 1932а — *Богораз-Тан В.Г.* Религия как тормоз социалистического строительства среди малых народностей Севера // Советский Север. 1932. № 1–2. С. 142–157.

Богораз-Тан 1932б — *Богораз-Тан В.Г.* Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926/27 гг. Территориальные и групповые итоги. Опыт критического разбора // Советская этнография. 1932. № 4. С. 26–62.

Богословская 2003 — *Богословская Л.С.* Киты Чукотки. Наследие Берингии. Вып. 1. М.: Институт Наследия, 2003. 324 с.

Бодрийяр 1999 — *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.

Боровой 2017 — *Боровой В.С.* Дискуссии о создании треста «Арктикуголь» для добычи угля на Шпицбергене в 1931–1932 гг. // Вестник Сургутского гос. педагогич. ун-та. 2017. № 6 (51). С. 42–47.

Бородулина 2018 — *Бородулина А.С.* «Ресурсное проклятие» и стратегии жизнеобеспечения на острове Итуруп // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 124–141.

Боякова 2001 — *Боякова С.И.* Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. — 1917 г.). Новосибирск: Наука, 2001. 155 с.

Брандишаускас 2016 — *Брандишаускас Д.* Локальное энвайронментальное знание: экологическое использование и символизм огня у оленеводов и охотников эвенков-орочон Забайкалья // *Давыдов В.Н.*, *Симонова В.В.*, *Сем Т.Ю.*, *Брандишаускас Д.* Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 98–128.

Будыко и др. 1986 — *Будыко М.И.*, *Голицин М.С.*, *Израэль Ю.А.* Глобальные климатические катастрофы. М.: Гидрометеоиздат, 1986, 159 с.

Булатов, Шалёв 2001 — *Булатов В.Н.*, *Шалев А.А.* Баренцев Евро-Арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск, 2001. 172 с.

Бурыкин 2016 — *Бурыкин А.А.* Рецензия на книгу А.Ф. Старцева «Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина» // Россия и АТР. 2016. № 1 (91). С. 269–278.

Бутанаев 1998 — *Бутанаев В.Я.* Этническая культура хакасов. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1998. 352 с.

Вайнштейн 1972 — *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. М.: Наука, 1972. 314 с.

Валендик и др. 1997 — *Валендик Э.Н.*, *Арбатская М.К.*, *Ваганов Е.А.*, *Волосатова Н.Н.*, *Иванова Г.А.*, *Левкина О.И.*, *Овчинников Д.В.*, *Шашкин Е.А.* Прогнозирование частоты лесных пожаров в Сибири в связи с глобальными изменениями климата [Отчет о НИР] [Электронный ресурс] // Информационный бюллетень РФФИ. 1997. № 5. Биология, медицинская наука. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=231805 (дата обращения: 12.11.2020).

Вальгамова и др. 2012 — *Вальгамова С.И.*, *Янгасова Н.М.*, *Вануйто Г.И.*, *Хэно И.С.*, *Ириков С.И.* Словарь гидронимов Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург: ГКО ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 2012. 390 с.

Варшавский 1937 — *Варшавский А.А.* Энергетика Арктики // Советская Арктика. 1937. № 2. С. 75–80.

Василевич 1969а — *Василевич Г.М.* Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1969. Вып. 2. № 6. С. 116–119.

Василевич 1969б — *Василевич Г.М.* Эвенки. Л.: Наука, 1969. 304 с.

Василевич, Левин 1951 — *Василевич Г.М.*, *Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 82–84.

Васильева 2019 — *Васильева В.В.* Инфраструктура вне государства: «дикие» зимники и вывоз промысловой продукции на Таймыре // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 61–75.

Вахтин и др. 2004 — *Вахтин Н.Б.*, *Головко Е.В.*, *Швайтцер П.* Русские старожилы Сибири. Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004. 290 с.

Вдовин 1965 — *Вдовин И.С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965. 404 с.

Вдовин 1990 — *Вдовин И.С.* Общественный строй и социальные отношения // История и культура ительменов. Л.: Наука, 1990. С. 95–100.

Венстен. Тематический словарь — *Венстен Ш.* [Русско-чукотский] тематический словарь. Питание [Электронный ресурс]. URL: http://charles.weinstein.free.fr/chukches/LEX/Lex_pitanie_ru.html (дата обращения: 01.11.2020).

Владимиров, Решетников 1999 — *Владимиров Л.Н.*, *Решетников И.С.* Современное состояние оленеводства и пути увеличения товарной продукции на основе использования вторичного сырья. Якутск: Кудук, 1999. 362 с.

Влахов 2014 — *Влахов А.В.* Региональная идентичность в российской части Баренцева Евро-Арктического региона // Ред. Е.В. Белокурова, М.В. Ноженко. Сделано в Европе: взгляд российских исследователей. СПб.: Норма, 2014. Т. II. С. 151–184.

Волковицкий, Терёхина 2020 — *Волковицкий А.И.*, *Терёхина А.Н.* Современные проблемы ямальского оленеводства: дискуссии и перспективы // Этнография. СПб.: МАЭ РАН, 2020. № 2 (8). С. 152–169.

Вольфсон 1991 — *Вольфсон А.Г.* Происхождение чукотско-корякской культуры оленеводства. Владивосток: ДВО АН СССР, 1991. 109 с.

Вртанесян 2018 — *Вртанесян Г.С.* Орокский фольклор: общее и особенное. Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 1 (35). С. 88–96.

Вртанесян, Озолиня 2015 — *Вртанесян Г.С.*, *Озолиня Л.В.* Медвежий праздник ороков-уйльта: общее и особенное // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 15–22.

Вяткина 1969 — *Вяткина К.В.* Очерки культуры и быта бурят. Л.: Наука, 1969. 218 с.

Гаген-Торн 2013 — *Гаген-Торн Н.И.* Иероглиф и знак векам. М.: Фонд Сергея Дубова, 2013. 552 с.

Гарин, Кравчук 2018 — *Гарин Н.П.*, *Кравчук С.Г.* Скользящий транспорт для Российского Севера: история идей (альбом-монография). Екатеринбург: УрГАХУ, 2018. 129 с.

Гарусов 1981 — *Гарусов И.С.* Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки 1917–1952 гг. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1981. 190 с.

Гашилова 2018 — *Гашилова Л.Б.* Рыба как основной компонент традиционной кухни нивхов // Системы питания коренных народов Арктики — роль традиционных знаний для устойчивого развития. Сб. трудов / Отв. ред. С.Д. Матисен, Л.Б. Гашилова, С.Л. Чернышева и др. М.: Паулсен, 2018. С. 79–94.

География Жиганского улуса — География Жиганского улуса [Электронный ресурс] // arctic-megapedia.ru [сайт]. URL: http://arctic-megapedia.ru/wiki/География_Жиганского_улуса (дата обращения: 15.09.2020).

Голбцева 2017 — *Голбцева В.В.* Праздничные и жертвенные блюда у чукчей и эскимосов Чукотки // Праздничная и обрядовая пища народов мира / Отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 2017. С. 249–270.

Головнёв 2004 — *Головнёв А.В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

Головнёв 2006 — *Головнёв А.В.* Российский Север: народы и границы // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 183–190.

Головнёв 2009 — *Головнёв А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. 496 с.

Головнёв 2013 — *Головнёв А.В.* Народы и границы на севере Евразии [Электронный ресурс] // Российский фестиваль антропологических фильмов. 2013. URL: http://rfaf.ru/rus/library/202_b340_view_p2 (дата обращения: 03.11.2020).

Головнёв 2015 — *Головнёв А.В.* Чукотский дневник, размышления о движении // Уральский исторический вестник. 2015. № 2. С. 6–16.

Головнёв 2017 — *Головнёв А.В.* Арктический этнодизайн // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 6–15.

Головнёв 2018 — *Головнёв А.В.* Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45.

Головнёв и др. 2014 — *Головнёв А.В.*, *Лёзова С.В.*, *Абрамов И.В.*, *Белоруссова С.В.*, *Бабенкова Н.А.* Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. Екатеринбург: АМБ, 2014. 232 с.

Головнёв и др. 2015 — *Головнёв А.В.*, *Перевалова Е.В.*, *Абрамов И.В.*, *Куканов Д.А.*, *Рогова А.С.*, *Усенюк С.Г.* Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Типография «Альфа Принт», 2015. 132 с.

Головнёв и др. 2018 — *Головнёв А.В.*, *Куканов Д.А.*, *Перевалова Е.В.* Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 352 с.

Гофман 2003 — *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

Гурвич 1963 — *Гурвич И.С.* Русские на Северо-Востоке Сибири в XVII в. // Сибирский этнографический сборник / Отв. ред. Б.О. Долгих. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 5. С. 71–99.

Гурвич 1982 — *Гурвич И.С.* Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы // Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 197–222.

Давыдов 2018а — *Давыдов В.Н.* Мобильность как рефлексивный и креативный процесс: Использование инфраструктуры эвенками Восточной Сибири // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 24–31.

Давыдов 2018б — *Давыдов В.Н.* Стратегии использования пространства и режимы автономности: отношения эвенков и государства на Северном Байкале // Этнография. СПб.: МАЭ РАН, 2018. № 2. С. 46–66.

Давыдов 2018в — *Давыдов В.Н.* Практики освоения пространства эвенками Восточной Сибири: прагматическое использование антропогенного ландшафта и инфраструктур // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 8–15.

Давыдов 2019а — *Давыдов В.Н.* Использование ресурсов жителями Чукотки в контексте социально-экономических изменений // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 162–170.

Давыдов 2019б — *Давыдов В.Н.* Технологии оленеводов амгуэмской тундры: обработка материалов в процессе эксплуатации вещей // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 97–105.

Давыдов 2020 — *Давыдов В.Н.* Контейнеризация Арктики: мобильные модули освоения пространства на Крайнем Севере // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 121–129.

Давыдов, Журавская 2019 — *Давыдов В.Н.*, *Журавская Т.Н.* Государство и использование ресурсов: введение // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 5–12.

Давыдова 2018а — *Давыдова Е.А.* Еда, семья и работа: опыт полевого исследования в поселке Амгуэма на Чукотке // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 151–157.

Давыдова 2018б — *Давыдова Е.А.* «Единственное, в чем я более менее преуспела — в освоении чукотской кухни»: полевая работа В.Г. Кузнецовой в Амгуэмской тундре, 1948–1951 гг. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 18 / Отв. ред. Е.Г. Федорова. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 128–147.

Давыдова 2018в — *Давыдова Е.А.* Современные стратегии получения и распределения пищевых ресурсов городскими жителями Чукотки // Университетский научный журнал. 2018. № 38. С. 113–121.

Давыдова 2019 — *Давыдова Е.А.* Холодильник, соль и сахар: добыча и технологии обработки пищи на Чукотке // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 143–161.

Давыдова, Давыдов 2020 — *Давыдова Е.А.*, *Давыдов В.Н.* Пути пищи: перемещение и распределение продуктов на Чукотке // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 67–73.

Данилов-Данильян и др. 2007 — *Данилов-Данильян В.И.*, *Залиханов М.Ч.*, *Лосев К.С.* Экологическая безопасность (общие принципы и российский аспект). М.: МППА БИМПА, 2007. 288 с.

Делез 2015 — *Делез Ж.* Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 376 с.

Дескола 2012 — *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 580 с.

Деттер 2017 — *Деттер Г.Ф.* Экономика северного оленеводства Ямала: проблемы и возможности // Научный вестник ЯНАО. № 4 (97). Салехард, 2017. С. 4–16.

Доклад 2015 — Доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае «О проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2015 году» [Электронный ресурс] // Красноярск, 2015. URL: https://www.ombudsmankk.ru/about/report (дата обращения: 01.08.2020).

Доклад 2020 — Доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае «О проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2019 году» [Электронный ресурс] // Красноярск, 2020. URL: https://www.ombudsmankk.ru/about/report/ (дата обращения: 01.08.2020).

Долгих 1952а — *Долгих Б.О.* Расселение народов Сибири в XVII веке // Советская этнография. 1952а. № 3. С. 76–84.

Долгих 1952б — *Долгих Б.О.* О некоторых генетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в Северной Сибири // Советская этнография. 1952. № 1. С. 52–53, 57.

Долгих 1955 — *Долгих Б.О.* Этнографический состав населения Якутского уезда // КСИЭ. Т. 24. М.: АН СССР, 1955. С. 30–50.

Долгих 1960 — *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. Т. 55. М.: АН СССР, 1960. 622 с.

Долгих 1961а — *Долгих Б.О.* Пояснение к карте «Расселение народов Сибири в XVII веке» // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 8–9.

Долгих 1961б — *Долгих Б.О.* Расселение народов Сибири в XVII веке; Пояснение к карте «Расселение народов Сибири в XVII веке» // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 7–10.

Донахо, Истомин 2007 — *Донахо Б.*, *Истомин К.В.* Изменения практики регулирования доступа к природным ресурсам у некоторых оленеводческих народов Сибири. Попытка теоретического обобщения // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 2007. Вып. 33. С. 128–163.

Дьяченко 2005 — *Дьяченко В.И.* Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб.: Европейский Дом, 2005. 272 с.

Дьяченко 2014 — *Дьяченко В.И.* Пути и особенности колонизации русскими Таймыра // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVIII — начало XX в.): сб. науч. статей / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 68–123.

Евладов 1992 — *Евладов В.П.* По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 258 с.

Евладов 2008 — *Евладов В.П.* Полярная ямальская зимовка: Северо-Обская ихтиологическая экспедиция Всесоюзного арктического института 1935–1936 годов. Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2008. 320 с.

Ерныхова 2010 — *Ерныхова О.Д.* Казымский мятеж (Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.). Ханты-Мансийск: ИЦЦ ЮГУ, 2010. 212 с.

Ёсида 2010 — *Ёсида А.* Оленеводство ламынхинской группы эвенов в современных условиях // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М: ООО «Август Борг», 2010. С. 221–235.

Жуков 1940 — *Жуков В.* Плавник // Советская Арктика. 1940. № 3. С. 88–90.

Задорин 2008 — *Задорин В.И.* Из истории похода чукчей в коммунизм и обратно // Тропою Богораза: Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия — ГЕОС, 2008. С. 127–31.

Замятина 2016 — *Замятина Н.Ю.* Арктическая урбанизация как фронтир // Научный вестник ЯНАО. № 3 (92). Обдория: история, культура, современность. Тюмень, 2016. С. 114–120.

Зензинов 1914 — *Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М.: Типография П.П. Рябушинского, Страстной бульвар, соб. домъ, 1914. 134 с.

Зуев 1999 — *Зуев А.С.* Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 124–136.

Зуев 2002 — *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2002. 330 с.

Зуев 2005 — *Зуев А.С.* Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII — XVIII век. Автореферат диссертации. Новосибирск. 2005. 23 с.

Зуев 2008 — *Зуев А.С.* О боевой тактике и военном менталитете коряков, чукчей и эскимосов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 7. Вып. 1: История. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. С. 35–43.

Зуев 2009 — *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII — XVIII век). Новосибирск: СО РАН, 2009. 444 с.

Зуев и др. 2017 — *Зуев С.М.*, *Кибенко В.А.*, *Сухова Е.А*. Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 3. С. 33–44.

Зуляр 2002 — *Зуляр Ю.А*. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск: ИГУ, 2002. 497 с.

Иванов 1979 — *Иванов В.Л*. Архипелаг двух морей. М.: Мысль, 1979. 160 с.

Иванов 1999 — *Иванов В.Н*. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск: Наука, 1999. 199 с.

Иванов 1937 — *Иванов С.В*. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). Сб. статей / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.: АН СССР, 1937. С. 1–44.

Информация для рыболовов-любителей — Информация для рыболовов-любителей! [Электронный ресурс]. URL: http://ltufar.ru/news/detail.php?news_id=2535&sphrase_id=3671 (дата обращения: 21.09.2020).

Ионин 1895 — *Ионин А.А*. Новые данные к истории Восточной Сибири. Иркутск: Типо-литография П.И. Макушина, 1895.

Ионова 1945 — *Ионова О.В*. Из истории якутского народа (Первая половина XVII века). Якутск: Гос. изд. ЯАССР, 1945. 112 с.

Иохельсон 1898 — *Иохельсон В.И*. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена // Отд. оттиск Известия ИРГО. Т. 34. Вып. 3. СПб., 1898. 41 с.

Иохельсон 2005 — *Иохельсон В.И*. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В.И. Иохельсон; отв. ред. д.и.н. Н.А. Алексеев; [пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой; вступит. ст. В.Х. Иванов]; Респ. Саха (Якутия), Департамент по делам народов и федератив. отношениям [и др.]. Новосибирск: Наука, 2005. 666 с.

Истомин 2010 — *Истомин К.В*. Коми-ижемское оленеводство Большеземельской тундры // Приполярная перепись 1926-27 гг. на Европейском Севере / Ред. К.Б. Клоков, Д.П. Зайкер. СПб.: МПСС, 2010. С. 317–338.

Истомин и др. 2017 — *Истомин К.В.*, *Лискевич Н.А.*, *Уляшев О.И*. Коми-ижемское оленеводство: этнические инварианты и локальные вариации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 114–125

Историко-этнографический атлас Сибири 1961 — Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961. 497 с.

Исторические акты 1840 — Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 годах // Сын Отечества. СПб., 1840. № 1. С. 92–126.

История и культура дальневосточных эвенков 2010 — История и культура дальневосточных эвенков. СПб.: Наука, 2010. 334 с.

История и культура ительменов 1990 — История и культура ительменов. Л.: Наука, 1990. 208 с.

История и культура коряков 1993 — История и культура коряков / Отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 1993. 236 с.

История и культура нанайцев 2003 — История и культура нанайцев. СПб.: Наука, 2003. 344 с.

История и культура народов Дальнего Востока 1976 — История и культура народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР. 1976. 134 с.

История и культура негидальцев 2014 — История и культура негидальцев. Владивосток: ДВО РАН, 2014. 350 с.

История и культура нивхов 2008 — История и культура нивхов. СПб.: Наука, 2008. 270 с.

История и культура орочей 2001 — История и культура орочей. СПб.: Наука, 2001. 176 с.

История и культура удэгейцев 1989 — История и культура удэгейцев. Л.: АН СССР, 1989. 192 с.

История и культура ульчей 1994 — История и культура ульчей в XVII–XX вв. СПб.: Наука, 1994. 177 с.

История и культура чукчей 1987 — История и культура чукчей. Л.: АН СССР, 1987. 288 с.

История и культура эвенов 1997 — История и культура эвенов. СПб.: Наука, 1997. 187 с.

История Хакасии 1993 — История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М.: Вост. лит., 1993. 523 с.

Казановский, Карабанов, Клебенсон 2011 — *Казановский Е.С.*, *Карабанов В.П.*, *Клебенсон К.А.* Болезни северных оленей (ветеринарный практикум). Сыктывкар: Россельхозакадемия Республики Коми, 2011. 36 с.

Как оленеводство вновь появилось в Аллаиховском улусе — Как оленеводство вновь появилось в Аллаиховском улусе [Электронный ресурс] // ysia.ru. URL: https://ysia.ru/kak-olenevodstvo-vnov-poyavilos-v-allaihovskom-uluse (дата обращения: 26.09.2020).

Каллиников 1912 — *Каллиников Н.Ф.* Наш крайний Северо-Восток. Спб.: Типография Морского министерства, 1912. 246 с.

Калуцков 2008 — *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Каменецкая 1986 — *Каменецкая Р.В.* Русские старожилы в низовьях Индигирки // Фольклор Русского Устья / Отв. ред., сост. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. С. 337–356.

Карих 2008 — *Карих Е.В.* Анюйская ярмарка во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Томского ун-та, 2008. № 316. С. 101–104.

Карлов 1982 — *Карлов В.В.* Эвенки в XVII — начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). М.: Изд-во МГУ, 1982. 159 с.

Карпов 2017 — *Карпов М.* Люди убивают китов, чтобы оставаться собой [Электронный ресурс]. 2017. URL: https: // <https://lenta.ru/articles/2018/01/12/whales/> (дата обращения: 01.08.2018).

Кастру 2017 — *Кастру Э.В.* Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 199 с.

Квашнин 2002 — *Квашнин Ю.Н.* Селькупы в низовьях Таза // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. № 4. С. 230–232.

Квашнин 2009 — *Квашнин Ю.Н.* Ненецкое оленеводство в XX — начале XXI века. Салехард; Тюмень: Рекламно-издательская фирма «Колесо», 2009. 170 с.

Керцелли 1929 — *Керцелли С.В.* Оленеводство РСФСР // Советский Север / Ред. Н.Г. Смидович, С.А. Бутурлин, Н.И. Леонов. М.: Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, 1929. С. 111–133.

Клоков 1997 — *Клоков К.Б.* Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития. Этногеографические и этноэкологические исследования. Вып. 5. СПб.: НИИГ СПбГУ. 1997. 92 с.

Клоков 1998 — *Клоков К.Б.* Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (географические и социально-экологические проблемы). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.г.н. М., 1998. 48 с.

Клоков, Хрущев 2004 — *Клоков К.Б.*, *Хрущев С.А.* Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера. Информационно-аналитический обзор. СПб.: ВВМ, 2004. 182 с.

Ковязин 1936 — *Ковязин Н.М.* Оленеводство в Эвенкийском национальном округе // Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1936. С. 3–38.

Колбасина 1998 — *Колбасина Г.Н.* Процессы синтеза. О культуре русских старожилов низовьев рек Индигирки и Колымы // Культурный синтез России: Материалы Четвертых чтений фак. истории рус. культуры [С.-Петерб. гос. акад. культуры], состоявшихся 25 дек. 1995 г. СПб.: СПбГАК, 1998. С. 96–221.

Колониальная политика 1935 — Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб. архивных материалов. Л.: Изд-во ИНС, 1935. 211 с.

Кондаков 2013 — *Кондаков В.П.* Шаманий ягель. Красноярск: Гротеск, 2013. 300 с.

Конституция Российской Федерации 2020 — Конституция Российской Федерации. Герб. Гимн. Флаг. М.: Эксмо, 2020. 61 с.

Копылов и др. 2009 — *Копылов И.П.*, *Погудин А.А.*, *Романов Н.Я.* Промысловое хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски / Отв. ред. А.А. Сирина, М.В. Рагулина. Москва; Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2009. 148 с.

Корчмит 2001 — *Корчмит В.А.* Оленеводство Корякии: этапы развития, перспективы возрождения. Петропавловск-Камчатский: [Б. и.], 2001. 439 с.

Крадин 1988 — *Крадин Н.П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 190 с.

Крашенинников 1949 — *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 847 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) 1983 — Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / Отв. ред. Н.Я. Гущин и др. Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.

Крупник 1976 — *Крупник И.И.* Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Советская этнография. 1976. № 2. С. 57–69.

Крупник 1989 — *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.

Кряжимский и др. 2017 — *Кряжимский Ф.В.*, *Маклаков К.В.*, *Морозова Л.М.*, *Эктова С.Н.* Системный анализ биогеоценозов полуострова Ямал: имитационное моделирование воздействия крупностадного оленеводства на растительный покров // Экология. Екатеринбург: УрО РАН, 2017. № 5. С. 323–333.

Культура жизнеобеспечения и этнос 1983 — Культура жизнеобеспечения и этнос / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. 319 с.

Курилюк 1969 — *Курилюк А.Д.* Оленеводство Якутии. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1969. 327 с.

Лайшев, Забродин 2012 — *Лайшев К.А.*, *Забродин В.А.* Проблемы ветеринарного благополучия по инфекционным болезням в северном оленеводстве // Farm Animals. Сентябрь 2012. № 1. С. 36–40.

Лаптандер 2020 — *Лаптандер Р.И.* В поисках горячего очага: огонь в фольклоре и жизни ямальских ненцев // Этнография. 2020. № 1 (7). С. 166–187.

Ларин 2011 — *Ларин В.Л.* Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в.: избранные статьи и доклады. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. 216 с.

Латур 2020 — *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.

Лебедев 2006 — *Лебедев В.В.* Некоторые аспекты развития административно-хозяйственной структуры Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа и Фарковского сельского совета Красноярского края // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1981–1984 годы / Ред. З.П. Соколова и Е.П. Пивнева. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 149–175.

Леви-Брюль 2015 — *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М.: Академический проект, 2015. 429 с.

Левин 1946 — *Левин М.Г.* О происхождении и типах упряжного собаководства // Советская этнография. 1946. № 4. С. 75–108.

Левин, Потапов 1961 — *Левин М.Г.*, *Потапов Л.П.* Введение // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961.

Левин, Чебоксаров 1955 — *Левин М.Н.*, *Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.

Леви-Стросс 1985 — *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: ГРВЛ, 1985. 536 с.

Леви-Стросс 1999 — *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / Пер., вступит. ст., примеч. А.Б. Островского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. 392 с.

Леонтьев 1983 — *Леонтьев В.В.* Этнография и фольклор кереков. М.: Наука, 1983. 136 с.

Лефевр 2015 — *Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

Лискевич 2017 — *Лискевич Н.А.* Оленеводство сосьвинско-ляпинских коми в XX — начале XXI в. // Всероссийская школа-конференция «Природные и исторические факторы формирования современных экосистем Среднего и Северного Урала». Сб. материалов. Якша: Изд. Печора-Илычского заповедника, 2017. С. 110–114.

Литвиненко 2014 — *Литвиненко Т.В.* Локальная специфика и общие тенденции трансформации оленеводства в восточных регионах России и факторы, их обуславливающие // Вестник СВФУ. 2014. Т. 11. № 6. С. 103–113.

Литвиненко 2015 — *Литвиненко Т.В.* Развитие оленеводства и возникновение общин коренных малочисленных народов в Южной Сибири в постсоветский период (на примере Тоджинского района Республики Тыва) // Проблемы региональной экологии. 2015. № 4. С 78–84.

Локальный опыт успешной интродукции овцебыков — Локальный опыт успешной интродукции овцебыков (На основе материалов, предоставленных Сипко Т.П.) [Электронный ресурс] // овцебык.рф. URL: https://овцебык.рф/i-chelovek/razvedenie-rasselenie-i-razmnozhenie-ovcebykov (дата обращения: 11.09.2020).

Ляпунова 1987 — *Ляпунова Р.Г.* Алеуты: очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987. 229 с.

Мазин 1984 — *Мазин А.И.* Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.) / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Мальцева 2014 — *Мальцева Н.В.* Советская модель модернизации оленеводства на примере Северо-Эвенского района Магаданской области // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2014. № 4. С. 118–127.

Мальцева 2015 — *Мальцева Н.В.* Современное состояние оленеводства в Магаданской области (на примере Среднеканского и Северо-Эвенского районов) [Электронный ресурс]. 2015. С. 257–260. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23915719_97614266 (дата обращения: 13.11.2020).

Мартынова 2013 — *Мартынова Е.П.* Оленеводы-частники на Ямале: свободный выбор в условиях рыночной экономики и нефтегазового освоения // Научный вестник ЯНАО. № 2 (79). Материалы конференции «Сохранение и развитие традиционных культур в контексте процессов глобализации». Салехард, 2013. С. 50–55.

Мартынова 2014 — *Мартынова Е.П.* Представления о богатстве у ненцев Ямала // Сибирский сборник-4 / Отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 161–170.

Мартынова 2015 — *Мартынова Е.П.* Ямальские ненцы и индустриальное развитие: новации в оленеводстве и рыболовстве // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 90–97

Мацак 2005 — *Мацак В.А.* Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005. 1008 с.

Мельников, Федоров 2018 — *Мельников В.П.*, *Федоров Р.Ю.* Роль природных криогенных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока. Вестник Томского гос. ун-та, 2018. № 426. С. 133–141.

Методика составления технологической карты 2017 — Методика составления технологической карты, расчета нормативных затрат по стадному содержанию оленей в Республике Саха (Якутия). Методическое пособие / Государственный комитет Республики Саха (Якутия) по делам Арктики, Федеральное агентство научных организаций, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Якутский научно-исследовательский институт сельского хозяйства имени М.Г. Сафронова». Якутск: «ЭРЭЛ», 2017. 206 с.

Миддендорф 1878 — *Миддендорф А*. Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. Коренные жители Сибири. СПб.: Типография Академии наук, 1878. Ч. 2. Отдел 6. 252 с.

Мизин 2014 — *Мизин И.А*. Современные проблемы удаления ТБО из труднодоступных районов российской Арктики // Справочник эколога. 2014. № 8 (20). С. 85–96.

Миллер 2001 — *Миллер Г.Ф*. История Сибири. В 3 т. М.: Изд. фирма «Восточная лит-ра» РАН, 2001. Т. 2. 796 с.

Миллер 2009 — *Миллер Г.Ф*. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А.Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.

Мимесис. БРЭ — Мимесис // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/2214552 (дата обращения: 26.09.2020).

Мирзоев 1960 — *Мирзоев В.Г*. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М.: Изд-во соц.-экономич. лит-ры, 1960. 187 с.

Мироненко 2000 — *Мироненко О*. Пути оптимизации системы землепользования и землеустройства оленеводческо-промысловых хозяйств // Новости оленеводства. Вып. 4. Магадан: Изд. Зонального НИИСХ Северо-Востока, 2000. С. 70–79.

Миссонова 2006 — *Миссонова Л.И*. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006. 179 с.

Миссонова 2009 — *Миссонова Л.И*. Оленеводство и идентичность уйльта Сахалина (советский и постсоветский периоды) // Acta Slavica Laponica. 2009. Т. 27. С. 177–199.

Миссонова 2013 — *Миссонова Л.И*. Лексика уйльта как историко-этнографический источник / Отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 2013. 334 с.

Михайлов 1987 — *Михайлов Т.М*. Бурятский шаманизм. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.

Михайлова 2015 — *Михайлова Е.А*. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948–1951 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2015. 190 с.

Мол 2017 — *Мол А*. Множественное тело: Онтология в медицинской практике / Ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 254 с.

Монгуш 2017 — *Монгуш М.В*. Тувинцы-тоджинцы: особености образа жизни [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://futureruss.ru/wp-content/uploads/2017/02/4Монгуш-М.В..pdf (дата обращения: 03.11.2020).

Морозов 1994 — *Морозов Ю*. У подножия «Голубых великанов» // Ямальский Меридиан. Салехард, 1994. № 3 (11). С. 11–13.

Мосолов, Филь 2010 — *Мосолов В.И*., *Филь В.И*. Дикий северный олень Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2010. 158 с.

Мыреева 2001 — *Мыреева А Н*. Лексика эвенкийского языка: Растительный и животный мир. Новосибирск: Наука, 2001. 104 с.

Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. 1985 — Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв. М.: Наука, 1985. 240 с.

Народы Сибири 1956 — Народы Сибири / Отв. ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов. М.; Л.: АН СССР, 1956. 1083 с.

Народы Сибири в составе государства Российского 1999 — Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории) / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: Европейский Дом, 1999. 360 с.

Национальный атлас России 2004 — Национальный атлас России. Том 1: Общая характеристика территории / Гл. редактор тома А.Н. Краюхин // Национальный атлас России в четырех томах / Редкол.: А.В. Бородко (пред.), В.В. Свешников (гл. ред.) и др. М.: Роскартография, 2004. 495 с.

Новикова 2014 — *Новикова Н.И*. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.

Оглоблин 1891 — *Оглоблин Н.Н.* Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки // ЧИОИДР. М., 1891. Кн. 3. С. 1–18.

Оглоблин 1895 — *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). Ч. 1. М.: Универ. типография, 1895.

Оглоблин 1900 — *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). Ч. 3. М.: Универ. типография, 1900.

Огородников 1927 — *Огородников В.И.* Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток: Типография Дальневост. гос. ун-та, 1927. 92 с.

Озолиня 2013 — *Озолиня Л.В.* Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013. 372 с.

Окладников, Гоголев, Ащепков 1977 — *Окладников А.П.*, *Гоголев З.В.*, *Ащепков Е.А.* Древний Зашиверск — древнерусский заполярный город. М.: Наука, 1977. 211 с.

Оленеводство 1916 — Оленеводство // Новый энциклопедический словарь. Т. 29. СПб.: Изд-во АО Брокгауз и Ефрон, 1916. С. 411–414.

Онучин. Интервью — Человеческий фактор: как минимизировать вред. Интервью с директором Института леса им. В.Н. Сукачева А. Онучиным [Электронный ресурс] // Красноярский научный центр СО РАН [сайт]. URL: http://ksc.krasn.ru/news/the_human_factor/ (дата обращения: 23.01. 2020).

О создании ресурсных резерватов «Кыталык» — О создании ресурсных резерватов «Кыталык» в Аллаиховском и «Лена-Дельта» в Булунском улусах (с изменениями на: 31.08.2015) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/473504887 (дата обращения: 30.09.2020).

Очистка Арктики — Очистка Арктики [Электронный ресурс] // Русское географическое общество. Завершенные проекты. URL: https://www.rgo.ru/ru/proekty/zavershennye-proekty/ochistka-arktiki (дата обращения: 14.11.2020).

Патканов 1912 — *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб.: Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. 1912. Т. I. 176 с.

Певзнер 2019 — *Певзнер Г.* Экологи о пожарах в Сибири: «Сибиряки не существуют для Российской Федерации». 27.07.2019 [Электронный ресурс] // URL: https://www.rfi.fr/ru/rossiya/20190727-pozhary-v-sibiri-nas-ne-sushchestvuet-v-rossiiskoi-federatsii (дата обращения: 06.09.2019).

Первухин 1930 — *Первухин И.* Карагасы // Советский Север. 1930. № 2. С. 82–93.

Пивнева 2010 — *Пивнева Е.А.* Мансийский опыт экосоциальной адаптации // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 136–142.

Питулько 2019 — *Питулько В.В.* Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю.А. Виноградов, С.А. Васильев, К.Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 103–136.

Питулько и др. 2012 — *Питулько В.В.*, *Павлова Е.Ю.*, *Никольский П.А.*, *Иванова В.В.* Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 33–102.

Площадь лесных земель — Площадь лесных земель [Электронный ресурс] // Федеральное агентство лесного хозяйства [офиц. сайт]. URL: http://rosleshoz.gov.ru/opendata/7705598840-ForestlandArea (дата обращения: 17.08.2020).

По верховьям 2019 — По верховьям Лены и Киренги. Отчет землеустроителя. Воспоминания бухгалтера эвенкийского колхоза (1920–1940-е годы) / Отв. ред. М.В. Рагулина, А.А. Сирина. Москва; Иркутск: ООО типография «Призма», 2019. 348 с.

Подкорытов 1995 — *Подкорытов Ф.М.* Ямальское оленеводство. Л.: Типография ЛАЭС, 1995. 274 с.

Подмаскин 2015 — *Подмаскин В.В.* Новая гипотеза о происхождении этнонима «ороки» и «уйльта» // Восьмые Гродековские чтения: Материалы международной научно-практической конференции. Хабаровск: Хабаровский краевед. музей, 2015. Т. 3. С. 79–83.

Поиск по данным — Поиск по данным государственного водного реестра [Электронный ресурс]. URL: http://textual.ru/gvr/ (дата обращения: 15.01.2020).

Полевой 1958 — *Полевой Б.П.* Забытые сведения спутников В.Д. Пояркова о Сахалине (1644–1645 гг.) // Известия ВГО. 1958. № 6. С. 547–551.

Полевой 1965а — *Полевой Б.П.* О точном тексте двух отписок Семена Дежнева 1655 г. // Известия АН СССР. Серия географическая. 1965. № 2. С. 118–128.

Полевой 1965б — *Полевой Б.П.* Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII века // Советская этнография. 1965. № 5. С. 122–129.

Полевой 1973а — *Полевой Б.П.* Новое об Амурском походе В.Д. Пояркова (1643–1646) // Вопросы истории Сибири. Досоветский период. Бахрушинские чтения, 1969. Новосибирск: АН СССР, 1973. С. 112–126.

Полевой 1973б — *Полевой Б.П.* К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г. (Из истории становления русской этнографии) // Советская этнография. 1973. № 4. С. 78–88.

Полевой 1979 — *Полевой Б.П.* Дючерская проблема (По данным русских документов XVII в.) // Советская этнография. 1979. № 3. С. 47–59.

Полевой 1991 — *Полевой Б.П.* Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных // Советская этнография. 1991. № 3. С. 56–69.

Полевой 1997а — *Полевой Б.П.* Новое об открытии Камчатки: в 2 ч. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. Ч. 1. 160 с.

Полевой 1997б — *Полевой Б.П.* Новое об открытии Камчатки: в 2 ч. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. Ч. 2. 204 с.

Полевой, Копылов 1968 — *Полевой Б.П.*, *Копылов А.Н.* Глава четвертая // Начало изучения Сибири. Культура края в Истории Сибири. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1968. С. 153–178.

Попов 1932 — *Попов В.* Люди Большой Земли. М.: Федерация, 1932. 131 с.

Потапов 1957 — *Потапов Л.П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1957. 309 с.

Похозяйственная перепись 1929 — Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926-27 г. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929. 256 с.

Правительство РФ создало в Якутии новый национальный парк «Кыталык» — Правительство РФ создало в Якутии новый национальный парк «Кыталык» [Электронный ресурс] // Министерство экологии, природопользования и лесного хозяйства Республики Саха (Якутия) [сайт]. URL: https://minpriroda.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3108512 (дата обращения: 30.09.2020).

Прокофьев 1927 — Выдержка из письма Г.Н. Прокофьева (Туруханск 14/X — 26 г.) // Этнограф-исследователь. 1927. № 1. С. 38.

Прокофьев 1931 — *Прокофьев Г.Н.* Три года в самоедской школе // Советский Север. 1931. № 7–8. С. 143–160.

Рагулина 2000 — *Рагулина М.В.* Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 164 с.

Рахманова 2020 — *Рахманова Л.Я.* «Ты зачем деньги ешь?»: О ресурсной и нересурсной природе рыбы // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 79–86.

Рогова 2010 — *Рогова А.* Баренцев Евро-Арктический регион: история и идентичность // Nomen est omen: сб. статей к 60-летию Н. Б. Вахтина / Европейский университет в Санкт-Петербурге; ред. А.К. Байбурин. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2010. С. 227–235.

Романова 2018 — *Романова В.В.* История открытия и освоения Иультинского оловянно-вольфрамового месторождения // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. 2018. № 3. С. 65–73.

Российская Арктика 2016 — Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Нестор-История, 2016. 272 с.

Рулан 2000 — *Рулан Н.* Юридическая антропология. М.: НОРМА, 2000. 301 с.

Русские мореходы 1952 — Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1952. 385 с.

Русский Север: этническая история и народная культура 2001 — Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX вв. / Отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2001. 846 с.

Рэдклифф-Браун 2001 — *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Вост. лит., 2001. 304 с.

Савинов 2020 — *Савинов М.А.* Будни ясачного зимовья — русские и юкагиры на Алазее в 1670-х гг. // Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее. Полярные чтения на ледоколе «Красин» / Отв. ред. П.А. Филин. М.: Паулсен, 2020. С. 38–57.

Салинз 1999 — *Салинз М.* Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.

Самсонов, Иванова 2014 — *Самсонов Ю.М.*, *Иванова Г.А.* Причины и последствия пожаров в бореальных лесах Сибири // Регион: экономика и социология. 2014. № 1 (81). С. 257–271.

Сасаки 2008 — *Сасаки С.* Межэтнические браки коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Россия и АТР. 2008. № 2. С. 64–74.

Сафронов 1957 — *Сафронов Ф.Г.* Новые явления в хозяйственной жизни тунгусов Якутской области второй половины XIX века // Ученые записки Якутского ун-та. 1957. № 2. С. 103–113.

Сафронов 1987 — *Сафронов Ф.Г.* Распространение земледелия на северо-востоке Сибири в XVII — начале XX в. // Исторические связи народов Якутии с русским народом. Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1987. С. 28–39.

Сафронов 2010 — *Сафронов Ф.Г.* История Северо-Восточной Азии: XVII — начало XX в. Новосибирск: Наука, 2010. 635 с.

Сгибнев 1869 — *Сгибнев А.С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 4. С. 65–77.

Сирина 2002 — *Сирина А.А.* Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. Москва; Иркутск: Оттиск, 2002. 286 с.

Сирина 2008 — *Сирина А.А.* Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 121–138.

Сирина 2012 — *Сирина А.А.* Эвенки и эвены в современном мире: самосознание природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012. 604 с.

Скобелев 1998 — *Скобелев С.Г.* Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 1998.

Славкина 2002 — *Славкина М.В.* Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М.: Наука, 2002. 220 с.

Соколов 2013 — *Соколов Ю.И.* Арктика: к проблеме накопленного ущерба // Арктика, экология и экономика. 2013. № 2 (10). С. 8–27.

Соколова 1998 — *Соколова З.П.* Жилище народов Сибири. М.: ИПА «Три-Л», 1998. 285 с.

Сосин 2005 — *Сосин П.В.* Социальная инфраструктура мест компактного проживания малочисленных народов севера Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2005. 204 с.

Ссорин-Чайков 2019 — *Ссорин-Чайков Н.В*. Пересборка истории и антропологии в российской антропологии. 29.10.2019 [Видео файл] // youtube.com. URL: https://www.youtube.com/watch?v=T5YgZT88tjc&t=1477s (дата обращения: 28.09.2020).

Старцев 2015 — *Старцев А.Ф*. Ороки — орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 163 с.

Старцев 2018 — *Старцев А.Ф*. История появления и функционирования этнонимов ороков Сахалина // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 168–181.

Степанов 1937 — *Степанов Н.Н*. К истории освободительной борьбы народностей северо-востока Сибири в XVII в. // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). Сб. статей / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.; Л.: АН СССР, 1937. С. 213–226.

Степанов 1953 — *Степанов Н.Н*. Тунгусы в XVII веке // Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1953. С. 182–219.

Степанова 2018 — *Степанова О.Б*. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Bulletin of Ugric Studies. 2018. № 2 (8). С. 365–374.

Сыроечковский 1986 — *Сыроечковский Е.Е*. Северный олень. М.: Агропромиздат, 1986. 256 с.

Таксами, Косарев 1990 — *Таксами Ч.М*., *Косарев В.Д*. Кто вы, айны? М.: Мысль, 1990. 318 с.

Терёхина 2018 — *Терёхина А.Н*. «Учебная нарта» и керосинка, или Tundraskills для кочевого воспитателя // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. С. 42–65.

Терёхина, Волковицкий 2020 — *Терёхина А.Н*., *Волковицкий А.И*. Железная дорога сквозь тундру: оленеводы Ямала и инфраструктура // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 48–61.

Титов 1890 — *Титов А.А*. Сибирь в XVII веке. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. 216 с.

Тихоненко 1939 — *Тихоненко И*. Ездовые собаки Чукотки. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 38 с.

Токарев 1948 — *Токарев С.А*. Несколько данных XVII в. о якутах и их соседях // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1948. С. 15–16.

Токарев 1953а — *Токарев С.А*. Коренное население Якутии в XVII веке // Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1953. С. 67–182.

Токарев 1953б — *Токарев С.А*. Предисловие // Якутия в XVII веке (Очерки) / Под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1953. С. 2–5.

Травин 1939 — *Травин Н*. Полярный ветроход // Проблемы Арктики. 1939. № 2. С. 111–113.

Туголуков 1958 — *Туголуков В.А*. Охотские эвенки // Советская этнография. 1958. № 1. С. 11–23.

Туголуков 1969 — *Туголуков В.А*. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 215 с.

Туголуков 1979 — *Туголуков В.А*. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.

Туголуков 1981 — *Туголуков В.А*. Об определении численности коренного населения Северной Сибири в XVII веке // Советская этнография. 1981. № 2. С. 122–124.

Тураев 1990 — *Тураев В.А*. И на той Улье реке… Русский землепроходец И.Ю. Москвитин: Правда, заблуждения, догадки. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1990.

Тураев 1993 — *Тураев В.А*. О судьбе одного исторического документа: [Роспись рекам и имена людям, на которой реке которые люди живут] // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. Владивосток: Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 1993. Ч. 2. С. 132–135.

Тураев 1995 — *Тураев В.А*. О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток: Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 1995. Т. 2. С. 154–169.

Тураев 2012 — *Тураев В.А*. Исторические последствия этнокультурных контактов на российском Дальнем Востоке (XVII–XVIII вв.) // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 126–137.

Тураев 2013 — *Тураев В.А.* Хождение «встречь солнцу» в контексте проблем присоединения Дальнего Востока к Российскому государству (XVII–XVIII вв.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 37–47.

Тынескин. Поэты Чукотки — *Тынескин В.* Олени ждали меня // Север. Советкэн Чукотка: Тынескин. Поэты Чукотки / Сайт Натальи Зориной [Электронный ресурс]. URL: https://www.zorinanata.ru (дата обращения: 23.05.2018).

Тяпкин 2016 — *Тяпкин М.О.* Льготные отпуски древесины населению как элемент системы охраны лесов Юга Западной Сибири в первой четверти XX в. // Вестник Томского гос. ун-та, 2016. № 411. С. 165–170.

Уайт 1997а — *Уайт Л.* Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 17–48.

Уайт 1997б — *Уайт Л.* Наука о культуре // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 141–156.

Уайт 1997в — *Уайт Л.* Энергия и эволюция культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 439–464.

Уайт 2004а — *Уайт Л.* Избранное. Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004а. 322 с.

Уайт 2004б— *Уайт Л.* Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004б. 1064 с.

Урри 2012а — *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Урри 2012б — *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 336 с.

Устинов 2006 — *Устинов С.К.* Сынныр — страна голубых гор // Вести от синих гор. Иркутск: Иркутский писатель, 2006. С. 40–55.

Усть-Юрибейский красный чум 1958 — Усть-Юрибейский красный чум. М.: Советская Россия, 1958. 22 с.

Ушаков 2008 — *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом славянской книги, 2008. 959 с.

Фёдорова 2002 — *Фёдорова Н.В.* Призраки и реальности ямальской археологии // Российская археология. 2002. № 4. С. 99–110.

Филант 2017а — *Филант К.Г.* Особенности правового регулирования северного оленеводства // Научный вестник ЯНАО. № 4 (97). Салехард, 2017. С. 17–27.

Филант 2017б — *Филант К.Г.* О правовом обеспечении достоверности учета в оленеводстве // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11 (65). С. 141–144.

Фольклор Русского Устья 1986 — Фольклор Русского Устья / Отв. ред., сост. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1986. 382 с.

Функ 2019 — *Функ Д.А.* (отв. ред.). «Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы / Д.А. Функ, В.В. Поддубиков, Е.В. Миськова и др. М.: ООО «Типография «Демос», 2019. 312 с.

Хаховская Л.Н. Магаданское оленеводство в условиях рыночной экономики // Вестник ДВО РАН. 2007а. № 3. С. 77–86.

Хаховская 2007б — *Хаховская Л.Н.* Современное социально-экономическое положение аборигенов Северо-Эвенского района Магаданской области // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2007. № 4 (12). С. 98–104.

Хаховская 2011 — *Хаховская Л.Н.* Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 112–127.

Хаховская 2019 — *Хаховская Л.Н.* Взаимодействие людей и животных в чукотском оленеводстве новейшего времени (антропологический аспект) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 98–107.

Холодилова 2009 — *Холодилова К.А.* Традиционный образ жизни коренных народов Севера Западной Сибири как основа сохранения этноса // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2009. № 3. С. 91–98.

Хрущев 1995 — *Хрущев С.А.* Малочисленные народы России — заложники краха политики госпатернализма. Альтернативы для возрождения // Геополитические и геоэкономические проблемы России (материалы научной конференции в РГО, октябрь 1994 г.) / Русское географическое общество; отв. ред. С.Б. Лавров. СПб.: ТОО «Прогресс-погода», 1995. С. 209–214.

Цветков 2013 — *Цветков П.А.* О последствиях лесных пожаров в Сибири // Хвойные бореальной зоны. 2013. XXXI. № 5–6. С. 10–14.

Цзин 2017 — *Цзин А.Л.* Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ad Marginem Пресс, 2017. 376 с.

Чернавская 2003 — *Чернавская В.Н.* «Восточный фронтир» России XVII — начала XVIII века. Владивосток: Дальнаука, 2003. 176 с.

Чернецов 1935 — *Чернецов В.Н.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4–5. С. 109–133.

Чеснов 2001 — *Чеснов Я.В.* От коммуникации к культуре, или зачем сэру Эдмунду Личу нужно понять другого человека // *Лич Э.* Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Вост. лит., 2001. С. 125–141.

Чиж, Катаева 2019 — *Чиж О.*, *Катаева М.* «Мы солнце потеряли». Как Сибирь живет в дыму. 23 августа 2019 [Электронный ресурс] // URL: https://www.bbc.com/russian/features-49427174 (дата обращения: 04.03.2020).

Чикачев 1990 — *Чикачев А.Г.* Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1990. 186 с.

Численность населения РФ 2020 — Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2020. 592 с.; [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1 (дата обращения: 30.09.2020).

Шанин 2000 — *Шанин Т.* Почему не умер русский народ // Эксперт. 2000. № 1–2 (214). С. 30–31.

Шапран А. История метеоролога — *Шапран А.* История метеоролога с русской полярной станции [Электронный ресурс] // Les Alpha [сайт]. URL: https://les.media/articles/151332-istoriya-meteorologa-s-russkoy-polyarnoy-stantsii (дата обращения: 14.11.2020).

Шапхаев 2008 — *Шапхаев С.Г.* Влияние деятельности ресурсодобывающих и транспортных компаний на традиционное природопользование: взгляд эколога // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 55–60.

Шахова 2013 — *Шахова В.И.* Родовая община «Русское Устье». Якутск: Бичик, 2013. 240 с.

Шведов и др. 2015 — *Шведов В.Г.*, *Толстогузов П.Н.*, *Стельмах Е.В.*, *Голубь А.Б.*, *Соловченков С.А.* К вопросу о наименовании региона «Дальний Восток России» // Современные проблемы науки и образования: электрон. науч. журн. Пенза, 2015. № 2. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20380 (дата обращения: 08.03.2016).

Шеметов 2002 — *Шеметов В.* Сосуществование // Ямальский Меридиан. Салехард, 2002. № 3. С. 4–6.

Штернберг 1933 — *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.

Шубин 2007 — *Шубин А.С.* Эвенки. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. 360 с.

Шубрт 2018 — *Шубрт И.* Клод Леви-Стросс и проблема «синхронического» времени // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 601–612.

Шунков 1974 — *Шунков В.И.* Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. 376 с.

Щербов и др. 2015 — *Щербов Б.Л.*, *Лазарева Е.В.*, *Журкова И.С.* Лесные пожары и их последствия (на примере сибирских объектов) / Отв. ред. Н.А. Росляков. Новосибирск: Гео, 2015. 154 с.

Экономика и население 2014 — Экономика и население Ямала в первой трети XX в. / Отв. ред. А.В. Головнёв, Е.А. Волжанина. Новосибирск: Гео, 2014. 371 с.

Элерт 2009 — *Элерт А.Х.* Введение // *Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А.Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 13–15.

Эткинд 2020 — *Эткинд А.* Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 504 с.

Южаков 2017а — *Южаков А.А.* Личные олени как основа сохранения оленеводства // Научный вестник ЯНАО. № 4 (97). Салехард, 2017. С. 28–31.

Южаков 2017б — *Южаков А.А.* Северное оленеводство в XXI в.: генетический ресурс, культурное наследие и бизнес // Арктика: экология и экономика. 2017. № 2 (26). С. 131–137.

Юкагиры 1975 — Юкагиры. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.

Ядринцев 1892 — *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом этнографическом и историческом отношениях. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Яковец 2011 — *Яковец Ю.В.* Арктическая цивилизация: особенности, исторические корни, перспективы. М.: МИСК, 2011. 72 с.

Яптик 2019 — *Яптик Е.С.* Качество жизни по-ненецки (взгляд изнутри культуры) // Bulletin of Ugric Studies. 2019. № 1 (9). С. 153–165.

Adams 1978 — *Adams R.N.* Man, Energy, and Anthropology: I Can Feel the Heat, But Where's the Light? // American Anthropologist. 1978. Vol. 80. No. 2. P. 297–309.

Akrich 1992 — *Akrich M.* The De-Scription of Technical Objects // Shaping Technology/Building Society. Studies in Sociotechnical Change / Ed. by W.E. Bijker and J. Law. Cambridge (Mass); London: The MIT Press. 1992. P. 205–224.

Alix 2016 — *Alix C.* A Critical Resource: Wood Use and Technology in the North American Arctic. // The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic / Ed. by T. Max Friesen and Owen K. Mason. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 109–29.

Alix, Brewster 2004 — *Alix C.*, *Brewster K.* 'Not All Driftwood Is Created Equal' Wood Use and Value along the Yukon and Kuskokwim Rivers, Alaska // Alaska Journal of Anthropology. 2004. Vol. 2. No. 1–2. P. 48–65.

Anand 2011 — *Anand N.* Pressure: The PoliTechnics of Water Supply in Mumbai // Cultural Anthropology. 2011. Vol. 27. No. 4. P. 542–564.

Anand 2015 — *Anand N.* Leaky States: Water Audits, Ignorance, and the Politics of Infrastructure // Public Culture. 2015. 27 (2). P. 305–330.

Anand et al. 2018 — *Anand N.*, *Gupta A.*, *Appel H.* (ed.). The Promise of Infrastructure. Durham: Duke University Press, 2018. 264 p.

Anderies et al. 2004 — *Anderies J.M.*, *Janssen M.A.*, *Ostrom E.* A Framework to Analyze the Robustness of Social-ecological Systems from an Institutional Perspective // Ecology and Society. 2004. Vol. 9. No. 1: 18.

Appadurai 1986 — *Appadurai A.* On Cultural Authenticity // Anthropology Today. 1986. Vol. 4. No. 2. P. 25.

Appadurai 1996 — *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 224 p.

Arzyutov 2020 — *Arzyutov D.V.* Norra ishavets gåva. // Arktiska spår: Natur och kultur i rörelse / Ed. by L.G. Reinius. Stockholm: Nordiska museets förlag, 2020. P. 86–87.

Avango, Hacquebord 2009 — *Avango D.*, *Hacquebord L.* Settlements in an Arctic Resource Frontier Region // Arctic Anthropology. 2009. Vol. 46. No. 1–2. P. 25–39.

Beeson 2000 — *Beeson M.* Mahathir and the Markets: Globalisation and the Pursuit of Economic Autonomy in Malaysia // Pacific Affairs. 2000. Vol. 73. No. 3. P. 335–351.

Bennett 2018 — *Bennett M.* From State-initiated to Indigenous-driven Infrastructure: The Inuvialuit and Canada's First Highway to the Arctic Ocean // World Development. 2018. Vol. 109. P. 134–148.

Bereznitsky 2019 — *Bereznitsky S.V.* Control over Energy is "Hot" Societies, and Dissolution of Energy "Cold": The Transformation of Ethnic Cultures in the Northern Regions of Russia in the 18th — 21st centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Vol. 12. 8. P. 1374–1390.

Berkes 1993 — *Berkes F.* Traditional Ecological Knowledge in Perspective // Traditional Ecological Knowledge: Concepts and Cases. Ottawa, 1993. P. 1–9.

Berkes, Colding, Folke 2000 — *Berkes F.*, *Colding J.*, *Folke C.* Rediscovery of Traditional Ecological Knowledge as Adaptive Management. Ecological Applications, 2000. No. 10, 5. P. 1251–1262.

Berkes, Folke 2000 — *Berkes F.*, *Folke E.* Linking Social and Ecological Systems for Resilience and Sustainability // Linking Social and Ecological Systems Management. Practices and Social Mechanisms for Building Resilience / Berkes F., Folke C. (eds). New York: Cambridge University Press, 2000. P. 1–26.

Bird-David 1990 — *Bird-David N.* The Giving Environment: Another Perspective on the Economic System of Gatherer-Hunters // Current Anthropology. 1990. Vol. 31. No. 2. P. 189–196.

Bogoras 1904 — *Bogoras W.* The Chukchee. Material Culture. New York; Leiden: G.E. Stechert, E.J. Brill Ltd, 1904. 276 p.

Boyer 2014 — *Boyer D.* Energopower: An Introduction. // Anthropological Quarterly. 2014. Vol. 87. No. 2. P. 309–333.

Brandišauskas 2007 — *Brandišauskas D.* Symbolism and Ecological Uses of Fire among Orochen-Evenki. Sibirica. 2007. No. 6 (1). P. 95–109.

Brenner, Elden 2009 — *Brenner N.*, *Elden S.* Henri Lefebvre on State, Space, Territory // International Political Sociology. 2009. No. 3. P. 353–377.

Callon 2005 — *Callon M.* Why Virtualism Paves the Way to Political Impotence: A Reply to Daniel Miller's Critique of "The Laws of the Market" // Economic Sociology: European Electronic Newsletter. Max Planck Institute for the Study of Societies (MPIfG). Cologne, 2005. Vol. 6. No. 2. P. 3–20.

Candea et al. 2015 — *Candea M.*, *Cook J.*, *Trundle C.*, *Yarrow T.* (eds). Detachment: Essays on the Limits of Relational Thinking. Manchester: University Press, 2015. 288 p.

Cohen 1968 — *Cohen Y.A.* Culture as Adaptation // Man in Adaptation: The Cultural Present / Ed. by Yehudi A. Cohen. Chicago, 1968. P. 40–60.

Cohen 1971 — *Cohen Y.A.* Adaptation and Evolution: An Introduction // Man in Adaptation: The Institutional Framework / Ed. by Yehudi A. Cohen. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 1971. P. 1–21.

Cohen 1974 — Man in Adaptation: The Cultural Present / Ed. by Y.A. Cohen. New York: Aldine de Gryuter, 1974 (2nd ed.). 602 p.

Colding, Barthel 2019 — *Colding J.*, *Barthel S.* Exploring the Social-ecological Systems Discourse 20 Years Later // Ecology and Society. 2019. Vol. 24. No. 1.

Coopersmith 1992 — *Coopersmith J.* The Electrification of Russia, 1880–1926. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992. 274 p.

Cruikshank 1972 — *Cruikshank J*. Cultural Responses in the Alaska Village Electric Cooperative in Alaska Native Villages // Arctic Anthropology. 1972. Vol. IX. No. 1. P. 35–42.

Davydov 2012 — *Davydov V.N*. People on the Move: Development Projects and the Use of Space by Northern Baikal Reindeer Herders, Hunters and Fishermen (PhD Thesis). Aberdeen (UK): University of Aberdeen, 2012.

Davydov 2017 — *Davydov V.N*. Temporality of Movements in the North: Pragmatic Use of Infrastructure and Reflexive Mobility of Evenkis and Dolgans // Sibirica, 2017. Vol. 16. No. 3. P. 14–34.

Davydova 2019 — *Davydova E.A*. Food as an Energy Resource: Patterns of Accumulation and Use of Products in Chukotka // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. No. 8. P. 1408–1424.

Davydova, Davydov 2018 — *Davydova E.A*., *Davydov V.N*. Diet of the North-Eastern Chukotka Reindeer Herders: The Change of Food Autonomy Regime // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Conference Proceedings. Vol. 5. Ancience Science, No. 2.2. Anthropology, Archaeology, History, Philosophy, Medieval and Renaissance Studies. Sofia, 2018. P. 27–34.

Degteva, Nellemann 2013 — *Degteva A*., *Nellemann C*. Nenets Migration in the Landscape: Impacts of Industrial Development in Yamal Peninsula, Russia // Pastoralism: Research, Policy and Practice. 2013. Vol. 15. No. 3. P. 1–21.

Della Bosca, Gillespie 2018 — *Della Bosca H*., *Gillespie J*. The Coal Story: Generational Coal Mining Communities and Strategies of Energy Transition in Australia // Energy Policy. 2018. Vol. 120. P. 734–740.

Descombes 2014 — *Descombes V*. The Institutions of Meaning: a Defense of Anthropological Holism. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2014. 321 p.

Dinius et al. 2011 — *Dinius O.J*., *Vergara A*. Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities. Geographies of Justice and Social Transformation. Athens: University of Georgia Press, 2011. 236 p.

Dwyer, Istomin 2006 — *Dwyer M.J*., *Istomin K.V*. Mobility and Technology: Understanding the Vulnerability of Two Groups of Nomadic Pastoralists to Reindeer Losses // Nomadic Peoples. 2006. Vol. 10. No. 2. P. 142–165.

Dwyer, Istomin 2008 — *Dwyer M.J*., *Istomin K.V*. Theories of Nomadic Movement: A New Theoretical Approach for Understanding the Movement Decisions of Nenets and Komi Reindeer Herders // Human Ecology. 2008. Vol. 36. No. 4. P. 521–533.

Dyson-Hudson 1972 — *Dyson-Hudson N*. The Study of Nomads // Journal of Asian and African Studies. 1972. Vol. 7. No. 1–2. P. 2–29.

Forbes 2008 — *Forbes B.C*. Equity, Vulnerability and Resilience in Social-Ecological Systems: A Contemporary Example from the Russian Arctic // Research in Social Problems and Public Policy. 2008. Vol. 15. P. 203–236.

Forbes et al. 2016 — *Forbes B.C*., *Kumpula T*., *Meschtyb N*., *Laptander R*., *Macias-Fauria M*., *Zetterberg P*., *Verdonen M*., *Skarin A*., *Kim K.-Y*., *Boisvert L*. N., *Stroeve J.C*., *Bartsch A*. Sea Ice, Rain-on-snow and Tundra Reindeer Nomadism in Arctic Russia // Biology Letters. 2016. Nov 12. No. 11: 20160466.

Gardner 1991 — *Gardner P*. Forager's Pursuit for Individual Autonomy // Current Anthropology. 1991. Vol. 32. No. 5. P. 543–572.

Geertz 1973 — *Geertz C*. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books. A Member of the Perseus Books Group, 1973. 470 p.

Gibson 1979 — *Gibson J.J*. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston, 1979. 332 p.

Giddings 1952 — *Giddings J.L*. Driftwood and Problems of Arctic Sea Currents // Proceedings of the American Philosophical Society. 1952. Vol. 96. No. 2. P. 129–42.

Golovnev 2017 — *Golovnev A.V*. Challenges to Arctic Nomadism: Yamal Nenets Facing Climate Change Era Calamities // Arctic Anthropology. 2017. Vol. 54. No. 2. P. 40–51.

Graber, Long 2009 — *Graber K*., *Long J*. The Dissolution of the Buryat Autonomous Okrugs in Siberia: Notes from the Field // Inner Asia. 2009. Vol. 11. No. 1. P. 147–155.

Grier, Kim 2012 — *Grier C*., *Kim J*. Resource Control and the Development of Political Economies in Small-Scale Societies // Journal of Anthropological Research. 2012. Vol. 68. No. 1. P. 1–34.

Harvey 1989 — *Harvey D*. The Urban Experience. Oxford: Blackwell, 1989. 293 p.

Harvey 2006 — *Harvey G*. Animism: Respecting the Living World. New York: Columbia University Press, 2006. 248 p.

Hastrup 2009 — *Hastrup K*. The Nomadic Landscape: People in a Changing Arctic Environment. Geografisk Tidsskrift / Danish Journal of Geography. 2009. No. 109 (2). P. 181–189.

Heininen 1998 — *Heininen L*. The International Situation and Cooperation in Change // The Snowbelt. Studies on the European North in Transition / Ed. by L. Granberg. Helsinki: Kikimora publications, 1998. P. 199–225.

Helliwell 1995 — *Helliwell C*. Autonomy as Natural Equality: Inequality in 'Egalitarian' Societies // The Journal of Royal Anthropological Institute. 1995. Vol. 2. No. 1. P. 359–375.

Hellmann et al. 2013 — *Hellmann L*., *Tegel W*., *Eggertsson Ó*., *Schweingruber F.H*., *Blanchette R*., *Kirdyanov A*., *Gärtner H*., *Büntgen U*. Tracing the Origin of Arctic Driftwood // Journal of Geophysical Research: Biogeosciences. 2013. Vol. 118. No. 1. P. 68–76.

Hellmann et al. 2015 — *Hellmann L*., *Tegel W*., *Kirdyanov A.V*., *Eggertsson Ó*., *Esper J*., *Agafonov L*., *Nikolaev A.N*., et al. Timber Logging in Central Siberia Is the Main Source for Recent Arctic Driftwood // Arctic, Antarctic, and Alpine Research. 2015. Vol. 47. No. 3. P. 449–460.

Hellmann et al. 2016 — *Hellmann L*., *Kirdyanov A.V*., *Büntgen U*. Effects of Boreal Timber Rafting on the Composition of Arctic Driftwood // Forests. 2016. Vol. 7. No. 11. P. 257.

Hill, Gaddy 2003 — *Hill F*., *Gaddy C*. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold. Washington (D.C.): The Brookings Institution, 2003.

Högselius 2012 — *Högselius P*. Red Gas: Russia and the Origins of European Energy Dependence. New York: Springer, 2012. 294 p.

Holbraad, Pederson 2017 — *Holbraad M*., *Pederson M.A*. The Ontological Turn: An Anthropological Exposition (New Departures in Anthropology). Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 352 p.

Hønneland 2009 — *Hønneland G*. Cross-Border Cooperation in the North: The Case of Northwest Russia // Russia and the North / Ed. by E.W. Rowe. Ottawa: Ottawa University Press, 2009. P. 35–52.

Hønneland 2010 — *Hønneland G*. Borderland Russians: Identity, Narrative and International Relations. London: Palgrave Macmillan, 2010. 174 p.

Hovelsrud et al. 2020 — *Hovelsrud G.K*., *Kaltenborn B.P*., *Olsen J*. Svalbard in Transition: Adaptation to Cross-Scale Changes in Longyearbyen // The Polar Journal. Online First: September 2020. P. 1–23.

Hughes 1993 — *Hughes T.P*. Networks of Power: Electrification in Western Society, 1880–1930. Johns Hopkins University Press, 1993. 474 p.

Hybrid Communities 2018 — Hybrid Communities. Biosocial Approaches to Domestication and Other Trans-Species Relationships / Ed. by C. Stépanoff, J.-D. Vigne. London: Routledge, 2018. 306 p.

Ingold 1993 — *Ingold T*. The Temporality of the Landscape // World Archaeology. 1993. Vol. 25. No. 2. P. 152–174.

Ingold 2016 — *Ingold T*. On Human Correspondence // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2016. Vol. 23. No. 1. P. 9–27.

Ingold 2017 — *Ingold T*. Correspondences. Aberdeen: University of Aberdeen, 2017. 143 p.

Ingold 2018 — *Ingold T*. One World Anthropology // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2018. No. 8 (1/2). P. 158–171.

Istomin et al. 2017 — *Istomin K.V*., *Popov A.A*., *Kim H.J*. Snowmobile Revolution, Market Restoration, and Ecological Sustainability of Reindeer Herding: Changing Patterns of Micro- vs. Macromobility among Komi Reindeer Herders of Bol'shezemel'skaia Tundra // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 225–250 .

Jernsletten, Klokov 2002 — *Jernsletten J.-L*., *Klokov K*. Sustainable Reindeer Husbandry // Artic Council 2000–2002. University of Tromso, 2002. 157 p.

Johansen 1999 — *Johansen S*. Origin of Driftwood in North Norway and Its Relevance for Transport Routes of Drift Ice and Pollution to the Barents Sea // Science of the Total Environment. 1999. Vol. 231. No. 2. P. 201–25.

Johansen 2001 — *Johansen S*. A Dendrochronological Analysis of Driftwood in the Northern Dvina Delta and on Northern Novaya Zemlya // Journal of Geophysical Research: Oceans. 2001. Vol. 106.

Jones 1971 — *Jones D*. Village Autonomy, Cultural Status and Self Perception // Anthropological Quarterly. 1971. Vol. 44. No. 1. P. 1–11.

Kaltenborn et al. 2020 — *Kaltenborn B.P*., *Østreng W*., *Hovelsrud G.–K*. Change will be the Constant. — Future Environmental Policy and Governance Challenges in Svalbard // Polar Geography. 2020. Vol. 43. P. 1–21.

Kandinsky 1947 — *Kandinsky W*. Point and Line to Plane. New York: Guggenheim Foundation for Museum of Non-Objective Painting. 1947. 218 p.

Kaufmann 2002 — *Kaufmann V*. Re-thinking Mobility // Contemporary Sociology. Aldershot, Hampshire (England); Burlington (VT): Ashgate, 2002. 112 p.

Khlinovskaya-Rockhill E., Sidorova 2018 — *Khlinovskaya-Rockhill E*., *Sidorova L*. On the Continued Involvement of the State in the Socio-Economic Viability of the Post-Soviet Kolyma, Russian Far North // Сибирские исторические исследования. 2018. No. 4. С. 25–41.

Klokov 2007 — *Klokov K.B*. Reindeer Husbandry in Russia // International Journal of Entrepreneurship and Small Business. 2007. Vol. 4. No. 6. P. 726–784.

Klokov 2011 — *Klokov K.B*. National Fluctuations and Regional Variations in Domesticated Reindeer Numbers in the Russian North: Some Possible Explanations // Sibirica. 2011. Vol. 10. No. 1. P. 23–47.

Klokov 2012 — *Klokov K.B*. Changes in Reindeer Population Numbers in Russia: An Effect of the Political Context or of Climate? // Rangifer. 2012. Vol. 32. No. 1. P. 19–33.

Klokov 2016 — *Klokov K.B*. Reindeer Herders' Communities of the Siberian Taiga in Changing Social Contexts // Sibirica. 2016. Vol. 15. No. 1. P. 81–101.

Klokov 2019a — *Klokov K.B*. Energy of Reindeer Breeding: Driving Actions in the Controlling Impacts in Ecological and Ethno-social Contexts // Journal of Siberian Federal University — Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. No. 8. P. 1442–1460.

Klokov 2019b — *Klokov K.B*. People, Reindeer, and All the Others: The Shared Taiga as Common Tofa Household // Multispecies Households in the Saian Mountains: Ecology at the Russia-Mongolia Border / Ed. by Alex Oehler & Anna Varfolomeeva. Maryland (USA): Rowman & Littlefield, 2019. P. 75–98.

Klokov 2019c — *Klokov K.B*. Evolution of the Subsistence Pattern of Indigenous Population of the Coast of Southern Chukotka: Energy and Resources Aspects // 4th International Scientific Conference "Arctic: History and Modernity": IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 302. P. 1–8.

Konstantinov, Vladimirova 2006 — *Konstantinov Y*., *Vladimirova V*. The Performative Machine: Transfer of Ownership in a Northwest Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula) // Nomadic Peoples. 2006. Vol. 10. No. 2. P. 166–186.

Kopytoff 1986 — *Kopytoff I.* The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective / Ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–91.

Kozlov et al. 2007 — *Kozlov A.*, *Nuvano V.*, *Vershubsky G.* Changes in Soviet and Post-Soviet Diets in Chukotka // Etudes Inuit Studies. 2007. Vol. 31. No. 1–2. P. 103–119.

Krupnik 2000 — *Krupnik I.I.* Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival during the Time of Crash // Polar Research. 2000. Vol. 19. No. 1. P. 49–56.

Kumpula et al. 2012 — *Kumpula T.*, *Forbes B.C.*, *Stammler F.*, *Meschtyb N.* Dynamics of a Coupled System: Multi-Resolution Remote Sensing in Assessing Social-Ecological Responses during 25 Years of Gas Field Development in Arctic Russia // Remote Sensing. 2012. Vol. 4. No. 4. P. 1046–1068.

Landscape Ethnoecology 2012 — Landscape Ethnoecology: Concepts of Biotic and Physical Space. 2012. New York; Oxford: Berghahn Books. 319 p.

Larkin 2013 — *Larkin B.* The Politics and Poetics of Infrastructure // Annual Review of Anthropology. 2013. Vol. 42. P. 327–343.

Lavrillier, Gabyshev 2017 — *Lavrillier A.*, *Gabyshev S.* An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2017. 467 p.

Law 1986 — *Law J.* On the Methods of Long-Distance Control: Vessels, Navigation, and the Portuguese Route to India // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? / Ed. by J. Law. London; Boston; Henley: Routledge and Kegan Paul, 1986. P. 234–263 (Series: Sociological Review Monograph, Vol. 32).

Lefebvre 2008 — Lefebvre H. The Critique of Everyday Life. London: Verso, 2008. 283 p.

Lefebvre 2009 — *Lefebvre H.* State, Space, World. Selected Essays. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2009. 331 p.

Leibniz 1996 — *Leibniz G.W.* New Essays on Human Understanding. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 528 p.

Lepowski 1990 — *Lepowsky M.* Big Men, Big Women, and Cultural Autonomy // Ethnology. 1990. Vol. 29. No. 1. P. 35–50.

Levi-Strauss 1963 — *Levi-Strauss C.* Structural Analysis in Linguistics and Anthropology // Structural Anthropology. New York: Basic Books, 1963. Vol. 1. P. 31–54.

Levi-Strauss 1978 — *Levi-Strauss C.* Reflections on the Atom of Kinship // Structural Anthropology. Harmondsworth: Penguin Books, 1978. Vol. 2. P. 82–112.

Liarskaya 2017 — *Liarskaya E.* “Where Do You Get Fish?”: Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes // Sibirica. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 125–149.

Littlewood 2014 — *Littlewood D.* ‘Cursed’ Communities? Corporate Social Responsibility (CSR), Company Towns and the Mining Industry in Namibia // Journal of Business Ethics. 2014. Vol. 120. No. 1. P. 39–63.

Luehrmann 2015 — *Luehrmann S.* Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. 257 p.

Maclean 1994 — *Maclean N.* Freedom or Autonomy: A Modern Melanesian Dilemma // Man, New Series. 1994 Vol. 29. No. 3. P. 667–688.

Mamontova 2020 — *Mamontova N.* Taiga Forest Reindeer Herders and Hunters, Subsistence, Stewardship // The Routledge Handbook on Indigenous Environmental Knowledge / Ed. by T. Thornton and S. Bhagwat. London: Routledge, 2020. P. 153–168.

Mauss 1979 — *Mauss M.* The Seasonal Variations of the Eskimo: A Study of Social Morphology. London: Routledge, 1979. 159 p.

Millar 2018 — *Millar K.M.* Reclaiming the Discarded: Life and Labor on Rio’s Garbage Dump. Durham; London: Duke University Press, 2018. 248 p.

Mol, Law 1994 — *Mol A*., *Law J*. Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology // Social Studies of Science. 1994. Vol. 24. No. 4. P. 641–671.

Nagy 2013 — *Nagy Z*. Television and Problems of Interpretating Cultural Phenomena among the Vasiugan (Eastern) Khanty // Anthropology & Archaeology of Eurasia. 2013. Vol. 52. No. 3. P. 13–33.

Nuykina 2011 — *Nuykina E*. Resettlement from the Russian North: An Analysis of State-induced Relocation Policy. Rovaniemi, Finland: Arctic Centre, University of Lapland, 2011. 78 p.

Omurova et al. 2020 — *Omurova G.T*., *Seim A*., *Barinov V.V*., *Kardash O.V*., *Myglan V.S*. Construction History and Timber Use of the Medieval Settlement Nadymskiy Gorodok in the Northwestern Siberian Forest-Tundra // Journal of Archaeological Science. 2020. Vol. 116 (April). P. 105101.

Ong, Ward 2005 — *Ong A.S.J*., *Ward C*. The Construction and Validation of a Social Support Measure for Sojourners: The Index of Sojourner Social Support // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2005. No. 36. P. 637–661.

Paasi 2007 — *Paasi A*. Borders and Regions in a Transforming Northern Europe // The Flexible Frontier: Change and Continuity in Finnish-Russian Relations / M. Lähteenmäki. Helsinki: Aleksanteri Insistute, 2007. P. 24–41.

Pelto 1973 — *Pelto P.J*. The Snowmobile Revolution: Technology and Social Change in the Arctic. Menlo Park (Calif.): Cummings Pub. Co., 1973. 225 p.

Rose et al. 2002 — *Rose D.B*., *D'Amico Sh*., *Daiyi N*., *Deveraux K*., *Daiyi M*., *Ford L*., *Bright A*. Country of the Heart. An Indigenous Australian Homeland. Canberra: Aboriginal Studies Press, 2002. 204 p.

Sahlins 1960 — *Sahlins M*. Evolution Specific and General // Evolution and Culture. Marshall D. Sahlins and Elman R. Service (eds). Ann Arbor (Mich.): University of Michigan Press, 1960. P. 12–44.

Sahlins 1972 — *Sahlins M*. Stone Age Economics. Chicago; New York: Aldine Atherton, 1972. 348 p.

Sahlins 2013 — *Sahlins M*. What Kinship Is — and Is Not. Chicago: University Press, 2013. 120 p.

Seppänen 1995 — *Seppänen S*. The Barents Region: An Emerging Market. Helsinki: Tilastokeskus, 1995. 99 p.

Shaw 2012 — *Shaw J*. Economies of Driftwood: Fuel Harvesting Strategies in the Kodiak Archipelago // Études/Inuit/Studies. 2012. Vol. 36. No. 1. P. 63–88.

Sheller 2014 — *Sheller M*. The New Mobilities Paradigm for a Live Sociology // Current Sociology. 2014. Vol. 62. No. 6. P. 789–811.

Sillanpää 2008 — *Sillanpää L*. Awakening Siberia: From Marginalization to Self-Determination: The Small Indigenous Nations of Northern Russia on the Eve of the Millennium. Helsinki: Dept. of Political Science, University of Helsinki, 2008. 612 p.

Siragusa, Arzyutov 2020 — *Siragusa L*., *Arzyutov D*. Nothing Goes to Waste: Sustainable Practices of Re-Use among Indigenous Groups in the Russian North // Current Opinion in Environmental Sustainability. 2020. Vol. 43. P. 41–48.

Sneath 2009 — *Sneath D*. Reading the Signs by Lenin's Light: Development, Divination and Metonymic Fields in Mongolia // Ethnos: Journal of Anthropology. 2009. Vol. 74. No. 1. P. 72–90.

Sokolov et al. 2016 — *Sokolov A.A*., *Sokolova N.A*., *Ims R.A*., *Brucker L*., *Ehrich D*. Emergent Rainy Winter Warm Spells May Promote Boreal Predator Expansion into the Arctic // Arctic. 2016. Vol. 69. No. 2. P. 121–129.

Ssorin-Chaikov 2003 — *Ssorin-Chaikov N.V*. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford (CA): Stanford University Press, 2003. 275 p.

Ssorin-Chaikov 2016 — *Ssorin-Chaikov N*. Soviet Debris: Failure and the Poetics of Unfinished Construction in Northern Siberia // Social Research. 2016. Vol. 83. No. 3. P. 689–721.

Ssorin-Chaikov 2017 — *Ssorin-Chaikov N.* Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Chicago: Hau Books, 2017. 150 p.

Ssorin-Chaikov 2019a — *Ssorin-Chaikov N.* Reassembling History and Anthropology in Russian Anthropology: Part I // Social Anthropology. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 320–335.

Ssorin-Chaikov 2019b — *Ssorin-Chaikov N.* Reassembling History and Anthropology in Russian Anthropology: Part II // Social Anthropology. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 336–351.

Stammler 2005 — *Stammler F.* Reindeer Nomads Meet the Market. Culture, Property and Globalisation at the "End of the Land." Berlin: Lit Verlag, 2005. 379 p.

Stammler 2009 — *Stammler F.M.* Mobile Phone Revolution in the Tundra? Technological Change among Russian Reindeer Nomads // Folklore. 2009. Vol. 41 (March). P. 47–78.

Star 1999 — *Star S.L.* The Ethnography of Infrastructure // American Behavioral Scientist. 1999. Vol. 43. No. 3. P. 377–391.

Stépanoff 2017 — *Stépanoff C.* The Rise of Reindeer Pastoralism in Northern Eurasia: Human and Animal Motivations Entangled // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 376–96.

Strathern 1992 — *Strathern M.* After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century. Cambridge: University Press, 1992. 260 p.

Strathern 2004 — *Strathern M.* Partial Connections. Oxford: AltaMira Press, 2004. 149 p.

Strathern 2018 — *Strathern M.* Relations // The Cambridge Encyclopedia of Anthropology / Ed. by F. Stein, S. Lazar, M. Candea, H. Diemberger, J. Robbins, A. Sanchez, R. Stasch. 2018. P. 1–13.

Tarde 1969 — *Tarde G.* On Communication and Social Influence. Selected Papers / Ed. by Terry N. Clark. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 332 p.

Tilley 1994 — *Tilley C.* A Phenomenology of Landscape — Place Paths and Monuments. Oxford; Providence: Berg, 1994. 221 p.

Trebilcock 1986 — *Trebilcock R.E.* An Australian in Siberia 1903 // La Trobe Library Journal. 1986. Vol. 10. No. 38. P. 35–39.

Uboni et al. 2016 — *Uboni A.*, *Horstkotte T.*, *Kaarlejärvi E.*, *Sévêque A.*, *Stammler F.*, *Olofsson J.*, *Forbes B.*, Moen J. Long-term Trends and Role of Climate in the Population Dynamics of Eurasian Reindeer // PloS One. 2016. Vol. 11. No. 6: e0158359.

Umbreit 1996 — *Umbreit A.* Arctic Tourism on Spitsbergen: History, Possibilities and Limitations // Barents. Spitsbergen. Arktika: Conference Proceedings / Ed. by V. F. Starkov, A.K. Stanyukovich. Barentsburg: Trust Arktikugol, 1996. P. 98–116.

Vaté 2013 — *Vaté V.* Building a Home for the Hearth: An Analysis of a Chukchi Reindeer Herding Ritual // About the Hearth: Perspectives on the Home, Hearth and Household in the Circumpolar North / Ed. by D.G. Anderson, R.P. Wishart, V. Vaté. New York; Oxford: Berghahn Books, 2013. P. 183–199.

Viken 2011 — *Viken A.* Tourism, Research, and Governance on Svalbard: A Symbiotic Relationship // Polar Record. 2011. Vol. 47. No. 4. P. 335–347.

Villarrubia-Gómez, Cornell, Fabres 2018 — *Villarrubia-Gómez P.*, *Cornell S.E.*, *Fabres J.* Marine Plastic Pollution as a Planetary Boundary Threat — The Drifting Piece in the Sustainability Puzzle // Marine Policy. 2018. No. 96 (October). P. 213–220.

Vlakhov 2019 — *Vlakhov A.* Mobility, Telecommunication and Energy Regimes in Svalbard. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci. 2019. Vol. 12. No. 8. P. 1506–1521.

Wells 1921 — *Wells H.G.* Russia in the Shadows. New York: George H. Doran, 1921. 179 p.

White 1943 — *White L.* Energy and the Evolution of Culture // American Anthropologist. 1943. Vol. 45. No. 3. Part 1. New Series. July–September. P. 335–356.

White 1949 — *White L.A.* The Science of Culture: A Study of Man and Civilization. New York: Farrar, Straus, 1949. 502 p.

White 1986 — *White L*. History, Evolutionism and Functionalism: Three Types of Interpretation of Culture // Journal of Anthropological Research. Vol. 42. No. 3. Approaches to Culture and Society (Autumn 1986). P. 225–238.

Willerslev 2007 — *Willerslev R*. Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood among the Siberian Yukagirs. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2007. 230 p.

Willerslev 2013 — *Willerslev R*. "The One-All": The Animist High God // The Handbook of Contemporary Animism / Ed. by G. Harvey. Durham: Acumen. 2013. P. 275–283.

Winther 2008 — *Winther T*. The Impact of Electricity: Development, Desires and Dilemmas. New York: Berghahn Books, 2008. 256 p.

Yamin-Pasternak 2008 — *Yamin-Pasternak S*. From Disgust to Desire: Changing Attitudes toward Beringian Mushrooms // Economic Botany. 2008. Vol. 62. No. 3. P. 214–222.

Yamin-Pasternak et al. 2014 — *Yamin-Pasternak S*., *Kliskey A*., *Alessa L*., *Pasternak I*., *Schweitzer P*. The Rotten Renaissance in the Bering Strait: Loving, Loathing, and Washing the Smell of Foods with a (Re)Acquired Taste // Current Anthropology. 2014. Vol. 55. No. 5. P. 619–646.

Zamyatina, Yashunsky 2017 — *Zamyatina N*., *Yashunsky A*. Migration Cycles, Social Capital, and Networks: A New Way to Look at Arctic Mobility // New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions / Ed. by M. Laruelle. London: Routledge, 2017. P. 59–84.

ФИЛЬМЫ

Ходатаев Н.П., Ходатаева О.П., Брумберг В.С., Брумберг З.С. (реж.). Самоедский мальчик. Совкино, 3-фабрика. Мультфильм. 1928 (IMDb ID 2111403).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АААГОЭ — Архив администрации городского округа Эгвекинот
АИИАЭНДВ ДВО РАН — Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
АИЭА РАН — Архив Института этнологии и антропологии Российской академии наук
АМАЭ РАН — Архив Музея антропологии и этнографии Российской академии наук
АНИС — Арктический научно-исследовательский стационар
АНП РЦОА — Архив НП «Российский центр освоения Арктики»
АПЦРГО-ОИАК — Архив Приморского центра Русского географического общества — Общество изучения Амурского края
БАМ — Байкало-Амурская магистраль
ВГО — Всесоюзное Географическое общество
ГААО — Государственный архив Амурской области
ГАЯНАО — Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехард
ГЛАВСЕВМОРПУТЬ — Главный северный морской путь
ГМИР — Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург
ГМК — горно-металлургическая компания
ГОЭЛРО — Государственная комиссия по электрификации России
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ГУП — государственное унитарное предприятие
ДАЛЬГИЗ — Дальневосточное государственное издательство
ДВНЦ АН СССР — Дальневосточный научный центр Академии наук СССР

ДорНИИ — Дорожный научно-исследовательский институт, Москва
ДЭС — дизельная электростанция
ЖКХ — жилищно-коммунальное хозяйство
ИИАЭ ДВО РАН — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
ИНС — Институт народов Севера
ИОКМ — Иркутский областной краеведческий музей
ИП — индивидуальный предприниматель
ИПА — Издательско-полиграфическое агентство
ИРГО — Императорское русское географическое общество
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
КМНЧ — коренные малочисленные народы Чукотки
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
КФХ — крестьянское фермерское хозяйство
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МИСК — Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева
МОП — муниципальное оленеводческое предприятие
МУП — муниципальное унитарное предприятие
НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия
НАТО — Организация Североатлантического договора, Североатлантический альянс (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НИИГ СПбГУ — Научно-исследовательский институт географии Санкт-Петербургского государственного университета
НИР — научно-исследовательская работа
НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ОАО — открытое акционерное общество
ОГИ — Объединенное гуманитарное издательство
ООН — Организация Объединенных Наций
ООО — общество с ограниченной ответственностью
ПМА — полевые материалы автора
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЭ — Российский государственный архив экономики, Москва
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
РосДорНИИ — Российский государственный дорожный научно-исследовательский институт, Москва
РОССПЭН — Российская политическая энциклопедия
РУДН — Российский университет дружбы народов
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
СВНЦ ДВО РАН — Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения Российской академии наук
СВФУ — Северо-Восточный федеральный университет
СНК СССР — Совет народных комиссаров СССР
СПб — Санкт-Петербург
СПбГАК — Санкт-Петербургская государственная академия культуры (ныне — Санкт-Петербургский государственный институт культуры)

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
СПГ — сжиженный природный газ
ТИЭ — Труды Института этнографии
УАЗ — Ульяновский автомобильный завод
ФСГС РФ — Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЦГАНТД СПб — Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет Союза Советских Социалистических Республик
ЦК ВКП (б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦСУ СССР — Центральное статистическое управление СССР
ЧИОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЮТЛУ — Южно-Тамбейский лицензионный участок
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ
ЯНЦ СО РАН — Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
LTS — Large Technological Systems
SGEM — Multidisciplinary Scientific GeoConference

SUMMARY

Davydov V.N., Arzyutov D.V., Bereznitskii S.V., Vlakhov A.V., Volkovitskii A.I., Goncharov N.S., Davydova E.A., Klokov K.B., Sirina A.A., Terekhina A.N.
Energy of the Arctic and Siberia: The Use of Resources in the Context of Socio-Economic Changes / Ed. by V.N. Davydov. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 2020.

This book is the result of research by the team of scientists carried out within the project "Energy of the Arctic and Siberia: The use of resources in the context of socio-economic and environmental changes", supported the Russian Science Foundation (2018–2020, project No. 18-18-00309). All project participants are experienced field researchers who tried to present in this work their observations of the interaction of various local groups in the Arctic and Siberia with resources. On the one hand, resources and the process of gaining access to them require some effort. On the other hand, resources are essential to replenish and accumulate energy reserves. The process of finding, accumulating and use of resources is an incessant cycle, which is an integral part of human survival in the harsh climatic conditions of the northern regions. At the same time, energy does not exist for the indigenous people of the Arctic and Siberia as something abstract. It allows them to move, provides warmth, saturates, gives light and provides the necessary optimism that makes people creative and confident. The main research focus of this work is the analysis of various local resources in the context of changing technologies of their use.

The participants of the research project attempted to consider energy processes as part of the daily interaction of multiple actors. Exchange practices, skills in search, extraction, accumulation, conservation and transportation of resources develop the energy potential of the local community. The relationship between a human and landscape plays an important role in the appropriation of the resources of the Arctic and Siberia. One side of this relationship is a constant movement of people and material objects. The book analyzes local strategies for adaptation, energy conservation and multifunctional use of things (Golovnev et al. 2018): the same material object can be employed for a whole set of operations, that saves energy within mobility and daily work. This strategy also allows a more practical use of the living as well as storage space and decreases the number of material objects in certain locations.

The study of the models of distribution and production of energy in the Arctic and Siberia enables us to analyze modern socio-economic processes at a qualitatively new level. The data summarized in the monograph, collected by the authors in various regions, allowed them to consider the problem of changing materiality not as a completed result, but as an energy process. The authors of this work interpret energy as the possibility of active actions that appears in the context of multiple interactions, as well as creative synthesis, which involves the use of a whole set of sources, taking into account the spatial organization and system of material objects' movements. The Arctic and Siberia are not the territory of experiments carried out by external forces, but it is the space of a creative synthesis, which has a great potential for maintaining and transforming energy processes with the help of local community initiatives.

The monograph includes eight chapters, each of which focuses on the practices of the use of local resources, as well as the processes of obtaining, keeping, distributing and consuming energy. The authors tried to summarize the key aspects of the extraction, production, accumulation and consumption of resources by representatives of indigenous people using the example of their own field materials, as well as archival data.

Chapter 1 (*S.V. Bereznitskii*) observes the main ethnocultural characteristics of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the field of ethnic history, ethnic contacts, the specifics of the mechanisms of extracting energy in the surrounding landscape, flora and fauna and its further use in their economic activities. The author analyzes the specific ethnographic examples by employing the theoretical approaches developed by the Russian and foreign scientists (S.A. Arutiunov, I. Cohen, K. Levi-Strauss, M. Salinz and others). The chapter provides examples from the fieldwork conducted by the author in the Russian Far East (Sakhalin Island, Chukotka and Khabarovskii Krai).

Chapter 2 (*K.B. Klokov*) examines one of the key sectors of the economy of the northern indigenous groups — reindeer husbandry, which was for many groups in the Arctic and Siberia the most important resource to survive. The author analyzes the multidirectional trends that characterize Russian reindeer husbandry. Investigation of this problem is important for not only understanding the tendencies led to the transformation of environmental management systems, but also from a practical point of view, since reindeer husbandry is a target of the state support that requires relatively large financial investments. Analysis and comparison of the dynamics of regional models of reindeer husbandry helps to identify general patterns in the practices of using natural resources by indigenous people. The chapter employs the results of ethnological research in various reindeer-breeding regions of Russia, which the author has conducted over the past 10 years.

Chapter 3 (*A.N. Terekhina, A.I. Volkovitskii*) is based on the fieldwork data gathered among the Nenets reindeer herders in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug in 2015–2020. The authors rely on a micro-regional approach to interprete the current trends in the use of resources by the local tundra collectives. The chapter analyzes the situation in the three micro-regions identified by the authors — "Mordy-Iakha",

"Iorkuta" and "Sabetta". They examine how local people get the access to resources and what impact their use has on the strategic and tactical decisions in the context of nomadic movements.

Chapter 4 (*D.V. Arzyutov*) deals with energy as a "social matter" having synchronic and diachronic dimensions. It is is based on the long-term fieldwork in the Yamal Peninsula and Kolguev Island, as well as the detailed analysis of archival collections. The author examines three key energy resources for Nenets nomads: driftwood, petrol, and electricity. He argues that human-environmental relationship in the tundra could be also seen as a long-term and dynamic "energy taming" through the local skills, diplomacy with "outsiders", and deep knowledge of the land.

Chapter 5 (*A.A. Sirina*) is based on an extensive field research in Eastern Siberia, archival and literary materials, as well as the analysis of the information from media sources. The chapter examines forest fires — one of the most important phenomena affecting the economic activities of the Evenkis living in the taiga, as well as the resources they use. Most Evenkis practice sustainable use of natural resources based on traditional ecological knowledge. The chapter describes in detail the knowledge of the inhabitants of the taiga in relation to the practical use of fire. However, the author proves that it would be wrong to regard Evenkis as ideal agents of the environmental management, whose life and worldview stayed unmodified by global processes. In modern conditions, the state plays an important role in human-environment relations. The maintenance of a dialogue and a cooperation with the state is not just a reflection of the special form of relations between Evenkis and the world, but the most important strategy for preserving local patterns of natural resources utilization. Evenkis maintain a network of relationships not only with forests, animals, plants and local spirits, but also with the state represented by local and federal authorities, as well as with representatives of economic structures.

Chapter 6 (*N.S. Goncharov*), using the example of field research done in 2019 in the Allaikhovskii ulus of the Sakha (Yakutia) Republic, shows how the "density" of numerous connections and relationships form the local social landscape. The "density" of various connections between the subject, object and other actors serves as the energy background leading to the formation of sustainable models of resources' appropriation by local people. The author analyzes how the objects of everyday interactions fill and structure the everyday life of local people and participate in the creation of social groups, roles and ways of how humans interact with each other and with surrounding landscape. The chapter concludes that the potential of resources can unfold over time, through a change in political, economic, climatic circumstances and via the creative thinking concerning the possible ways of energy utilization.

In **Chapter 7** (*V.N. Davydov, E.A. Davydova*) employs the materials collected in the Iul'tinskii raion of Chukotka in 2017–2019 to discuss the problem of the autonomy of local communities and the ways to maintain it via the intensive use of available resources. The focus of this text is the question of how local people create additional opportunities for space appropriation with the use of infrastructure (including the imported and self-made modules) for storage and transportation of objects and food.

The authors approach the use of self-made structures as a technology of accumulating energy in the conditions of remoteness. They analyze how, pendulum movements, the existing system of exchange, as well as the use of infrastructure, help local people in Chukotka maintain their food autonomy (the ability to independently supply themselves with food) in the conditions of remoteness.

Chapter 8 (*A.V. Vlakhov*) uses the field data collected in the Barents Region (Murmansk Oblast', Svalbard). The author tries to answer the question of what role the state border and borderland plays in the processes of post-industrial transformation in the Arctic, as well as what impact they have on local communities and the sociocultural and energy processes. He concludes that the existence of the border, together with the practices of crossing it, frame local people's perception of the future.

The authors of the monograph do not intend to describe all the possible problems associated with energy processes. The goal of this work is to raise a set of the key questions to provide a fresh look at the use of energy and resources by representatives of local communities in the Arctic and Siberia. The authors of this book consider energy not only and not so much as the result of the actions of mining companies, but rather as a non-stop process of obtaining and consuming resources by local people in the context of multiple social interactions. The purpose of this monograph is to draw the attention of researchers to the study of the daily practices of resources' utilization by indigenous people focusing on the micro-energetic processes which have played a key role in the appropriation of the vast territories of the Arctic and Siberia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдов Владимир Николаевич — к.социол.н., PhD., заместитель директора по научной работе, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)
e-mail: davydov@kunstkamera.ru

Арзютов Дмитрий Владимирович — к.и.н., соискатель ученой степени PhD., Королевский технологический институт (Стокгольм, Швеция); почетный научный сотрудник кафедры антропологии Университета Абердина (Великобритания); Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург) (по договору)
e-mail: arzyutov@kth.se

Березницкий Сергей Васильевич — д.и.н., заведующий отделом этнографии Сибири, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)
e-mail: bereznitsky@kunstkamera.ru

Влахов Андриан Викторович — научный сотрудник факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург) (по договору)
e-mail: avlakhov@gmail.com

Волковицкий Александр Игоревич — младший научный сотрудник Арктического научно-исследовательского стационара Института экологии растений и животных УрО РАН (Лабытнанги); ассоциированный научный сотрудник Центра арктических и сибирских исследований Социологического института ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)
e-mail: vlk73@mail.ru

Гончаров Николай Сергеевич — младший научный сотрудник отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)
e-mail: nikola.gon4arov@yandex.ru

Давыдова Елена Андреевна — к.и.н., научный сотрудник отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)
e-mail: elenav0202@gmail.com

Клоков Константин Борисович — д.г.н., профессор каф. региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург) (по договору)
e-mail: k.b.klokov@gmail.com

Сирина Анна Анатольевна — д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии РАН; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург) (по договору)
e-mail: annas@iea.ras.ru

Терёхина Александра Николаевна — младший научный сотрудник Арктического научно-исследовательского стационара Института экологии растений и животных УрО РАН (Лабытнанги); Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург) (по договору)
e-mail: terekhina.yamal@gmail.com

Научное издание

Энергия Арктики и Сибири:
использование ресурсов
в контексте социально-экономических изменений

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Редактор *Н.Н. Щигорева*
Корректоры *А.Е. Танчарова*, *И.И. Чернышева*
Компьютерная верстка *О.В. Волкова*

Подписано в печать 01.12.20
Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
Усл. п. л. 25,5. Усл. кр.-отт. 30,2. Уч.-изд. л. 25,0
Тираж 300 экз.

ООО «Издательство восточной литературы»
127051, Москва, Петровский бульв., д. 3, стр. 2

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»
196084, г. Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака,
дом № 28, литера В, помещение 3Н

ISBN 978-5-6044950-6-3